ВИКИ ПЕТТЕРСОН

ХОЛОД СТРАХА

АРОМАТ ТЕНЕЙ

«Черные звезды»
жанра черной мистики!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Зодиак» и «Теневой Зодиак».

Тайные общества, веками противостоящие друг другу.

Члены «Зодиака» снова и снова, пытаются спасти мир от сил Тьмы — а с ними ведут непрестанную, безжалостную войну адепты Зла из «Теневого Зодиака».

Так было — и хрупкое равновесие между силами Спета и Тьмы пока что удавалось сохранить.

Но теперь выросла Джоанна Арчер — девушка, в душе которой в равной степени смешались Свет и Тьма.

Она только-только начинает осознавать дремлющую в ней силу — и пока еще даже не подозревает, что от того, на чью сторону она встанет, зависит исход войны между двумя «Зодиаками»…

- Вики Петтерсон
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- 27
- 28
- 29
- 30

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

Вики Петтерсон
Аромат теней

1

На первый взгляд он не казался опасным. Девушка на первом свидании не бывает слишком осторожной, но я все же настояла на том, чтобы мы с мистером Сэндом встретились в популярной бифштексной, расположенной в казино, в самом центре лас-вегасской «Полосы».[1] Мне казалось, что из всех многолюдных мест это самое многолюдное. Но теперь, наблюдая, как тени от приглушенного освещения заполняют нездоровые ямы у него под глазами, как он играючи расправляется с голубым сыром и салатом из эндивия, я решила, что самое зловещее в мистере Сэнде — его глубочайший самоконтроль, а самое большее, что мне угрожает — смерть от скуки. Конечно, тогда я его еще не знала. Это было еще до моей смерти на следующий день.

В тот момент я понятия не имела об истинных намерениях мистера Сэнда — не то что сейчас. К тому же, разве бывают маньяки-убийцы с лошадиным лицом и без всякого представления о моде? Вдобавок он был тощим: кадык покачивался, как буек, над воротником его отутюженной рубашки, а на пальцах и запястьях проступали кости. Икабод Крейн[2] в плохо сидящем костюме. Не очень устрашающее зрелище.

Оглядываясь назад, я думаю, что еще одним очком не в сю пользу было ими,

— Аякс? повторила я, когда принесли суп, не будучи уверенной, что расслышала верно.

Он кивнул и взял ложку, хотя я обратила внимание, что он ею не пользуется.

— Аякс.

— Как очиститель?

Он напряженно улыбнулся.

— Как греческий воин.

Ничего себе.

Проклиная сестру за еще одно свидание вслепую — и себя за то, что согласилась, — я тем не менее постаралась не расстраиваться. Этот по крайней, мере может ходить, не волоча кисти рук по земле. И если как женщина я отшатнулась при первом же взгляде, то как у фотографа во мне проснулся интерес.

Я попыталась представить себе Аякса в офисе банка — он уже сообщил мне, что мировые финансы без него развалятся, но не могла вообразить его сидящим за столом: слишком много латентной энергии в его змеиных жестах. Пальцы его сплетались и расплетались, костлявые локти на секунду приподнимались и

тут же опускались на стол, а глаза обшаривали обеденный зал, замечая все, но ни на чем не останавливаясь. Я решила, что мне хочется запечатлеть эти непрерывные движения своим фотоаппаратом. Получить возможность остановить эти бегающие глазки. Увидеть, каким станет мистер Сэнд в двух измерениях вместо трех.

Он выглядел так, будто знал, о чем я думаю.

Именно его глаза подали мне первый сигнал красной тревоги. Я имею в виду не их цвет — голубой, такой светлый, что казался почти прозрачным, — а то, как они старались овладеть мной. Я облизала губы, и Аякс уставился на мой язык. Я провела рукой по волосам и почувствовала, как он следит за моими жестами. Набрала воздуха в грудь, заставляя себя успокоиться, и почему-то эти мои усилия вызвали у него улыбку.

Признаюсь, я занервничала, ведь я узнала этот голодный взгляд. Я видела его однажды, задолго до того, как начала ходить на свидания. И надеялась больше никогда не встретить.

— Так чем вы зарабатываете на жизнь? — спросил Аякс, наконец нарушая молчание. — То есть я хочу сказать, что вы ведь не живете только на деньги папочки?

За этим последовал неглубокий — «всего лишь шутка» — смешок, которому противоречило то внимание, с каким он наблюдал за мной.

Я провела пальцами по ножке бокала, думая, скоро ли Аякс заметит, что у меня руки не дебютантки высшего света, а бойца.

— Я фотографирую.

— Свадьбы, моделей и тому подобное?

— Людей. Формы. Фигуры. Обычно ночные съемки при естественных освещении и обстановке. Реальность.

— Значит… — произнес он, протянув это слово, — это вам денег не приносит?

— Пока нет.

Он посмотрел на меня так, словно мне следовало извиниться.

Все-таки, наверно, он банкир.

— Похоже на напрасную трату времени, — заметил он и отвернулся.

Его насмешка задела меня больше, чем следует. Обычно я не обращаю внимания на то, что думают люди, но позже, глядя на мир через объектив, оценивая достоинства людей, мест и предметов в терминах света и тени, черного и белого, я не испытываю удовлетворения, какое хотела бы. Недавно я занялась автопортретом: фотографировала свои костяшки, постоянно мозолистые и покрасневшие он непрерывных ударов по нейлоновым боксерским грушам, или глаза — правый или левый,

редко оба, рыжевато-коричневые, цвета земли, днем, но чернеющие, как закрытое облаками озеро, в темноте или когда я очень сержусь.

Вместо того чтобы отыскивать врагов в лицах незнакомых людей, я повернула камеру на себя, и мне не нужен

Фрейд или даже доктор Фил,[3] чтобы объяснить, что я нахожусь в поиске. Вопрос в том, поправится ли мне то, что я когда-нибудь найду.

— С другой стороны, банковское дело, — начала я вежливо, как только официант поставил перед нами второе, — звучит захватывающе. Пожалуйста, не пропустите ни малейшей подробности.

Рот Аякса стал тоньше его пробора.

— Боже, мне следовало сразу понять, что вы совершенно не похожи на свою сестру.

Я не считаю это оскорблением, но почувствовала, что глаза мои темнеют, как смола.

— А откуда вы знаете, какова моя сестра?

— Я читал в «Плейбое» о ней статью, — мерзким голосом ответил он и сунул в рот шафрановый картофель.

Я в свою очередь положила вилку на край тарелки. Так вот оно что.

Хотя фигуры у нас почти одинаковые, мы с моей сестрой Оливией совершенно по-разному воспринимаем свой пол и свою жизнь. Номер, о котором говорил Аякс, вышел месяца три назад, и хотя я не одобряю откровенное отношение Оливии к сексуальности, я понимаю ее причины. Как ни иронично, они те же, что и у меня.

Этот добрый старина Аякс, вероятно, читал и недавнюю статью о семейной империи Арчеров в журнале «Состояния и судьбы».

«Не обладая острым деловым чутьем своего отца, игорного магната Ксавье, и замечательной социальной активностью своей великолепной сестры Оливии… вообще не обладая заметными положительными качествами, мисс Джоанна Арчер тщательно сторонится своего общественного долга в качестве одной из богатейших наследниц планеты, меняя его на фривольность и эгоизм».

Эгоизм я могла понять, но фривольность? Те люди, что ведут колонки о частной жизни других людей, словно пережили операцию на мозге.

Похоже, все-таки не сестра дала мой номер Аяксу. Скорее всего, Оливия с ним вообще не знакома. Очевидно, он встречается с теми, кто выглядит и ведет себя, как герои «Плейбоя», и

надеется, что их наследством может перейти к нему, что у него есть шанс с паршивой овцой семейства Арчеров.

«Ошибаешься, Аякс, — подумала я, беря свой бокал. — Во всех отношениях».

— Послушайте, — сказал он, с таким видом, словно говорил о покупке ценных бумаг, — я приехал в Вегас, чтобы хорошо провести время. И подумал, что отыщу вас, потому что у нас общие интересы…

Вроде моих денег.

— … и вы согласитесь показать мне город. Вот и все. Почему бы нам немного не развлечься?

Я молча посмотрела на него, и тогда он с такой силой опустил костлявые локти на стол, что подпрыгнули тарелки, и отказался от всяких претензий на вежливость.

— Отлично. Почему бы тебе не показать, что ты обладаешь чувством юмора?

— Могла бы показать, — ответила я, медленно, кивая. — Но тогда мне пришлось бы смеяться с того момента, как ты вошел.

Видите? У меня чувство юмора не хуже чем у кого угодно.

— Сука.

Я опешила, услышав яд в его голосе, пораженная тем, как глубоко задели его мои слова. Но, по-видимому, короткий фитиль был зажжен задолго до того, как я появилась.

— Что случилось, Аякс? Дела не идут согласно плану? Попробую угадать. Ты в Вегасе в своего рода паломничестве, чтобы хоть на один уикэнд забыть, каким разочарованием для тебя обернулась жизнь, а злобная порочная Джоанна Арчер все испортила. Я права?

У меня есть такая способность — я считаю ее даром, — сразу нащупывать больное место человека. Я оттачивала эту способность на споем больной душе и прессе. Не очень красиво, я знаю, но в нашей семье Оливия — Мисс Конгениальность.

Пока я говорила, змеиные черты лица Аякса менялись, и теперь он выглядел как рассерженный питон.

— Спасибо за сеанс психоанализа, крошка, — проронил он, — но мне от этого уикэнда нужно было только немного легкого секса.

Вероятно, предполагалось, что в этом месте я выплесну ему в лицо содержимое бокала, но я этого не сделала. «Шато Лё Пан» мне нравится, и я лишь глотнула вина урожая восемьдесят второго года, которое заставила заказать Аякса.

— И что же? Разве твоя мать не подходит?

Голова Аякса дернулась, словно я его ударила, и неожиданно передо мной оказался совсем другой человек. Он стал таким,

каким я его себе представляла на снимке — мужчина, которому удобно в своем обличье, воин, оправдывающий имя, которое ему дали. Удивительно, но я мигнула первой.

— Ты любишь спорить, — сказал он, и это не было вопросом. — Любишь сражаться.

Он прав, люблю. И вдруг я потеряла уверенность в том, что знаю, кто передо мной.

— Еще раз оскорбишь мою мать, — хрипло прошептал он, — и будешь биться за свою жизнь.

И словно молния разрезала позолоченное помещение, пролетела под скошенным потолком и щелкнула между нами, будто клыками. Воздух превратился в живой проводник, настенные светильники, даже свечи на столе замигали, и невидимая сила сосредоточилась на нас, высасывая энергию из зала и направляя ее к нам; я почти потеряла способность дышать. В самом центре этой бури я видела, как тонкая кожа, покрывающая кости Аякса, растаяла, и от его лица остались только кости, зубы и глубокие впадины глаз. Гладкий череп улыбался мне через стол, глаза горели, а из разинутого рта вырвался вопль баньши.

Я уже было вскочила, на спохватилась, взяла себя в руки, замигала — и вернулся костлявый стареющий банкир, благожелательно смотревший на меня. Никто вокруг не двинулся. Никто не закричал. Из искусно скрытого проигрывателя доносилась негромкая классическая музыка, и ровный гул разговоров и стук посуды отправили в небытие вопль, все еще звучавший у меня в сознании. Стол не был расколот или обожжен, и свеча мягко мерцала между нами.

Аякс усмехнулся, голос его рокотал в тощей груди, как гром.

Я смотрела на него, но между нами словно повис невидимый занавес: я не чувствовала Аякса. Ни оскорбленного эго, ни больного места, на которое можно было бы надавить. Похоже, мой интуитивный дар меня совершенно покинул. Но одно я знала точно: этот облик невинного туриста — только видимость. Сидящий напротив меня человек жесток, возможно, безумен, и точно очень опасен.

— Что случилось, Джоанна, дорогая? Видения? Может, что-то напомнило тебе горячую летнюю ночь? Может, тени, набрасывающиеся на тебя из пустыни?

По спине у меня пробежала дрожь, и впервые за очень долгое время я растерялась и не представляла, что делать. Превратилась в застывшего зайца под его взглядом, а Аякс просто ждал, как опытный хищник.

«Можно позвать метрдотеля или службу безопасности, —

подумала я. — Приказать вышвырнуть Аякса из ресторана и казино и никогда не впускать больше. Хотя какую причину я могу назвать? Что у меня неудачное свидание? Что человек, сидящий передо мной, только что выглядел скелетом? Что под его вялой, стареющей внешностью таится чудовище? Или что он знает обо мне то, чего не должен?»

— А ведь я говорил им, что это ты. — Он наколол на вилку высохший «черный энгус».[4] — Мне не поверили, заявили, что это было бы слишком просто. Все стало ясно, как только ты вошла.

Я заставила себя сосредоточиться на лом.

— Понял по запаху?

— Да. Ты благоухаешь, как пустынная мята в цвету после летней бури. — Он сморщил нос, и лицо его снова приобрело высокомерное выражение. — Но ты сама даже не знаешь этого, верно? Тебе не объяснили, кто ты, ничего не сказали о твоем происхождении. Тебя бросили, как беспомощного младенца, у которого нет даже возможности пососать молоко.

Он рассмеялся и наклонился еще ближе, сокращая расстояние между нами. Я подавила стремление бежать из зала, как испуганный ребенок, и осталась на месте. Как он заметил, я боец.

— Я собираюсь дать тебе кое-что еще для психоанализа, Джоанна Арчер. Вероятно, это самое важное, что тебе приходилось слышать, поэтому будь внимательна. — Он облизал губы, не отрывая от меня взгляда. — Феромоны. Знаешь, что это такое?

Ошеломленная сменой темы, я тем не менее сумела небрежно пожать плечами.

— Химические вещества. Запахи, которыми животные привлекают представителей своего вида. И что?

— Не только. Других видов тоже. Даже врагов. — Последнее слово он произнес медленно, выпуская слоги так, как священник вкладывает облатку.

Я смотрела на его тонкие губы, гадая, к чему он клонит, какое это имеет отношение ко мне и каким образом я стала врагом человека, которого никогда раньше не встречала. Неужели Он настолько чувствителен в отношении своей матери?

— Понимаешь, Джоанна, в твоей биологической смеси есть дополнительный компонент. Он, конечно, слабый, не полностью развившийся, но он есть. Как роза, еще не превратившаяся из почки в цветок. Или… — Он помолчал, глубоко вздохнул и медленно, словно с наслаждением, выдохнул. — … или как невидимый след страха, который оставляет за собой лиса, когда чувствует преследование.

Мой пульс забился горячо и быстро. Может, они демон, потерявший аппетит, но меня он не заставит думать о преследовании и преследователях. Почти всю жизнь я была или тем, или другим, и для меня это повод искать ссоры размером с целый штат.

— Понимаешь, — продолжил он, — я как собака, которая рвется в погоню, и нюх у меня такой, что поведет на край света. — Он спокойно улыбнулся. — Догадайся, кто в таком случае ты.

— Хозяйка собаки?

Улыбка исчезла с его лица, и вдоль стен снова загремел гром. Но на этот раз я была готова и не дрогнула. Аякс открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Вместо этого сделал глоток из своего бокала, лениво покрутив вино в хрустале. Я смотрела, привлеченная единственной кровавой каплей на его бледной нижней губе. Губы зашевелились.

— Урок номер один. Знай своего врага.

И он подул на меня. С запахом старого бордо смешалось такое зловоние, что у меня к горлу подступила желчь. Такое ядовитое зловоние, такая концентрация гнили, что мне обожгло слизистую оболочку носа. Я закашлялась, прикрывая рот, но взгляд не отвела, пытаясь понять, что говорит мне нос. Это Аякс. Он каким-то образом выпускает или выплевывает в меня свою суть. И мой нос, который никогда не был таким чувствительным, сообщает мне, что внутри он мертв. Разлагается прямо у меня на глазах.

— Теперь ты хорошо меня знаешь… и куда я направляюсь, и где был. — Он снова улыбнулся, и его улыбка была такой же протухшей и испорченной, как отравленное дыхание. — И стоит тебе подумать обо мне, как ты почувствуешь мой запах.

Я заставила себя проглотить желчь.

— Это будет связь между нами, — заявил он, неприлично но подмигивая. — Мой подарок тебе.

— Не понимаю, о чем ты. — Я все еще закрывала рот рукой и на самом деле не понимала, но неожиданно почувствовала его запах повсюду. Почему я не ощущала этого несколько секунд назад? И как кто-нибудь может поглощать пищу в месте, где все пропахло смертью и разложением?

— Не знаешь, правда? Тем большее наслаждение я получу, когда убью тебя. — Пальцы его сплетались, расплетались. — Люблю убивать невинных.

Я медленно отняла руку от лица. Меня в жизни называли по-всякому, но невинной — ни разу. Тем более в пассивном смысле.

— И как именно ты собираешься это сделать?

— Правой рукой, — ответил он, довольный, что я спросила. — И зазубренной кочергой у меня под пиджаком.

Он отвел полу пиджака, и мое дыхание застряло где-то между горлом и грудной клеткой. Мне в свете свечи подмигнуло длинное, как шпага фехтовальщика, лезвие с многочисленными остриями. Аякс опустил лацкан. Вокруг продолжали гудеть посетители — такой контраст по сравнению с тишиной и неподвижностью, пронизавшей каждую клетку моего тела. Я подняла глаза, и на этот раз мне даже не пришлось мигнуть. Передо мной было чудовище. Хотя видеть его могла только я.

— А теперь вставай, — велел он, — и медленно иди к выходу.

— Еще чего!

Я ни за что не позволю этому молодчику оказаться у меня за спиной… все инстинкты кричали мне, что нужно убираться, и побыстрей. Я могу перегнать его: он не выглядит таким быстрым, но ведь и спятившим не выглядел.

— Вставай, — повторил он громче, — или я перебью всех в этой комнате, начиная с женщины у меня за спиной.

Я посмотрела на эту женщину — маленькую блондинку с модной прической, такой что ее нежная белая шея была обнажена. Блондинка сидела к нам спиной, наклонив голову и зайдясь в беззвучном смехе. Своим тонким колючим лезвием Аякс может перерезать ей горло, так что она даже вдохнуть еще раз не успеет.

Ее спутник, красивый мужчина с блестящими глазами, заметил мой взгляд и улыбнулся. Я опустила глаза. У него была внешность человека, не знакомого с насилием; у меня во взрослой жизни никогда не было такого вида. И сомневаюсь, чтобы у моего партнера по столику тоже.

— А мне все равно, — солгала я, возвращая взгляд Аяксу. Он рассмеялся, как будто мы тоже наслаждаемся приятным вечером в обществе друг друга.

— Нет, конечно. Именно поэтому ты хороший парень, а я — плохой. — Улыбка исчезла с его лица, и он приказал: — А теперь поднимай свой зад со стула.

Я продолжала сидеть.

Гладкие белые кости за его щеками сверкнули. Слегка зашелестела ткань, безошибочно звякнуло оружие, высвобожденное под столом, и плечо Аякса начало поворот, который завершился бы смертельным ударом. Живот у меня свело, но я продолжала сидеть неподвижно. Аякс заворчал, и это был предупреждающий, выжидательный звук.

— Подожди, — попросила я, видя, как напряглись его мышцы. Он смотрел на меня своими бездушными глазами, и я

знала, что он это сделает. Убьет эту женщину не моргнув глазом, и мужчина напротив нее никогда больше не сможет улыбаться.

— Видишь? — негромко произнес Аякс. — Я же говорил, что ты из добрых парней.

Я ничего не ответила, только поднялась со стола, не отрывая от него взгляда. А потом сделала то, чего даже сама не могла предвидеть: взяла бокал, поболтала в нем вино и поднесла к губам.

Возможно, сказалась напряженность момента, а может, урок Аякса по усвоению запахов достиг цели, Но аромат, который я вдохнула, был самым сложным, самым живым, самым богатым, какой мне приходилось встречать. Я чувствовала запах глины с горного склона во Франции, где рос виноград, и то, что винодел постоянно брал пробу из бочонка стальной ложкой, чтобы его нёбо точно определило, когда надо разливать вино по бутылкам. Я вдыхала все это — что не должна была чувствовать, и оно становилось частью меня, это знание проникало до мозга костей.

Я пила вино, почти в экстазе, как святые, которых можно увидеть на потолке кафедральных соборов, как мученики, в надежде глядящие на небо в свой последний момент пребывания на земле. И все это время Аякс следил за мной своими мертвыми глазами, как будто мог точно сказать, что я вижу и ощущаю. Я опустила бокал и дунула в направлении Аякса.

Он застыл, лоб его тревожно наморщился. Не знаю, что он распознал во мне тогда, но не страх, как, очевидно, ожидал. Однако он сохранил уверенное выражение лица и кивком указал на дверь. Не желая оставлять вино, в котором было так много жизни и страсти, я забрала с собой бокал и, поглаживая его ножку, как монахиня перебирает четки, медленно пошла к выходу.

Отель и казино «Валгалла» похожи на остальные драгоценности в короне гигантской игорной корпорации. Масса развлечений, отличный стол и вышколенные служители, готовые осуществить любое желание тех, кто бродит под кричащими огнями между щелкающими машинами и игровыми полями. И все навязчиво сосредоточено на теме викингов; конечно, пока все это не мешает главному — отдавать людям свои деньги. И то, что «Валгаллой» владеет мой отец, ничего в этом не меняет.

Но это, однако, означает, что меня узнают, считаются со мной, ко мне часто обращаются те, кто здесь работает, и именно на это я надеялась, выйдя в фойе ресторана и остановившись перед главным входом в казино. Может, кто-нибудь особо подозрительный заметит, как собственнически держит меня за левую руку Аякс. Или, может, я смогу, проходя мимо камер

наблюдения, дать знать охране: внутренняя система наблюдения здесь такая совершенная, что улавливает даже незаметные движения шулеров за столом, когда они подменяют кости. Но она, к сожалению, не способна остановить острое лезвие, готовое разрезать мне спину, так что, хотя я и уповала на эту систему, здравый смысл подсказывал, что я могу рассчитывать только на себя.

— На подземную парковку, — велел Аякс, стоя так близко ко мне, что я чувствовала сквозь пиджак тепло его тела. Я выполнила его приказ, стараясь не только сохранить свои внутренности в целости, но и увести его подальше от других посетителей.

Мы проходили мимо игроков с остекленевшим взглядом, уворачивались от официанток, одетых валькириями, разносивших напитки павшим и еще живым героям битвы в копии Большого зала. И все это время Аякс был совсем рядом, и его дыхание напоминало мне о том зле, которое таится под его плохо скроенным смокингом.

Когда мы подошли к лифтам и свернули в коридор, ведущий в служебные помещения, толпа поредела. Я почувствовала, как Аякс расслабился, и это хорошо. Я хотела, чтобы он расслабился. И хотела, чтобы он был уверен в себе. Если добавить небольшой отвлекающий маневр, то с Божьей помощью я, может, и останусь в живых.

— Кого ты имел в виду, — спросила я, надеясь, что в моем голосе звучит только боязливое любопытство, — говоря «им», что знаешь, кто я такая?

— Мы давно охотимся за тобой, Джоанна. Ты не поверишь, какие силы и средства мы потратили на то, что найти тебя и расшифровать твою личность.

— Какую личность? И кто такие «мы»? — осведомилась я, глядя на наше отражение в зеркале. Мы похожи на любую другую пару этим вечером в Лас-Вегасе: торопящиеся, чуть напряженные, но определенно намеренные использовать все возможности для развлечений. Я в черных брюках, черном свитере с капюшоном и на высоких каблуках. Шарф и сумка у меня в правой руке, а в левой — полупустой бокал вина. Конечно, не самая подходящая одежда для боя, но двигаться мне в ней легко, если… как же… если мне к спине прижмут зазубренную кочергу.

Аякс бросил на меня снисходительный взгляд.

— Разве это важно?

Думаю, нет. Поэтому я перешла к тому, что важно.

— Как ты меня нашел?

— Скажем так: ты поразительно похожа на одного из наших

врагов.

Он усмехнулся, явно собираясь давать уклончивые ответы.

Мы обогнули еще один угол — я в одном шаге перед ним, — и я обратила внимание на людей, располагавшихся в широком, застеленном коврами холле; некоторые их них пили кофе из крошечных чашечек, другие беседовали группами по три-четыре человека. Почти у всех были значки участников какого-то сегодняшнего съезда, с заседаний которого они благополучно сбежали. К несчастью, никто из них не выглядел так, будто мог хотя бы остановить автобус, а уж тем более маньяка с острым лезвием.

— Сверни сюда, — произнес Аякс, указывая на мраморную нишу перед входом в лифт. И положил правую руку — убивающую — мне на плечо, чтобы обеспечить выполнение приказа.

Знаю, что в ого не так легко поверить, но именно такого момента я ждала. Я так долго тренировалась в контактной схватке, что подобной возможностью воспользовалась инстинктивно. Это мой шанс, и он может быть единственным.

Легко вывернув плечо из-под его руки, я полуобернулась, полуспоткнулась, нацелив на него свой бокал с вином. Пьяным голосом закричала:

— Извращенец! Не смей притрагиваться ко мне!

Газеты опустились, взгляды поднялись, головы повернулись. Гости Вегаса всегда готовы посмотреть шоу, и публичные споры и скандалы — одно из самых любимых зрелищ. Я сыграла свой эпизод для Джерри Спрингера[5] от всей души.

— Кстати, я солгала, когда сказала, что твоя палка не так уж мала! — Вылив остатки вина на костюм Аякса, я встретила его зомбический взгляд своим презрительным, потом покачнулась, ударилась об угол стены и неэлегантно растянулась на полу.

После этого все происходило очень быстро. Звякнула дверь лифта. Аякс зарычал. Закричала женщина. А я приподнялась на коленях, сжимая в руке обломок разбитого бокала. Схватив за плечо, Аякс развернул меня, и когда он сделал это, я изо всех сил воткнула острый край сломанного бокала ему в шею.

Его рычание перешло в приглушенное бульканье, глаза округлились от неожиданности и боли. Он все еще мог использовать свое оружие, но моя подготовка и ярость оказались сильнее, и я ребром ладони ударила его по носу со всей силой женщины, которая знает, как вложить в удар движение бедер и плеч. Теперь пусть попробует отдышаться.

Я ударила его каблуком по колену, и он закричал, рухнув на пол, как марионетка по окончании представления. Я хотела

большего и собралась врезать ему по почкам. Вспомнив радостную улыбку женщины, которую он грозился убить, я безжалостно нацелилась самую значимую часть его тела. Пнула…

И промахнулась. Кто-то набросился на меня, и я отскочила, но не смогла сохранить равновесие на своих трехдюймовых каблуках. Я уткнулась бы в стальную дверь, но лифт открылся, и я вместе с новым нападавшим свалилась в открывшийся зев. Ахнула, когда стена прервала мое движение, воздух вырвался из моих легких.

Аякс на полу боролся с двумя мужчинами в черных костюмах, пытаясь добраться до меня, протягивая ко мне правую руку. Я остро чувствовала его запах — черную ненависть и кислоту поражения, его боль и пылающую ярость. Затем дверь лифта закрылась. Я избавилась от этого ужасного Аякса, но оказалась запертой в металлической клетке с новой и непонятной угрозой.

В мире и так мало определенного, но особенно трудно что-то понять, когда адреналин и жажда битвы еще не улеглись. Лифт спускался, лишь это не вызывало сомнений. Меня прижимал к стене мужчина. Он был тяжелее меня по меньшей мере на пятьдесят фунтов. Как только я получу возможность, он потеряет левое яйцо. Мужчина прижимался теснее, как будто тоже знал это.

Мы боролись за позицию: я пыталась отдалиться, чтобы нанести удар, он не давал мне этого сделать, но сам не нападал. Но мне было все равно. Я хотела освободиться — из его хватки, из этой клетки. Вырваться из всего этого кошмара. Однако постепенно его голос начал проникать сквозь туман гнева и страха, все еще окутывавший меня.

— Перестань! Все в порядке. Ты в безопасности… — Он выдохнул это, стараясь защитить свое орудие продолжения рода. — Послушай, Джо-Джо! Я не причиню тебе вреда!

Джо-Джо. Только один человек во всем мире называет меня так. Я потрясение посмотрела на лицо, которое не видела почти десять лет. И застыла.

Может ли сердце одновременно падать и взмывать? Потому что, клянусь, именно это произошло. Я осела у стены: мое тренированное тело неожиданно ослабло.

Мгновение я потратила на то, чтобы проклясть свои предательские, слишком активные, перенасыщенные эстрогеном, несущие двойную Х-хромосому гормоны. Потом повернулась и принялась созерцать своего первого возлюбленного.

Черты лица его стали более угловатыми и четкими, хотя с выражением этого лица я была очень близко знакома — выражением внимательной расслабленности. На лбу, ниже линии

волос, — шрам от раны, которую, вероятно, потребовалось зашивать, и я на мгновение задумалась, как он эту рану получил. Темные волосы вились над воротником рубашки, не слишком длинные, чтобы он мог выглядеть респектабельно, но их было вполне достаточно, чтобы при желании можно было изменить внешность. Мне всегда нравились эти непокорные завитки, и пальцы у меня непроизвольно дернулись, когда я их увидела.

Он был выше того мальчика, которого я видела в последний раз, и шире в плечах, но бедра под темными тесными джинсами — я почувствовала это, когда он прижимал меня к стене лифта, — по-прежнему худощавые, но крепкие, а запах — все та же головокружительная смесь пряностей, мыла и жаркого пота, которая меня всегда завораживала. Как собака Павлова, я едва не пустила слюну.

— Здравствуй, Бен, — сказала я, сопротивляясь импульсу протянуть руку и поправить прядь волос на его лбу. Не очень впечатляющее приветствие после стольких лет разлуки. Я судорожно глотнула, понимая, что сейчас его взгляд оторвется от моего лица. Я знала, что он разглядывает меня, как я разглядываю его, и попыталась улыбнуться и найти что-нибудь более соответствующее ситуации. — У тебя… твердый значок.

Он мгновенно отодвинулся, так что его грудь больше не касалась меня, и я сразу пожалела, что вообще заговорила. Глядя на свой значок, словно забыв о его присутствии, Бен покачал головой. Лифт прозвонил остановку на пятом этаже. Двери открылись, и мы оказались на парковке, где было угнетающе тихо.

— Боже, Джо. — Бен нарушил молчание. — Ты в порядке?

G тех пор, как он в последний раз задавал мне этот вопрос, я стала специалистом по самозащите… а Бен — копом. Не надо быть психологом, чтобы понять, что ни тот, ни другой результат не удивительны. Тогда он в первый раз положил меня на лопатки и заплакал, его молодое лицо искажали слезы и чувство вины. Но я знак) Бена лучше других, вернее, знала тогда: независимо от того, что произошло со мной — и с ним, с нами, — он всегда хотел стать копом.

Широко разведя руки жестом «посмотри сам», я убедилась, что не могу остановить дрожь, и тут же скрестила их на груди. Тем не менее я, очевидно, не пострадала.

— Боже, когда я увидел этот нож… — Он прижался лбом к стене, закрыл глаза и так глубоко выдохнул, словно много лет сдерживал дыхание. Однако почти сразу пришел в себя, выпрямился во весь свой семидесятичетырехдюймовый рост. — Если бы я сообразил, что этот парень вооружен, приказал бы

своей команде действовать раньше.

— Это было бы очень кстати, — шутливо ответила я, но тут же у меня неожиданно закружилась голова. У тебя есть своя команда? В каком возрасте ты стал сержантом? И какого дьявола ты здесь делаешь?

Ты по-прежнему улыбаешься во сне?

— Мы много месяцев следим за этим парнем, — продолжил между тем Бен, — Его обвиняют в нападениях, побоях, попытках изнасилования и бог знает в чем еще. Он также мошенничает при игре в кости…

— Ублюдок.

— … так что нам приходилось все делать осторожно. Все шло очень гладко, но когда я увидел тебя в ресторане… — Он замолчал и посмотрел на меня так, словно, умер бы, если бы снова потерял меня.

Неожиданно восемь лет семь месяцев три недели пять дней пятнадцать часов и еще горсть минут, прошедших с того момента, как я видела его в последний раз, испарились, превратились в бессмысленную пыль. И я поняла, что властная, сильная и способная женщина, какой я гордо считала себя, отдаст все за то, чтобы Бен Трейна еще раз так посмотрел на нее. Жалкая картина, верно? Но реальная.

И тут началась проповедь.

— Ты в своем уме. Какого дьявола ты здесь делаешь с таким: парнем? Ты лучше всех должна понимать это.

Мои глаза сузились. Он на два года старше меня и всегда считал, что имеет право читать мне нравоучения.

— Ну, я умею их выбирать.

Он лишь слегка покраснел, не тем багровым румянцем, какой я помнила.

«И это идет ему, — подумала я. — Вырос и стал еще более властным».

— Вижу, твой острый язычок не затупился.

— Заострился сегодня утром, — парировала, я. Это ты во мне любил больше всего.

Он долго смотрел на меня, потом покачал головой и: рассмеялся. Низкий богатый звук затронул во мне все нужные струны.

— Пошли. — Он нажал кнопку лифта, который вернет пас на первый этаж. — Нам надо серьезно поговорить.

Мы вернулись в фойе, забитое полицейскими и медиками. Аякс, несмотря на его раны, был в наручниках. И хотя он смотрел в другую сторону, голова его немедленно повернулась, как только я вышла из лифта. Странно, но я этому нисколько не удивилась.

Я тоже чувствовала его запах.

И чтобы отметить эту близость, я послала ему победоносный поцелуй. Не обращая внимания на ругающегося, извивающегося на полу преступника, Бен увел меня, раздвигая болезненно любопытных зрителей. Отличаясь практичностью и будучи тоже немного зевакой, я воспользовалась возможностью и поглядела на его зад. И вздохнула. По-прежнему великолепен.

И с этой мыслью я вслед за первым и единственным мужчиной, которого любила, прошла назад в «Валгаллу».

2

Мне никогда ничего не удавалось скрыть от Бенджамена Трейны. Мы познакомились, когда я была в пятом классе, а он в седьмом, когда наши тела были скорее похожи, чем различались. Мы одинаково любили кикболл[6] и пятнашки и одинаково не любили хулигана по имени Чарльз Трейси, которого мы удачно прозвали Рвотой. Когда он попадался нам на глаза в коридоре, мы всегда издавали такие звуки, словно нас тошнит. Хотя дружба наша была мгновенной, основанной на юношеской энергии и детской вере в то, что все вещи и всех людей можно разделить на две группы — хороших и плохих, добрых и злых, черных и белых, влюбленность расцвела только четыре года спустя. Случайная встреча в кинотеатре заставила наши перенасыщенные гормонами тела устремиться друг к другу так, что позавидовали бы кинозвезды.

Только позже Бен признался, что мы столкнулись в кино не совеем случайно.

Когда встречаешь человека, с которым была знакома в детстве, он становится уязвимым — и ты тоже. И правда, есть что-то утешительное в мысли, что если он дожил до такого возраста относительно благополучно, то, может, и у тебя все в порядке. И вот я села напротив мужчины, которого знала и одновременно не знала, чувствуя себя ранимой и одновременно успокоенной… и с удивлением поняла, что ни против одного, ни против другого не возражаю.

— Как твой отец? — начал Бен, как только мы остались одни в огромном зале моего отца для совещаний на пятнадцатом этаже отеля «Валгалла». Между нами располагался стол размером с небольшой аэродром, и наши чашки с кофе отражались на полированной поверхности красного дерева.

— Отлично, — ответила я, поднимая свою чашку. — По крайней мере так я слышала. Я с ним никогда не встречаюсь.

— Хочешь, я ему позвоню? Попрошу спуститься.

Я покачала головой. Я давно перестала нуждаться в отце, и Бен это знал.

— Он, вероятно, дома, считает свои деньги. Не хочу ему мешать.

Моя семья — нувориши, и отец мой занимался тысячами проектов игорного и развлекательного бизнеса, большинство из которых провалились. В самом капиталистическом городе самого капиталистического государства в мире Ксавье Арчер оставался образцом непревзойденного и, по-видимому, неутолимого

честолюбия. Взлет его был стремительным; конкуренты считали его злобным, инвесторы — гениальным, а остальной мир знал его как одержимого.

Не хочу обидеть бабушку по отцовской линии, с которой я никогда не встречалась, но мой отец был также отвратительным и жестоким сукиным сыном.

Бен наклонил голову, и я поняла, что он гордится моей независимостью так же, как я — его достижениями. И то и другое досталось нелегко.

— А как ты? Тоже сидишь дома и считаешь миллионы?

— Нет, — ответила я, отрицательно замотав головой. — Снова и снова пересчитываю один-единственный миллион

— Когда не встречаешься с отъявленными преступниками, ты хочешь сказать.

— Ну, это просто хобби.

Он улыбнулся, глаза его блестели, однако он включил диктофон, назвал свое имя, номер значка, а также дату и место разговора. Потом снова обратился ко мне.

— Надо с этим покончить.

— Хорошо.

И я все ему рассказала. Заявила, что у меня есть правило не встречаться с теми, кто просит о свидании, хотя не объяснила почему, а он не спросил. Не было смысла растолковывать все — только то, что я делала здесь с Аяксом. Почему-то мне важно было, чтобы Бен понял: это было свидание вслепую.

Я рассказала о зазубренной кочерге, описала ее, упомянула о женщине в ресторане, прежде чем перейти к феромонам и словам Аякса: он знает, что я — именно та самая. Это был единственный момент, когда Бен удивленно посмотрел на меня, но я пожала плечами.

Остальное время он делал заметки, изредка поглядывая на меня: полицейский, с которым мы словно впервые встретились. Это было очаровательно: мне казалось, что я сижу в аудитории старого шоу Зигфрида и Роя,[7] не веря своим глазам и боясь мигнуть, чтобы звезды не исчезли.

Полтора часа спустя Бен выключил диктофон и откинулся в кресле.

— Отлично, Джо. Теперь у нас достаточно материала, чтобы какое-то время продержать Аякса за решеткой.

Я поиграла кнопкой в ручке кресла; эта кнопка управляет медиацентром в зале.

— Это не значит, что вы его обязательно посадите?

— Нет, — ответил он, не глядя на меня. — Не значит.

Мы оба знали, что у системы есть пробелы. «Иногда, —

подумала я, — плохие парни просто исчезают». Мы какое-то время молчали. Я нервно прихлебывала холодный кофе.

— Ты отлично замечаешь подробности, — сказал Бен, наконец подняв на меня глаза. — Вероятно, это связано с твоей подготовкой в боевых искусствах?

— Это вовсе не искусство.

Крав мага,[8] несомненно, связана с боями, но за все восемь лет тренировок я ни разу не думала о ней как об искусстве. Это яростная и грязная уличная драка. Десять лет назад мой инструктор — а ныне и друг — Асаф эмигрировал в Неваду и принес с собой дисциплину, систему и знания крав маги из Святой земли. Я, его первая ученица, впитывала инструкции, как пустынная роза после иссушающей летней засухи.

Мы занимались в условиях, опасных для жизни — ножи, пистолеты, многочисленные нападающие, заставляя себя сражаться на пороге крайней усталости. Как заявил мне в первый день Асаф, мы будем работать ради возможного, ради неизбежного и с убеждением, что выживание зависит от прочности усвоения рефлексов и от быстроты реакции.

— Ни один человек-хищник не станет давать тебе спуску, только потому что ты женщина, — говорил мне Асаф своими удивительно рублеными фразами.

Конечно, я и сама это знала. Мое возможное, мое неизбежное уже произошло.

Увидев, что я больше ничего не хочу добавить, Бен встал, сунул руки в карманы и посмотрел на меня сверху вниз. Мистер Власть.

— Я должен приставить к тебе наблюдение. Если есть другие, как Аякс, мы…

— Ни в коем случае!

— Уверена? — Он вздохнул и потер рукой затылок. — Не передумаешь?

— Яне потерплю слежки за собой.

— Не слежки, а охраны, — слегка раздраженно поправил Бен. — Это будут полицейские.

— Тогда я не потерплю охраны.

— Даже если охранять тебя буду я?

Я тоже встала.

— Даже тогда.

Он покачал головой.

— Упрямица.

— Познай себя, — процитировала я, желая проверить, клюнет ли он.

— Знание — сила, — ответил он еще более затертым клише,

чем мое.

Я ухмыльнулась.

— Все наше знание позволяет нам лишь умереть более тяжелой смертью…

— … чем животным, которые ничего не знают, — закончил он, качая головой. — А малое знание — опасная вещь.

Мы оба рассмеялись. Еще подростками мы коллекционировали цитаты и устраивали поединки; это стало нашим тайным языком, похожим на глупые тайны малышей. Еще одна наша общая любовь — любовь к английскому языку и к тому, как мастер может перевернуть фразу, поставить ее с ног на голову всего в нескольких словах.[9]

— Как твоя жена? — выпалила я и тут же пожалела об этом, чувствуя, что покраснела. Я ведь не знаю этого Бена Трейну. И мы больше не принадлежим друг другу. — Прости. Можешь не отвечать.

— Нет, все в порядке, — ответил он и с громадным опозданием изобразил улыбку. — Но лучше было бы спросить ее нового мужа.

Я покраснела еще сильней. Бен откашлялся и, взяв в руки хрустальное пресс-папье, подбросил его.

— Видел статью о твоей семье.

Я ждала услышать осуждение или сарказм, но ничего не уловила. Медленно облизала губы, глядя, как он наблюдает за мной. Интересно.

— Значит, ты прочел, что я бездельница без честолюбия и без способностей и высоких целей?

Он усмехнулся, опуская пресс-папье, потом обошел стол, взял меня за руку и подвел к окну, выходящему на сверкающую «Полосу» Лас-Вегаса. Рука его была теплой и сухой, и моя собственная казалась в ней маленькой. Даже мальчиком у него были большие руки.

— Им следовало бы взять интервью у меня. У меня есть собственная теория относительно «паршивой дочери в семействе Арчеров».

Эта цитата меня задела. Я отняла руку и повернулась к нему.

— Почему? Потому что ты меня так хорошо знаешь?

— Мне кажется, да.

Я сложила руки на груди. — Не могу дождаться твоего мнения.

— Хорошо. — Бен повторил мой жест, опираясь спиной на стекло, так что казалось, будто он окунается в ночь. — Во-первых, сегодня твой день рождения. Тебе двадцать пять. Поздравляю.

Он помнит. Я посмотрела на часы, чтобы Бен не заметил

неожиданных слез у меня на глазах.

— Ты примерно на двадцать четыре часа опережаешь события, но все равно спасибо.

— Не за что. Во-вторых, неправда, что у тебя нет цели, ты просто очень беспокойна. Ты колеблешься между потребностью в безопасности и стремлением к свободе. Ты не можешь лгать себе самой и потому не желаешь изображать притворный интерес к бизнесу отца или подражать поведению в обществе твоей сестры, какими бы успешными они оба ни были.

Он замолчал, приподняв брови, и я жестом попросила его продолжить. Более тихим голосом он добавил:

— Ты слишком много думаешь, и тебя преследует то, что ты не можешь изменить. У тебя острое осознание добра и зла, ты не терпишь ничего промежуточного, и у тебя нет никакой снисходительности к обманам.

— Еще что-нибудь? — Осведомилась я чуть напряженно.

— Только одно. Ты фотограф, но для тебя это не средство заработка, а форма общения с миром. Объектив — это по существу барьер между тобой и всеми нами. Способ отстраниться от тех, кого ты снимаешь, и изучать их. Или охотиться на них.

— Какой вздор! Бен улыбнулся.

— К тому же ты очень вспыльчива.

«Охотиться на них, — подумала я, раздраженно качая головой.; — Это я сегодня уже слышала. Мы давно охотимся за тобой, сказал Аякс. Конечно, он пытался испугать меня, а теперь Бен говорит так, словно это я хищник, вампир, ищущей людей с кровью группы 0 и положительным резусом».

— Ты слишком многое выдумываешь.

— На этой неделе ты выходила каждый вечер.

— Подожди. — Я вытянула руку вперед, в остальном оставаясь совершенно неподвижной. — Ты следил за мной?

— Ты использовала себя как приманку, верно? — настойчиво спрашивал он, не обращая внимания на мой вопрос. — Поэтому ты бродишь одна по ночам по самым опасным районам города?

Я крепко стиснула зубы.

— Я выхожу по ночам, потому что тогда тихо, а свет и тени — главное оружие фотографа.

— Кажется, тебя больше привлекает тень, чем свет.

— Ну и что?

Я пыталась держаться вызывающе, но это было нелегко;

— Как это что? Почему ты целые дни проводишь в тренировках, словно тебе предстоит схватка, а ночами ищешь кого-то на улицах?

Я понимаю, как это выглядит со стороны — ведь Бен может

только так это толковать, но на самом деле все сложнее. Однако сейчас я не собиралась что-либо объяснять.

— Может, я просто предана своему делу. — Я задрала подбородок.

— Но ты не брала с собой камеру.

Я отвернулась, чтобы скрыть от него свое лицо, не видеть его понимания, не чувствовать стыд от того, что моя тайна — я считала это тайной — так легко раскрывается. Потерла руки, стараясь убрать неожиданное ощущение холода. Отчасти я испытывала возбуждение: он наблюдал за мной, он не забыл, я ему все еще не безразлична. Но в основном я была в ярости. Как я могла его не заметить? Ведь одной из причин моих ночных экскурсий были поиски мужчин — точнее, мужчины, который меня ищет.

— Джоанна?

— Не могу поверить, что ты следил за мной. — Голос мой хрипел. Я откашлялась, но в горле было сухо и шершаво, и слова словно липли к его стенкам.

Но у него по крайней мере хватило совести говорить виноватым тоном.

— В первый раз получилось случайно. Я был на задании, занимался наблюдением и увидел тебя. Пошел за. тобой, чтобы убедиться, что ты в безопасности, но мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что не того ты ищешь. — Голос его приблизился. — Джо-Джо?

— Мне просто… не спалось, — произнесла я наконец, и это было правдой, хотя и не всей. Большую часть времени мне казалось, что меня кусают тысячи огненных муравьев, забравшихся под кожу. Или словно кто-то разжигает в моей душе огонь. — У меня было ощущение, что что-то должно произойти, но я пойму, что именно, только когда будет уже поздно.

Бен положил руки мне на плечи, чего я бы не потерпела ни от кого другого, и развернул лицом к себе.

— Ты ищешь его, верно? Искушаешь его. Испытываешь. Я так сильно сжала зубы, что заболели челюсти. Какая была отличная маскировка. Вечная бездельница. Богатая ленивая девушка. Признанная паршивая овца в династии Арчеров, та самая, указывая на которую можно сказать: «Видишь? Все деньги в мире не могут купить счастье».

Автор статьи в «Состояния и судьбы» не понял этого, как и Аякс и многие мужчины до него, с которыми у меня были свидания. Никто в моей семье не знал этого. Не знал даже Асаф, который считал только, что я плохо сплю. Никто представления не имел, что это все только маскировка. До настоящего момента.

Я покачала головой.

— Я просто фотографирую.

— А что если ты увидишь его в перекрестие твоего объектива? — осведомился Бен, снова превращаясь в полицейского.

Мне не нужно было спрашивать, кого он имеет в виду. Я встретила его взгляд, как взгляд Аякса, — не мигая. И только для того, чтобы разобраться, каков новый Бен Трейна, заявила:

— Я его убью.

Ответ последовал немедленно:

— Очень хорошо. Есть ли другие долговременные цели? Это заставило меня рассмеяться. Я сама удивилась тому, что могу смеяться. И еще более тому, что Бен смеялся вместе со мной. Куда делся его менторский тон? Где предупреждение, которое должно было последовать? Где утверждение о длинной руке закона? Хотя, конечно, ничего этого мне не нужно. Несмотря на все слова, мои действия всегда были оборонительными. Но, думаю, главная причина того, что мы так легко миновали этот пункт, в том, что тот, о котором мы говорили, и послужил причиной нашей разлуки.

— Долговременные цели? — повторила я, прежде чем покачать головой. — Просто выживание, Трейна. Я просто пытаюсь выжить.

Что не совсем верно.

Бен снова повернулся к окну и посмотрел на город, который мы оба патрулируем. Я присоединилась к нему, прижалась лбом к холодному стеклу и позволила огням внизу слиться в сплошной расплывчатый поток пустоты. В фотографии это называется дрожащим объективом — когда аппарат движется с открытым затвором и изображение расплывается. Обычно это нежелательное явление, за исключением таких моментов.

Мы вместе вглядывались в этот необыкновенный город, в котором больше, чем в любом другом, заметна игра света и тени, пока наконец он не нарушил молчание:

— В жизни должно быть еще кое-что, кроме выживания.

Это не для меня, и уже давно. Но теперь, стоя рядом с Беном, который все знает о моем прошлом и не отступается от меня, я подумала, что может быть… Подняла голову и увидела, что он смотрит на меня. Не просто смотрит, но видит.

Как давно меня никто по-настоящему не видел?

«Лицо у него такое мягкое и понимающее, что кажется почти прозрачным. Вероятно, — решила я, — хорошее отражение моего». Мне так захотелось заполучить это лицо в свой объектив. Поймать момент — и задержать навсегда. Боже, какой

прекрасный мужчина.

Я неожиданно застыла.

— Пожалуйста, не говори, что я произнесла это вслух. Бен распрямился и злорадно улыбнулся.

— Произнесла. Сказала, что я прекрасен.

Я в замешательстве отпрянула, но его рука, широкая, твердая и теплая, сжала мое плечо. Он снова повернул меня к себе и держал так — тело, взгляд, мысли.

— Если я прекрасен, — сказал он, придерживая большими пальцами меня под локти, — тогда ты самая ошеломляющая женщина, какую я когда-либо встречал.

Я автоматически нагнула голову, хотя в ушах у меня гудело.

— Моя сестра ошеломляющая, — ответила я, — а я сильная.

— Ты ошеломляющая и сильная, — прошептал он и придвинулся ближе.

Я подняла голову и прижалась к нему. Это было так естественно, хотя пульс продолжал стучать в висках.

— Продолжай.

Губы его оказались рядом, он крепче обнял меня.

— Ты ошеломляющая и сильная, Джоанна Арчер, и я тебя поцелую.

И я точно знала, каков будет вкус. Амброзия. Начало пира. Вода, чистая и прозрачная, после десяти лет засухи. Подходят любые соответствующие клише.

«Какой мазохизм, — подумала я, вздыхая, когда его губы коснулись моих. — Мгновенно снова влюбилась в мужчину, которого старалась десять лет забыть. Есть у кого-нибудь бритва? Плетка-девятихвостка? Старые ржавые гвозди?»

Но это был только первый поцелуй. Первый вкус мужчины, чьи губы и руки оказывались в ожидаемых местах, но неожиданным образом. Первый намек на глубокую страсть, как прикосновение кончиком языка к батарейке, металлический привкус силы, стремящейся ворваться в меня. Великолепие мужчины, чья плоть и клеточная структура перекликаются с моими, но если отбросить биологию, химию и феромоны, которого так приятно ощущать рядом.

— Джо-Джо? — произнес Бен, наконец оторвавшись от меня.

— М-м-м?

Я еще не открыла глаза. Как долго это было? Почему я не понимала, как мне это необходимо? Почему у меня не было этого так долго?

— Ты тискаешь старшего офицера. Я улыбнулась и пошевелила руками.

— Вставишь это в свой отчет?

— Нет, назначу тебе свидание. — Он поцеловал меня в макушку, — Ты ведь никогда не говоришь «нет», верно?

Я отстранилась и посмотрела ему в лицо.

— Я отвергаю твои намеки. Кое-кому я говорю «нет».

— А мне скажешь?

— Нет.

Он улыбнулся, поднес руку к моему лицу и погладил его. Прикосновение было неимоверно нежным. Я не привыкла к обхождению. По правде, я вообще не имела представление об ухаживаниях человека, который и тверд, как гранит, и мягок, как пух. «Как много мне предстоит открыть», — подумала я, поднимая голову, чтобы поцеловать его в шею.

— У тебя на щеке синяк, — заметил он.

Я прижалась к нему и подставила щеку под легкие поцелуи и нежные ласки. Весь мой ум, весь сарказм, вся сдержанность и осторожность — все в объятиях Бена исчезло, я больше не была наследницей империи Арчера, как многие предполагали, или раненым воином, стремящимся к мщению, как с уверенностью утверждал Бен. Я не была и женщиной, борющейся за право называться нормальной — борющейся и проигрывающей, — какой я сама себя считала. Я была просто женщиной. И часто это все, чего женщинам надо.

— Я не думал, что ты захочешь снова меня видеть. — В голосе его звучала боль.

Пораженная, я посмотрела на него, такого непоколебимого, честного, цельного, и на краткий момент разглядела мальчишку, который не имел для всего этого ни опыта, ни сил.

— Я тоже, — призналась я.

— Но ты придешь ко мне на свидание? Я кивнула.

— Завтра вечером? — спросил он настойчиво, словно видел меня в последний раз.

Я снова кивнула.

— Так что же изменилось? Я пожала плечами.

— Теперь я увидела тебя.

И это было правдой. Иногда жизнь так набрасывается на вас. Только что вы смотрели на свое отражение в воде и думали, что оно вам не очень нравится, а в следующую минуту вы оказываетесь вверх ногами в мире, в котором даже знакомые предметы кажутся новыми. Я прижала ладонь к щеке Бена, как только что он проделал с моей, и негромко попрощалась. Это новое и хрупкое начало между нами, и, как молодым родителям, принимающим новую жизнь, нам обоим нужно быть очень осторожными.

Но уходя из «Валгаллы», я улыбалась. Бен приписал мне

многие качества, но одно он забыл — гибкость. Я выросла и научилась приспосабливаться к ситуации и к моменту, потому что приходилось это делать. Так я возродилась после нападения в ту ночь. Если бы я не обладала способностью вставать после ударов, то могла бы умереть, лежа в сожженной пустыне лицом вниз.

Именно в таком положении я оказалась почти десять лет назад.

И сегодня, на пороге своего двадцатипятилетия, я решила взглянуть на свой мир по-новому. «Возможно, Бен нрав, — подумала я, все еще ощущая на губах его поцелуй. — Выживание — это правильно и хорошо, борьба за нормальность тоже». Но, может быть, всего этого теперь недостаточно.

3

Я добралась до дома в полночь, точно за двадцать четыре часа до своего следующего дня рождения, и ночная вакханалия, которая и есть Лас-Вегас, по прежнему бушевала — странная помесь между гедонизмом Среднего Востока и замешательством иностранцев. «Полоса», как огненное ожерелье, пролегала от одного конца долины до другого, подобно ярким драгоценным украшениям, надетым на пустынную ночь, и, несмотря на холодный ноябрьский воздух, все улицы, переходы и фуникулеры были забиты туристами. У всех широко раскрытые, полные ожиданий глаза, словно в предвкушении, что в любой момент им на колени свалится пачка денег.

Я закуталась в шарф, села в машину и поехала мимо «Белладжио» и «Цезаря», прежде чем перебраться через поток, который каждый сезон муссонов заполняет стоянку «Империал Палас». Наполовину опустив окно, я позволила холодному воздуху кусать мне щеки и трепать волосы. Даже если бы мой мозг не заполняли мысли о Бене, потом об Аяксе, извивающемся на полу, потом снова о Бене, я все равно нисколько не хотела спать. Лас-Вегас по ночам оживает, я тоже.

Я часто думала, как скучно было бы расти в месте, где все всегда одно и то же… пока не поняла, что действительно везде все одно и то же. Люди смотрят одинаковые телешоу, едят в «Макдональдсах» и пьют кофе в «Старбаксах»,[10] Садятся в те же самолеты, чтобы вернуться домой, в другой штат или в другую страну, считая, что это делает их другими. И оказавшись здесь, какого бы цвета кожи или убеждений они ни были и чем бы ни занимались, они хотят одного и того же. Чтобы их развлекали. Чтобы им повезло. И чтобы им хоть ненадолго позволили помечтать, поверить в то, что все возможно. Несмотря на свое пестрое прошлое и сомнительную репутацию, Вегас дает людям надежду. А надежда, как говорится, всех нас обманывает.

Я оставила позади все эти лихорадочные хлопоты и свернула на асфальтовую боковую дорогу, о которой знают только копы, местные жители и шоферы такси, которым хорошо заплатили.: И через пять минут ехала по Чарльстонскому бульвару; блеск «Полосы» сменили замусоренные переулки и темные проходы, где настороженными группами стоят неудачники и куда не заходят оптимисты. Эти люди устали обманываться. Противоречие этих двух лиц Вегаса было мне хорошо знакомо.

Тут я впервые увидела бездомного бродягу, который рылся в металлическом мусорном баке, и его рваный плащ яростно

развевался — в совершенно безветренную ночь. Бродяга посмотрел на меня, когда огни моей машины осветили его исчерканное граффити царство, — гигантская крыса, стоявшая на двух ногах, его глаза следили за моей машиной, пока возможная опасность не исчезла.

Две минуты спустя, когда я свернула в немощеный проезд, появился еще один бродяга — одетый точно так же — и полупополз, полупобежал к моей машине, рассматривая меня через окно, когда я проезжала мимо. Я наблюдала за ним в зеркало заднего обзора, удивляясь тому, что он вышел на «средину улицы и просто стоит в пыли, глядя, как я уезжаю.

И не обратила внимание фигуру прямо перед собой. Шины завизжали, ветровое стекло треснуло от удара, и тело перелетело через крышу, упало и исчезло в темной ночи. Перекати-поле царапало дверцы, как ногтями, камни били шины и днище, машина дважды развернулась, поднимая столбы ныли с сухой пустынной поверхности, прежде чем чудесным образом остановилась, не перевернувшись.

Кромешная тьма — на этой, обращенной к пустыне, стороне улицы она абсолютная — не могла скрыть запаха горелой резины и шума воздуха, который рывками вылетал из, моих легких. Я потратила мгновение на то, чтобы снова сориентироваться, но когда сделала это, обнаружила, что смотрю в том направлении, откуда приехала» На дальнем фоне были видны огни «Полосы».

А передо мной — человек, лежащий на земле.

Меня начало трясти. Но прежде чем прошел шок, я принялась действовать. Схватив телефон, выскочила из машины, и скрип дверцы о сухие стебли прозвучал как крик о помощи. Фары освещали человека, которого я сбила, но мне, качалось, потребовалась целая вечность, чтобы на подгибающихся ногах подойти и склониться над ним.

Не знаю, как я его узнала, может, по длинному плащу, по, еще не добравшись до лежащего, я поняла, что нашла бродягу. Того самого, которого уже видела. Дважды.

На меня мгновенно обрушились многочисленные запахи. Острый запах тела: этот человек не мылся по меньшей мере неделю; рвота, кислый запах перегара; и что-то прелое: одежда, волосы или обед, который он выкопал в мусорном баке, — не знаю. Был и еще один запах, который я не могла назвать. Я знала только, что это он, и. пыталась игнорировать внутренний голос, говоривший, что этого не может быть. Что это невозможно. Что он остался позади в темноте в милях отсюда.

Его лицо было отвернуто от света моих фар, а густая борода мешала нащупать пульс на шее, но конечности его торчали под

немыслимыми углами. Дрожа, я в поисках пульса притронулась к его коже. Я только что убила человека.

Голова его повернулась, глаза открылись, и он посмотрел мне в лицо. Я, ахнув, быстро отодвинулась, чтобы он не мог до меня дотянуться. Крик его не был болезненным. Скорее он был радостным, словно бродяга сделал какое-то открытие. И на самом деле, похоже, он крикнул: «Эврика!»

Он повторил, на этот раз отчетливо произнося слоги, и я не могла попять, смеется он или плачет, но его изуродованное, искалеченное тело задрожало.

— Эв-ри-ка!

Я потянулась за телефоном, который выронила, но меня остановил голос, низкий, сильный и удивительно властный:

— Не трогай телефон!

— Я… только хотела вызвать скорую.

— Скорая не нужна. Я нажала кнопку срочного вызова.

— Вам нужен врач. Он только взглянул на меня и улыбнулся, по-прежнему лежа на земле, как рваная и забытая кукла. Я ждала связи, ждала голоса оператора, чего угодно, что соединило бы меня с помощью, но телефон молчал. Должно быть, сломался, когда упал.

Я посмотрела на бродягу: я не смогу его поднять, но не могу и бросить здесь. Никогда не оставляла никого беспомощного и уязвимого одного в пустыне.

— Я подгоню машину, и мы найдем способ посадить вас в нее.

— Нет, нет. Я оправляюсь быстро, — сказал он, и как раз в этот момент его нога распрямилась с тошнотворным, отчетливо слышным щелчком. — Видишь?

Нет, не вижу. Мне казалось, что меня вырвет.

— Позвольте по крайней мере подвести машину поближе. Не обращая внимания на его возражения, я вернулась к машине и плюхнулась на водительское место. Потом подъехала к этому человеку, который — поразительно! — сидел; стараясь не ударить его по голове, я открыла пассажирскую дверь, чтобы видеть его с противоположной стороны.

— Я тебе говорил, что быстро выздоравливаю. — Он помахал мне рукой, которая явно была сломана в запястье.

Это вращательное движение вызвало у меня приступ тошноты, но еще сильнее подействовало то, что он неожиданно поднял руку и она встала на место. Мы оба уставились на его руку. Он с улыбкой погрозил мне пальцем.

— Бьюсь об заклад, ты так не сможешь.

Я открыла рот, но ничего не смогла ответить. Запястье,

очевидно, нормально функционирующее, выглядело как новое. И тут я поняла, что и пыльная земля, и человек, и даже моя машина сухие, как до столкновения. Никакой крови, никаких телесных жидкостей; нет мочи, которая обязательно выливается, когда мышцы расслабляются от шока при ранении. Я перевела взгляд с запястья на его глаза: он смотрел на меня внимательно и понимающе улыбался.

— Уф…

Выйдя из машины, я из-под своего капюшона наблюдала, как бродяга медленно распрямляется. Он по-прежнему был согнут в пояснице, но в остальном выглядел прекрасно. Что вернуло меня к первоначальному вопросу. Как он здесь оказался?

— Как… как… — Больше я ничего не смогла выговорить, пришлось остановиться на сокращенной версии: — Как?

— Я же тебе сказал. На мне все быстро заживает. Как на тебе.

И он пошел прочь.

Я поднесла руку к щеке, к тому месту, на которое он указал. Именно этого места касался Бен, здесь была ссадина, синяк. Я нахмурилась. Никакой боли.

— Сэр, вернитесь. — Я побежала за ним. — Как вас зовут?

Он неожиданно захохотал: маниакальные, перехватывающие дыхание спазмы сотрясали его тело, а по грязным щекам струились слезы. Я быстро оглянулась, пытаясь понять, что его так рассмешило, и пришла к убеждению — я. Смех его перешел в резкий кашель, он согнулся. Я поколотила его по спине, пытаясь помочь.

— Читала когда-нибудь комиксы? — спросил он, распрямившись; при этом движении все следы болезни мгновенно исчезли.

Я вытерла руку о брюки.

— Вы имеете в виду Дональда Дака?

— Я имею в виду Супермена, Чудо-женщину[11] … Электру. — Последнее слово он произнес со щегольством и театральностью опытного актера, всплеснув руками.

— Нет.

Разговор становился все более странным. Я отступила на шаг, пробормотав:

— На кого я похожа? На подростка с прыщами и дикими фантазиями?

— Это не фантазии, — заявил он, услышав мои слова. — Это история. Исследования. Правда, созданная коллективным сознанием, может быть фантастичней любого вымысла. — И он снова рассмеялся.

— Простите?

— Я супергерой! — провозгласил он, скрестив руки, как соревнующийся в «Мистере Олимпии».[12] — Герой из супергероев! Я командир отряда Зодиака 175, отдел борьбы со злом, Лас-Вегас!

Через некоторое время я смогла закрыть рот и даже произнести:

— Мне все же кажется, что вам стоит сесть в машину, сэр. Я заплачу за врачебный осмотр.

— Ты очень мила! — крикнул он в пустыню, хватая меня за руку. — Так мила. Так хороша. Ты из числа хороших парней. Как я.

«Да, — подумала я. — Точно как ты».

— Послушайте. По крайней мере позвольте отвезти вас в убежище. Там вкусно кормят. И вы сможете переночевать.

— День — это ночь, а ночь — это день в этом твоем городе, в твоем доме. — Он показал на неоновые вывески. — Вампирам, если бы они существовали, здесь бы понравилось. Кошкам тоже. — Он наклонил голову и пристально посмотрел на меня. — Подходящее место для ночных охотников.

— Что вы сказали?

— Я сказал охотников. Как ты. И как я, потому что я тебя нашел. — Он подпрыгнул, щелкнув каблуками. — Эврика!

Быть сбитым моим «Ягуаром ХК8» — вряд ли это можно назвать словом «нашел», но я не собиралась спорить с человеком, который явно страдает каким-то маниакальным расстройством. «К тому же, — подумала я, глядя на его кривую улыбку, — может, я стукнула его несильно».

— Я доставлю вас в больницу. Вы нуждаетесь в помощи.

— Сама доброта! — воскликнул он, снова схватив меня за руку. — Разве ты не особенная? Я ощущаю запах твоей уникальности.

Я вырвала руку, споткнулась, и в памяти мгновенно вспыхнула лекция Аякса о феромонах. Я неожиданно осознала, что стою посреди пустыни с совершенно незнакомым мне человеком, к тому же полностью спятившим.

— Послушайте, мистер, я не понимаю, о чем вы говорите. Во мне нет ничего особенного. Поняли? Вам просто нужна помощь.

— Ты не считаешь себя особенной. Это печально. Очень печально. — Он покачал головой; казалось, он действительно расстроился. — Но ты особенная. Ты обладаешь исключительными качествами. Качествами воина. Поэтому за тобой и следят.

— Кто? — спросила я, уже зная о двоих. Аякс. И Бен.

— Сила — это знание, а знание — сила. Познай себя. Все

наше знание позволяет нам лишь умереть более тяжелой смертью, чем животным, которые ничего не знают…

Я готова была жизнью поклясться, что мы с Беном были одни в кабинете моего отца, но последние слова мы с бродягой произнесли одновременно:

— … а малое знание — опасная вещь.

Мы смотрели друг на друга, и между нами стояла холодная сухая ночь. Он больше не бормотал. А я больше не чувствовала себя доброй.

— Где вы это слышали?

Почувствовав угрозу в моих словах, он наклонил голову.

— Ты должна развивать свои способности. Осознать свой потенциал. Твоя сила действительно в знании, но сейчас ты еще ничего не знаешь.

Я решила, что на сегодня с меня хватит сумасшедших. Повернулась и пошла.

— Ты не знаешь меня, старик.

И услышала слова, от которых застыла на месте:

— Ты Джоанна Арчер, сестра Оливии, дочь Ксавье и Зои. Завтра у тебя день рождения, в полночь, весьма благоприятный знак… — Он подождал, пока я не возвратилась к нему. — Благоприятный, конечно, при условии, что ты доживешь до полуночи.

Я сама не сознавала, как очутилась рядом с ним, зажала в кулаках полы его рваного плаща, приблизила свое лицо к его лицу, несмотря на вонь и безумие.

— Кто ты?

Он положил свои руки на мои, я почувствовала их силу и удивилась. Глядя на него, не скажешь, и мне стоит это запомнить. Никогда нельзя верно оценить человека, лишь посмотрев на него.

— Сегодня кончается твой второй жизненный цикл, Джоанна. Сегодня вечером. — Он мягко убрал мои ладони со своего плаща. — Я пришел предупредить тебя.

Я покачала головой, обхватив себя руками, но, пятясь, продолжала смотреть на него.

— Ты говоришь загадками, старик.

— Но ты ведь хорошо стреляешь, правда? Ты ведь Арчер, Стрелец.[13] — Он произвел движение, словно посылал стрелу в ночь. — Но не только охотник. Цель тоже. Охотник, на которого охотятся.

Неожиданно поднялся ветер, отбросил волосы мне на щеки заставил полы старого плаща бродяги развеваться вокруг его ног. Ноздри бродяги расширились, потом снова сузились.

— Почувствовала? Они знают, что ты здесь. Но не волнуйся.

Они знают, что и я здесь.

— Я ничего не почувствовала, — сказала я, действительно не понимая, о чем он.

Он необычно, каким-то безумным образом наклонил голову.

— Потому что тебя не научили узнавать их. Закрой глаза и подумай о существах, которые когда-то были живыми, а теперь гниют в земле. О любимом кролике, похороненном спустя неделю после смерти. О грибках на переспелых фруктах. О горячих серных источниках, испарения которых отравляют воздух. А теперь попробуй снова.

Я повернула лицо к ветру, просто чтобы успокоить его, и сразу уловила запах, напомнивший мне о сере. А может, об олове. О ржавых банках.

И внутри давно мертвое животное.

— Боже!

Похоже на запах Аякса. Я резко повернула голову, но увидела только бродягу, который серьезно смотрел на меня. От этого взгляда у меня холодок пробежал по спине. Безумец не должен выглядеть таким нормальным. Я повернулась, собираясь уходить. Пошел он, этот парень! Может оставаться со своими загадками, маниями и гнилым запахом.

Грязный ветер донес до меня его голос.

— Ты шла одна по пустыне, уйдя из дома своего возлюбленного ранним утренним часом. Тебе было шестнадцать лет, и от тебя пахло страстью, любовью и надеждой, тем же запахом, который у тебя и сегодня.

Сердце мое забилось так сильно, что я не удивилась бы, если бы оно выпрыгнуло из груди мне в руки. Откуда этот бездомный бродяга, бросившийся под колеса моей машины, от которого несет канализацией, знает о моем личном запахе? Откуда он знает обо мне? Я обернулась и увидела его ближе, чем ожидала. Так близко, что у меня перехватило дыхание.

— На тебя напал мужчина, который словно был одновременно повсюду, — продолжал он, глядя на меня горящими глазами. — Тебя изнасиловали, придушили и оставили умирать. Ты пришла в себя, потеряв память, лежала под палящим полуденным солнцем и не понимала, кто ты и где. Память постепенно вернулась к тебе, но расцветавшее шестое чувство — нет. Ты залечила искалеченное тело и превратила его в боевую машину, в оружие, в инструмент воина. И это хорошо. Сейчас оно тебе понадобится.

— Откуда ты все это знаешь? Боже, как жалко звучит мой голос.

— У меня свои таланты. У тебя — свои.

— Хочешь сказать, как у супергероя?

Если он так думает, то выбрал не ту девушку: моя жизнь напоминает мыльную оперу, а не героический комикс.

Человек поджал губы и посмотрел вверх, словно читал звездное небо как карту. Здесь, далеко в пустыне, звезды сверкали ярко и далеко раскинулись на небе в эту ясную ночь.

— Я не могу помочь тебе сейчас, Джоанна. Еще слишком рано. Я пришел предупредить тебя. Если уцелеешь, я с тобой свяжусь. — И он похромал прямо в пустыню Но спустя несколько мгновений остановился, и впервые в его фигуре появилась неуверенность. — Джоанна?

Я смотрела на него и дрожала. — Постарайся уцелеть.

Забавно, но я весь день об этом слышу.

* * *

Здравый рассудок был относительно неуловимым состоянием, после того как десять лет назад меня изнасиловали. Эта странная встреча в пустыне с человеком, который не Мог всего этого обо мне знать, напомнила мне, как трудно било сохранить хоть немного нормальности… впрочем, думаю, совершенно новое ощущение, когда угрожают зазубренной кочергой, тоже имело отношение к этому воспоминанию. Оба совершенно незнакомых мне человека говорили о событиях, о которых в моей семье не упоминали годами, и творили о моем прошлом так легко, словно просили передать соль…

Что случилось, Джоанна, дорогая? Видения? Может, что-то напомнило тебе горячую летнюю ночь?

На тебя напал мужчина, который словно был одновременно повсюду..

Тебя изнасиловали, придушили и оставили умирать.

Это правда, все это было. Но как правило — просто что бы не утратить с таким трудом завоеванную нормальность — я на этом не сосредоточивалась.

После нападения, после того как я пришла в себя, насколько можно это сделать после такого, после девяти месяцев, проведенных в укрытии, я со временем даже закончила школу, Я не позволяла себе оставаться жертвой человека, который и так отнял у меня слишком многое. Гнев и страх сменились целеустремленностью и верой в то, что если кто-то пытался сделать вас своей жертвой, не обязательно этой жертвой становиться.

И поэтому я совершала нормальные поступки. Поступила в

колледж и окончила его с дипломами по фотографии и искусствоведению. Я тренировала мозг так же, как тело, заставляла себя быть общительной, чтобы не окаменеть или не превратиться в лед, чтобы не стать чем-то жестким, хрупким, мертвым.

И я забыла — вернее, говорила себе, что забыла, — о ребенке.

Мне стало чрезвычайно важно сбежать из позолоченной клетки Ксавье, из этого гигантского архитектурного урода, ложно великолепного снаружи, но с чувствами печали и вины, которые поселились внутри после нападения на меня в пустыне. Я жила в студенческом общежитии, в одной комнате с девушкой, которая на настенном календаре вела запись всех мужчин, с которыми переспала. Я вступила в студенческое землячество — правда, на одну минуту, но все же — и заставляла себя ходить на свидания, стараясь, чтобы самая первая и глубокая реакция — автоматически отказать и уйти — находилась под контролем. Тогда я приняла решение: никогда не говорить «нет». Конечно, иногда я проклинала себя за неуклонное соблюдение этого правила — я потеряла счет, сколько рук, пытающихся потискать меня, мне пришлось отбросить, — но защита от навязчивых парней — легкий танец по сравнению с тем, что произошло сегодня.

И я старалась не отгораживаться от мира, вот почему реплика Бена о том, что я прячусь за своими объективами, меня особенно задела. Да, я брожу по городу в то время, когда мне следовало быть дома, готовить ужин мужу и двум потомкам. Большое дело. Но в тенях моего города, этого сверкающего города долларовых буфетов и неоновых драм, я обнаружила полное отсутствие представлений о том, что такое нормальное. Когда я выношу на улицы свой аппарат, никому нет дела до моего прошлого или до моего имени. Когда на цыпочках прохожу по уродливым темным переулкам, глядя в лица, которые в ответ бесстрашно и открыто смотрят на меня, я могу перестать делать вид, что у меня нормальный и цельный характер. Я просто могу здесь быть цельной.

А теперь какой-то бродяга, вообразивший себя героем комикса, сообщает мне, что кто-то собирается снова напасть на меня. Хуже того, у меня есть основания, несмотря на весь его бессвязный бред, поверить его словам. Первая причина — на меня уже напали. Очень ясный сигнал. Вторая причина — в нашем разговоре были не только загадки и скрытые смыслы: он повторял беседу с Аяксом, если не точно, то по крайней мере по набору слов и содержанию. Оба утверждали, что знают мой запах. Оба заявляли, что я в чем-то особенная. Оби сказали, что за мной по-

прежнему следят.

В-третьих, этот вонючий бродяга знал не только, как меня зовут, мою семью, мое прошлое — он знал подробности, которых не знал никто, а некоторые из них я и сама постаралась забыть. И самое главное — он знал, какими словами я описываю себя, словами, которыми я определяю, кем стала, заполнив дыры в душе, образовавшиеся из-за неспособности девочки защитить себя.

Оружие. Воин. Охотник.

Потому что, несмотря на все усилия стать цельной женщиной и к тому же относительно открытой, я постоянно остро ощущала, что он — нападавший — так и не был найден. Он никогда не смотрел на мир из-за решетки… по крайней мере не за то, что сделал со мной. Он по-прежнему где-то здесь. Я чувствовала его каждой своей прежней раной. Я слышала его голос всякий раз, как темнота опускалась на «Полосу».

Но у меня здесь есть свое место — в этом мире, в этом городе, на этих улицах. Я приобрела его путем труда и решимости и не собираюсь отказываться от него только потому, что какой-то потерявший аппетит псих и спятивший бродяга вторглись в мою жизнь.

Нет, поклялась я, направляясь домой по освещенным неоном улицам. Я не сдамся. Не сдамся без жестокой, безжалостной, будьте вы прокляты, борьбы.

4

Каждое утро я прежде всего готовлю себе кофе, опускаю солнцезащитный козырек и принимаю меры предосторожности — противозачаточные; цель, конечно, в том, чтобы постоянно быть настороже и защищенной. Сегодня я добавила пару таблеток аспирина, чтобы окончательно ликвидировать последствия ночного столкновения, и подготовилась к встрече с пользующимся самой дурной репутацией Ксавье Арчером. Сразу после восьми позвонила его секретарша и сказала, что он хочет видеть мою сестру и меня, и хотя она спросила, смогу ли я прийти, я поняла, что это не просьба.

Я согласилась прийти после полудня, а потом принялась рыться в шкафу, чтобы найти что-нибудь такое, что Ксавье сочтет подходящим; в глубине души я знала, что он не считает подходящим вообще видеть меня. Я для него большая помеха по причинам, которые ни он, ни я не можем контролировать, и с моей стороны смешно пытаться ему понравиться, хотя когда-то я старалась. Сейчас просто нужно соблюдать приличия и играть. А мой отец, как игровой магнат, умеет это делать. Уж поверьте.

Соображения удобства победили стремление произвести хорошее впечатление: я остановилась на футболке с рукавами в три четверти, джинсах в обтяжку и моих любимых кожаных сапогах — я уже дважды меняла на них подошву — все черное. Набросив поверх шарф и куртку, я проехала пять миль от моего скромного типового дома до построенного по специальному проекту жилища отца. Пропустить его невозможно. Оно занимает целый квартал в западной оконечности города. Меня впустил охранник с бачками, квадратной челюстью и телосложением культуриста — Элвис на стероидах, — и мгновение спустя я уже ехала по круглому подъездному пути к дому, который больше подходит для Лазурного берега, чем для долины Лас-Вегаса. Входя в дом, я встретилась с Оливией.

Физически мы с сестрой во всех отношениях разные. Я хожу с короткой спортивной стрижкой, а она словно только что сошла с рекламы шампуня. На моем лице, хотя и гладком, с тонкими чертами, очень редко бывает косметика, а Оливия постоянно проводит время у прилавка «Шанель». Сегодня она к тому же в розовой «прада», неприлично жизнерадостной для такого ноября, и в сопровождении своей обязательной спутницы, лучшей подруги Шер. Я вздохнула, глядя на них, стоящих под мраморным куполом портика. Похожи на кондитерские фигурки на свадебном торте; один их вид повышает содержание сахара в моей крови.

Подходя, я заслонила глаза рукой.

— Кажется, я сожгла сетчатку.

— Ха-ха, — откликнулась Оливия, поворачиваясь к Шер и улыбаясь так, что образовались ямочки на щеках. — Джоанна считает, что ядовитые реплики делают ее интеллигентной, не говоря уже о моральном превосходстве над всеми нами, у кого есть карточка «Неймана».[14]

Черт побери, неплохо для женщины, которая когда-то надевала кроличьи уши и пушистый хвостик.

— Знаешь, возможно, это просто солнце, Джоанна, дорогая. — Глядя на мой черный ансамбль, Шер громко хлопнула жевательной резинкой, тоже розовой. — Оливия рассказывает, что ты выходишь только по ночам.

— Только в полнолуние, — ответила я, стараясь не волноваться из-за того, что Оливия судачит обо мне с Шер. У нас с Шер давняя вражда, она возникла в день нашей первой встречи, шесть лет назад. Шер — южная версия Оливии, остроязычная мегера в маске красавицы, с такой привычкой к манипулированию людьми, что Скарлетт[15] от зависти покраснела бы. Она не воспринимает себя слишком серьезно, что я считаю хорошей чертой, но она ничего не воспринимает серьезно, а это мне кажется безответственным. К тому же к ней прислушивается сестра, которую я считаю своей лучшей подругой.

— Что ж, это объясняет твою бледность, дорогая. — Шер прижала к моей коже холодный, украшенный драгоценным камнем палец. А когда отняла его, цвет кожи не изменился. Тот же тест она повторила на себе, с гораздо более обнадеживающим результатом.

— Еще раз коснешься меня — потеряешь палец.

Она поднесла этот палец к губам и послала мне воздушный поцелуй.

Я едва сдержала рычание.

— Флирт на меня не подействует, Шер. У меня нет пениса.

— Ты уверена? — Она ухмыльнулась, опустив и подняв ресницы, как крылья бабочки, и, прежде чем я смогла ответить, отвернулась. — Буду ждать тебя в гостиной, Ливви-девочка. Не забудь, у нас в четыре свидание и ужин с чаем.

— Это комната для семьи, — бросила я ей вслед. А когда повернулась, увидела, что Оливия печально смотрит на меня. — Ну что?

— Почему ты всегда на нес набрасываешься? А выражение ее лица говорило «на нас».

— Легкая цель.

— Она моя лучшая подруга.

— Знаю.

Мы замолчали. Наконец я откашлялась.

— Давай покончим с этой встречей с дорогим папочкой. Не хочу, чтобы ты пропустила этот ужин.

— Можешь пойти с нами, — предложила она, когда мы вступили в извилистый коридор, ведущий к офисному крылу.

И после этого мне под ногти сунут горячие иголки.

— Не думаю.

— А сегодня вечером? — настаивала она. — Придешь?

— А что случилось. Малибу Кен[16] встречается с кем-то другим?

— Нет, но у моей сестры день рождения. Я считала, мы его отметим. Только мы вдвоем.

Ее голос одновременно смягчил меня и причинил боль. Давно мы с ней ничего не делали вместе, просто для забавы. Потом, вспомнив, как она смотрела на меня, я подумала, что все, происходящее между нами, тут же докладывается Шер. Я люблю тебя, Оливия, но…

— У меня уже есть планы на вечер.

Мне ужасно хотелось рассказать ей о Бене. Но я не могла, когда голос и лицо Шер еще так свежи в памяти. Оливия выпятила нижнюю губу.

— Разве тебе не интересно узнать, что я тебе приготовила?

— В розовой бумаге или со штампом модного дизайнера?

— Нет. И не крест и не святую воду. Ты в полной безопасности.

— Ха-ха.

Но Оливия взяла меня за руку, так что мне трудно было скрестить руки на груди и тем более зарычать на нее. Черт возьми, она действует как криптонит[17] перед менструацией, прекрасно знает, как лишить мое дурное настроение энергии.

— Упрямая, — прошептала она, словно про себя. — Слишком упрямая, чтобы признаться в какой-нибудь слабости…

— Не начинай снова.

— И слишком любит жизнь, чтобы совсем закрыться от нее.

Любит жизнь? Я приподняла бровь.

— Оливия, я целые дни сплю — когда не тренируюсь, а по ночам хожу по самым грязным трясинам этого города.

Она только улыбнулась.

— Раз в неделю ты работаешь добровольцем на кухне для бедных. Твои портреты бездомных всем рассказывают о том, что они существуют. Ты даешь им знать, что по крайней мере ты их видишь. И ты помогла десяткам сбежавших подростков вернуться

домой, а если это невозможно, находила им новый дом.

Я застыла на месте.

— Откуда ты все это знаешь?

Она повернулась и двинулась по коридору, слегка улыбнувшись мне через плечо. Мне пришлось торопиться, чтобы догнать ее.

— Потому что я не только председательствую на вечерах, на которых собираются люди, довольные тем, что могут списать на благотворительность ужин в пятьсот долларов. Я общаюсь с людьми, которые говорили с теми, кому ты помогла. Те, кто может заплатить за дорогой ужин, называют меня «мисс Арчер», но те, кто получает бесплатную тарелку, называют тебя «другом».

— Меня сейчас вырвет, — сказала я в замешательстве… и в глубине души довольная.

— Пожалей ковер.

К этому времени мы уже оказались в мраморном зале, заметно отличающемся от всего остального в доме. Пол здесь не покрыт, три окна лишены украшений, а центр зала представляет собой нечто, именуемое «ступа». Однажды Ксавье объяснил, что в этой штуковине тибетские ламы хранят останки великих мудрецов прошлого.

Не знаю, как должна выглядеть тибетская «ступа», но здесь, с мраморными стенами — и наклонным потолком, все напоминает внутренности склепа.

Конечно, Ксавье как-то этот зал украсил. В центре стоит стеклянная витрина, освещенная сверху, а в ней первый полный английский перевод «Тибетской книги мертвых», рукописи возрастом в тринадцать столетий. Приятно и жизнерадостно. В конце зала есть также помост, достаточно просторный для трона, который Ксавье со временем и собирается на нем поставить. Сейчас здесь только большая в позолоченной раме картина маслом, на которой изображены снежные горные вершины над равниной с дикими цветами и пасущимися яками.

Ведущие к помосту предметы несколько менее пасторальны и гораздо более интересны: как деревянные солдаты, стоят ряды вертикальных молитвенных вееров; впрочем, я никогда не видела, чтобы их раскрывали, и не знаю, как ими пользуются. Да и о чем может молиться властный, эгоистичный игорный магнат?

Но все это озадачивало гораздо меньше масок. Ксавье утверждал, что они из деревни шерпов, высоко в Гималаях, и у меня не было причин не верить ему. Я не представляла, какова связь Ксавье с Гималаями. Он родом из Бронкса. Тоже своего рода экзотика, но слегка другая.

Первая маска сделана из меди, это продолговатое

дьявольское лицо, которое ухмыляется вам, когда входите в комнату. Я всегда вздрагиваю, глядя на эту маску. Чуть дальше какой-то круглолицый бог, вырезанный из древесной капы, посылает гостям воздушный поцелуй надутыми губами. Еще один бог караулит вход в кабинет, он в короне с острыми выступами, и его алый рот раскрыт в беззвучном крике. И как будто всего этого мало, камера наблюдения смотрит из угла своим циклопическим красным глазом, завершая картину.

У двери прозвучал звонок.

— Входите, дамы.

Дубовая дверь раскрылась со щелкающим звуком.

Кабинет Ксавье больше соответствует тому, что можно ожидать от игорного магната. Никаких тотемов или духовных погремушек. Темное дерево, мебель огромных размеров и шоколадные стены. Звукопоглощающий потолок, туманные зеркала, лепка и застекленный шкаф ручной работы с впечатляющей коллекцией пыльных книг в старинных переплетах с нетронутыми корешками. И человек в этой комнате тоже по-своему величествен и грандиозен.

Ксавье Арчер заставляет всех почувствовать свое ничтожество. Он часто машет рукой, как европейский монарх, приглашающий подданных сесть. Так же он поступает и с нами, своими дочерьми, и единственным признаком того, что эта встреча отличается от совещания по объединению банков или обсуждения квартальных дивидендов, было то, что Ксавье не поднял головы от своих записей.

Мы сели в неудобные красного дерева кресла. За те месяцы, что я его не видела, он не изменился: по-прежнему сложен как деревенский бык под своим сшитым по заказу «армани». Тяжелая нижняя челюсть и одна изогнутая бровь; я была в курсе, что он чувствителен к этой особенности своей внешности, но отказывается ее менять. Если не знаешь, можно его принять, за стареющего полузащитника в американском футболе. Но, конечно, все знают — Ксавье Арчер позаботился об этом.

— Здравствуй, папа, — сказала моя сестра, когда он наконец поднял голову.

— Здравствуй, Оливия, дорогая. — Он с опустил ручку с улыбкой, которая тут же исчезла, когда он посмотрел на меня.

— Джоанна.

— Ксавье, — откликнулась я.

Он смотрел на меня мутными глазами. Я сосредоточилась на его лбу.

Откашлявшись, он откинулся в кресле.

— Девочки, вы, вероятно, гадаете, зачем я пригласил вас

сегодня.

— Совсем нет.

— Сначала ты, Оливия, — произнес он, не обращая на меня внимания. — Я слышал о твоей попытке поступить в «Валгаллу». Сколько раз я тебя просил? Я не хочу, чтобы мои дочери работали. Что подумают люди?

— А что они сейчас думают? — спросила я. Они оба сделали вид, что не слышат.

— Я хочу, чтобы ты выросла, вышла замуж, родила детей, развелась и жила счастливо. — Он постучал указательными пальцами друг о друга. Пальцы были похожи на две дерущиеся сосиски. — Поняла?

— Да, папа, — негромко ответила Оливия.

— А что если она хочет работать?

Он взглянул на меня и мигнул, как будто удивляясь, что я все еще здесь.

— Если она хочет работать? — повторила я громче.

— Ты имеешь в виду бесплатное фотографирование? — Ксавье никогда не скрывал насмешливого отношения к тому, что считал моим «бесполезным» хобби. Он усмехнулся. — Не думаю.

Я ничего не могла с собой поделать: система защиты, которая включается у меня, когда я оказываюсь рядом с Ксавье, распространяется и на Оливию.

— Я хочу сказать, что, может, ей недостаточно быть украшением на твоей руке или на руке будущего мужа.

Оливия протянула ко мне руку.

— Джо…

— У Оливии есть работа. Она моя дочь.

Да, и оплачивается ее работа отвратительно. Впрочем, я придержала язык, потому что Оливия умоляюще смотрела на меня.

— Итак. Тебе все ясно? — Это означало, что ясно ему, но я отметила, что позже нужно будет поговорить с Оливией об этом. — Я слышал о шуме в «Валгалле» вчера вечером, Джоанна. Не желаешь ли объяснить?

Шум? Так он называет нападение на меня безумца с зазубренной кочергой? Я улыбнулась.

— Конечно. Объясню. Я спасла несколько твоих драгоценных богатых посетителей от гибели: их едва не порезал на куски убийца-маньяк. И хорошо сделала. Иначе ковер пострадал бы.

— Не шути.

— И не думала.

Мы смотрели друг на друга через полированный стол, каждый ждал реакции другого. Такое у нас уже бывало, и не раз.

Ксавье считал мой острый язык неприличными; он хотел, чтобы я больше походила на Оливию: та смущается, когда глаза партнеров Ксавье слишком надолго задерживаются на ее фигуре; она мило принимает оскорбления относительно ее интеллекта. И даже когда не соглашается со словами отца, молчит.

Я считала такие ожидания глупыми, поэтому большую часть своего сарказма приберегала для него.

Оливия мягко кашлянула рядом со мной, заставив меня отвести взгляд.

— Я слышал, что была вызвана полиция?

Вот чем он озабочен. Приличная внешность должна сохраняться любой ценой.

— Полиция уже была там. Полицейские несколько месяцев следили за этим парнем.

Я не стала рассказывать о новой встрече с Беном.

— Потому что он уже убивал?

— Да, и мошенничал в кости.

Глаза его при этих словах опасно сузились.

— Возможно, в будущем тебе стоит внимательней выбирать тех, с кем встречаешься.

Да, это я уже сама поняла.

— Ты хотел что-то сообщить нам, Ксавье? — Мне нравится, как он стискивает зубы, когда я зову его по имени.

— Да. Нечто очень важное. — Он выжидательно, почти ласково смотрел на нас.

«Будет удивительно, — подумала я, — если речь пойдет действительно о чем-то важном».

— Тебя, Джоанна, это касается больше Оливии. Странно, что вообще что-то может касаться меня.

— Я не твой настоящий отец. Я стремительно выдохнула.

— Слава богу!

Оливия рядом со мной пискнула:

— Что ты сказала? Я откашлялась.

— Сказала, что это несколько неожиданно.

— Да, я знаю, для тебя это шок. Я сам узнал это только недавно. — Он махнул рукой, показывая на открытый конверт на углу стола. Я взяла его, посмотрела, что написано на конверте, отметила отсутствие обратного адреса и вообще любых указаний на отправителя, потом достала единственный листок. Действительно, на нем было написано, что я не его дочь. Никакой подписи.

— Есть другие доказательства? — спросила я, махнув листком в его направлении.

— Думаю, доказательств достаточно.

Он имел в виду не письмо, а это значит, что говорил правду. Я откинулась, выпустив письмо. Оно упало на пол.

— Но, папа… — начала Оливия.

— Не волнуйся, Оливия, дорогая. Я на этой неделе проделал все тесты. У нас с тобой одна кровь.

Я хотела заметить, что она не очень тревожилась об этом и сейчас не выглядит обрадованной, но Оливия, ломая руки, затараторила:

— Но… Но мы ведь родные сестры? — Я посмотрела на нее. — Ну пусть… даже сводные.

Будь она благословенна. Милая, чувствительная Оливия. Она лучше нас, взятых вместе. Я положила руку ей на руку, давая знать, что это не имеет значения.

— Да, у вас одна мать.

— У нее есть имя! — выпалила я, и его голова дернулась, снова напомнив мне быка. — Зоя!

— Я знаю ее имя. — Он поднялся из-за стола. Обычная властная поза. — Оливия, прости, но мне нужно кое-что обсудить с Джоанной наедине.

Оливия не шевельнулась, неуверенно прикусила нижнюю губу и покосилась на меня. Я снова потрепала ее по руке. Ксавье побагровел, ноздри его расширились, единственная бровь высоко поднялась. Я ожидала фырканья и топота копыт.

— Оливия!

— Да, папа. — Она встала.

Я бросила ей успокаивающий взгляд.

— Все обсудим позже.

Дверь за ней закрылась с легким щелчком. В наступившей тишине этот щелчок прозвучал как выстрел.

— Кто он? — без всякого предисловия осведомилась я. Теперь притворяться нет смысла.

— О ком ты? — Он включил увлажнитель рядом со столом.

— Кто меня зачал? Мой настоящий отец?

Ксавье срезал «кохибу»,[18] закурил и дважды выпустил дым, прежде чем посмотреть мне в глаза.

— Не знаю и не хочу знать. Мне все равно. Вот это правда. Ему всегда было все равно.

— Итак, ты с этим покончил. Избавился от меня. Избавился от разочарования в семейной династии Арчеров.

— Не будь мелодраматичной, Джоанна. И помни: виновата твоя мать, а не я.

— ноты должен испытывать облегчение, — продолжала я; мои слова были проникнуты медовым сарказмом. — Больше никакого притворства. Никаких чопорных наставлений, неловкого

молчания в День Благодарения. Ты можешь больше никогда меня не видеть.

— Это верно, — сказал он, и я вопреки своему желанию вздрогнула, тут же возненавидев себя за это. — Очевидно, ты лишаешься наследства. Вчера я уже изменил документы. Я не собираюсь содержать ребенка другого мужчины. Оливия получит все. — Он смотрел на меня; между нами символически висела дымовая завеса. — Ты не моя дочь.

— Но, Ксавье. — Я тоже встала и, наклонившись над столом, разогнала дым. — Как это будет выглядеть?

Он уже подумал об этом.

— Для всего мира ты останешься моей дочерью. Отстраненной, но моей. Понятно?

«Всего лишь имущество, — подумала я, — небрежно отброшенное в сторону».

— Поскольку моя дочь к тебе как будто хорошо относится, ты сохранишь свой дом, свою машину и небольшое ежемесячное содержание, но семейный бизнес, все дома и вложения — все это принадлежит Оливии, и по справедливости.

— А имя? — негромко спросила я. — Имя я могу сохранить?

Он колебался.

— Это имя и твоей матери.

— Которое она явно высоко ценила. Он застыл.

— Теперь ты можешь идти.

Я едва не рассмеялась. Да я давно ушла. Он просто никогда этого не замечал.

— Да, Джоанна. — Его голос остановил меня, когда я уже взялась за дверную ручку. Он уже снова сидел за столом, направляя вверх струю дыма. И заговорил углом рта: — Держись подальше от «Валгаллы». Если я услышу еще об одном инциденте, наносящем ущерб репутации моей собственности, я лично выкину тебя прочь.

Я использовала единственное оставшееся оружие.

— Неудивительно, что она тебя бросила.

Он взял ручку и принялся писать, не глядя на меня.

— Тебя она тоже бросила.

Что ж, это и есть самое трудное, верно? Моя мать меня бросила. Конечно, она бросила Ксавье и Оливию тоже, но они не приходили в себя после нападения, угрожавшего их жизни. Они не почувствовали ее уход так, как я. Не нуждались в ней, как я.

«Нет смысла все это повторять себе», — подумала я. Мать ушла из семьи — только и всего, и, как остальная часть моего радостного прошлого, это теперь позади. Покидая кабинет Ксавье, я представляла себе, что топчу воспоминания, которые вызвало

упоминание имени моей матери, каблуками загоняю их назад в могилу сознания, где покоятся все мои прежние боли. Я больше не подросток с уязвимой и уставшей душой и с искалеченным телом. Мне в моей жизни больше не нужна мать, и я не хочу ее.

Я добралась до фойе и стреляла воображаемыми пулями в большой портрет Ксавье, когда услышала легкий звук. Он был приглушенным, и в нем легко было узнать биение моего сердца. Оливия стояла перед большим окном, выходящим на боковую лужайку, она отражалась в стекле, и изгибы ее тела резко контрастировали со строгими линиями окна. Она скрестила руки, словно пыталась удержать себя… «Она давно пытается это делать», — подумала я. При виде этой хрупкой и очень красивой фигуры сердце мое дрогнуло, и я быстро спустилась в гостиную. Я знала, что Оливия меня заметила: она наклонила голову, но не обернулась.

— Эй. — Я положила руку ей на плечо. — А где Чудо Номер Один?

— Снаружи. — Плохо дело: Оливия не попросила меня называть Шер по имени. — Ждет в машине.

— Ты опоздаешь на ужин, — сказала я, поворачивая ее к себе и обнимая. Когда я вижу слезы на глазах сестры, во мне просыпаются вес спящие материнские инстинкты. Конечно, я часто дразню ее по таким поводам, которые — мы обе это знаем — не имеют значения, но когда что-то действительно затрагивает ее сердце, я ощетиниваюсь, как волчица, защищающая детеныша.

— Ты уверена, что не можешь пойти с нами? — спросила она, умоляюще глядя мне в глаза. Мы с ней одного роста, но сегодня она возвышается на четырехдюймовых «маноло». — Я очень хочу немного побыть с тобой.

— У меня свидание, — ответила я, и она упала с лица. — С Беном.

Она с удивленным и радостным возгласом свела руки, и в глазах ее, кроме слез, загорелось что-то еще.

— О, Джоанна!

— Не придавай слишком большого значения, — произнесла я, но мне трудно было сдержать возбуждение в голосе. — Это всего лишь свидание.

— Но с Беном. С Бспом Тройной. — Она тяжело вздохнула и прижала руку к сердцу. — Я всегда знала, что вы созданы друг для друга. О, ты должна будешь мне все рассказать!

— Обязательно, — пообещала я. — Завтра.

— Нет, сегодня. Вечером, — настаивала она, обнимая меня.

— Оливия… — Я пыталась говорить твердо, но ее возбуждение оказалось заразительным. — Ну, хорошо. Заеду к

тебе в половине двенадцатого или около того. К этому времени мы уже закончим.

— Тогда я дам тебе подарок, хотя, конечно, он не сравнится с Беном Трейной!

«А что сравнится?» — подумала я, высвобождаясь из ее объятий. Поправила ей волосы и улыбнулась.

— Тебе нужно привести себя в порядок. Для ужина ты слишком встрепанная.

Она кивнула, но не двинулась

— Как ты?

Я пожала плечами.

— Привыкла. — И потом, понимая, что ей нужно успокоиться, радостно улыбнулась. — Все в порядке.

Еще один кивок, она снова сжала мне руку, и мы повернулись к выходу. Мы не можем общаться в доме Ксавье. В этих стенах не происходит ничего, о чем бы он не узнал. И тут Оливия меня удивила. Когда мы вышли из фойе в яркий зимний день и я повернула в противоположную сторону от «корвета» Шер, Оливия необычно сильно схватила меня за руку.

— Ты — вся моя семья! — воскликнула она, глядя мне в глаза. — Без тебя я бы, вероятно, верила всему, что говорят.

Мне не нужно было спрашивать, что она имеет в виду. Те, кто пишут о ней журнальные статьи, с ней никогда не беседуют. Смотрят на ее грудь, а не в глаза. И забывают, что под этой внешней красивой оболочкой и лоском есть человек, личность. Все забывают, и Ксавье тоже.

— Оливия Арчер, — сказала я, беря ее руки в свои. — Ты все, что о тебе говорят, и гораздо больше. Ты прекрасна, добра, умна и сильна. Ты верна и предана, и хотя обладаешь странным пристрастием к грязевым ваннам… — Тут она рассмеялась. — Ты все же моя сестра. Под внешностью светской дамы — прочная сердцевина и душа более сильная, чем у меня. Не забывай об этом, ладно?

Она кивнула со слезами на глазах, и я выпустила ее, чтобы мы не разревелись на ступеньках Ксавье. Никогда не доставлю ему такого удовольствия. На полпути по лестнице я обернулась.

— И Оливия!

Она остановилась, и я повысила голос, чтобы услышала и она, и Шер, и вся звукозаписывающая аппаратура, спрятанная в кустах:

— Кровная сестра или нет, я никогда, никогда не брошу тебя.

И не брошу. Она тоже все, что у меня осталось.

5

Бен Трейна ничего не забыл. Итальянский ресторан был тем самым, куда он в плохо сидящем привез меня на первое свидание — привез в чужом пикапе. Сейчас костюм сидел на нем отлично — аккуратные джинсы, на которые я посмотрела дважды, и поношенный кожаный пиджак, который просил и третьего взгляда. Машина тоже его собственная, хотя по-прежнему с приводом на все колеса и с очень мощным двигателем.

Таверна «Делизиоза» — маленький итало-американский ресторанчик, вполне заслуживающий свое название.[19] Нас встретил аромат итальянских сосисок и свежеиспеченного хлеба, а из невидимых динамиков доносился голос Синатры. Обеденный зал представлял собой одну большую комнату, углы которой смягчали тяжелые занавеси. На стенах — фотографии звезд итальянского кино и спорта. У противоположной стены — бар красного дерева, мы отражаемся в его зеркалах, а по краям бара — зелень, виноград и бутылки старого кьянти. Отдельные столики накрыты скатертью в бело-красную клетку; на них позолоченные фонари «молния», которые почти не дают освещения.

Ужинали несколько пар, а за длинным столом в углу сидела семья мормонов со множеством детей. Единственный одинокий мужчина сидел у стойки бара спиной к нам, и я внимательно рассмотрела в зеркало его лицо, но ничего тревожного не увидела. Вероятно, пенсионер, пожилой, седеющий, выглядит совершенно безвредно, но на всякий случай я все же села спиной к стене и так, чтобы обозревать всю комнату. Если Бен и заметил это, то промолчал.

— Официант знает тебя по имени, — заметила я, когда нам на столик поставили бутылку «панны» и корзину с хлебом.

Он пожал плечами. Под пиджаком на нем рубашка с короткими рукавами, под которой отлично видно движение мышц. Я пыталась сосредоточиться на его словах, но меня отвлекали его губы.

— Здесь есть специальные часы для полицейских. И ресторан находится по пути домой.

Он ничего не сказал о том, что здесь прошло наше первое свидание, я тоже.

— Кажется, я не совсем верно оделась, — произнесла я, оглядев себя. Я надела брюки, чтобы скрыть лезвия, прикрепленные к обуви, но выбрала яркую кофту с разрезом чуть ли не до пупка. Мне удалось скрыть все нужные места, а в

сумочке уютно устроился алюминиевый куботан[20] длиной всего в шесть дюймов. Тупой короткий ствол мог оказаться у меня в руке одним быстрым движением. Возможно, у меня паранойя, но она в модной оболочке.

— Все в порядке, — заверил меня Беи, опираясь локтем о стол. — Снова наслаждаюсь твоим видом, Джо-Джо.

Я покраснела: для меня это такая новая реакция, что я вынуждена была оглянуться.

После того нападения мы виделись только раз. Меня только что выписали из больницы, и прошло достаточно времени, чтобы сошли синяки с кожи, но слишком мало, чтобы мы с ним стали прежними. Я тогда почти не разговаривала — так же как не видела, не слышала, не чувствовала и очень боялась позвонить ему или встретиться с ним: воспоминания о сладости того момента, когда я лежала под ним, а он проникал в меня, делали положение еще более горьким.

И я была права. Я не могла прогнать горечь изо рта, чтобы что-нибудь сказать, а даже если бы смогла, не знала бы, что. Ты все еще меня любишь? Хочешь ко мне притронуться? Перестань так смотреть на меня. Так что мгновения превращались в минуты, молчание продолжалось, молодой Бен тоже не знал, что сказать. Он бросил на меня прощальный взгляд и ушел. А я почувствовала себя еще более одинокой.

— Джо.

— Прости. — Я покачала головой, поняв, что и Бен, и официант смотрят на меня.

— Я спросил, не хочешь ли немного вина за ужином. — Он слегка смущенно рассмеялся. Должно быть, я надолго задумалась. — Теперь я не знаю, что тебе нравится.

— Вино — это хорошо. — Я заставила себя улыбнуться, а сама решала, стоит ли все это начинать заново.

Когда-то давным-давно — это действительно было давно — мы могли бы пожениться и жить вместе. Или так же легко могли расстаться: просто разошлись бы, когда выросли. В любом случае наш выбор не был бы окрашен трагедией.

Но вместо этого между нами повисла неестественная смерть надежды, и любовь была убита так же верно, как намеревались убить меня. И вот возникает вопрос: в этом мире, в моей нынешней реальности есть ли то, что мне нужно преодолевать? Потому что долго спавшие во мне и снова зарождающиеся чувства меня пугали. Я чувствовала, что нахожусь на пороге чего-то рискованного, крутого. Передо мной глубокая пропасть, и я либо безрассудно прыгну в нее, либо разумно отступлю. В течение целых десяти лет я выбирала только безопасность.

— Ты слишком напряженно думаешь, Джо, — заметил Бен, и от его улыбки мой мир задрожал.

Я небрежно откинулась назад. Спокойная, как землетрясение.

— С чего ты взял?

— У тебя потемнели глаза, — ответил он, глядя в них. — Нервничаешь?

— Каменею от страха, — сказала я, удивив нас обоих откровенностью. Он рассмеялся, и я поразилась тому, как вначале его смех прозвучал громко, а потом утих. Неужели можно забыть, как смеется твой возлюбленный?

— Не волнуйся, я не кусаюсь. — Он наклонился вперед. — Не посмею.

Мой взгляд перешел на его губы. Очень плохо.

Я поискала тему, которая не возбуждала бы меня, не напоминала о прошлом и, боже избави, не заставила бы мое сердце опасно биться, и наконец остановилась на той части его жизни, которая не имеет ничего общего со мной.

— Ты все еще пишешь? Он кивнул.

— Но не стихи. Теперь я пишу детективные романы, романы-загадки. Ничего еще не напечатал, но по-прежнему стараюсь.

— Я рада. Твои стихи были замечательными.

Он пожал плечами, и этот жест подсказал мне, что для него это по-прежнему много значит.

— Это заставляет голову работать. Люблю создавать миры, характеры, ситуации.

— И решать загадки? — спросила я, и он кивнул, кладя в рот кусок хлеба. — Поэтому тебе нравится быть полицейским?

Он перестал жевать и задумчиво посмотрел на меня.

— Я не уверен, что мне нравится быть полицейским. И сам удивился этому признанию.

— Тогда почему ты это делаешь?

— Я обязан. Это принуждение. Призыв.

— Одержимость? — осторожно осведомилась я.

Он взглянул на меня.

— Да.

Я колебалась: снова опасная почва.

— Из-за того, что произошло со мной?

Он мигнул, но выражение его лица не изменилось. Наверно, решил, что, если я могу говорить об этом так открыто, он тоже может.

— И потому, что я не могу спокойно жить, когда с людьми, которые не могут себя защитить, происходят ужасные вещи.

Я просто смотрела на него, решив молчать, пока он не ответит на мой вопрос.

Он снова пожал плечами, но теперь за этим движением скрывалась ярость.

— Что ты от меня ждешь, Джо? Да, то, что случилось с тобой, с нами, сказалось на мне. Изменило мой взгляд на мир. Да и как могло быть иначе?

Я обнаружила, что не могу взглянуть ему в глаза.

— Но как это может до сих пор действовать на тебя? Бен кружил вокруг этого вопроса, как тигр, подошел к нему с нового направления.

— А как же твоя карьера? Ты фотограф, который запечатляет истину, но остается в безопасности по другую сторону объектива. Никто и ничто тебя не трогает, верно?

Я сложила руки на груди. Это неправда. Мои снимки хороши и правдивы. Конечно, замечание Ксавье о том, что это не приносит деньги, почти справедливо, но все же мои фотографии известны своим четким, недрогнувшим изображением самых забытых улиц Лас-Вегаса. Делая снимок, я убираю неон, и то, что остается, еще более поразительно своей простотой. На лих улицах живут люди. На этих углах подростков заставляют заниматься проституцией. Здесь каждый день теряют гораздо больше, чем во всех сверкающих казино. И я хочу, чтобы люди это знали и думали об этом.

— Мы все становимся такими, как нужно для выживания, — сдержанно произнесла я.

— А кем стала ты, Джоанна? Воином? Суперженщиной, стремящейся к мести, которая не нуждается ни в чем и ни в ком?

«Странный набор слов», — подумала я, поджимая губы.

— Осуждаешь?

— Просто интересуюсь.

Но мы оба знали, что все не так просто.

— Я тоже изменилась, Бен, — заявила я, отказываясь от обороны. — Когда кто-нибудь протягивает мне руку, я не хватаюсь за нее. И всегда ищу кулак за спиной.

Мой взгляд автоматически перешел на сидящего у стойки бара одинокого мужчину.

— Большинство женщин так не думает.

— Да, и я завидую этим женщинам. Я даже смутно помню, каково быть одной из них. — Я откинулась на спинку и перевела дыхание, понимая, что мои слова звучат слишком горько для приближающегося двадцатипятилетия. — Но я им не только завидую, Бен, я боюсь за них. Особенно боюсь за тех, кто станет подобен мне.

Мы воспользовались появлением официанта с едой и вином как предлогом, чтобы не разговаривать, но когда снопа остались

одни, Бен сказал:

— Подобной тебе нет, Джо.

Я покопалась вилкой в спагетти.

— И не пытайся со мной любезничать. Заставишь меня пуститься наутек.

Он улыбнулся, и я пожелала, чтобы он этого не делал. Чувствовала, что снова стою на краю пропасти. Вот-вот упаду. Мне захотелось оттолкнуть его и с криком выбежать из комнаты. Захотелось прижать его к себе, затащить в свою постель. Но с первым у меня было больше практики, поэтому я его оттолкнула.

— Я живу с постоянным ощущением насилия, Бен, — произнесла я, наворачивая спагетти на вилку. — Вечерами ложусь с ним спать и встаю с ним по утрам. И это никогда не изменится.

— Я знаю о насилии, Джо. На работе вижу его каждый день… — Он покачал головой, налил вина в наши бокалы и слегка отхлебнул. Глаза его потемнели. — Этого достаточно, чтобы заставить меня ходить по улицам, как ты.

Я отодвинулась.

— Но это…

Это не то, что я делаю.

— Неправильно? — закончил он за меня, приняв мое удивление за несогласие. — Почему? Чем это отличается от твоих прогулок? От поисков? Выслеживания?

— Я фотографирую. Просто смотрю. Я никогда… никогда ни до кого не дотрагиваюсь, — солгала я: дотронулась, однажды. Но если быть честной, он дотронулся до меня первым.

— Ты считаешь, я не должен так чувствовать из-за моего значка.

Это был не вопрос, а утверждение.

Его стремление защититься заинтересовало меня и дало возможность поговорить о другом.

— Значок дает тебе власть над людьми, доступ к ним. Возможно, я слишком чувствительна к тому, что один человек может распоряжаться другим, просто потому что так захочет, но мне это показалось слишком очевидным. Бен качал головой, ломая хлеб и окуная его в масло.

— Значок дает мне вторую пару глаз. И это хорошо, потому что мне приходится пропускать через глаза всю грязь города, и от этого можно сойти с ума. А так это можно вынести. Грязь ко мне не пристает.

«Тогда почему у тебя такой вид? — хотела я спросить его. — Откуда этот жесткий блеск в сузившихся глазах?»

Мне пришло в голову, что наше свидание такое же слепое, как с Аяксом. Я не знаю, кто такой Бен. Я знала мальчика,

которого мучил отец, который испытал разочарование в матери, но что сделали с ним прошедшие десять лет? Чем он занимался все эти годы? Почему развелся? И когда приобрел татуировку, которую я заметила на его левом плече, когда он потянулся за хлебом?

И почему по прошествии стольких лет он меня пригласил?

— А когда-нибудь приставала? — спросила я, думая, что его ответ может кое-что пояснить мне. — Проникала в тебя, я хочу сказать?

Он какое-то время молчал, глядя на огонь фонаря, стоящего между нами, потом заговорил, тщательно подбирая слова:

— На прошлой неделе был вызов. Третий раз за месяц полицию вызывали в дом одного парня. Типичный подонок, избивающий жену… только на этот раз он решил всыпать своему двухлетнему сыну. Когда наши парни пришли, он встретил их с распростертыми объятиями, раскрыл дверь, называл по именам: «Эй, Гарри! Привет, Патрик! Как дела?»

Бен с отвращением покачал головой, крутя в руках вилку.

— Пригласил в дом: он знал, что жена ни слова не скажет. А у мальчишки единственное, что держало на месте левую ногу, была кожа: все остальное сломано. И молоток лежал рядом, на кофейном столике.

— О боже!

— Да. Стоит этот мерзавец и улыбается: знает, что мы отлично понимаем, кто это сделал, но ничего предпринять не можем.

Мальчишку увезли в больницу, подлатали, хотя ясно, что это все равно, что накладывать лейкопластырь на пулевую рану, и вернули домой к этой суке, которая пальцем не шевельнула, чтобы спасти его.

— Бен, — негромко произнесла я, понимая, что он говорит не об этой женщине, а о другой. — Это несправедливо.

Он какое-то время смотрел на меня, потом лицо его прояснилось, и он вздохнул.

— Да, наверно, ты права, но несправедливо, что этот человек уходит свободно. Приходится надеяться, что в следующий раз он допустит ошибку, что найдется свидетель, не слишком запуганный, не слишком молодой, чтобы выступить против него. Иногда все, чего я хочу, это свидетеля.

Я кивнула, потому что понимала, что он имеет в виду. Бен прав. Насилие над ребенком и стремление отомстить находятся в разных вселенных.

Тем не менее я снова вгляделась в мужчину, сидевшего напротив меня. Куда девался мальчик, видевший все с белом и

черном? Когда он привык к удобному серому цвету? Конечно, большинство людей никогда над такими вопросами не задумывается. Но его в эту промежуточную зону привела работа, и я не могу утверждать, что на его месте испытывала бы другие чувства? Что мне тоже не понадобилась бы, как он это назвал, вторая пара глаз?

Разве я могу сказать, что не поступаю так лее? Я вспомнила Аякса и то, как, защищаясь, готова была вцепиться ему в горло.

Снова наступила тишина, и когда звон вилок о тарелки стал самым громким звуком в комнате, я начала опасаться, что мы зашли в тупик, что это снова встанет между нами — мысль о насилии, то же самое, что десять лет назад.

— Как Оливия?

«Назад на нейтральную территорию», — подумала я, не зная, чего мне больше хочется: засмеяться или заплакать.

— Отлично, — смогла я ответить проглотив комок в горле. — Она инженер в лаборатории космических полетов. Разрабатывает новые способы сексуальных контактов при отсутствии веса.

— Я всегда сомневался, что стоит летать на кораблях НАСА.

Пришлось улыбнуться. Бен один из немногих парней, которые никогда не попадали под влияние чар Оливии, и поверьте мне, таких очень мало. Но Бен Трейна всегда смотрел только на меня.

— Она по-прежнему прекрасна, непостоянна и преданна. — Я почувствовала на себе его взгляд и ненадолго задумалась. — Ты один из немногих, кто никогда ее не осуждал, знаешь ли ты это? Мне это в тебе всегда нравилось.

Он удивился.

— А за что ее осуждать? Внутри она так же хороша, как снаружи. И по-своему очень сильна.

— Да, но этого, кажется, никто не видит.

— Может, потому что она не позволяет никому видеть, — произнес он и, заметив мои приподнятые — брови, добавил: — Ты ведь сама заявляешь, что мы такие, какими должны быть, чтобы выжить.

Верно. Я кивнула, хотя его слова снова заставили меня задуматься. Каким же он все-таки стал?

— Во всяком случае, — сказал он, смущенно — улыбаясь, словно прочитал мои мысли, — не хочу сегодня говорить об Оливии. Вернемся к тому, что тебе всегда во мне нравилось.

Я рассмеялась.

— Нарцисс.

— Совершенно верно.

Я решила слегка рискнуть.

— Не могу тебе все рассказать. — Я чуть наклонилась вперед. — На это потребуется целая ночь, и у нас нет времени.

Веки его отяжелели, взгляд стал мягким. Это Бен, каким я его знала.

— Тогда расскажи мне что-нибудь одно. Мне даже задумываться не нужно было.

— Мне нравилось то, что ты никогда не пытался меня переделать. Нравилось то, что ты никогда не сравнивал меня с сестрой. Нравилась твоя честность.

— Это целых три. — Он взял меня за руку. Ладонь у него была широкая и гладкая, и тепло от нее переходило в мою руку, расходилось но всему телу. Я могла бы прямо здесь от его прикосновения испытать оргазм. Интересно, так же ли кружится у него голова?

— Эти три мои любимые, — согласилась я, слегка пожимая его руку, облизывая губы, пробуя вино — и испытывая надежду — под влиянием этого затопившего меня тепла.

— Наверно, мне следует попросить тебя рассказать остальное, — прошептал он, бросив на меня понимающий взгляд.

Я поиграла со спагетти, медленно выдохнула, успокаиваясь.

— А как заканчиваются твои книги? — спросила я наконец. — Убийца схвачен? Злодей наказан? Справедливость восторжествовала?

— Это стандартный финал моих романов.

— И они жили долго и счастливо? Он немного подумал и кивнул.

— Наверно. Те, кто доживает до конца книги. Да.

Печально, мне это больше напомнило фэнтези, чем детективный роман, но я не хотела огорчать Бена. Я с трудом глотнула, прежде чем поднять голову.

— Итак. Чем же закончится эта история?

— Парень получит девушку, конечно. — И он ослепительно улыбнулся мне.

Я без колебаний ответила, и словно вся сдержанность, вся необходимость контроля отпали. Все люди в зале, включая одинокого мужчину у бара, сложились и исчезли. Я прикусила губу, он облизал свои, и мы «ринулись» друг к другу.

Три часа и две бутылки спустя мы вышли из таверны «Делизиоза», как из кокона, насыщенные едой и вином, но еще более опьяненные долгими взглядами, многозначительным смехом и прикосновениями пальцев в мигающем свете свечей.

Снаружи мы набросились друг на друга, как голодные волки.

Холодный воздух кусал кожу, но превращался в пар под действием тепла, переходившего от тела Бена к моему. Он

поцеловал меня, вначале прижав к стене; резкий контраст между холодным кирпичом и его жаром заставил меня ахнуть и еще сильней прильнуть к Бену. Затем мы направились вдоль стены, я попыталась соответствовать его широкому шагу. Левая рука Бена прошлась по моей голой спине и задержалась в волосах, слегка потянув за них. Его правая рука легла мне на блузку, и он начал ласкать меня. У его губ был вкус страсти и итальянского винограда. Наконец мы оказались у его машины, его губы через блузку сжимали мои соски, зубы слегка покусывали, а руки держали меня снизу и сверху. Я застонала, и эхо моего стона отозвалось в его теле: я почувствовала бедром его эрекцию.

Мы продвигались все дальше, я не помнила, как это получилось, но позволяла это Бену, подчиняясь желанию, которое видела в его темных глазах, откликаясь на его требования, которые он шептал. Только пристальный взгляд и бормотание мужчины у бара, который пил в одиночестве, напоминали мне, что мы все еще часть большого мира… и милуемся, как подростки, на темной стоянке.

Бен оторвался от меня и уткнулся своим лбом в мой, его дыхание вырывалось короткими неровными толчками. Далеко на востоке долины молния прорезала небо, за ней последовал низкий раскат грома. Я закрыла глаза, словно прогоняя бурю, и улыбнулась.

— Переместишь руку на дюйм выше, Трейна, и тебе придется арестовать себя самого.

Смех его был приглушенным и горячим и говорил больше, чем любые слова. Поразительно, как снова вспыхнула наша страсть, словно к сухой растопке поднесли спичку, и огонь загорелся у нас в горле, охватил лоно и превратил в попел все прошедшие годы.

Но не это главное. Оказавшись снаружи, я совершенно забыла обо всем. Забыла принюхаться в поисках чего-нибудь живого или разлагающегося, забыла о дьявольских лицах, насмехавшихся надо мной в темноте, забыла даже о предупреждении, что могу не пережить эту ночь. Я всматривалась в тени, не оглядывалась, даже отдаленно не воспринимала окружающее.

Что я могу сказать? Со мной был Бен, и его кожа насытила воздух ароматом, его прикосновения превратили грозящий бурей ноябрьский вечер во влажную тропическую ночь. Я подумала: «Если у меня есть Ахиллесова пята, то это Бен».

— Пойдем ко мне, Джо-Джо, — прохрипел он.

Я застонала. О, как я хочу этого. Закончить в его доме, в его объятиях, в его постели то, что мы начали здесь. Я всегда хотела там оказаться. Там мое место.

— Не могу, — сказала я ему и повторила самой себе. Не могу сделать вид, что десяти лет просто не было. Не могу забыть о том, какой женщиной я стала. Именно такой женщиной я должна быть.

— Слишком быстро? — спросил он, потом вздохнул — с сожалением, с раздражением и с пониманием, увидев мой утвердительный кивок. — Лучше это, чем совсем опоздать, я считаю.

— Я встречаюсь с Оливией через… — Неужели уже одиннадцать? — … через полчаса. Нам необходимо кое-что обсудить.

Он не поинтересовался, что, а я не стала объяснять. Вместо этого он слегка отстранился и всмотрелся мне в лицо, по-прежнему обнимая меня за талию.

— И разговор с нею — это способ удержать тебя от ночи со мной?

— Не будь высокомерным. Да.

Он улыбнулся, выглядя довольным, как напившийся молока кот, поднял руку и погладил меня по щеке.

— Вы всегда так практичны, мисс Арчер?

— Хм-м-м. — Я поцеловала его, проведя языком под ухом. Едва сдерживая дрожь, он провел пальцами по моей спине, задержавшись на голых плечах и шее. Вернее, мне показалось, что это кончики пальцев. Я протянула руку и нащупала холодный металл. Всмотрелась в тусклом освещении. — Что это?

Но все поняла сама, еще не закончив вопрос. Тонкая серебряная цепочка, сплетенная вдвое, простая и недорогая; ее подарил мне Бен на мой пятнадцатый день рождения. Но после этого я ее не видела. Решила, что потеряла той ночью в пустыне.

— Ты оставила ее у меня в доме, — негромко произнес он. — В ту последнюю ночь.

«Нашу последнюю ночь», — молча поправила я.

Он осторожно забрал у меня цепочку. Я наклонила голову, а он надел цепочку мне на шею и закрепил. Замкнул круг. Я глубоко выдохнула, выпуская накопившееся напряжение, и в эту минуту первая дождевая капля упала мне на лицо.

Потрогала цепочку, уже согревшуюся на шее.

— Спасибо.

Он придвинулся ближе, так что мы стояли под усиливающимся дождем, уткнувшись лбами друг в друга.

— Ты точно не хочешь пойти ко мне?

Я покачала головой, мягко и молча отодвигаясь от него, потому что знала: стоит мне открыть рот, и ответ будет «хочу».

— Какая практичность, — прошептал Бен, целуя меня в щеку. — Что если хоть раз не подумаешь о последствиях? Просто

сделаешь то, что хочешь?

Я оттолкнула его, опустила взгляд на его губы, йогом снова подняла.

— Я только что это сделала. — Сделай еще раз.

И я сделала. Наклонилась вперед, обхватила ладонями его лицо, и небо над нами взорвалось сиянием. Мы прижались друг — к другу, он поднял меня, так что я ногами обвила его талию.

Я едва не пропустила встречу с Оливией.

6

— Приходи.

Это слово, последнее, которое произнес Беи при расставании, звенело у меня в голове, когда я ехала к Оливии, гудело, как пчела, привыкшая к сладкой пыльце, но отказывающаяся сесть на цветок и замолчать. Приходи.

Я держала карточку, которую он вложил мне в руку, перед тем как я ушла… и прежде чем вернула ему последний поцелуй. На обороте карточки он напечатал свой адрес и написал, что его дверь всегда для меня открыта. На всякий случай. Я собиралась спрятать карточку в сумочку, но передумала. Конечно, я поступила, как школьница, но мне хотелось прижимать карточку к телу на пути в дом Оливии.

В отличие от меня, Оливия живет в центре города, она купила квартиру в роскошном доме с прислугой, службой уборки и круглосуточно дежурящим консьержем. Хотя это не мой стиль, пришлось признать, что здесь красиво и очень удобно для тех, кто хочет иметь легкий доступ к шести милям неоновой игровой площадки всего в квартале отсюда. Блестящие окна со стеклопакетами поднимались высоко в небо, отражая на своих мерцающих поверхностях интерьер из полированного дерева. Скрытое освещение превращало фойе во множество искусных маленьких ниш, и такой дизайн повторялся и в квартире Оливии девятью этажами выше.

Я вышла из лифта и приготовилась постучать в дверь, но тут она отворилась, и я увидела сестру в ярко-алом костюме и с еще более яркой улыбкой на лице. Есть такие вещи, которые способна понять только сестра. Я захихикала, удивив нас обеих, и это было все, что ей потребовалось. Она запищала, ее высокий голос пробил звуковой барьер, и она втянула меня внутрь, прежде чем прибежали собаки.

— Ты выглядишь великолепно, ослепительно, ошеломляюще! — быстро прощебетала она, прежде чем прижать палец к моим распухшим губам. — Он тебя целовал! Расскажи мне, расскажи, расскажи!

— Можно сначала выпить?

— Мартини уже готов. — Она вприпрыжку бросилась на кухню. — Принесу в гостиную.

Я улыбнулась этому признаку ее возбуждения и направилась в сердцевину квартиры.

Кухня, на которой счастливо напевала Оливия, располагалась слева. Спальня — в алькове справа, Я прошла через фойе

пентхауса и оказалась в украшенной итальянским мрамором гостиной перед вертикальной стеклянной стеной, за которой открывалась нереальная картина Лас-Вегаса. Этот квартал так ярко освещен, что его можно увидеть со звезд. Бросив пальто на слишком мягкое кресло, я в ожидании остановилась перед окном.

Я казалась себе стоящей в рамке — статуя на слишком высоком пьедестале, почти на одном уровне с грозовыми тучами, такими плотными, что в них отражались огни города. Странно. Создалось впечатление конденсации энергии — словно электричество, зажатое между бетоном и тучами, разрастается до гигантских размеров. Буря раскатистым громом сообщала о своем приближении с запада. Я повернулась спиной к этому дикому городу и расслабилась в женственной атмосфере дома Оливии.

Оливия — опять-таки в отличие от меня — окружила себя вещами. На встроенных от попа до потолка полках собрание отличного хрусталя. Она предпочитает скандинавскую работу: четкие линии «Оррефорса» смешиваются с пестрыми оригинальными творениями «Коста Боды».[21] Далее мраморный камин, используемый как одно из мест для растений, которые располагаются почти в каждом углу и в каждой нише комнаты, Я потерла лист чего-то извивающегося и ползу-чего и подумала, как это у нее получается. Под ее опекой все растения буквально расцветают.

Вместо дивана она поставила посреди комнаты большую кушетку с высокими резными спинками, навалив на нее множество подушек из шенили. В центре стоял большой поднос, украшенный перламутром и ониксом; он служит кофейным столиком. Повсюду горят свечи, цветные, ароматные, чайного цвета, заостренные. Напротив устроился редко включаемый телевизор.

Несмотря на эту мешанину цветов и предметов, квартира Оливии выглядит воздушной и живой. У нее есть и кошка, которая где-нибудь бродит; она всегда готова к тому, что об нее споткнутся.

Я взяла с подноса последний номер компьютерного журнала и заметила, что его уже просматривали, оставив пометки и загнутые страницы. Когда наш отец — ее отец — впервые застал Оливию за чтением научного журнала, мы собирались завтракать, делая вид, что мы нормальная, дружная семья. Я уже какое-то время знала, что она покупает «Популярная наука» и «Компьютеры сегодня», и дразнила ее этим, называя синим чулком и — в мои самые тяжелые дни — мечтой Билла Гейтса.

— Что это ты такое читаешь? — спросил Ксавье, переводя взгляд с дочери на выпавший у нее из руки журнал.

Захваченная врасплох его неожиданным появлением, она тем не менее не растерялась и подняла журнал двумя пальцами, как промокательную бумагу для губной помады. Глядя на нее через край моей чашки с кофе, я с удивлением поняла, что она не рассердила Ксавье, напротив — подействовала на него умиротворяюще. Все остальное утро Оливия старалась не смотреть на меня. И после этого я никогда не смеялась над ее увлечением.

Я положила журнал и устроилась среди подушек цвета сливочного масла и шотландского виски. Здесь я сняла оружие, положила сумочку с куботаном перед собой, а складывающееся лезвие — сзади. Короткий нож я оставила на месте — упрятанным в обуви. Совсем без оружия я чувствую себя голой.

Оливия, неся два огромных бокала с мартини, подняла брови, увидев нож среди своих свечей и безделушек, но не удивилась. Она так же привыкла к моему оружию, как я к ее научным журналам.

— Водка-мартини неразбавленный, две маслины, начиненные рокфором. — Она подмигнула. — На случай если у тебя сегодня уже был оргазм.

— Спокойней, сердце, — сказала я, беря свой бокал. Оливия села напротив меня и подобрала под себя ноги.

— С днем рождения! — Она подняла свой бокал. — Чтобы ты всегда была старше меня!

— Спасибо. Я подумаю.

— И, — смущенно добавила она, — за Бена Трейну, который вернул твои гормоны из спячки.

Я опустила бокал.

— Мои гормоны не были в спячке.

— Были.

— Не были.

— Были.

Я нахмурилась. Она ласково улыбнулась.

— Итак, он такой, каким ты его помнишь? Другой? Тот же самый?

Как рассказать ей? Как описать превращение мальчика в сильного прекрасного мужчину? Конечно, остаются острые углы — и я не намерена о них забывать, — но они не помеха страсти, заново вспыхнувшей между нами? Страсти, по сравнению с которой тускнеет «Давид» Микеланджело. Нельзя соизмерить мои девичьи и теперешние чувства к Бену. Может, Оливия все-таки права, и он действительно разбудил мои гормоны.

— Гораздо больше, Оливия. Гораздо больше.

Продолжать я не стала.

Несмотря на то, что я не сумела выразить свои мысли, Оливия была удовлетворена. Взгляд ее стал мечтательным, она вздохнула над своим коктейлем. Опустив руку, с отсутствующим видом погладила кошку, которая возникла ниоткуда — как же ее зовут? — и сказала:

— Наконец-то ты займешься любовью. Я подавилась маслиной с сыром.

— Прошу прощения, но откуда ты знаешь, что я еще не сделала этого?

— Потому что ты всегда слишком напряжена, — ответила она, тряся руками. Думаю, она так показывала, как надо расслабляться. — Ты относишься к сексу, как к боевой схватке, как та «дог мага», которой ты занимаешься.

— Крав мага, — ощетинилась я, — и я так к сексу не отношусь.

— Относишься, — настаивала она. — Ты смотришь на секс как на сражение, которое нужно выиграть. Ты носишь свою женственность как знаки различия и бросаешься на всякого, кто в ней усомнится.

— Это нелепо. — Я сделала вид, что нисколько не удивлена. — К тому же никто из моих любовников не жаловался.

— Потому что они опасаются, как бы твоя похожая на тиски вагина не раздавила их мужественность. Как автомат, который принимает карточку, а назад не отдает. — Она весело рассмеялась, заглушая мое гневное восклицание. — К тому же мы говорим не о любовниках, а о любви, и после Бена ты ее себе ни разу не позволила.

Я закрыла рот. Это верно. Мои прежние эмоции высохли, как мелкое озеро под солнцем пустыни.

— Ты, похоже, эксперт, — заметила я.

— Дорогая, я влюбляюсь ежедневно, — заявила она, маша рукой. — Я люблю это дерево, и эту выпивку, и Луну тоже.

Услышав свое имя, кошка потерлась о мои ноги. Я. почесала Луну за ухом… Она замурлыкала. Снаружи сверкнула молния.

— Я люблю тебя, — продолжала Оливия, — и люблю Бена за то, что он любит тебя.

Я, должно быть, выглядела удивленной. Моя рука застыла на спине кошки.

— Ты знаешь, что он тебя любит, — не унималась Оливия.

— Может, и любит, — осторожно произнесла я, снова начав гладить кошку, — и, может, я это знаю, но ты-то откуда?

Оливия наклонилась вперед.

— Как можно знать настоящую Джоанну Арчер и не любить ее?

Я улыбнулась ее искренности, но отвела взгляд. Я ценю ее чувства, но ее риторический вопрос напомнил мне сегодняшнее столкновение с Ксавье.

Оливия, почувствовав это, сменила тему,

— Хочешь распечатать свой подарок?

Я кивнула, но не стала брать пакет, лежавший в углу кофейного подноса.

— Сначала хочу попросить тебя о помощи.

— Хочешь, чтобы я пригласила на прогулку Бена? Разогрела его для тебя?

— Думаю, с этим я сама справлюсь, — сухо парировала я.

— Жаль, — ответила она, скромно потягивая мартини.

— Я хочу узнать, кто мой настоящий отец. Думаю, Ксавье в курсе, но скрывает.

— Зачем это ему?

— Это, видимо, что-то такое, что он потом сможет использовать против меня. — Я нахмурилась и постучала пальцем по бокалу. — Я весь день об этом размышляла, Что если он знает, где живет мой отец? Может, когда-нибудь Зоя рассказала ему?

— Что если, — закончила за меня Оливия, — бросив Ксавье, она вернулась к мужчине, которого любила?

Я улыбнулась, услышав, что она назвала отца по имени.

— Так поможешь мне?

Она посмотрела на меня так, словно у меня интеллект двухлетнего ребенка, что было не очень приятно.

— Я уже начала.

Оливия встала и кивком головы указала, куда идти. И я пошла, оставив подарок, мартини и Луну на кушетке.

Мать-природа, очевидно, намеренно решила представить город света как тусклую лампу. Застекленная стена, которая тянулась и через спальню, обычно давала возможность увидеть всю долину, окруженную горами. Однако сегодня низкие облака не давали возможности заглянуть даже на два фута за стекло. Молнии разрезали небо, и гром гремел прямо над головой. Я вздрогнула, с благодарностью думая о том, что мы в безопасности.

Потом я увидела компьютер, машина уже работала, окрашивая угол комнаты в нелестные зеленоватые оттенки. Подойдя с другой стороны, я заметила на экране тюбики помады и флакончики лака для маникюра. Сначала я не поняла, где все это могла раздобыть Оливия, но потом решила, что скорее всего сама создала. Я смотрела, как моя сестра садится за компьютер, касается клавиатуры и становиться Оливией Арчер, которую большинство даже и представить себе не может.

Пальцы ее, летавшие по клавишам, позволяли ей так же легко проникнуть в правительственные файлы, как выиграть в «Фриселл».[22] Таким образом она раздобыла свое первое поддельное удостоверение личности и еще подростком узнала результаты моих психологических тестов.

Джоанна Арчер получила серьезную психологическую и умственную травму в результате нападения и изнасилования, происшедших шесть месяцев назад.

Оливия негромко напевала, не отрываясь от экрана, опустив брови, хотя регулярно делала инъекции ботокса.[23] Ее накрашенный рот был сосредоточенно поджат.

Компьютеры она для себя открыла примерно в то же время, когда я сбежала в крав магу. Наша мать не оставила никаких намеков, что собирается когда-нибудь вернуться, а отец так старательно изолировал себя, что нам даже в голову не могло прийти обратиться к нему; я была эмоционально недоступна, и Оливии пришлось самостоятельно сражаться со своими демонами.

Я всегда испытывала чувство вины за то, что так отрезала ее от себя в те дни, но благодаря этому она приобрела мастерство, которым мало кто владеет в такой степени, — мастерство странное и неожиданное, как цветок лотоса, распустившийся на помойке. Оливия выработала в себе личность, никак не связанную с ее физической оболочкой, причем личность, абсолютно не похожую на то, что думали о ней окружающие. Фигура ее могла быть сформирована в Городе Грехов,[24] но интеллектом она посоревновалась бы с лучшими выпускниками Массачусетского Технологического.

Короче, она оказалась необыкновенно талантлива, настоящий компьютерный гений-самоучка.

Она обслуживала подпольные вебсайты хакеров и их не имеющих лиц клиентов, и ее доход от этого бизнеса намного превосходил щедрое ежемесячное содержание, которое она получала от Ксавье. Существовали форумы, которые давали возможность сделать все: от аннулирования просроченной платы за парковку до доступа на оффшорные банковские счета; с их помощью можно было переводить на эти счета деньги так, что этого нельзя было проследить. Какое у нее имя в сети? Конечно, Арчер.

Поскольку Ксавье не одобрял интерес Оливии к чему угодно, кроме основ применения косметики, она выработала привычку работать по ночам, и эта маскировка прекрасно ей служила. Для внешнего мира она спала все утро, проводила дни в беготне по магазинам или на обедах с подругами, а по ночам пропадала на

приемах. Но на самом деле почти все время по ночам она проводила здесь, и, как я поняла, для Оливии это была ее арена схваток. Это была та ее часть, которой не знали ни Ксавье, ни окружающий мир.

— Посмотри. — Оливия показала на график в правом верхнем углу экрана. — Надо пройти множество уровней, чтобы добраться до записей о твоем рождении. Но на это по-требуется не больше часа. Посмотрим, так ли хорошо мама запутала свои следы, как она считает.

Я кивнула, как будто поняла, но меня отвлекла панель внизу экрана. Одновременно использовался еще один экран.

— А это что?

Оливия посмотрела туда, куда и я, и мне показалось, что она вздрогнула. На экране было мое имя. Мое и еще одно.

— Ничего. — Быстрые движения пальцев, и изображение исчезло.

— Оливия, — сказала я, медленно произнося звуки ее имени, — что это было? Ты не пытаешься найти этого… этого ребенка?

— Нет! — ответила она излишне быстро и скрестила руки на груди. Жест скорее оборонительный, чем вызывающий. Оливия, может, и компьютерный гений, но язык ее тела я понимаю.

— Не изображай оскорбленную девчонку. — Я ткнула пальцем в экран. — Что ты делаешь?

Зазвонил ее телефон — на этот раз мелодия «Малышка в розовом», — и это спасло ее. Я приподняла бровь, показывая, что мы продолжим этот разговор позже. Оливия быстро повернулась спиной ко мне и раскрыла телефон.

— Алло?

Я снова обратилась к экрану, заставив мысль о нежеланных детях уйти из сознания. Компьютер продолжал рыться в архивах больницы «Санрайз». Я смотрела, играя цепочкой на шее — перед глазами мелькали даты и файлы, — и гадала, как Зое удавалось так долго обманывать всех относительно моего происхождения. И зачем?

Она лгала Ксавье, потому что не хотела потерять его или его деньги? Но в таком случае зачем исчезать шестнадцать лет спустя? И почему она ничего не объяснила мне? Она ведь знала, что никакой любви между ним и мной нет.

— Но уже полночь. — Оливия говорила с кем-то своим лучшим голосом дурочки. За этим последовал вздох, означающий, что ее собеседнику все равно. — Послушай, сейчас неподходящее время, Батч.

Она закатила глаза, увидев мое выражение лица, и я

покачала головой. Батч? Она встречается с человеком по имени Батч?

— У меня сестра, и мы как раз…

Я слышала возражающий мужской голос, но удар грома заглушил слова. Я взяла на руки Луну, у которой при вспышке молнии хвост раздулся бутылкой, и попыталась пригладить ее шерсть, чтобы Луна снова напоминала кошку. Снаружи по стеклянной стене потоками струился дождь.

— Да, я знаю, что идет дождь. Нет, ты не сможешь подождать, пока буря не кончится. Можешь забрать свои вещи, но ты должен сразу уйти. Бай. — Оливия бросила телефон через комнату, и он приземлился на шерстяной шарф и груду подушек. Потом подошла к шкафу и достала оттуда наручники. И хлыст.

Я смотрела с раскрытым ртом.

— Не спрашивай, — попросила она, добавляя искусственный пенис с бугорками. — Мне казалось, это будет забавно. Это было до того, как порвался презерватив. Я пришла в ужас от мысли о генах Батча и выставила его, не вернув игрушки. Он сейчас их заберет.

— Наверно, нашел новую партнершу для игр. — Оливия пристально взглянула на меня, я улыбнулась. — Без обид.

— Отлично. И вообще он на мой вкус был слишком одержим. Хотел лизать меня в самых странных местах. И мог провести часы, просто нюхая меня. Не говоря уже о том, что у него волос больше, чем у шерстистого мамонта.

— Разве это не возбуждает?

— Мне так казалось. — Она швырнула что-то вроде пояса — не хотелось думать, что им опоясывают, — на груду, которая угрожающе росла.

— Не волнуйся, — сказала я, беря в руки тюбик помады с ручкой в виде пениса. — Если он начнет к тебе приставать, я помогу.

— Не нужно. — Она отняла у меня тюбик. Я вместо него взяла в руки Луну. — Выглядит он как падший ангел, но на самом деле совершенно безвреден.

Я поняла, что она имела в виду, когда минуту спустя Оливия открыла дверь и впустила человекообразную обезьяну шести с половиной футов ростом, одетую в кожу. Мне показалось, что он скорее похож на большого бульдога, включая глаза на выкате и обвислые щеки, и, конечно, она была права: он весь зарос волосами. Я осознала, почему Оливия пришла в ужас при мысли о смешении хромосом с этим физиологическим мутантом.

— Джо, это Батч.

— Да, я, — произнесла я, неуверенно кивнув гиганту. Луна,

очевидно, испытывала то же самое. Она бросила взгляд на Батча и спрыгнула с моих рук, как прыгун в воду с олимпийской вышки.

— Черт!

Комок шерсти, стуча когтями по мраморному полу, пронесся по комнате и исчез в ванной. Моментально следы когтей у меня на руках покраснели и заполнились кровью. Обязательно останутся шрамы.

— Черт, — повторила я.

— Что с тобой? — Оливия поспешила ко мне, оставив Батча в фойе.

— Он меня никогда не любил, — заявил Батч, закрывая за собой дверь.

— Она, — поправила Оливия, когда Батч присоединился к нам в гостиной. — Она тебя никогда не любила. Может, и любила бы, если бы ты не наступил ей на хвост. Дважды.

Батч только пожал плечами. Большой злой бульдог.

— Вы вдвоем оставайтесь здесь, — велела она, поймав мой взгляд. Это значит, что она не хочет, чтобы он пошел за ней в спальню. — Я соберу твои вещи и найду что-нибудь, чтобы промыть царапины Джо.

Она исчезла, оставив меня с человеком в кожаном. Он практически носил на себе целую корову — и когда направился ко мне, я почти ожидала услышать мычание.

— Хочешь, я посмотрю? — Он протянул руку.

Я колебалась без причины, хотя причина мне и не нужна. Я не знаю Батча, но есть в нем какая-то скрытая энергия, что-то такое, что мне не нравится. Нож все еще лежит на кофейном подносе, достаточно близко, чтобы его видеть, но на таком расстоянии он полезен, как нож для масла. Но у меня есть нож в сапоге, и я достаточно уверенно предоставила руку для осмотра. Если в Батче есть что-то опасное, не хочу, чтобы он находился рядом с Оливией, и лучше мне об этом узнать поскорей.

Он осторожно взял мое запястье, глядя на царапины почти с клиническим интересом, мясистое лицо было озабочено. Я слегка расслабилась. Но он поднял мою руку и вдохнул запах раны расширенными ноздрями. Тогда-то я и увидела.

Подушечки его пальцев были странно гладкими, почти сверкающими, и без всяких линий. Без отпечатков. Я заставила свою руку не напрягаться и снова взглянула ему в лицо.

Снаружи сверкнула молния, осветила комнату и его костлявое лицо и пустые глаза: мне улыбался скелет с зубами в форме кинжалов. Он сжал мою руку чуть сильней этими своими лишенными отпечатков пальцами, и этого было достаточно, чтобы я захотела побыстрей убрать ее.

В небе загремел гром, Батч криво улыбнулся.

— Знаешь, который час? Я не посмотрела на часы.

— Да. Время тебе отпустить мою руку.

Пальцы его сжались сильней; еще мгновение, и я бы их сломала, но он неожиданно выпустил мою руку и отступил. Я была напряжена, готова к схватке, и это вывело меня из равновесия. Он просто отошел, как будто никогда не принюхивался к моей коже и не было в его пустых глазах этого выражения откровенного голода. Взяв нож с кофейного столика, я сунула его за пояс брюк, потом достала из сумки куботан. И пошла за ним в спальню Оливии.

— Оливия, — произнесла я своим самым спокойным, самым смертоносным тоном, — встань за мной.

Две пары глаз смотрели на меня, но только в одной было удивление. Батч выглядел забавляющимся. Я подошла к сестре.

— Интересно. Аякс оказался прав. — Батч удивленно покачал головой. — Это с самого начала была ты. Спрятанная на самом виду. Дочь Ксавье, не меньше.

Что бы это значило?

— Я не дочь Ксавье. Он рассмеялся.

— Те, кто тебя прятал, знали, что делают.

— Прошу прощения. Что здесь происходит? Я что-то пропустила?

— Я думал, это она. — Батч кивком указал на Оливию. — Так я оказался ближе всего к тебе, но когда проник в нее… Мне почудилось, что я теряю всякое обоняние.

И достал из-за спины кривой ятаган. Надо отдать должное этим парням: кем бы они ни были, оружием они пользуются уникальным.

— Вау! — выдохнула Оливия. Мне казалось, что я совсем перестала дышать. — Слыхала я об опасном сексе, но это уж слишком!

— Мы охотились за тобой. — Батч не обращал внимания на Оливию. — Ты отпечаталась на коже сестры, печать твоего запаха повсюду. Но я не могу понять, — продолжал он, глядя на часы и похлопывая лезвием по руке, словно в ожидании, — как ты меня узнала. Ты не должна иметь доступа к твоему шестому чувству еще… тридцать секунд.

Полночь. Как сказал тот бездомный бродяга. Постарайся уцелеть.

— Печать запаха? — повторила я, тоже глядя на часы. — Несколько по-девичьи, тебе не кажется?

— Ну, в глубине души я очень мягок. — Он сверкнул зубами-кинжалами. — Скажи мне, Джоанна, чувствовала ты в последнее

время запахи? Интересные запахи. Зловоние, приносимое ветром?

Я с трудом глотнула.

— Тебе рассказал Аякс?

— Все это знают. Тебе двадцать пять, верно? В этом возрасте начинается метаморфоза.

— Прошу прощения, — сказала Оливия, — вы что, знакомы друг с другом?

Батч улыбнулся и шагнул вперед.

— Не так близко, как познакомимся.

— Хватит, Батч. Еще шаг, и этот кинжал пробьет твой зад. Мы оба посмотрели на ее руку. Я нахмурилась, узнав ее любимые туфли-лодочки. Должно быть, ей в голову пришла та же мысль. Она уронила туфель и подняла другой.

— Этот кинжал пробьет твой зад.

Я вздохнула. Боже благослови ее за старания. Батч снова взглянул на меня.

— Подготовься, невинная. Твой первый настоящий вдох станет последним.

У меня было лишь отдаленное представление о том, что он говорит, основанное на событиях последних двадцати четырех часов, но я узнаю настоящую угрозу, когда сталкиваюсь с ней.

Десять, девять, восемь… секунды бежали, приближая полночь. Снаружи, словно хлыст над головой, треснул гром, и по стеклам застучал дождь с мокрым снегом и градом. Ветер гудел, свистел в стенах, и все здание задрожало, как в параличе. Одни безделушки Оливии зазвенели, другие разбились; сердцевина здания начала раскачиваться на основании. С грохотом взрыва наступила полночь.

— Оливия, назад!

Мне пришлось кричать: по спальне пронесся ураган. Мне казалось, что я на самой вершине торнадо и меня вот-вот втянет внутрь. Стеклянная стена заскрипела, и от этого звука — словно ногтями царапают по доске — у меня мурашки побежали по спине. Я сопротивлялась стремлению зажать уши и вместо этого схватила нож, который был у меня за спиной. Батч напрягся и поднял свой ятаган. Оливия за моей спиной закричала, молния разорвала небо над нами, и я краем глаза уловила какое-то движение.

А потом уже больше ничего не видела.

Рот мой заполнили растопленная лакрица, дымящееся железо и яркое пламя. Я была сожжена, горела изнутри, выпавший из руки нож беспомощно лежал на полу, и это знание было одной из немногих сохранившихся связей между мозгом и телом. Молния уничтожила синапсы, контролирующие движения тела, и теперь

мышцы продолжали дергаться, как у цыпленка с отрубленной головой. Я не могла сообразить, стою ли я еще или уже упала. В этой безумной буре я совершенно потеряла себя.

Когда-то, подростком, я ушла ночью во время сильного дождя, меня влекла страсть к приключениям и детское ощущение собственной неуязвимости. Со мной увязалась бродячая собака, она одна бегала со мной по каменистой почве, и я видела, как в нее ударила молния. Золотистая шерсть мгновенно превратилась в пепел, и дым окутал тело, как сигнал о помощи. Когда я добежала до животного, у того были пустые глазницы, а жар, исходивший от тела, не дал мне подойти близко. Вот так я сейчас себя чувствовала: слепой, испуганной и дымящейся. И в самый последний момент перед тем, как мне отказали чувства, я ощутила острую боль в левом плече.

А потом не было ничего. Ни боли, ни света, ни даже темноты. Я не могла понять, открыты у меня глаза или закрыты, и мне казалось, что тело мое висит в воде; оно плывет, онемевшее и уязвимое со всех сторон. Я знала, что я в беде, если уже не мертва, но не могла реагировать. Не знаю, как долго я оставалась в таком состоянии.

Мне казалось, что целую вечность.

И одновременно — наносекунду.

Потом я услышала крик Оливии, и отвратительное зловоние пронизало каждую клеточку моего тела. Я прикрыла рукой рот, чтобы меня не вырвало. Осознав, что я сделала, потрясенная тем, что могу двигаться, я опустила руку и, все еще ничего не видя, нащупала край своей обуви. Ощупью нашла сложенный нож и ударила им в самое сердце разложения и зловония.

Воздух взорвался и перекатился через меня волнами, как мусор с червями, высыпающийся из разорванного мешка, и сопровождавший это крик не был человеческим. Я рухнула на колени, чувствуя себя невероятно слабой, и позволила голове опуститься на руки.

А когда снова подняла ее, мир чудесным образом успокоился, в спальне царила поразительная тишина. Удивительная внутренняя буря прекратилась. Стеклянная стена была целой и невредимой.

А на полу передо мной лежал мертвец.

7

— Джо! Ты в порядке?

Я подняла голову. Оливия сидела в углу, прижимая к себе Луну, голова кошки торчала у нее из-под руки. Я кивнула и повернулась туда, где, раскинувшись, как гигантская жаба, лежал Батч.

— Что случилось? — Голос мой хрипел, словно его разрезали на куски бритвой.

— Т… ты… сделала то, что должна была сделать, Джо, — сказала Оливия, неверно поняв мой вопрос. — Он набросился на тебя с большим ножом, и я была уверена, что он тебя убьет. Но ты не отступила. Ты не побежала. Ты даже не дрогнула. Не могу в это поверить.

Я посмотрела на часы возле нее, посмотрела повторно. 12–01. Я тоже не могла поверить. После страшной бури прошла всего минута?

— А как же буря?

Оливия как будто не поняла, она неуверенно посмотрела в окно, по стеклам которого бежали капли дождя.

— Наверно, прекратилась. Я не заметила.

Не заметила? Не заметила электрический разряд, который едва не разрезал ее сестру надвое? Не чувствовала запаха моей обгоревшей плоти?

— Помоги мне встать.

Я протянула руку, она — свою, но Луна зашипела и ударила меня лапой.

— Пошла ты! — сказала я кошке и поднялась. Слегка пошатывалась, но была жива.

— Нельзя так говорить с тем, кто только что спас тебе жизнь! — побранила меня Оливия, зарываясь лицом в кошачью шерсть. — Правда, моя драгоценная? — Голос ее звучал приглушенно. — Моя малышка, ты любишь тетю Джо и рисковала жизнью, чтобы спасти ее.

— О чем ты?

Вначале Оливия не ответила. Потом повернулась лицом ко мне, прижимаясь щекой к кошке.

— Посмотри на его глаза.

Ноги мои подкашивались, но все же удержали меня, когда я подошла к Батчу. Толкнула его носком сапога, и он, как сосиска, перевернулся на спину. И смотрел бы невидящим взглядом в потолок… если бы поперек каждого глаза не проходили четыре разреза. Веки разрезаны точно, как скальпелем хирурга, и глубоко

прорезаны глазные яблоки.

— Кажется, меня сейчас вырвет. Оливия тоже подошла к телу.

— Ты была бы мертва, если бы Луна не прыгнула на него.

W Но почему кошка напала на человека? Тем более на человека, которого она явно боялась? Я повернулась к Оливии как раз вовремя, чтобы заметить, как широко распахнулись ее глаза. Героическая кошка бесцеремонно полетела на кровать.

— Джо! Ты ранена!

Я опустила взгляд и увидела, что у меня на левом плече из-под блузки сочится кровь. Отчасти я удивилась, что не почувствовала этого раньше. И в то же время поняла: это дурной знак, что я не заметила.

— Все в порядке, — заявила я Оливии, зная, что это не Жак. — Не больно.

— Ложись. Я чем-нибудь зажму рану, а потом вызовем скорую.

Я была не в состоянии спорить. Возможно, это психосоматическое, но неожиданно у меня закружилась голова. Я легла на подушки. Луна зашипела и спрыгнула с кровати, перемахнула через труп и убежала. Я закрыла глаза.

Должно быть, я на какое-то время забылась, потому что когда пришла в себя, Оливия сидела рядом со мной, прижимая к ране чистое полотенце. Я поморщилась от острой боли и уже собиралась сказать, что не стоило использовать хорошее полотенце, как упала первая слеза.

— Эй. — Я протянула руку, чтобы стереть ее. — Эй, все в порядке. Я поправлюсь.

— Я знаю, — ответила Оливия. Лицо ее сморщилось. — Я все вижу эту сцену: он действительно был как чудовище и так смотрел на тебя! — Она покачала головой, словно стараясь освободиться от воспоминаний. — Я была уверена, что потеряю тебя. Опять.

Я постаралась успокаивающе улыбнуться.

— Ну, ты меня не потеряла и никогда больше не потеряешь. Всего лишь царапина. Видишь? Кровь уже не идет.

Она всхлипнула.

— Наверно.

Мы сидели молча. Телефон лежал у Оливии на коленях, и она не пыталась его открыть. Как только она позвонит — воцарится хаос. И хотя ощущение нормальности было ложным — все-таки на полу лежит мертвый человек, думаю, мы обе понимали: после этого звонка наша жизнь никогда не будет прежней.

Оливия всхлипнула и приподняла край полотенца, чтобы

убедиться, что кровотечение прекратилось.

— Мне никогда не везло с парнями.

Мы долго молча смотрели друг на друга. А потом засмеялись — истерически, безумно, как пьяные или те, кто забыл свои слова на церемонии бракосочетания. От смеха заболело плечо, вероятно, снова пошла кровь, но мне было так хорошо, это ощущение настолько острее боли, что я не хотела останавливаться. Мы тряслись от смеха, и слезы катились по нашим щекам.

Мы обе задыхались, когда я почувствовала, как Оливия вздрогнула и глубоко вдохнула. Открыв глаза, я тоже застыла. Мощная рука сжима Оливии горло, Оливия вцепилась в нее ногтями, глаза ее были широко раскрыты; она мгновенно протрезвела. Батч не душил ее, но и не обращался с нею мягко. Подняв ее на ноги, он присел за ней в положении, которое не давало Оливии возможности защищаться, даже если бы она знала как.

— Ты же мертв, — тупо сказала я, хотя факты свидетельствовали об обратном. Я его убила. Но вот он перед нами весь в крови от раны, которой больше нет. Как же так? В сущности для него единственным последствием было то, что он не видит и должен рассчитывать на остальные свои чувства. Особенно, как я заметила, на обоняние.

— Не совсем, — заявил Батч. — Еще нет.

Я вспомнила «я быстро выздоравливаю», вспомнила запястье, неожиданно вставшее на место на безлюдной дороге и пустыне, вспомнила, как ожило раздавленное тело. Теперь я знала, что это возможно. Батч слепо попятился от меня, таща за собой Оливию, ноздри его широко раздувались при каждом вдохе. Он. приближался к ножу, который я выронила. 11ужно что-то быстро предпринять, пока не поздно.

— Отпусти ее. — Я постаралась, чтобы голос доносился справа от кровати; сама я при этом двигалась влево. — Тебе нужна я, отлично. Но не вмешивай в это ее. — Плечо болело, спальня начала расплываться перед глазами, но я заставила себя успокоиться. Не знаю, долго ли я выдержу, потерять сознание нельзя. Я спасу Оливию или умру, стараясь ей помочь.

— Как ты это сделала? — спросил Батч. Голова его была наклонена к середине комнаты.

— Что?

— Убила меня. Во время метаморфозы ты не можешь двигаться. Как тебе удалось?

Откуда мне знать? Вместо ответа я начала приближаться к нему.

— Еще шаг, и твоя сестра умрет. — Несмотря на слепоту, он повернулся ко мне и для убедительности сильней сжал горло Оливии. У нее выпятились глаза. — Отступи.

В голосе его звучала смерть. Я сделала шаг назад.

Думай, Джоанна, думай!

Ну, хорошо, Батч лишился зрения, но его остальные чувства остры. Интересно, о какой трансформации он говорил. Для него это явно имеет смысл. Он ждал этого момента, чтобы убить меня, и в это время мне отказали все ощущения. Но теперь они вернулись. А как лее «шестое чувство»? С его помощью он теперь следит за мной?

Как мне не хотелось отрывать взгляд от Батча и Оливии, но придется сделать это, чтобы сосредоточиться на остальных чувствах. Я закрыла глаза, и мне сразу стала понятна разница. Под опущенными веками в сопровождении запахов и звуков вспыхивали яркие цвета. Просто подумав о предметах, какими я в последний раз их видела, я сразу чувствовала их запах.

Сама я пахла кровью, Беном и мылом, которым пользуюсь. Я повернулась к туалетному столику, на котором стояло множество предметов косметики: мята, эвкалипт, воск, пудра и духи, аромат которых безошибочно напомнил мне об Оливии. Обратившись вниманием к ней, я глубоко вдохнула, и уловила этот запах и еще один, острый, который безошибочно распознала как запах страха.

Что касается Батча, то я не смела сосредоточиться на нем. Его запах и так одолевал меня; мне казалось, что я заперта в комнате с разлагающимся трупом. И чувствовала его острее всего остального в комнате.

Кроме ножа, лежавшего на полу между нами.

Я открыла глаза, успев заметить, как дернулась голова Батча, потом дернулась еще раз, когда я вдохнула. Мы одновременно уловили запах ножа и поняли, что каждый его чувствует. Но Батч был к нему ближе. Я прыгнула, он рявкнул, и мы одновременно добрались до оружия.

Я пришла в себя с острием у себя под подбородком. Смех Батча горячо отдавался в ушах. Крик Оливии смолк: Батч, предупреждая, сжал ей горло.

— Замри. Думаешь, я не знаю, что ты делаешь? О чем ты думаешь? — Он пошевелил ножом — это быстрое движение заставило меня вздрогнуть, но боли не было. Пока. А вот мое ожерелье беззвучно упало на пол. Я рефлекторно сжала челюсти. Батч невесело рассмеялся. — Я распознаю твои мысли до того, как они у тебя сформируются. Помни, Арчер, я этим занимаюсь дольше тебя и никогда не был невинным.

В это я вполне верила.

— Скажи, что тебе нужно, — заговорила я, стараясь, чтобы голос оставался ровным. — Все, что угодно. Меня за нее? Дай слово, и я это сделаю.

— О, теперь ты хочешь договориться? Как благородно: пожертвовать всем ради сестры. Но ты ведь делала это и раньше, правда, Джо? — Он улыбнулся ядовитой усмешкой. — Пора повторить.

— Нет!

Оливия билась в его железной хватке. Он просто держал ее, пока она не выдохлась. Если бы на месте Оливии была я, то могла бы нагнуться, так что его тяжесть пришлась мне на спину, и потом перевернуть его, или так ударить по голени, что сломается кость. Но это была не я. Это была моя милая, безвредная, невинная сестра, и она могла только стоять и плакать. И задыхаться.

— Достань оружие из левого кармана и брось к двери.

Я не удивилась тому, что он знает о спрятанном куботане. Даже я ощущала запах холодного прессованного алюминия. Я послушалась, бросила его к двери, ведущей в гостиную.

— Теперь сделай шаг назад… шаг назад, — повторил он, когда я не шевельнулась. — Я чувствую запах твоего гнева, Джоанна, ты ведь знаешь это? Неужели ты считаешь, что можешь изменить то, что здесь происходит? Думаешь, сможешь спасти Оливию, как спасла ее раньше?

Я шагнула назад, но это как будто не заставило Батча расслабиться, а скорее спровоцировало его. Оливия забилась, лицо ее покраснело, но его рука было словно лом против перышка. Если бы он ударил меня ножом в горло, я бы не испытывала такого ужаса.

— Нет! — Я бессильно стиснула кулаки, и страх окутал мои внутренности, как смола, разжигающая костер. Я знала, что он чувствует этот запах. Отчаяние сделало мои слова искренними. — Ты сказал, что поменяешь меня на нее! Меня на нее!

— А зачем мне это? — спросил он, ослабляя хватку. Оливия застыла. Батч поднял нож. — Я могу получить вас обеих.

И с этими словами он начал резать.

— Джоанна! — Голос Оливии звучал совсем по-детски. Она смотрела на меня так, словно видела впервые, глаза были полны смятения. Но я знала, что на самом деле ее окутывает завеса боли. Я помнила, как выглядит мир сквозь собственную кровь. Слезы выступили у меня на глазах, из горла вырвался сдавленный крик.

Батч начал смеяться. Он смеялся и резал — точно, несмотря на свою слепоту. Помимо жестокости, было что-то ужасное в том,

как уродуется красота: это словно оторвать крылья у бабочки или осквернить храм. Я никогда не видел Оливию в таком положении. Что-то дрогнуло у меня в сердце, крик заполнил гортань.

— Прекрати! Прекрати!

Батч держал нож, с которого капала кровь.

— Прекратить? Ну ладно… почему бы и нет? В конце концов она для меня ничто. Только пешка. Способ добраться до тебя. Спасибо, Оливия. Ты хорошо сделала свою работу.

Его острые зубы сверкнули в многозначительной усмешке. Я видела это и все равно ничего не могла сделать. Батч повернулся, расправил плечи и бросил Оливию на изгибающуюся стеклянную стену. Я услышала глухой удар тела о преграду, стекло треснуло и, как показалось, очень медленно начало разлетаться на куски. Оно вывалилось наружу, и вместе с ним рухнула Оливия.

Ее крик разорвал ночь, он слышался, когда ее тело уже исчезло. Я ответила своим криком и бросилась вперед, неловко перебралась через широкую кровать и оказалась у окна. Схватилась руками за острые осколки, руки покрылись кровью, но я ничего не почувствовала.

Я не увидела ее; она уже затерялась в темноте ночи; упала, как капли дождя, как комета, опустилась, как алое солнце.

Глядя в темную холодную пустоту, я испытала мгновенное желание прыгнуть за нею. Один шаг, каких-то пять дюймов — и все будет кончено. Больше никогда не нужно будет двигаться, сражаться, плакать. Не нужно будет бесконечно дышать, и крик, который раскалывает мне черен, прекратится раз и навсегда.

Я слышала свое имя: мучительное медленное произношение, слог за слогом. Все, о чем я могла думать, это то, что я ошибалась. Ошибалась, считая, что приняла все меры для защиты. Ошибалась, решив, что у меня ничего не могут отнять, что мне нечего терять. Оставалось еще то, что мне было не безразлично в мире. Моя сестра.

И теперь ее нет.

— Джо-ан-на…

Глубоко вдохнув, я опустила голову, как нападающий бык, и сделала-таки шаг вперед.

Но сначала повернулась.

Я прыгнула, пригнувшись, и использовала тяжесть своего тела, чтобы сбить Батча с ног. Не думая об оружии, я обхватила руками его колени. Не думала о ранениях, когда его тело рухнуло. Я постаралась оказаться у него за спиной, но он, даже слепой, был быстрее, чем выглядел. Прежде чем он смог использовать свои кулаки и преимущество в весе, я была уже вне пределов досягаемости, сгруппировалась и приготовилась к

новому нападению.

— Что ты делаешь? — Он был искренне удивлен. — У тебя нет оружия.

— Есть.

— Нет. Я бы уловил его запах.

Его ноздри раздулись, и мы оба определили, где находится оружие: его ятаган, закатился под кровать, когда я убила его в первый раз, мой складной нож выпал у него из рук, когда я прыгнула на него, и теперь лежал у двери.

— Я сама оружие, осел! — Произнося со свистом эти слова, я чувствовала, что мое дыхание заполнено таким же черным стремлением, как и сердце. Впервые Батч выглядел испуганным.

Мои движения не были такими рассчитанными, как обычно, удары менее точными. Я сражалась, используя скорее изобилие адреналина, чем мастерство, нанесла несколько ударов, получив два сама, прежде чем отступила и заставила себя думать. Представила себе тело Батча. Наметила наиболее уязвимые места, куда надо наносить удары; постаралась увидеть в нем противника, а не только убийцу моей сестры.

— Сюда. — Я обошла его, оказавшись сзади. — Ты что, слепой?

— Я тебя убью! — Он поворачивался из стороны в сторону, стараясь найти меня с помощью оставшихся четырех чувств. Это подсказало мне идею. Я начала пятиться, отступая к туалетному столику, где нашла то, что мне нужно. — Ты меня слышишь? Я тебя убью!

— Нет, не убьешь. — Я нащупала бутылочку с духами сестры. — Но умрешь, пытаясь это сделать.

Я принялась разбрызгивать духи, так что вскоре в комнате пахло, как внутри коробки с размельченными пряностями. Остаток я вылила на себя. Духи перегрузили обоняние Батча. Он споткнулся посреди комнаты: странно, но отсутствие обоняния подействовало на него сильнее потери зрения. Чувствуя, как кривятся мои губы, я подумала об оставшихся у него трех чувствах: осязании, вкусе и слухе — и решила отключить их все.

Нажав кнопку будильника Оливии, я максимально увеличила громкость. «Приходи, какая ты есть» «Нирваны» заполнила комнату.[25] Начальное замешательство из-за потери слуха вскоре сменилось бессильным гневом. Батч испустил дикий крик и начал неуверенно двигаться в моем направле-нии. Я бросила флакон духов в другую сторону, и он разбился о стену. Батч повернулся, грудь его поднималась в такт вдохам. Я легла на пол, прокатилась под кроватью и выбранись оттуда с ятаганом в руке.

Остались два чувства.

Теперь мой гнев был холодным, превратив мою решительность в стрелу, готовую вылететь. Я была охотником — как большая кошка травянистых равнин Африки; как кровожадный орел, устремляющийся к земле за добычей.

И в том, как я играла с ним, не было ничего славного или героического. Я слишком долго тренировала свое тело и мозг, чтобы не узнать бандита, убийцу, нацеленного только на месть. Я наблюдала за тем, как Батч сотрясает ударами воздух, неуверенно поворачиваясь. На лице его проступило осознание возможности проиграть, умереть. Что, вероятно, именно я убью его.

Голос Курта Кобейна звучал в комнате снова и снова: «… но нет, у него нет пистолета…»

Я ждала, пока Батч не успокоится настолько, чтобы вспомнить об оружии, рассчитывая на то, что он не забыл планировку комнаты и расстояние между ним и ножом у двери. Как и ожидалось, он бросился к более знакомому оружию, тому, что принес с собой. Тому, что я держала в руках.

Он наклонился, сунул руки под кровать и принялся отчаянно шарить ими. Осязание. Он не слышит, не может пользоваться обонянием, не видит моего приближения. Плохо для него, но зато я увидела свое отражение в зеркале — черные потемневшие глаза, мышцы напряжены, руки подняты — я выглядела как падший ангел.

Батч застыл. Я улыбнулась. Запело изогнутое лезвие.

Обрубки, которые Батч инстинктивно прижал к груди, были белы от кости и красны от крови, с них свисали клочья плоти. Он завыл, раскрыв свою дьявольскую пасть, откинул голову, как слепой птенец, который инстинктивно ищет пищу. И я послушно вложила в эту пасть оружие, слегка прижав язык. Губы его разошлись в пародии на улыбку.

Последнее его чувство у меня на кончиках пальцев — вкус. Я наклонилась, взяв его нижнюю челюсть свободной рукой, заставив лезвие впиться в нижнюю губу, и он завопил, а я наклонилась, чтобы получше расслышать. Этим языком он лгал, им он сквернословил, и все это стоило моей сестре жизни. Легким толчком снизу вверх я поставила его на ноги.

— Хочешь мне что-нибудь сказать?

Он покачал головой — насколько мог, и из его невидящих глаз покатились слезы.

— Думаю, хочешь. — Во рту у меня словно песок насыпали. — Думаю даже, что это у тебя вертится кончике языка. — Я надавила и почувствовала, как лезвие впивается в плоть. Батч булькнул, издал сдавленный крик — просьбу о милости, — и я ослабила нажим. — Так что же?

— Х-х-халь…

Его губы, там, где их касалось лезвие, были алыми. Он сказал, что ему жаль. Я выпрямилась, чувствуя себя совершенно лишенной эмоции.

— Что ж, этого недостаточно, — прошептала я, не заботясь о том, слышит ли он меня.

Я могла протолкнуть ятаган ему в глотку, разрезать рот, разрубить его изнутри. Могла повернуть лезвие наверх, в череп, и выпустить заключенное в нем мягкое вещество. Однако я быстрым движением извлекла оружие.

Батч наклонился вперед, выплевывая кровь, и опустился на колени.

— Не плачь, Батч. Все демоны имеют раздвоенный язык. Так остальные легче тебя узнают.

Теперь он был лишен всех своих чувств и так же беспомощен, как Оливия в его руках. Но вместо того чтобы убить его, я села на край кровати и стала ждать. Хотела увидеть последние секунды его жизни, как смерть движется по его лицу. Хотела посмотреть, сможет ли он залечиться.

Тогда я бы убивала его снова и снова.

Но он умер. Этот сукин сын умер и оставил меня в кремовой забрызганной кровью комнате моей сестры, с дырой в окне, как какой-то гигантский раскрытый рот. Он ушел из этого мира так же, как пришел в него: жалкий, корчащийся и покрытый женской кровью.

Не знаю, сколько я так просидела, теряя кровь, плача и время от времени крича от того зловония, которое смерть этого демона оставила вокруг меня. Я хотела бы, чтобы были живы и он, и моя сестра, и я могла бы все изменить.

Наконец я встала и выключила музыку. Тишина гудела у меня в ушах, когда я тащила тело Батча к окну и перебрасывала его через край. Я не смотрела, как оно падает, но дождь прекратился и весь мир стих, словно существовал в вакууме, и поэтому я услышала удар тела о тротуар. «Никогда не говорите, что я не учусь на ошибках», — невесело подумала я.

Потом наклонилась через край, и меня вырвало.

8

— Полиция! Откройте!

Я пришла в себя, лежа рядом со своей рвотой, когда услышала эти слова. Чувствуя себя одновременно пустой и свинцово тяжелой, я с трудом встала на колени, потом на ноги, подождав несколько мгновений, чтобы перестала кружиться голова. Рот был словно набит пылью, глаза залиты слезами. Не знаю, сколько я тут пролежала, но за разбитым окном прояснилось, а городские огни по-прежнему делали небо беззвездным; мне в спину дул несильный ветер.

В дверь снова настойчиво застучали, и я пошла в гостиную, чтобы открыть; мои шаги гулко звучали на крытом плиткой полу. Мой мартини стоял на кофейном подносе, где я его и оставила, рядом с нераспечатанным подарком. Слезы снова навернулись на глаза, и мне пришлось помигать, чтобы смахнуть их. Стук в дверь продолжался. Соседи вызвали полицию. Я подумала, почему полицейские просто не взломали дверь, но открыла ее.

Передо мной стоял Аякс.

— Привет, Джоанна. Я пришел бы раньше, но меня… задержали.

От неожиданности мои реакции замедлились, а когда я попыталась закрыть дверь, он перехватил ее и легко открыл снова. Я попятилась, и Аякс захлопнул дверь за собой. Он не пытался напасть на меня, только склонил голову набок, словно только сейчас о чем-то подумал.

— Джоанна, дорогая, в тебе что-то изменилось. — Ом принюхался, потом довольно щелкнул пальцами. — Понял. Ты сменила прическу.

Туг он шагнул вперед, и я отступила в гостиную. Я знала, что он меня убьет. Я ранена, а он свеж, рассержен и знает, в отличие от Батча, что меня нельзя недооценивать. Он так же, как и Батч, обладает необъяснимыми способностями, а я не знаю, смогу ли снова драться… и хочу ли. Какой смысл? Никогда в жизни я не была так одинока.

— Ну что ж. — На этот раз он извлек две зазубренные кочерги и держал их в каждой руке. — Так на чем мы остановились?

«Хорошо, что я одна. — Я с трудом глотнула. — Кончай с этим».

За мной послышался стук, я повернулась и не поверила глазам. За окном гостиной, на карнизе здания, стоял бездомный бродяга, тот самый, которого я сбила. Он по-прежнему выглядел

непрезентабельно и, как в прошлый раз, появлялся очень неожиданно. Он что-то сказал, указывая рукой и кивая на спальню. Я повернулась и увидела, что Аякс поражен не менее, чем я, и рот его раскрыт в явном неудовольствии.

— Уоррен, — сказал он, опуская свое оружие. — Мне следует пробить твое бесполезное сердце Тельца.

— Уоррен? — спросила я.

— Заткнись, Аякс, жалкое порождение зла. Кто тебя одевал сегодня утром? Явно не твоя мама. Ты похож на клише из фильмов категории «Б».

Я переводила взгляд с одного на другого. Меня поразило не столько то, что они знакомы, сколько то, что они переговариваются через звуконепроницаемое окно. И я слышу каждое слово.

— Не говори о моей матери! — сердито воскликнул Аякс.

— Ей нужно было просто проглотить, это уж точно. Но ничего, сегодня вечером наверстает. — И он начал делать похотливые движения нижней частью тела — прямо на парапете.

Мне потребовался еще один его многозначительный ни ляд, брошенный на меня, чтобы понять, что он просто выигрывает время. Опасаясь раскрыть свои намерения, я, не оглядываясь, побежала. Слыша проклятия Аякса и его топот за собой по плиткам пола, я захлопнула дверь спальни, закрыла ее на замок и была уже у окна к тому времени, как Аякс сломал дверь.

— Дай мне руку! — По другую сторону разбитого окна Уоррен протянул свою.

— Черт! — Я взглянула вниз. Ветер здесь оказался гораздо сильней.

— Немедленно дай руку! — повторил Уоррен и дернул меня так, что я потеряла равновесие. Я снова выругалась, и наполовину выползла сама, наполовину была вытянута им на карниз, за пределы досягаемости Аякса.

— Сука!

— Иди возьми ее, — насмехался Уоррен. Я хотела его попросить, чтобы он этого не делал, но бродяга уже отодвигался от меня, стоя спиной к зданию и прижав ладони к бетону и стеклу. — Сюда.

Он остановился на опоре и поддерживал меня, пока я тоже не встала устойчиво на карниз. Потом повернулся и продолжил свой путь к окнам гостиной. Я колебалась.

— Он нас увидит.

Уоррен оглянулся, волосы над его головой развевались, как у какого-нибудь безумного профессора.

— Это единственная дорога. Там есть пожарная лестница,

ведущая на крышу. А по другую сторону нет ничего.

Я посмотрела назад и с трудом глотнула. Из разбитого окна свисал клок ткани, вырванный из моей блузы, когда Уоррен вытягивал меня. Но ни следа Аякса.

— Джоанна!

— Ну, хорошо. — Я выдохнула и кивнула.

Мы повернули за угол; мои ступни занимали почти весь карниз, оставалось несколько дюймов до пропасти. Я перемещалась вдоль фасада, догоняя Уоррена. Тут меня попытался подхватить порыв ветра, но я уцепилась за облицовку. Уоррен улыбнулся.

Перед нами, как драгоценности, сверкали окна гостиной, и этот свет был маяком, зовущим меня к реальности. Что я здесь делаю!

— Готова? — спросил Уоррен.

Я перевела дыхание и последовала за ним. В уютной гостиной показался Аякс, он был словно в рамке слайда в проекторе. Он принял боевую стойку: ноги широко расставлены, руки согнуты, пальцы сжаты в кулаки. Уоррена это как будто нисколько не встревожило, он по-прежнему двигался вдоль карниза — черепаха на туго натянутой проволоке.

— А что мы сделаем, если он разобьет стекло?

— Постараемся не пораниться. Я повернула назад.

— Я возвращаюсь.

— Джоанна. — Услышав его голос, я застыла. Снова повернулась к нему и увидела его совершенно трезвый взгляд. — Дороги назад нет.

Он прав. Я отворачиваюсь от возможной смерти и приближаюсь к несомненной. И что мне это даст? Оливию я не верну. Это не изменит того факта, что я убила человека без всяких сожалений. И я сомневалась, что мне удастся уговорить Аякса не делать того же самого со мной. К тому же сколько раз я молила Бога, чтобы он отнял мое прошлое. Изменил события таким образом, чтобы я могла быть нормальной и счастливой… как Оливия. И ни разу не получила ответа на свои молитвы.

Или наконец получила?

Я посмотрела на того, кто меня вел. Послан он небом или нет — я вынуждена была признать, что первое маловероятно, — одно несомненно: он не тот, кем кажется. И кроме того, он знает ответы на вопросы, обрушившиеся на меня за последние двадцать четыре часа. А мне нужны эти ответы.

«К тому же, — говорила я себе, — он прав: дороги назад никогда не было».

— Я иду за тобой, — сказала я, и лицо Уоррена загорелось

необъяснимым возбуждением. — Если пообещаешь дне вещи.

Он снова свел брови.

— Во-первых, ты объяснишь мне, что происходит. И я имею в виду — абсолютно все.

— Договорились! Это легко, — ответил он и. заговорщицки наклонился ко мне. — Авторов?

— Второе? Ты примешь душ. — Я сморщила нос. Если раньше он вонял, то теперь от него нестерпимо несло.

— Какая хорошая девочка. Рад, что ты на моей стороне.

— Я на своей стороне. — Я продвинулась дальше, и снова появился Аякс в такой же позе, что и раньше.

— Вы двое кончили болтать? — Губы его шевелились по ту сторону стекла, но голос звучал совсем рядом. — Можем мы с этим покончить?

— Безусловно. У меня свидание с твоей мамой. Надо торопиться. — Уоррен с коротким насмешливым смешком переступил с ноги на ногу. Это вывело Аякса из себя, и он бросился к окну. Я ухватилась за вертикальный столб, вцепилась в него побелевшими пальцами. Уоррен этого не сделал и стал легкой целью.

Я закрыла глаза и отвернулась, когда кочерга ударилась в окно. Но не последовало никакого дребезга. Повернувшись, я увидела, что кончик кочерги прошел через стекло, как сквозь воду. Уоррен увернулся, протянул руку в изорванном рукаве и схватил треугольное лезвие, прежде чем Аякс смог его втащить. Уоррен дернул, и кочерга со скрежетом вышла наружу до рукояти. Аякса прижало лицом к стеклу, и я перебралась к другому столбу, прежде чем он оправился.

— Отпусти. Немедленно. — Аякс произносил слова с паузами, повернув один глаз к Уоррену.

— Ты отпусти..

Аякс, должно быть, понял, что спорить с тем, кто обладает разумом пациента психолечебницы, тщетно. А может, ему надоело облизывать стекло. Он отклонился назад и выпустил кочергу.

— Отлично. У меня есть еще.

Со стремительностью гадюки, быстрей, чем я могла предположить, он пробил окно второй кочергой, целясь мне в живот. Мне кажется, у каждого человека перед смертью бывает мгновение ужасного озарения. Так было и со мной. Это лезвие было острее всего, что мне приходилось видеть. Я ожидала боль, знала, что меня проткнет насквозь, и думала, почувствую ли я удар, когда буду падать на землю.

Почувствовала ли его Оливия?

Но я ничего не ощутила. Ждала, закрыв глаза, но смерть не приходила. Уже приготовившись к ней, я находила это особенно раздражающим. Я открыла один глаз. Аякс и Уоррен оба молча смотрели на меня, широко раскрыв рот. Я посмотрела вниз. Согнутая на полпути к рукояти, кочерга казалась резиновой. Затем ее острие начало растворяться, капая на каменный карниз, а потом стекая по стене здания, как ртуть. Я в замешательстве взглянула на мужчин. Неужели сверхъестественные существа могут так удивляться?

— А-ха! Эврика! Я ее нашел! Аякс, я ее нашел!

— Это я ее нашел, ты, мешок отравленного воздуха.

— Да, но ты опоздал. Опоздал, а теперь смотри. Она для тебя слишком сильна, как мы и надеялись. Как я и предполагал!

— Неправда! — Доказывая это, Аякс выдернул первую кочергу, потому что Уоррен в своем возбуждении ослабил хватку, и снова ударил. В дюйме от моего тела и эта кочерга растаяла, как снег. Он попробовал снова — с тем же результатом — и с гневным криком отбросил короткую оставшуюся часть.

К этому времени Уоррен почти согнулся от хохота, слезы текли по его грязному лицу, и он опасно перескакивал с одной ноги на другую.

— Слишком сильна! Слишком сильна!

— Не понимаю, — сказал мне Аякс. — У тебя не может быть такой силы. Ты невинна.

— Да, так говорил и Батч. Перед тем как я его убила.

— Батч был здесь?

— Что? Ты не чувствуешь его запах? — насмешливо спросила я, осмелев теперь, когда оказалась в безопасности. Конечно, если ire считать пропасти в двести футов сразу за мной. — Почему ты не пользуешься носом? Не вынюхаешь его?

Оба они посмотрели на меня так, словно это я ненормальная. Уоррен первым обрел дар речи.

— Нельзя почувствовать запах мертвых, Джоанна. Ты уничтожила его запах, его сущность. Как будто его никогда не было. — Он повернулся лицом к человеку по другую сторону стекла. — Разве я не прав?

Аякс начал дрожать.

— Сука! Проклятая сука!

— Ты меня не уважаешь, Аякс? — осведомился Уоррен. — Правда? Потому что если ты…

— Мне кажется, он это мне, — заметила я.

— О, — произнес Уоррен. — Ну, тогда продолжай.

— Я тебя убью, ты это знаешь? — заявил мне Аякс. — Я тебя найду и убью.

— Как? — поинтересовался Уоррен. — Ты не сможешь поймать ее запах и потому не сможешь найти.

— Это временно. Когда ауреоль выдохнется, я буду с тобой, как арахис на масле.

— Даже для безумца, потерявшего обоняние, это глупые слова.

— Или как кошка на мыши. Уоррен указал Аяксу на ноги.

Аякс закричал и отшатнулся. Луна зашипела и двинулась за ним, качая задом и подняв хвост, как дубину. Аякс продолжал пятиться, бросая неуверенные взгляды вокруг, чтобы убедиться, что других кошек нет. Дрожа, он добрался до двери.

— Еще ничего не кончено! — воскликнул он, показывая на меня. — Скоро продолжим. — И он скрылся за дверью в тот момент, когда Луна бросилась на него.

— Теперь мы можем войти, — сказал Уоррен.

Луна встретила нас в окне спальни. Она лизала лапу, поджидая нас, «Словно костяшки зализывает», — подумала я. Когда мы залезли в окно, она подошла и стала тереться о наши ноги, вероятно, ожидая награды, Я подняла ее и зарылась лицом в шерсти, как это делала Оливия. Кошка замурлыкала, и ее дрожь отразилась в моем теле.

— Я не знал, что у твоей сестры была кошка.

Но то, что у меня была сестра, он каким-то образом знал. «Была сестра», — снова подумала я, и слезы закапали у меня из глаз.

— Да. Была.

Уоррен застыл. Потом, глубоко вдохнув, посмотрел на окно, прежде чем снова повернуться ко мне. На его лице, обычно полусумасшедшем, с дикими глазами, было опустошенное выражение.

— Боже, Джоанна. Мне так жаль.

— Ты больше не чувствуешь ее запах, верно? — Голос мой звучал слабо и безнадежно. Уоррен стоял молча. Я отвела взгляд. — Я тоже.

— Тебе надо уйти отсюда.

— Да, — согласилась я, не спрашивая, куда. Мне было все равно. — Уведи меня.

Пока мы шли пять кварталов до мотеля у дороги, Уоррен не говорил — вернее, не говорил со мной, — и это было хорошо. Однако он произносил непрерывный монолог — что-то о бабуинах на Марсе, и поэтому несколько встреченных нами прохожих постарались обойти нас подальше.

Под ярко-красной неоновой вывеской дежурный молча протянул Уоррену ключ от номера и, не меняя выражения лица,

осмотрел мою перепачканную кровью и порванную одежду.

«О да, — думала я, глядя, как согнутые плечи Уоррена постепенно распрямляются, пока мы переходим пыльную асфальтовую стоянку, — этому бродяге придется ответить на многие вопросы».

Он открыл серую дверь, впустил меня внутрь и включил свет, осветив не менее жалкую комнату. Обязательные кровать, шкаф и столик были настолько невзрачны, что я едва их заметила. Я упала на один из стульев, стоявших по сторонам поцарапанного круглого стола, и прислонилась спиной к стене, закинув голову и закрыв глаза. Время от времени по дороге мимо здания проходила машина, шины шуршали и расплескивали воду из луж, образовавшихся во время бури, и машина исчезала в беззвучной пустоте.

Уоррен взял телефон и, говоря очень медленно, попросил кого-то по имени Марти принести нам еду. Исчез слабоумный безумец, насмехавшийся над Аяксом, бродяга, которого сбила моя машина. Это был лидер, человек, привыкший отдавать приказания и ожидающий, что они будут исполнены. Я ничего не понимала, но для меня в те дни это было самое обычное состояние. В это мгновение я только знала лишь то, что не хочу есть, что бы Уоррен ни заказал. Даже пить не хочу… только представьте себе. Мне хотелось сидеть с закрытыми глазами без всяких мыслей и считать до бесконечности проезжающие мимо машины.

— Тебе нужно принять душ, — сказал наконец Уоррен, нарушая молчание. Голос его все еще был хриплым, но слова звучали трезво и разумно.

— Это тебе нужно принять душ, — возразила я, но обычного жара в моих словах не было: лишь усталость, слабость и дрожь. Как в моих коленях. Как во всей моей жизни.

— Отлично. Пойду в душ.

Я не шевельнулась, когда закрылась дверь ванной и я услышала, что заработал душ. Не шевельнулась, когда постучали в дверь и без приглашения вошел человек с подносом с хлебом и мясом, отчего у меня в животе все начало переворачиваться. Когда он вышел, я продолжала сидеть на месте. Наконец встала и через всю комнату подошла к зеркалу, чтобы увидеть женщину, которую я не узнала. У нее были темные глаза и растрепанные волосы. Под ногтями у нее запеклась кровь, а там, где должно было быть сердце, находился камень. Она хладнокровно убила человека и нисколько не сожалела об этом.

— Кто ты такая? — тупо спросила я. Женщина смотрела на меня. У нее не было ответов.

Дверь ванной открылась, я повернулась и увидела смотрящего на меня Уоррена, по-прежнему бородатого, но с чистым лицом и ясными глазами. Он переоделся — в футболку и мешковатые джинсы, поношенные, но чистые. Волосы по-прежнему были спутаны, но по крайней мере относительно аккуратно зачесаны назад. Только неровная походка совершенно не изменилась. Уоррен, хромая, подошел к подносу и сделал себе сэндвич. Закончив есть, он расположился напротив меня.

— Расскажи, что случилось.

Он не стал утешать меня, не стал уговаривал принять душ или поесть. Не предоставил мне ничего для обретения равновесия, никаких поводов для спора, и я продолжала послушно сидеть, как раньше. Может, он даст мне ответы. И, может, эти ответы немного облегчат мою боль и чувство вины, которые снова поднимались в моей душе.

Я — насколько могла вспомнить ночные события — рассказала ему вес, а когда закончила, стала ждать его реакции. Уоррен все это время жевал, время от времени останавливаясь и задумчиво кивая.

— Поэтому ты смогла сопротивляться кондуиту Аякса. Я о таком слышал, но сам никогда не видел.

Видя мое непонимающее лицо, он объяснил:

— Кондуит — это оружие, индивидуально изготовленное специально для применяющего ее, оружие огромной силы. Согласно определению, кондуит канализирует энергию. В данном случае — намерение.

— Поскольку применяющий его намерен с его помощью кого-то убить?

Он кивнул.

— Но вот что удивительно. Кондуит не только строго индивидуален — он не оставляет никаких следов в материальном мире. А ты буквально расплавила кондуит Аякса, и пальцем не пошевелив в свою защиту.

Даже мне было интересно, как это случилось.

— Ну и что?

— Ты только что убила одного из агентов Тени — так мы называем наших врагов, — но в этом есть нечто большее. — Уоррен пришел в возбуждение и заговорил быстрее. — Ты использовала кондуит Батча против него. Ты обратила против него его собственную магию. Ни один агент не может излечиться от удара собственным оружием.

Но что еще важнее — твой мотив. Намерение. Ты убила его из мести, просто и исключительно из мести. «Око за око» и все такое. Это могучая сила. Мы не часто ее используем.

Я нахмурилась. То, как это звучит, мне не понравилось. Месть — это нечто, требующее предварительного обдумывания и хладнокровия. Уоррен не видел, как это чудовище резало прекрасную, безупречную кожу моей сестры. Или как он выбросил ее, словно мусор, в окно.

— Ты поступил бы так же.

— Может быть, но это не значит, что сумел бы. Ты убила старшего агента Тени без подготовки, без знаний, без собственного оружия. Мы годами стараемся выработать у наших бойцов такое умение и все равно часто испытываем поражения.

Я с опаской посмотрела на него.

— Кто такие «мы»?

— Я тебе говорил. Отряд Зодиака 175, отделение Лас-Вегас…

— Опять эта чушь о супергероях! — Я ударила кулаком по столу — жест такой стремительный и яростный, что мы оба испугались. Ткнула в него пальцем. — Не начинай это снова! Я видела, как умирала моя сестра, и ничего не могла поделать! Ничего! И ты тоже не смог!

— Да, — негромко согласился он. — На этот раз не смогла.

— На этот раз? — Я встала, отбросив стул, прошла к двери и распахнула ее. — Какой вздор! Я ухожу!

— Надеюсь, твоему плечу лучше.

Я застыла. Потом попятилась и взглянула в зеркало. Осмотрела руки. И опустилась на край кровати.

— Никаких ран.

Он почти виновато пожал плечами.

— Быстрое излечение.

«Как он. Как Батч. — Я опустила голову на руки.: — Что со мной случилось? Я совершенно излечилась, а Оливия лежит мертвая, и ее последний крик еще звучит у меня в ушах».

— Почему она? — прошептала я, качая головой. — Почему не я?

Уоррен не ответил. Просто сидел, пока я беззастенчиво рыдала, не в силах остановиться, плакала так, как не плакала десять лет. Желчь поднялась в горле, и. я побежала, в туалет.

Когда я вернулась, Уоррен по-прежнему клевал еду, хотя кажется, тоже потерял аппетит. Я вытерла рот тыльной стороной ладони и глотнула воды. Но не смыла липкую горечь во рту.

Опустившись на край кровати, я спросила:

— Что произошло со мной сегодня вечером? Уоррен глубоко вздохнул.

— Это называется метаморфоза. Трансформация, означающая начало третьего жизненного цикла. Это происходит со всеми нами, когда мы достигаем двадцати пяти лет. Но ты была так

тщательно спрятана, что мы не смогли тебя обнаружить, пока ты не начала испускать гормоны, феромоны, которые приходят вместе с переходом.

— Поэтому Батч должен был убить меня именно в этот момент? — предположила я.

Уоррен кивнул.

— Время перемены означает овладение большой силой или по крайней мере возможность доступа к ней. Проблема в том, что момент перехода — это и время величайшей слабости. Ты не в состоянии реагировать, становишься, подобной мраморной статуе, хотя большинство наших описывают переход как страшную жару, когда энергия устремляется в центр твоего существа. — Я подумала, что это совпадает с тем, что испытала я. — Мы обычно помещаем наших начинающих в безопасное убежище, где они могут пережить процесс перемены, не рискуя сами и не становясь опасными для окружающих смертных.

Таких, как Оливия.

— А почему так не поступили со мной?

— Потому что начинающий должен быть добровольцем. Ты была спрятана так долго, что твоя истинная природа была скрыта — даже от тебя самой. Мы не смогли вовремя принять тебя, тем более обучить.

— А как меня нашел Аякс?

— Противоположности притягиваются. Ты всегда более настроена на то, чего боишься или что ненавидишь.

Я невесело рассмеялась, смех перешел в рваный кашель. Я покачала головой, ощущая всю иронию событий. Вот почему я не знала, что делать с Батчем. Мой инстинкт включился, только когда было уже поздно.

— Вот так это работает, — сказал Уоррен, когда я знаком попросила его продолжать. — Мы не могли тебя найти, пока враг не нашел тебя первым. И тогда мы могли лишь надеяться, что не опоздаем.

Что привело меня к самому первому вопросу: почему именно я?

— Думаю, ты нашел не ту героиню.

Уоррен наклонился вперед с легкой усмешкой. Самое тревожное в этой усмешке было то, что она выглядела совершенно нормальной, здоровой. Я потерла глаза.

— Ты особенная, Джоанна, даже среди нас. Твоя мать тоже была в составе отряда Зодиак. И она была Стрельцом.

Я пристально посмотрела на него, и сердце мое забилось: никто уже почти десять лет не говорил б моей матери.

— Ты знал мою мать?

— Ты родилась в день ее рождения, верно?

Я кивнула, удивляясь и в то же время принимая как само собой разумеющееся, что он это знает.

— Я тоже. Но я Телец, бык западного Зодиака, так же как моя мать. У нас происхождение определяется по материнской линии, — объяснил он, обхватив загорелыми руками одно колено. — Вероятно, это можно назвать своего рода наследственностью. В каждом поколении рождаются двенадцать мужчин и двенадцать женщин, их выращивают и готовят к тому, чтобы поддерживать порядок в своей части мира. Когда все двенадцать позиций заполнены, устанавливается мир и космическое равновесие. В каждом крупном городе мира есть свой отряд Зодиака, хотя пригороды патрулируются независимыми. — Он нахмурился, словно это слово вызвало у него во рту неприятный привкус.

— Независимые, — повторила я, с сомнением поднимая брови.

— Бродячие агенты, — сказал он преувеличенным шепотом.

— Супергерои? — настаивала я, и он пожал плечами.

— За отсутствием лучшего термина, да. Мы живем в городе, в котором родились, платим налоги, ходим на обычную работу, но одновременно вынюхиваем агентов Тени, наши полярные противоположности, и уничтожаем их.

Я покачала головой. К го слова не имеют смысла.

— Я все-таки не вижу, какое отношение это имеет ко мне. Я не супергерой. Я…

— … нечто такое, чего еще никто не видел, — закончил оп за меня и, наклонившись вперед, посмотрел мне в глаза. — Ты, Джоанна, первый знак.

Я потерла рукой лицо и произвела быстрый расчет.

— Жаль прерывать так интересно разворачивающуюся фантазию, но Стрелец девятый знак Зодиака, а не первый.

Он бросил на меня такой взгляд, словно я единственная сумасшедшая в этой комнате, и принялся вычищать грязь из-под ногтей.

— Если не толковать «знак» как предзнаменование превосходства над недругами. Твое обнаружение означает только это. Это первый знак. Ты первый знак.

Вот как.

Он помолчал, приняв мой опустошенный вид за смятение, и потер рукой бороду.

— Думай о нас как о городской полиции, но обладающей сверхъестественными свойствами.

— Тогда вы плохо работаете, — заявила я. — Уровень

преступности только за последний год вырос на одиннадцать процентов.

Уоррен улыбнулся и покачал головой.

— Мы не можем контролировать то, что делают смертные, Джоанна. Когда-нибудь слышала о свободе воли? Об индивидуальном выборе? О всеобщих законах равновесия и контроля, установленных с начала времен? Мы делаем, что можем, в физическом плане, если оказываемся в нужном месте и в подходящее время, но наша настоящая работа — контроль преступной деятельности со стороны Тени.

— Какой, например?

— Например, взрыв бомбы в казино «Катакомбы» в прошлом году или слезоточивый газ, распространенный в июне через систему вентиляции в пяти заведениях «Полосы». Нападение из засады на машину губернатора три месяца назад. Да, еще захват заложников на военно-воздушной базе. С этим я разобрался сам.

Он подул на костяшки пальцев, делая вид, что полирует их о рубашку, и в глазах его был тот маниакальный блеск, который я вскоре буду принимать за его альтер эго.

— Никогда ни о чем таком не слышала.

Он посмотрел на меня.

— Вот именно. Я нахмурилась.

— Так какое отношение это имеет ко мне? Ведь ваших бойцов растят и тренируют годами, чтобы сражаться с паранормальными преступлениями.

«Неужели я действительно это сказала?» Я покачала головой.

— Почему бы вам не найти кого-нибудь другого со знаком Стрельца.

— Арчера, Лучника, — поправил Уоррен.

— Ну, Арчера, — согласилась я, не заинтересовавшись семантическими различиями. — Найдутся такие, кто захочет выполнить эту работу.

— Ты отличаешься от всех нас. Об этом говорится в нашей мифологии, это изучают в школе, но никто из нас, даже в предыдущих поколениях, такого не видел. — Его глаза маниакально засверкали. Наклонившись вперед, он произнес: — У тебя есть качества, которые делают тебя исключительно опасной для наших врагов, Джоанна; возможно, очень возможно, ты сильней самых опытных и закаленных наших бойцов.

— Позволь угадать. Я могу перепрыгивать через дома. Летать быстрей самолета и бла-бла-бла.

— Верно, что ты родилась в день рождения твоей матери. — Уоррен не стал обращать внимание на мой сарказм, — но ты также родилась в день рождения твоего отца.

Я слегка опешила.

— Моего отца?

— Не Ксавье. Настоящего отца.

Я скрестила руки на груди и, более чем заинтересованная, настороженно и подозрительно посмотрела на него.

— И кем же он был?

— Не был, — ответил Уоррен, качая головой и нахмурившись. — Он есть. Он предводитель наших противников. Наш враг. Твой враг,

«Мой враг? — Я отодвинулась. — Что это значит? Еще двадцать четыре часа назад не подозревала о том, что у меня есть враги».

— Ты хочешь сказать, он как Батч и Аякс? Какой-то… демон?

— О, он гораздо хуже. — Лицо Уоррена потемнело. — И гораздо сильней. Наши отряды поредели. Наши бойцы убиты. Именно он в основном находит способы убивать наши знаки. В ответ нам приходится призывать все более молодых новобранцев — до того, как они становятся готовы. Но ты… возможно, ты и есть средство остановить его.

Я могу быть этим знаком, этим предзнаменованием, обеспечивающим превосходство над моим злым и могущественным отцом? Да, еще бы. Я потерла глаза, не могла сосредоточиться на разговоре, и вся обстановка расплывались.

— А что если я не желаю участвовать в этом вздоре о супергероях, борющихся со злом? Если хочу жить обычной жизнью, как все остальные… смертные?

— Ты правда этого хочешь?

— Да.

— Нет. Ты не можешь.

— Ты сказал, что я должна согласиться добровольно, — 8 возразила я.

Уоррен наклонил голову.

— Были такие, правда, редко, кто не хотел сражаться. Они знали все факты, выросли в Зодиаке, но решили уйти, пока еще не поздно. Существует процедура, болезненная и дающая побочные эффекты — впрочем, не больше, чем паксил,[26] — но она очистит твой мозг от сверхъестественных знаний и возможностей.

— Я этого хочу.

— Джо…

— Хочу! Немедленно! — Я не представляла, что буду делать дальше, но знала, что не хочу иметь ничего общего с миром кондуитов, врагов и астрологических супергероев.

— Джо, все такие операции проводились до метаморфозы. —

Он покачал головой. — Для тебя слишком поздно.

Я опоздала на один день. Я встала: мне нужно было походить, подумать; нужен воздух и время; нужен кто-то такой, кто разбирался бы в этом. Я чувствовала себя попавшей в ловушку чужого мира, правила которого мне не знакомы. Я не владею языком звездных знаков и агентов Тени и не хочу им владеть.

— Послушай, я не хочу быть супергероическим уродом, как ты, понятно, Уоррен? Не хочу сражаться со злом, не хочу ощущать феромоны и убивать плохих парней. Я просто хочу домой! Хочу… хочу вернуть свою жизнь!

Он показал на дверь.

— Можешь уйти.

— И уйду, — заявила я, направляясь к выходу.

— Отлично.

— Отлично!

Он нанес прощальный удар.

— А ты знаешь, что, стоит тебе выйти отсюда, и ты будешь объявлена убийцей?

— Это была самозащита. — Я повернулась к нему. — Он напал на меня и убил мою сестру.

Уоррен мигнул.

— Я говорю не о Батче, Джоанна.

Я покачала головой, но движения мои стали неуверенными. Раскрыла рот, но ничего не сказала. Комната поблекла, и я почувствовала, как у меня подгибаются колени. Прислонилась к стене, дыша глубоко и медленно, пока не смогла снова стоять. «Я ошибалась, — подумала я, считая, — что у этого парня есть хоть какие-то характеристики, схожие с нормой. Он сумасшедший, как я и решила вначале».

— Тебя обвинят в смерти Оливии, — говорил между тем псих. — Твой истинный отец и все его приспешники. Они создадут улики, и ты ничего не сможешь сделать. А после суда, когда ты будешь в камере дожидаться смертельной инъекции, они найдут тебя по запаху — по смеси горечи и ненависти — и хладнокровно тебя убьют.

— Но я этого не делала.

— Твоя машина рядом с местом преступления.

— Ты сам велел мне оставить ее там! Он пожал плечами.

— Твои отпечатки там повсюду — на стакане с мартини и, я думаю, на теле твоей сестры. Особенно много их в спальне, где она была убита.

— Твоих тоже! — ответила я. — И отпечатки Аякса и Батча!

Он посмотрел мне в глаза. У меня расширились зрачки, перехватило дыхание: я вспомнила невероятно гладкие пальцы

Батча.

— Дай мне твою руку, — прошептала я.

Уоррен протянул руку ладонью вверх. Хотя ладонь была жесткой и мозолистой, кончики пальцев были гладкими и блестящими, почти цвета перламутра. Я слегка потерла подушечку его большого пальца. Все равно что касаешься полированного мрамора.

— Ни у кого из нас нет отпечатков пальцев, Джо.

Я взглянула ему в лицо.

— У меня есть.

— Ты другая. Ты…

— Не говори «невинная», — процедила я сквозь стиснутые зубы. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой ничтожной.

— Я и не собираюсь, — негромко ответил он. — Я хотел сказать, что ты с опозданием пришла во все это.

Я не могла поверить. Нужно убираться. Должен быть выход.

— А как же мотив? Все, кто знает меня… знает нас… знает, что мы с Оливией любили друг друга. Я никогда не причинила бы ей зла.

— Ни за что?

— Нет!

— Даже за деньги?

— Зачем мне это? У меня есть свои.

— Но у нее больше.

— У нее…

Я замолчала и почувствовала, что бледнею.

— Сегодня тебя лишили наследства, верно?

Я понимала, что он играет роль адвоката дьявола. Понижала и в то же время видела, о чем он говорит: так это будет Выглядеть для всего мира.

— Откуда ты знаешь? — тихо спросила я.

— За тобой следили. — Он подвинулся, и я опустилась на кровать рядом с ним. — Согласно не подписанному пока еще завещанию Оливия должна была унаследовать всю империю Арчера. В этом увидят достаточный мотив для убийства.

— Но я не стала бы спорить.

— Ты боец. Ты агрессивна. И немного не в себе.

— Но такова половина населения, Уоррен!. Это не делает меня убийцей! — Я вспомнила Батча. — Это не делает меня ее убийцей.

— Но у тебя есть мотив. И ты была там.

— Батч тоже.

— Ты не сможешь это доказать. Ты этого не докажешь, — поправился он, прежде чем я смогла заговорить. — Наша кровь

как вода. Она уходит в землю, питает почву, но от нее не остается ни следа. Поэтому в доме твоей сестры нет ни капли крови Батча. Теперь там нет и твоей крови. Только Оливии. И твои отпечатки.

Я с трудом глотнула.

— Я думала, ты мне поможешь.

— Я тебе и помогаю. Рассказываю, как все произойдет. Завтра утром это будет во всех телевизорах и газетах. «Дочь-наследница убита позавидовавшей ей сестрой». Твое лицо будет на страницах газет по всей стране. Ты прославишься.

Лучше бы я умерла.

— Или…

Я пристально посмотрела на него.

— Или что?

— Или я приму меры. Мы с тобой примем меры, — изменил он формулировку.

— Ты можешь вернуть ее?

— Нет. — Мягкое выражение его лица и доброта в этих коровьих карих глазах едва не убили меня. Я отвела взгляд. — Но мы можем сделать так, что мир не узнает, что произошло сегодня вечером. Это наша работа. Защищать жителей города от тех, кто может причинить им вред, как Батч Оливии. Сделать так, чтобы сверхъестественные события казались нормальными. Слышала когда-нибудь слова: «То, чего ты не знаешь, не может причинить тебе вреда»?

— Я в это никогда не верила. Он слегка пожал плечами.

— Потому, что ничего другого не знала.

Я осторожно встала, испытывая ноги, и повернулась к зеркалу, разглядывая женщину, которую в нем увидела. Если она и раньше показалась мне незнакомой, то теперь стала совершенно чужой.

— Меня посадят, — сказала я наконец, глядя на Уоррена в зеркало.

Он кивнул.

— Да, так они сделают.

— А как же ты? Что сделаешь ты?

— Мы сопротивляемся их действиям. Обычно успешно. Я горько рассмеялась. И закрыла глаза.

— Послушай, я понимаю, что тебе трудно все это принять. Дьявольщина, трудно даже тем, кто вырос с этим, а тут еще многое другое… — Он поднял руку, видя, что я открыла глаза. — Но тебе нужно решиться, и сделать это быстро. Ты необходима нам, мы хотим принять тебя в свою организацию, но ты должна прийти добровольно.

«Супергерой, — тупо подумала я. — Добро против зла.

Агенты Тени. Сверхъестественные сражения».

— Не знаю.

— Хорошо. — Он вздохнул, и впервые я заметила на его загорелом лице и сутулых плечах следы усталости. — Хорошо, — повторил он. — Одно я могу для тебя сделать.

Я смотрела на него в зеркало.

— У тебя есть двенадцать часов до того, как вернется твой запах. Когда обращаешь кондуит против его хозяина, возникает очень необычное волшебство: ты можешь ходить по земле как призрак. Это называется ауреоль. Ни смертный, ни агент не может тебя увидеть, если ты не стоишь прямо перед ним. Это дар. Ты словно никогда не существовала.

Моя команда будет ждать тебя до рассвета. Это дает тебе время для принятия решения, Используй его. Подумай о том, что я сказал. Ты можешь отказаться от нашего предложения, но после этого мы ничего для тебя не сможем сделать.

Я наконец кивнула.

— Спасибо.

— Я буду здесь. Возвращайся ко мне с ответом… или считай свое возвращение ответом. В противном случае… — Он пожал плечами, выглядя искренне сожалеющим. — Ты предоставлена сама себе.

9

Даже девочкой Оливия умела двигаться — по комнате или по жизни, — не оставаясь долго на одном месте или по крайней мере не позволяя ничему серьезно затронуть ее. Некоторые считали ее бестолковой, другие называли легкомысленной, но я, наблюдая за ней с самого раннего возраста, называла ее Волшебницей.

Разве не волшебство, когда женщина сохраняет детскую внешность, когда детство се давно кончилось? Или верит, что трагедия — это нечто аномальное, а мир в основе своей… хорошее место? Или что все люди, что бы они ни делали, по сути своей хорошие, и их можно вернуть к добру? Что бы ни происходило — со мной, с ней, с нашей семьей, — надежда в ее глазах никогда не гасла, улыбка ни разу не дрогнула.

Конечно, Оливия знала, какое впечатление производит на окружающих. В особенности на мужчин. Я думаю, она считала, что, если один взгляд на нее делает людей счастливыми, ее долг выглядеть великолепно. И несмотря на то, что я не была с ней согласна, я восхищалась ею и гордилась своим родством с ней. Она была чистым светом. Маяком, таким ярким и призывным, что он действовал на людей, как пламя свечи на мотыльков.

В моей жизни только еще один человек горел так же ярко. Но по каким-то причинам Бен Трейна предпочитал держаться в темноте.

Я брела по знакомым улочкам, глаза у меня распухли, в них словно насыпали песок, и все время я видела умирающую Оливию. Я так устала, что мне казалось, будто к плечам у меня подвешены шары для боулинга. Все годы тренировок, нога, подготовки — все это свелось вот к чему: под давлением я беспомощна, неэффективна, бесполезна… и как следствие Оливия мертва. Оливия мертва.

Оливия мертва.

Свернув некоторое время назад с «Полосы», с ее кричащими яркими огнями, заполнившими небо, я попала в темный район, где квартиру можно сиять на неделю, на тротуарах валяются перевернутые мусорные баки, а стены в переулках исписаны похабщиной. Заметила бродягу, спящего в картонном ящике, и, вспомнив об Уоррене, наклонилась к нему. Я поняла, что он не спит: по неглубокому дыханию и потому, что он дрожал от холода. Я даже ощущала запах грязной бритвы, которую он сжимал; на руку, как на подушку, он положил голову. Но он не шевелился. Он не знал, что я здесь, и при мысли об этом мне

захотелось заплакать. Даже здесь, в самых темных тенях города, я не могу уйти от того, кем стала.

Именно тогда я поняла. Как бы долго и как бы далеко я ни шла, мне не уйти от новой реальности. Запахи живых и мертвых будут сопровождать меня, а сама я не оставлю за собой ничего.

Заметив такси под фонарным столбом на углу Спенсер-стрит, я подошла к машине на перекрестке, где достаточно темно, чтобы скрыть состояние моей одежды и темные круги усталости под глазами.

— Работаете? — спросила я, наклонившись к шоферу в открытое окно. Он подпрыгнул, как рыба, вытащенная из воды.

— Черт возьми, леди! Вы меня перепугали!

— Простите.

Он сглотнул, чтобы восстановить спокойствие, потом высунулся, разглядывая меня.

— Вы одни? Я кивнула.

— Ну, выглядите вы безвредной. — Он указал на заднее сиденье. — Куда поедем?

Я села в машину и прочла адрес на обороте карточки, которую дал мне Бен — Боже, неужели это было еще сегодня вечером? — стараясь продолжать выглядеть безвредной. Водитель время от времени оглядывался на меня, словно хотел убедиться, что я еще здесь, но не пытался заговаривать, и между нами протянулась тишина; мимо мелькали освещенные окна: мы ехали по боковым улицам.

Я думала, насколько безвредной он счел бы меня, если бы я рассказала ему, что он только что выкурил сигарету, а меньше часа назад съел хотдог с горчицей и запил диетической колой. Перед тем как он оделся и пошел на работу, у него был короткий не страстный секс с женщиной, кольцо которой он, по-видимому, носит на пальце. Я посмотрела на приборную доску, на лицензию с именем и фотографией. У Теда Харриса есть собака, но нет детей. И под сиденьем у него пистолет. И все это только обоняние.

— Думаю, мы добрались, — сказала я. Он вздрогнул, услышав мой голос.

Мы подъехали к дому, и я дала ему купюру, которую перед уходом сунул мне в руку Уоррен. «Бездомный бродяга с пачкой двадцаток в кармане, — подумала я, качая головой. — Только в Вегасе».

— Можете подождать? На случай если никого нет дома? — спросила я, протягивая деньги в открытое окно. Он осторожно взял их, стараясь не касаться моих пальцев.

— Конечно, леди.

Но мне не нужно было смотреть ему в глаза, чтобы понять, что он лжет. Я чувствовала запах пота у него на шее. И точно, как только я пошла по дорожке к дому, шины такси заскрипели у обочины и я почувствовала запах горелой резины и выхлопных газов.

Я попыталась не воспринимать это лично.

Дом Бена не имел ничего общего с постройками с оштукатуренными фасадами и пятью футами пространства от одного соседа до другого. Думаю, Бен не смог бы жить так близко к другой семье. Он не был так близок даже со своей собственной.

Нет, это был один из тех угловатых деревянных домов, которые возводили в семидесятые годы, прежде чем земля настолько подорожала, что строители стали делить участки пополам, потом еще раз пополам; просторный газон и сосны у дома Бена были памятником той, более щедрой, эпохе. Хотя заметна была облупившаяся краска на ставнях, ящики под окнами были полны растений, ярких, несмотря на зимний холод. До меня донесся запах почвы — чистый, влажный и мускусный, — как только я миновала бронзовые горшки с хризантемами — два часовых, стоящих у входа на цементное крыльцо.

Подойдя к двери, я остановилась, сама удивляясь тому, что я тут делаю. Секс — самое последнее, что было у меня в голове. На самом деле я хотела спать — уплыть на приливной волне снов и, проснувшись, обнаружить, что события ночи были только кошмаром, который можно объяснить очень просто, например, слишком поздней едой. Однако реальность состояла в том, что у меня есть пять часов, чтобы решить: хочу ли я стать героиней двадцать первого века — сражаться в сверхъестественном мире рядом с другими сверхъестественными существами — или я могу каким-то другим способом избежать обвинений в убийстве собственной сестры.

Ничего себе выбор.

Я подняла руку, постучала, подождала немного и тронула дверную ручку. Она легко поддалась, с негромким щелчком затвора, и я была допущена в чрево дома Бена. «Приходи», — сказал он. А потом оставил дверь открытой, чтобы я могла это сделать. Оказавшись внутри, я тщательно заперла за собой дверь.

Если и раньше Бен опьянял меня — его запах, его вкус, его прикосновения, то сейчас обостренные чувства заставили мою голову закружиться, как только я вошла в дом. Он был повсюду, и на какое-то время, чтобы не упасть, мне даже пришлось прислониться к стене. Боже, он говорил со мной.

Бен Трейна так слился с моей душой, так переплелся с моим прошлым, с той девочкой, какой я была когда-то, полной надежд

и невинности, что, я думаю, часть меня ожидала встретить здесь не только его, но и эту девочку. Осматриваясь, разглядывая его вещи, я поняла, зачем пришла, Бен единственный человек, который знает меня такой, какой я должна была быть.

Я ничем не тревожила тишину дома, прошла бесшумно через столовую и кухню, зная, что Бен где-то здесь, спит. Я ничего не могла с собой поделать: пыталась уловить аромат духов другой женщины, пусть даже давний, в несколько недель и еще лучше месяцев. Но его не было. Только Бен и зеленый запах небольших джунглей домашних растений, которые направляли ко мне в полумраке свои мясистые листья. Я облегченно вздохнула, оказавшись в гостиной. Пройдя немного по ней, я остановилась.

Похоже, Бен занимался воспоминаниями. В сером свете, пробивавшемся сквозь большое окно, я заметила пустую бутылку «короны» на кофейном столике и пустой стакан, от которого еще пахло дрожжами и — я вдохнула достаточно глубоко — ртом Бена. А рядом открытый фотоальбом; я обошла стол и наклонила голову, чтобы лучше видеть.

Двенадцать снимков занимали две страницы раскрытого альбома. Сделаны они были в разное время и в разных местах, разными фотоаппаратами, включая тот, который Бен подарил мне на пятнадцатый день рождения. С него началась моя страсть к фотографированию. Первый снимок, сделанный этим аппаратом, лежал теперь передо мной — застывшее мгновение, девочка, какой была я когда-то.

— Я знала, что ты здесь, — прошептала я ей.

Из остальных только один привлек мое внимание, и я достала его из кармана альбома, взяла в дрожащие руки и подошла к окну, где было светлей. Снимок был сделан той же камерой, хотя на нем были три женщины, а не одна. Три женщины по фамилии Арчер.

Оливия совсем подросток, она ослепительно улыбается, и щеки ее еще по-детски пухлые, хотя уже видно, какой

Женщиной она скоро станет. Я — рядом с Оливией, и моя внешность резко контрастирует с той, что я увидела в зеркале сегодня чуть раньше. Но я обратила все внимание на третью женщину, глядящую на меня, щурясь от солнечного света.

Зоя Арчер была чем-то средним между Оливией и мной. Ямочки и улыбки — это Оливия; напряженное выражение — я. Широкая легкая улыбка — Оливия. Внимательность, граничащая с паранойей, — я. Однако рыжие волосы принадлежали только ей, и солнце золотом сверкало на ее прядях, а веснушки, усеивавшие нос, придавали ей озорной вид. Несмотря на жесткость во взгляде.

Я отодвинула фото от себя, стараясь изучить его объективно. Через год на снимке были бы три совершенно иные женщины. Оливия была бы решительной невинностью и силой, которая просвечивала бы сквозь ее красоту. Моя физическая сила расцвела бы, порожденная фатальной слабостью.

«А моя мать? Зои Арчер совсем не было бы на снимке», — сухо подумала я. Она исчезла до того, как зима вновь распростерла свои холодные пальцы над долиной.

— У меня к тебе столько вопросов, — прошептала я, обводя пальцем очертания лица Зои. — Где бы ты ми была.

Я ненадолго задумалась. Моя мать жива, здорова, и кто-то знает, где она находится. Но она не позаботилась связаться с Оливией или со мной, и это сидело у меня внутри, как комок кислоты. Я выронила снимок — пусть и воспоминания уйдут с ним — и отправилась в спальню на поиски Бена.

Один предмет в спальне Бена прежде всего бросался в глаза — сама кровать, огромного размера чудовище с обитыми кожей спинками красного дерева, с пуховым одеялом шоколадного цвета, отчего вся кровать казалась накрытой слоем облаков. И на ней в этот час глубочайшей ночи спал мужчина, которого я любила. Я подошла к кровати и посмотрела на его лицо, думая, как лучше его разбудить. Меньше всего нам обоим нужно, чтобы я возвышалась над ним, когда он откроет глаза.

Поэтому я склонилась к нему, глубоко вдыхая запах спящего мужчины, и протянула руку. Но остановилась, увидев в лунном свете свои пальцы. Вспомнила, чего касались эти пальцы сегодня вечером. Ятагана. Тела мертвеца. Оливии. Мысль заставила меня ахнуть, отдернуть руку и встать одним стремительным движением. Бен даже не пошевелился.

Словно ты не существуешь.

Я не могла разбудить его — в том виде, в каком я сейчас. Мне не хотелось испачкать остальное своими прикосновениями, поэтому я попятилась, думая, буду ли когда-нибудь снова чистой. Кожа моя зудела от этого вопроса. Если бы я могла ее убрать, снять с плоти и костей, я бы это сделала. Вместо этого я решила принять душ.

Я долго стояла под душем, закрыв глаза, позволяя горячей воде обжигать кожу. Вода изгоняла мысли из головы, звук крика Оливии из ушей, смывала грязь, которую я не видела, не обоняла, но которая и сейчас просачивалась ко мне в душу. Я покачала головой, отказываясь вообще думать. Мышцы расслабились, кожа покраснела, но я продолжала стоять под горячей водой в паре, не желая двигаться. Никогда больше.

Мне казалось, я слишком устала, чтобы полностью

расслабиться, что слишком ощутимо присутствие в соседней комнате Бена и неуклонное приближение рассвета, но я недооценила свою усталость. Каким-то образом я умудрилась забыться, стоя под душем, прислонившись к плиткам стены, как выброшенная на берег рыба, ожидающая прихода новой волны.

И пришла в себя от ощущения рук на своей обнаженной талии и негромкого вздоха у самого уха. Мурашки побежали у меня по спине, груди и шее, и мне не нужно было обоняние, чтобы понять, что это Бен.

— Джо-Джо, — сказал он, легко целуя меня в мочку; руки его переместились на мои груди, он прижался ко мне сзади. Я напряглась, сознавая каким-то краем сознания, что мне нельзя это делать. Я не могу. Не сегодня.

— Подожди, — попросила я, полуоборачиваясь к нему и стараясь не смотреть ему в глаза. — Мы не можем.

Бен ласково улыбнулся, принимая мою реакцию за простую сдержанность. А почему бы и нет? Он ведь понятия не имеет, какой у меня был вечер. Знает только, что несколько часов назад мы чуть не забрались друг к другу в шкуру, а теперь я приняла его приглашение и даже пошла под душ.

— Если бы мы могли решать, кого любим, было бы гораздо проще, но не так волшебно.

Это на меня подействовало. Он не только признался мне в любви, но сделал это таким способом, которым мы пользовались молодыми, спрятался за цитату, за чужие слова, чтобы подстегнуть наши расцветающие чувства.

— Кто это сказал? — спросила я, отбрасывая одной рукой назад волосы и глядя на него.

— Тот пижон, который придумал «Южный Парк».[27]

Я рассмеялась — сдавленным, но сильным смехом, и опустила голову: мой смех перешел в слезы. Долгое время Бен просто обнимал меня, позволяя воде литься на плечи и на спину, держа меня руками и уткнувшись подбородком мне в затылок. Он давал мне время, показывал, что его очень расстроит, если придется от меня уйти, но что он сделает это, если я этого хочу.

Мое решение наконец выразилось в едином гибком движении. Я подняла губы к губам Бена и. позволила всей тяжести своей боли вместе со всеми остальными мыслями уйти из сознания.

Мыло сделало меня чистой, вода согрела, но только прикосновение Бена вернуло к жизни все нервные окончания под кожей. Он провел руками по моим рукам, по талии, по — том опустился ниже, к бедрам. И все это время он целовал меня, мягко прижимался губами, от него пахло солнечным светом, и это

было самое надежное, что я когда-либо знала. Страсть разгоралась во мне, она возникала в глубине моего существа, заставив руки обвиться вокруг его шеи. Эгоистичная и жадная часть меня, которая по-прежнему хотела любить, цвести даже после всего, что я сделала сегодня вечером, тянулась к Бену, раскрывалась перед ним и преодолевала оцепенение, охватившее мою душу.

Мы поменялись местами, едва не поскользнувшись, и помогли друг другу выпрямиться. Бен был голоден не меньше меня, и мы смеялись, наталкиваясь на зубы вместо губ, на укус вместо поцелуя, и когда не просто касались друг друга, а причиняли боль, ждали новых прикосновений.

Он изменил позу и под струями воды потащил меня за собой. Вода текла по нашей коже, заполняла уши и открытые рты, создавала следы, по которым можно было пройтись, жидкие карты на наших телах. Бен двинулся по одному следу от шеи по груди, задержавшись на ней, и до самого пупка. Здесь его язык стал ленивым, он остановился и принялся дразнить меня, так что я со стоном откинула голову и изогнулась в его руках.

Вода неожиданно перестала течь, Бен что-то пробормотал, и я вовремя подняла голову, чтобы увидеть, как он раздвигает занавес; потом он вынул меня из ванны, завернул в полотенце и быстро растер. И при этом не прекращал меня целовать. А я не переставала отвечать ему тем же.

— Теперь ты разотрись, — сказала я, отодвигаясь и протягивая ему полотенце.

Взгляд его, темный, как собранный в кучу уголь, остановился на моем лице.

— Я не замерз.

Я опустила взгляд, рассматривая его тело. Действительно.

Он взял тюбик и направился ко мне. Я позволила полотенцу упасть на пол.

Начал он с верха, целовал каждое место, которого касался, прежде чем смазать его кремом. Добравшись до груди, снова отвлекся, и, должна признаться, я тоже. Его широкие теплые ладони касались моей чувствительной кожи, пальцы и язык продолжали тщательное исследование. Я потянулась к нему, но он отодвинулся, выдавил побольше крема и поднял одну из моих ног, присев на край ванны.

— Как здесь, Джо-Джо? — спросил он, разминая пальцами ступню. Я прижалась спиной к противоположной стене крошечной ванной и вместо ответа протянула ему ногу. Он засмеялся, руки его двинулись выше.

— Ты собираешься обработать все мое тело? —

поинтересовалась я, когда он начал широкими движениями массировать мои икры.

— Таков план.

Его пальцы перебрались на колено. Наши взгляды встретились, и я провела ступней по его бедру, потом по внутренней его стороне, шире раскрываясь перед Беном. Он резко вдохнул, обвел взглядом все мое тело и остановился на лице. Затем так быстро перебросил мою ногу себе на плечо, что я ахнуть не успела, а его колени уже коснулись пола. Руки его двинулись внутри моих бедер, пролетели по животу и остановились на спине. Я устремилась к нему, и он застонал, этот звук отозвался в моем теле. Я согнулась — в поиске новых ощущений, и на этот раз застонали мы оба. Тишина прерывалась только нашими выдохами, которые все ускорялись, импровизированный дуэт любовников.

Бен наслаждался. Делая это, он продолжал наблюдать за мной, его глаза потемнели и наполнились таким отчаянием, что стали почти свирепыми. Он лизал медленно, смакуя, и все глубже погружался в меня языком. Я придвинулась ближе с криком, который прозвучал отдаленно, словно исходил от кого-то другого.

Бен опустил голову мне на живот, прижав меня своей тяжестью, и сердце его билось у меня между бедрами.

— Я этого не ожидал, — сказал он наконец, слова его щекотали мне живот.

— Чего не ожидал? Он поднял взгляд.

— Видеть тебя снова в моих руках. — На мгновение он показался смущенным… — Это опустошает.

Я в ответ могла только с трудом глотнуть. Он встал, не отрывая от меня взгляда, поднял и понес в свою постель.

— Я это знал, — прошептал Бен. — Знал, что ты придешь ко мне.

Он лежал рядом со мной, опираясь локтем, а второй рукой неторопливо исследуя меня. Я вжалась головой в подушку.

— Как? Я сама не знала.

— Я о тебе все знаю, Джо-Джо. — Он улыбнулся и коснулся пальцам своей груди. — Здесь. Вероятно, знаю даже то, чего ты сама о себе не знаешь.

Я могла бы посмеяться над этим. Могла бы сказать: «Ты и представить себе не можешь, кто я на самом деле». Могла бы рассказать о первых знаках и кондуитах, о волшебстве, которое позволяет ходить по земле призраком. Но я не сделала этого. Он слишком искренен, слишком глубоко верит в меня — ив нас, чтобы я могла это разрушить. Я тоже захотела в это поверить.

— Что например? — настаивала я. — Расскажи, что ты знаешь обо мне.

— Я сделаю лучше. Я тебе покажу.

Он наклонился, накрыв собой мое тело, а руку, на которую опирался, погрузил в мои волосы. Одной ногой раздвинул мои бедра, оказавшись в моем самом интимном месте… «Именно там, — подумала я, — ему и положено быть». Простыни зашуршали, принимая новую форму, я закрыла глаза и глубоко вдохнула.

Запах Бена был повсюду: на подушках, в воздухе, запах чистый, ясный и ошеломляющий. Я подняла голову, прижалась губами к его губам, стараясь вобрать в себя этот запах. Он в ответ целовал меня, не понимая, что я ищу, но отвечая на то, как я пальцами впилась ему в спину. Он помогал мне устроиться. Я выдохнула ему в рот, бедром приподняла его ногу, а ладони прижала к спине. Кожа его была такой горячей, что мне показалось, будто я разрываю горящий шелк.

Правой рукой я стиснула его обнаженное бедро, потом провела пальцами по его внутренней стороне. Бен еще сильней напрягся и со стоном вжался в меня, придавив мою руку, пощадил мой левый бок, захватив ладонью половину грудной клетки, опускаясь ниже к моим бедрам, приподнимая меня и нажимая сверху.

Бен закрыл глаза и прошептал:

— Хочу вернуться на десять лет. Хочу вернуться и не отпускать тебя.

Я застыла, удивляясь, как он мог так точно прочесть то, что было у меня в сердце.

Вернуться.

Боже, как хорошо это звучит. Вернуться к той девочке, которая ничего не боялась, которая была на пороге превращения в женщину, каковой должна была стать, прежде чем вмешался Бог, или судьба, или та личная догма, на которой висит ваша шляпа. Я возвратилась бы — мгновенно, — и на этот раз лучше защитила бы себя. Ни за что не пошла бы ночью в пустыню.

И я поняла, что именно этого искала ночь за ночью, когда фотографировала бродяг на усыпанных мусором бетонных улицах среди залитых мочой стен. Бен считал, что я ищу чудовище, которое изгрызло мою молодую жизнь. Но на самом деле я искала ее. Для себя.

— Хорошо, — сказала я наконец, подняв голову и высвободив руку, чтобы погладить его по щеке. Его взгляд затуманился. — Давай вернемся.

— Да, — согласился он и медленно приступил, легко целуя,

когда его грудь задевала мои соски, потом целуя крепче, когда скользящим движением он раскрыл меня, по-прежнему поддерживая сзади. — Да.

Он вошел в меня гладко — ключ в замок, последняя деталь паззла, вставшая на место и сразу сделавшая понятным то, что раньше оставалось непостижимым. Я вскрикнула, ощущая правильность всего происходящего, и он прижался ко мне лбом, вдыхая мне в рот. И начал раскачиваться.

Я сжала бедрами его талию, сильно поцеловала его, и шок, в котором я находилась все предыдущие часы, вдруг прошел, жизнь вернулась ко мне — жизнь, какой она должна была быть, до того, как ее коснулось насилие, или судьба, или вообще все, что не было Беном Трейной. Тогда я и поняла, что смогу встретить рассвет. «После этого возвращения, — подумала я, — я могу встретиться с чем угодно».

Погруженный в меня, Бен что-то шептал у моей щеки, насыщая меня своим запахом, своей жизнью и любовью… и своей надеждой. Изголодавшаяся, я перевернулась и оседлала его одним быстрым движением, подняв руки так, что мы были соединены сверху и снизу. Он молча смотрел на меня, его глаза блестели в темноте. Уличный свет бросал серебряные полосы в комнату, наши тела купались в нем, и мы перешли на скользящий ритм. Я слышала голос Бена в этом серебряном свете, он говорил мне то, что годами держал в себе, и делая это, заставлял все эти годы растаять, превратиться в пустоту за нами.

Затем, без всякого предупреждения, я задрожала, оргазм прокатывался но мне длинными волнами, он захватил нас обоих, увел туда, где не было ни прошлого, ни настоящего, оставалось только неизбежное. Новое.

— Джо-Джо? — немного погодя произнес Бен.

— М-м-м?

— Есть кое-то, что я о тебе знаю. Я открыла один глаз.

— Уже?

— Не это, — рассмеялся он и поцеловал меня в лоб. — Нет… Я знаю, что ты по-прежнему меня любишь.

Я открыла второй глаз и воззрилась на Бена. Он кивнул на этот мой молчаливый ответ.

— Ты всегда меня любила, — с полной уверенностью сказал он. — И всегда будешь.

Я смотрела мимо пего на окно, где нетерпеливо ждал расе ист.

— Наверно, поэтому ты оставил для меня дверь открытой.

— О, Джо-Джо, — сонно вздохнул он, прижимая меня к себе. — Я никогда не закрывал дверь.

Я оставалась так долго, как могла. Не хотела разрывать объятия Бена, потому что знала, каковы на самом деле эти наши последние мгновения. Они украдены. Я чувствовала это с каждой секундой, отмеченной на прикроватных часах, с каждым спокойным вдохом Бена рядом с собой. Я считала мгновения до рассвета по пульсу, который бился у меня под пальцами на его запястье.

Бен не пошевелился, когда я спустила ноги с кровати. Конечно, он не боялся рассвета, как я. Ему не нужно принимать решение, присоединяться или нет к подпольному миру сверхъестественного. Я наблюдала, как его глаза движутся под веками, словно он следил за каким-то движущимся изображением; потом глаза его остановились, и он снова погрузился в глубокий сон. Я позавидовала его умиротворению и пожелала этого же нам обоим.

Одевшись, я пошла в гостиную и вызвала такси. Называя адрес, я опустила взгляд и увидела снимок, который бросила на кофейный столик. Не думаю, чтобы Бен возражал, если я на время заберу этот снимок. Я могу сделать копию и вернуть ему оригинал, и у меня будет по меньшей мере одна фотография, на которой моя мать, сестра и я — мы все вместе. Все другие снимки я давно разорвала.

Я отыскала пачку желтых листков для заметок, написала на одном о своих намерениях и приклеила его в альбом на место взятой фотографии. У стены стоял книжный шкаф, и на самой нижней полке — множество таких же альбомов. Мне хотелось просмотреть их все, насладиться каждой фотографией, каждым схваченным моментом, когда я была кем-то другим. Может, когда-нибудь. Сейчас, не имея на это времени, я поставила альбом на место и повернулась, собираясь уходить.

И тут увидела фотоаппарат. Не самый лучший, как «Никои», которым сама пользуюсь; в сущности, я бы даже не назвала это настоящим фотоаппаратом. Такие камеры люди покупают, когда обнаруживают, что, уехал в отпуск, забыли собственную дома. Но это все, что есть, и я взяла аппарат, неожиданно захотев остановить мгновение — эту глубокую тишину, этот неуверенный свет — все то, что кончится, как только я выйду из дома.

Поэтому я отнесла камеру в спальню, где лежал Бен, повернувшись на бок; грудь его вздымалась волнами под простыней, длинные ноги доходили до края кровати. Не желая пускать в ход вспышку, я использовала только свет наступающего рассвета, сфокусировала изображение, и, когда сделала снимок, щелчок в тишине комнаты прозвучал выстрелом. Опустив камеру, я уже невооруженным глазом смотрела, как спит Бен, и

вздрогнула, услышав снаружи сигнал. «Надо уходить, — подумала я, — прежде чем он проснется». Но не сдвинулась с места. Прикусила губу и еще какое-то время любовалась им.

Еще немного.

Сдерживая дыхание, я приблизилась, стараясь не шуметь. Вряд ли это необходимо. Я все еще окружена ауреолью и на какое-то время остаюсь тенью в ночи.

Когда лицо Бена оказалось в пространстве объектива, я застыла. Потом почти неслышно прошептала:

— Бен.

Пауза, еще один глубокий вдох, затем угол рта слегка дернулся. Его улыбка еще не сформировалась полностью, а мне тоже захотелось улыбнуться. Я щелкнула. Сунула камеру в карман. И ушла.

Над восточным краем долины показался край солнца, освещая вершины Черных гор, похожие на темные кровоподтеки на фоне неба. Воздух посветлел, пастельные полосы пролегли по всему широкому холсту, и я вдохнула первый утренний ветер. После недолгого колебания повернулась и пошла в восьмой номер гостиницы «Дымящийся пистолет», захлопнув за собой дверь.

Уоррен сидел там же, где я его оставила. Я бы решила, что он вообще не двигался, но с ним был еще один человек, сидевший на краю постели. Не обращая на него внимания, я без слов показала Уоррену снимок, который принесла с собой. У Уоррена только глаза дрогнули.

— У меня к тебе три вопроса, — негромко, но уверенно произнесла я. — Если ответы мне понравятся, я пойду с тобой.

Он уже было улыбнулся, но я остановила его, покачав головой. Если ответы понравятся.

— Во-первых, относительно слов Батча перед началом метаморфозы. Что я была спрятана прямо на виду. «Дочь Ксавье, не меньше», — сказал он.

— А, это, — Уоррен прижимал ладони к поверхности стола. — Он был прав. Только такой талантливый и хитрый человек, как твоя мать, мог до этого додуматься. — Он наклонился вперед. — Понимаешь, обладая сверхъестественными способностями в некоторых сферах, мы вынуждены действовать в мире смертных. Мы подчиняемся всем законам природы — тяготения, времени, пространства, и наша задача заключается в том, чтобы другие, более подвижные, границы казались нормальными. А для этого нам нужны смертные.

— Маскировка? Как у гангстеров, которые используют казино для отмывания денег?

— Совершенно верно. Сразу видно девушку из Лас-Вегаса. — Он всмотрелся в меня в растекающемся свете. — II в обмен на эту маскировку мы поддерживаем смертных как союзники. Иногда наделяем их властью, убеждаем других предоставить ему или ей важное положение в обществе. Иногда даем физическую силу, которой раньше не было. Я знаю по меньшей мере одного смертного, который благодаря этому выиграл олимпийскую золотую медаль. А есть и такие, которые просят…

— Денег, — закончила я за него.

— Денег, — повторил он, кивнув. — Ксавье — главный контакт твоего истинного отца в мире смертных. Он предоставляет укрытие стороне Тени, позволяет агентам Тени существовать и действовать в мире смертных, а в обмен получает столько денег, сколько пожелает.

— Значит, выходя за Ксавье, моя мать получала возможность проникнуть в волчью стаю.

— Выходя за Ксавье, — поправил Уоррен, — твоя мать должна была жить в волчьей стае. И все верили, что ты дочь Ксавье.

Это многое объясняло. Стремительный и беспрецедентный финансовый успех Ксавье в игорном мире. Препятствия, которые возникали перед его конкурентами. Это объясняло также записку без адреса и подписи, которую он получил на этой неделе, и его полное нежелание пролить свет на ее происхождение. Ведь записка от его благодетеля.

Я медленно покачала головой. Этот негодяй был частью всей схемы. Он продал душу за деньги и, делая это, стал причиной смерти собственной дочери.

— Итак, рассуждая теоретически, если я присоединюсь к вам и войско Зодиака станет сильней, это поможет свергнуть Ксавье?

— Определенно. В сущности, все, носящее эмблему врага, можно будет легче уничтожать. Эта эмблема может быть знаком победы. А может становиться целью.

Я нахмурилась.

— А какова его эмблема? Уоррену как будто стало весело.

— Он противоположность твоей матери на звездной карте, Джо. На теневой стороне Зодиака. Ему принадлежит все со словом Арчер, Стрелец.

— То есть это как марка, как бренд?

— Так и есть. Этот бренд защищает и предупреждает.

То есть помещает Ксавье под защиту врага. Можно ли испытывать большую враждебность к человеку?

— Каков твой второй вопрос?

Прежде чем посмотреть в глаза Уоррену, я взглянула на

снимок, лежащий на столе.

— Где она?

— Твоя мать? — Он пожал плечами, хотя заметно напрягся. — В укрытии.

— но она жива? Ты уверен? — воскликнула она и, когда он кивнул, спросила: — Но ты не можешь сказать мне, где она?

— Я этого не знаю. Никто не знает. — Он помолчал, словно охваченный противоречивыми мыслями, затем выражение его лица изменилось, и он продолжил: — Если бы Стрелец Теневого Зодиака знал, где Зоя, он сразу напал бы на нее.

— Он так ее ненавидит?

— Он ненавидит нас всех, но да, — негромко подтвердил Уоррен, полный каких-то воспоминаний. — Зою он ненавидит больше всех.

Я хотела знать почему. Что такого она сделала, чтобы вызвать эту смертельную вражду? Если Зоя вышла замуж за Ксавье, чтобы занять важное положение в организации врага, то что заставило ее уйти? Но сейчас для меня был важнее третий вопрос. Я глубоко вдохнула и посмотрела на человека перед собой, одновременно безумного и нормального, открытого и настороженного, мягкого и жесткого — единственного, кто может ответить. И задала ему самый трудный вопрос:

— Виноват ли этот человек, мой истинный отец, в нападении на меня, когда мне было шестнадцать?

Уоррен открыл рот, закрыл его, с трудом глотнул.

— Да.

Я ожидала этого, но правда все равно ударила меня, как свинцом. Закрыв глаза, я зажала переносицу указательным и большим пальцами и покачала головой. Мой кровный отец приказал напасть на меня. Изнасиловать. Оставить умирать в пустыне.

— Моя мать спала с ним? — хрипло спросила я.

— Он не знал, что ты его дочь. И все еще не знает. Это… это очень сложно. И не мне об этом рассказывать.

Я долго смотрела на него, потом кивнула и снова обратила внимание на стол.

— Хорошо, тогда еще один вопрос. Что самое худшее может произойти? С тобой, я имею в виду. Что будет, если эти… Тени победят? Если им удастся уничтожить твое войско?

Кадык Уоррена дрогнул, второй человек неловко зашевелился на кровати. Они переглянулись, целый разговор уместился в один короткий взгляд, прежде чем Уоррен повернулся ко мне.

— Хаос, Джоанна. Содом и Гоморра и все такое. А что, по-

твоему, здесь произойдет? Что произойдет, если похоть и низменные инстинкты перестанут сдерживаться? Каждый человек будет предоставлен сам себе? Общество распадется, мораль сведется к самым низменным чувствам. А что с Тенями? Они сожрут и победителей.

Я с добрую минуту стояла молча и неподвижно, прежде чем произнести хоть что-нибудь. Наконец снова взяла снимок и показала на Зою — женщину, которую считала навсегда для себя потерянной.

— Этот человек, Стрелец, стоил мне моей матери. Моей сестры. — Я передвинула палец к Оливии, которая действительно была моей сестрой. — И моей невинности. — Я показала на себя, потом передала фото Уоррену. — Город — это все, что у меня осталось.

Уоррен посмотрел на снимок, потом на меня.

— Ты ведь понимаешь, что вступаешь в совершенно новый мир? Иную реальность. И даже не одну.

— Моя реальность и так другая,

— Мы убиваем этих людей, этих агентов Тени, Джоанна. Вот на что ты соглашаешься.

Таких, как Батч и Аякс. Людей, насылающих безумцев на одиноких девушек в пустыне.

— Я поняла это, Уоррен.

— И ты считаешь, что сможешь убить своего отца, если представится возможность? — Я кивнула. — Убить хладнокровно?

— Я всю жизнь готовилась к этому, — ответила я: хотя всю жизнь я думала, что тренируюсь для самозащиты, правда в этом.

Наконец — после, казалось, бесконечного молчания — Уоррен изрек:

— Я могу дать тебе такую возможность.

— И охотник станет жертвой. — Я сухо улыбнулась, говоря это, и протянула руку для рукопожатия. — Ты нашел героиню.

Уоррен проигнорировал мой жест. На глазах его появились слезы, он вскочил со стула и обнял меня. Я пошатнулась, и второй человек, поймав мой взгляд, пожал плечами.

— Хорошо, хорошо, — сказала я, высвобождаясь. — Довольно.

— Ты слышал? Пришел первый знак. — Уоррен обратился к другому человеку. — Она это сделает. Она присоединяется к нам.

Тот кивнул. Этот человек рослый, мощный, но не такой жесткий, каким был Батч. «Больше похож на Санта Клауса, — подумала я, — если бы Санта жил в Вегасе».

— Это наш свидетель из Совета армии. Он здесь, чтобы

удостоверить, что ты присоединяешься к нам по доброй воле и тебя ничем не соблазняли, — объяснил мне Уоррен.

Я тупо посмотрела на него.

— Ты ведь шутишь?

— Ну, я имею в виду, что я не оказывал на тебя давления. — Он смущенно улыбнулся. — Я не выкручивал тебе руки, не бил тебя, ничего не вколол, верно?

— Конечно, нет. — Я повернулась ко второму. — Он этого не делал.

— Достаточно для тебя? — нетерпеливо спросил Уоррен. Тот кивнул и встал. Ага, вот и разница между ним и Сантой. Этот почти семи футов ростом.

— Да, я совершенно забыл о приличиях. Майках, это Джоанна. Джоанна, Майках, — продолжал суетиться Уоррен.

Конечно, у него не могло быть нормального имени, такого как Боб или Джо.

— Приятно познакомиться, — сказала я, протягивая руку. Гигант Майках наконец заговорил:

— Надеюсь, очнувшись, ты будешь себя чувствовать так же.

— Очнувшись?

Удар нанесли со стороны, и он пришелся мне в шею. Ноги у меня подогнулись, глаза закатились, я увидела над собой Майкаха со стальной дубинкой в руке. У меня было несколько секунд, чтобы подумать, что он гораздо сильней, чем выглядит, прежде чем Уоррен подхватил меня на руки и прижал губы к моему уху.

— Помни, — услышала я его слова, — мы все становимся такими, каковы есть, чтобы выжить.

Затем его голос, его образ, его запах — вес это было сметено волной беспамятства и милосердно отупляющей боли.

10

Видения человека в беспамятстве и во сне неодинаковы. В беспамятстве они похожи на роман Брэдбери, на ярмарку со зловещими предзнаменованиями и страшными существами, подкарауливающими твою душу. Сны же мои были неясными, переходящими друг в друга, несущими обрывки разговоров, которых у меня никогда не было, лица и сцены, которые я никогда не видела.

Я слышала чей-то настойчивый голос.

Левее. Как на снимке. Все должно быть безупречно.

Надо мной склонилось лицо в маске, глаза сосредоточенные и задумчивые; лицо отодвинулось, и снова загорелся ослепительный флуоресцентный свет.

Она будет выглядеть прекрасно.

Не менее тревожными были реальные эпизоды, в которых были новые комбинации образов и обстановки, как фильм ужасов с несколькими альтернативными финалами.

Оливия смотрела на меня со своего смертного одра на земле в девяти этажах подо мной. Кожа ее стала мертвенно белой, а вся кровь вылилась вокруг разбитого тела и образовала лужу в форме сердца. Широко раскрыв глаза, умоляюще глядя на меня, она задавала вопрос, на который я не могла ответить.

Почему я умерла? Я пыталась дотянуться до нее, но меня уносило в сторону, и ее прощальные слова звучали у меня в ушах: Почему я умерла?

Сверху меня подхватил Ксавье. Стальной хваткой держал он меня за руки, и я как ни билась, не могла отстраниться от него. Он тащил меня к себе, широко раскрывая рот, чтобы проглотить. Зоя бросила и тебя.

Потом я бежала, сражаясь за каждый вдох, бежала по темной ночной пустыне. Чувствовала, как колючки перекати-поля впиваются в ноги, натыкалась на камни, едва уходя от невидимого быстрого преследователя. Он — это был он — ничего не говорил. Но голос его вторгался в мое сознание другими путями, он проникал в меня, походил на змеиное шипение и треск погремушек на хвосте, гадюки. Мне следовало убить тебя в первый раз…

Я пришла в себя рывком, тяжело дыша. В комнате было сумрачно, хотя не совсем темно, и сквозь длинные щели в оконных ставнях пробивается дневной свет. Я увидела угловатую фигуру в углу комнаты, и рот мой дернулся. «Уоррен, — оцепенело подумала я. — Я его прикончу».

— Знаешь, ты не забавен, — сказала я, заставив его вздрогнуть. Он выпрямился в кресле, потер глаза и с хрустом потянулся. — Ты считаешь себя забавным, но это не так.

Вставая, он буркнул:

— Не нужно ненавидеть.

— Уже поздно. — Широко зевнув, я попыталась поднять руку, чтобы тоже потереть глаза, но рука оказалась слишком тяжелой, слишком далекой от лица, слишком много нужно усилий, чтобы завершить движение. Имея в прошлом сомнительное удовольствие долгого пребывания в больничной палате, я сразу поняла, что моя летаргия вызвана химически, вероятно, каким-то болеутоляющим. Вопрос в том, зачем мне его давали?

— Что я здесь делаю?

— Приходишь в себя, — ответил Уоррен, подходя ко мне. — И прячешься,

— Меня ищут? — Сердце у меня забилось, — Ты снова чувствуешь мой запах?

— Ш-ш-ш, не волнуйся. Ты в карантине. Никто снаружи не в состоянии ощутить твои феромоны. Как будто… как будто ты не существуешь.

Я осторожно принюхалась. Уловила только больничные запахи: лекарства, антисептические средства и чистоту того типа, что прогоняет не только вонь, но и аромат.

— Ничего нет. Я вообще не чувствую своего запаха.

— Я чувствую. — Он улыбнулся, садясь на мою кровать. Длинный плащ, в котором он казался обезумевшим ковбоем, он снял, и. теперь на нем была простая футболка цвета хаки и рабочий халат, волосы были зачесаны назад. Каждый раз, как я его вижу, он выглядит все более респектабельным. Это страшно.

Зажмурившись, он втянул воздух, словно склоняется не над телом, а над розой.

— Ты, но и кое-что еще. Неуловимые черты теперь сливаются с остальным твоим генетическим обликом. На самом деле это прекрасно. Как какой-то спасительный маяк… если ты простишь визуальную аналогию.

Я закрыла глаза и дышала, посылая мысли вниз, внутрь. Ничего. Через несколько секунд я снова посмотрела на него.

— Значит, это как идентифицирующий признак? Как, ну, не знаю, постоянный запах?

— Скорее как жилка, проходящая через большой кусок голубого сыра.

— Большое спасибо. — А он только начал мне нравиться. — Так когда я вернусь домой?

Он встал. Я сузила глаза. Он словно установил большое

расстояние между собой и мной.

— Объяснить тебе это. легким способом невозможно, Джоанна, поэтому я просто скажу. — Он глубоко вздохнул, а у меня сердце сделало перебой. — Ты мертва. Мертва уже больше недели.

— Совсем мертва? — тупо спросила я. — По-настоящему?

— Ну, очевидно, не совсем, раз ты здесь, но для всего мира смертных — да. Завтра твои похороны. Я сохранил для тебя вырезки из газет за прошлую неделю.

Он показал на стопку бумаг на подносе у кровати, и я увидела на верхнем листке свое лицо и заголовок: «Наследница Джоанна разбивается насмерть». Подзаголовок, датированный четырьмя днями ранее, спрашивал, выбросили ли меня или я сама выпрыгнула из окна квартиры. Я упала на подушку, не желая читать дальше.

«Я мертва, — тупо думала я. — Больше не существую. И несмотря ни на что, очень хорошо себя чувствую».

— Если я мертва, — наконец вымолвила я, — то кто я? — Я показала на свое тело, поморщившись, когда рукой задела грудь. Ахнув не столько от боли, сколько от неожиданности, я взглянула вниз, снова ахнула и прижала руки к грудям. Они необычайно чувствительны, но это болезненное ощущение не имеет ничего общего с естественным месячным циклом. Скорее тут побывала сталь хирурга с очень многосторонней лицензией. Лекарство до сих пор притупляло боль, но теперь она давала о себе знать.

— Что со мной сделали? — воскликнула я, осторожно касаясь грудей. Не думаю, чтобы я сама понимала, сколько страха и паники было в моем голосе. Но быстро ожившие клетки мозга и синапсы сформировали другую мысль: «Я ведь раньше никогда не говорила таким высоким голосом». — Ла, ла, ла, ла… Ублюдок!

Я в страхе посмотрела на Уоррена.

— Ты изменил мой голос!

— И грудь, — заявил он с гордостью, показавшейся мне совершенно неуместной. Я метнула в него испепеляющий взгляд, и он отступил еще на шаг, И тут в комнату вошел Майках и остановился в двери. Я опустила подбородок и прищурилась.

— Ты меня ударил, — обвиняюще сказала я, а потом добавила, обратившись к Уоррену: — А ты ему позволил.

— Ну, мы ведь не могли допустить, чтобы мертвая женщина ходила по городу? — парировал Уоррен, словно это разумный аргумент.

— Ты обещал, что вы об этом позаботитесь, что все подчистите и у меня не будет никаких неприятностей.

— Так мы и сделали, — ответил Уоррен, скрестив руки. —

Тебя не могут обвинить в преступлении, поскольку единственная погибшая — это ты.

— Но я не хочу быть мертвой! — крикнула я голосом другого человека. — Что мне теперь делать? Выходить только по ночам? Сосать кровь и охотиться на живых?

Уоррен выглядел обиженным.

— Прости, но это единственное, что я мог сделать в спешке в сложившихся обстоятельствах. Нам нужно было не допустить, чтобы ты попала в тюрьму, не говоря уже о том, чтобы осталась в живых, поэтому мы привезли тебя сюда.

Я осмотрелась. Где это «сюда»? Похоже на обычную больничную палату: неудобная кровать, машины и приборы, издающие звуки. Очень плохие обои.

— Ты в частной клинке за городом, — подтвердил мою догадку Майках. — Я здесь работаю.

— Ты врач? — спросила я, глядя на его пальцы-сосиски и огромный рост. Скорее похож на быка в лабораторном халате.

— Майках занимается всеми случаями, которые могут вызвать вопросы у смертных врачей, — объяснил Уоррен. — Он гений со скальпелем.

Почему-то у меня возникло впечатление, что грань между гением и безумным ученым здесь почти неразличима.

Я закрыла глаза и снова опустила голову на подушку. Может, это один из моих снов. И я в любое мгновение могу проснуться и быть собой, Уоррен по-прежнему будет бродягой, а Майках в каком-нибудь баре будет наливать полицейским «будвайзер». В реальности я бы сейчас выпила пива.

— Вот и отлично, — произнес Майках, заставляя мой сон свернуться. Я почувствовала его ладонь у себя на подбородке, он поворачивал в разные стороны голову. — Я сам проделал всю работу, и, если можно так говорить о себе, работа отличная.

— Почему ты трогаешь мое лицо? — Я открыла глаза. — Почему он трогает мое лицо?!

Уоррен выглядел раздосадованным, Майках — удивленным. Он покосился на Уоррена.

— Ты ей еще не рассказал?

— Что он мне не рассказал?

Уоррен слегка рассмеялся — от этого звука у меня напряглись нервы, и я резко повернула к нему голову. — Я как раз собирался к этому перейти.

— Черт возьми! — выругалась я чужим голосом, ни к кому не обращаясь. — Могу я посмотреть в зеркало?

— На самом деле все не так плохо, — заметил Уоррен и отступил: Майках бросил на него пронзительный взгляд. — Я

имею в виду, что ты великолепна. Никто и представить себе не сможет, что это ты.

— Большое спасибо. — Я осторожно поднесла руку к лицу. Все казалось нормальным, пока я не добралась до моего носа — вернее, до носа той, кому он принадлежал. Мой нос был сломан во время тренировки, и его легкая неправильность придавала моему лицу некое орлиное свойство. Во всяком случае я предпочитала так думать. На самом деле я смертельно боялась хирургических операций — иронично, учитывая обстоятельства.

Я начала ощупывать лицо ниже. Губы полные, но все же мои; а вот подбородок с ямочкой и больше в форме сердца, чем я помнила. Я наткнулась на прядь волос и приподняла ее, глядя на нее искоса.

— Я блондинка.

— На упаковке было написано: «Совершенный цвет платины».

Я позволила рукам упасть. Груди, голос, лицо, волосы… мне не нужно зеркало, чтобы соединить все это. Незваные слезы заполнили глаза. Я очень редко плачу, поэтому я решила, что это пришло в этом призовом пакете. Боже, они подменили мое тело и мои гормоны.

— Вы превратили меня в… бабу!:

— Тш-ш. — Майках потрепал меня по плечу, стараясь успокоить. — Это превосходная маскировка.

«Превосходная маскировка для женщины, которая хочет, чтобы ее груди входили в комнату раньше нее самой, — подумала я истерически. — Для женщины, которая хочет, чтобы за нее говорила ее внешность. Для той, которая не воспринимает себя серьезно!»

— Мы все пользуемся маскировкой, — добавил Уоррен.

— Что? — рявкнула я на него. — И ничего лучше Йоды[28] вы не придумали?

— Вижу, ты ничего не сделал с ее темпераментом, — сказал Уоррен.

— Кое-что даже я не могу изменить.

Я свирепо уставилась на них, потом произнесла с паузами тем тихим голосом, который говорил им, что я настроена серьезно:

— Дайте. Мне. Зеркало.

— Хорошо, но предупреждаю тебя, ты можешь испытать шок.

— Более сильный, чем удар по голове стальной дубинкой? — резко спросила я. — Или сильнее, чем от известия, что официально я мертва?

Сильнее, чем видеть, как умирает твоя сестра! Этого я не сказала. Уоррен поменял наклон моей кровати, а я протянула

руку за зеркалом. Когда меня усадили, он дал мне его, и, видя их взгляды на моем лице, почти голодные взгляды, я испытала новый приступ тревоги. Глубоко вдохнув, я подняла зеркало и посмотрела в него.

Я почувствовала, как отвисает челюсть, увидела это в зеркале, но промолчала. Перевернула зеркало, нет ли у него ложного второго покрытия, дважды постучала им по кровати и снова посмотрела. Потом встретилась с тревожным взглядом Майкаха.

— Это… это Оливия.

Лицо его расслабилось с облегченной улыбкой.

— Ты Оливия, — поправил Уоррен, тоже широко улыбаясь.

Никакого сомнения.

На этот раз я потеряла сознание сама, без внешнего воздействия.

Придя в себя в следующий раз, я обнаружила, что нахожусь в одиночестве. В палате было темно, и я хотела позвать сестру, но потом раздумала. Вместо этого потянулась к груде газет и вскрикнула, коснувшись первой. Кончики пальцев одновременно были чувствительны и онемели. Я проверила структуру пальцев на газетной странице, на ее сгибах, но предыдущий опыт уже дал мне ответ. Казалось, что я держу листок в хрустальных перчатках. Повернув ладонь, я убедилась, что мои отпечатки пальцев исчезли.

Я постучала друг о друга подушечками большого и указательного пальцев, ожидая услышать легкий звон, как скрежет ногтей о стекло, но никакого звука не было. Я почувствовала щелчок — но не различила, — словно кости непосредственно соприкоснулись друг с другом. Странное, слегка тошнотворное ощущение; впрочем, наверно, со временем оно станет слабее. А пока я решительно взялась за газеты и начала читать.

Статьи были сложены в хронологическом порядке, самые последние внизу, и содержание их становилось все более сюрреалистическим, В статьях в мучительных подробностях, не всегда лестных и верных, рассказывалось обо мне, о моей жизни и трагической гибели.

Суть такова: Джоанна Арчер погибла в ходе неудачного нападения грабителя на квартиру сестры на девятом этаже. Я героически сражалась, но в конце концов выпала из окна вместе с грабителем, неким Батчем Льюисом из Хьюстона, Техас. Однако тем самым я спасла жизнь своей сестре.

Иронично, не правда ли? Я посмертно провозглашена героиней, хотя на самом деле никого спасти не сумела. Кажется,

включая себя самое. Я вздохнула и продолжила чтение.

Сообщалось, что Оливия Арчер в критическом состоянии была помещена в частную больницу, куда не допускают даже ближайших друзей и родственников, включая игорного магната Ксавье Арчера. Анонимный источник — я догадывалась, что это за источник, — сообщал, что состояние Оливии стабильно, но она находится в коме.

Я снова пробежала страницы и подумала: «Вот оно. Целая жизнь в черном и белом. Подытоженная в течение недели и к концу этой недели ставшая уже устаревшей новостью».

Взяв лежавшее рядом зеркало, я снова взглянула на лицо, такое знакомое и в то же время совершенно мне неизвестное.

— Как? — спросила я. Спросила голосом Оливии, но с таким оттенком усталости, какого у Оливии никогда не могло быть. Как мне ежедневно смотреть на него? Все равно что общаться с прекрасным обвиняющим призраком сестры и чувствовать вину за то, что не смогла ее спасти. Но не этого я боялась и понимала это. Все, глядя на Оливию, видели мягкость, красоту и женственность. Только я видела слабость и уязвимость. Она была потенциальная жертва.

Превратив меня в мою сестру, Майках и Уоррен, сами того не ведая, совершили то, чего я больше всего боялась.

— Я наблюдаю за движениями на мониторе.

Я вздрогнула, виновато выронила зеркало и подняла голову. На пороге стоял Майках. Он ждал приглашения. Я кивнула, и он вошел, настороженно косясь на меня, как на львицу в клетке.

— Хочешь пить? — Он налил воды из пластикового кувшина и протянул мне бумажный стаканчик. Потом сложил руки на своей массивной груди и стал ждать. Вода была свежей и холодной, вкус ее не изменился, и я сразу все выпила.

— Спасибо.

Он улыбнулся, успокоенный, поставил стаканчик на стол и присел на край кровати. Для такого большого мужчины питался он с поразительной легкостью.

— Как ты себя чувствуешь?

Я задумалась. Никаких постоперационных болей. Для мертвого человека я чувствовала себя удивительно хорошо. Мин для человека в коме. Тем более для того, у кого вместо подушечек пальцев мрамор.

— Неплохо, учитывая обстоятельства.

— Так и должно быть. Ты излечиваешься быстро и без последствий. И я был очень осторожен.

Я поняла, что так он пытается извиниться.

— Спасибо.

Легкая улыбка исчезла, сменившись наморщенным лбом и полными тревоги глазами.

— Мне казалось, перемены тебе понравятся. Не перестаю думать о том, как подействует на тебя жизнь в теле сестры.

— Не обижайся, Майках, но для меня все это совершенно новое. Метаморфоза, люди, пытающиеся меня убить, не говоря уже об этом новом остром нюхе. — Вздох мой глухо отразился от стен палаты. — Я двадцать пять лет привыкала к своему лицу, а теперь… я ничего о себе не знаю.

Не знаю, кто я теперь. Джоанна Арчер? Оливия Арчер? Супергероиня двадцать первого века. Бога ради?!

— Смена личности члена Зодиака после сверхъестественного события — это стандартная процедура очистки. Конечно, случай даже для нас чрезвычайный. Обычно мы готовим субъекта к перемене, но с тобой у нас просто не было времени. Мы не хотим потерять тебя, Джоанна. Ты особенная.

Я невесело улыбнулась… Сейчас это звучит неплохо.

Майках вздохнул.

— Послушай, не знаю, что сказал тебе Уоррен, но мы на грани поражения. За последние два месяца были убиты три звездных знака, а они не были новичками. Настоящие профессионалы, элита, потомственные агенты Зодиака. Поэтому нам нужно было действовать быстро, чтобы обезопасить тебя и изменить твою личность. Теперь никто понятия не имеет, кто ты на самом деле, понимаешь?

Я не поняла, но все равно кивнула.

— И никто не знал Оливию лучше тебя, верно? Ты можешь ходить, действовать, реагировать, как она. Это большое преимущество: иначе тебе пришлось бы изучать бесчисленные привычки и вырабатывать новую личность. Для тебя это очень упрощает положение. — Он помолчал. — Дополнительное преимущество в том, что ты остаешься близкой Ксавье Арчеру.

— Я не хочу быть ему близкой, — заявила я. Майках ничего не ответил, и я уже начала воспринимать это как дурной знак. — В чем дело?

— Он в комнате ожидания. Его не пропускают уже три дня.

— Нет.

Я отвернулась, сжимая руками живот. «Он дожидается встречи с Оливией, — с горечью подумала я. — Не со мной».

Майках кивнул, с готовностью соглашаясь с моим желанием. Со слишком большой готовностью. И когда он протянул мне руку, я с опасением посмотрела на него.

— Не хочешь ли немного подвигаться?

Я не хотела, но тело мое настолько болело от вынужденной

неподвижности, что я взяла его за руку и впервые за много дней встала. Закружилась голова, но спустя какое-то время я кивнула Майкаху: все в порядке. Он провел меня к креслу перед большим, во весь рост, зеркалом.

— Посиди здесь. Привыкай к вертикальному положению. Я поняла, что он делает. Он хотел, чтобы я привыкала к своему лицу, привыкала видеть себя такой же, какой увидит меня мир. Майках развернул кресло на колесиках, так что я вся отражалась в зеркале, и пододвинул соседний столик. А потом сделал нечто совершенно неожиданное. Достал из ящика в столе щетку и принялся расчесывать мне волосы.

Как у такого большого человека может быть такое мягкое прикосновение?

— Знаешь, я был знаком с твоей матерью, — заметил он, не обращая внимания на то, как я напряглась. Просто продолжал осторожно расчесывать волосы от корней до кончиков, оборачивая каждую прядку вокруг пальца, прежде чем убрать в сторону. Я отвела взгляд от своего лица и принялась наблюдать за движениями его пальцев, за прирожденной точностью хирурга. — На самом деле ты очень на нее похожа. У тебя такие же скулы… вернее, были такие же. Во всяком случае, — торопливо добавил он, когда я нахмурилась, — твоя мать была великолепна. И смертельно опасна. Я никогда ни раньше, ни потом не видел такого мастерства сражения на дубинках. По правде говоря, я был в нее слегка влюблен. Все мы были в нее влюблены.

Я молчала.

— Она все отдала, чтобы проникнуть через Ксавье в Теневой Зодиак. И было бы стыдно, чтобы ее труды пошли насмарку.

Я тряхнула головой; волосы, только что уложенные им, растрепались. «Ты не понимаешь, о чем просишь, — хотела я ему сказать. — Я не могу так смотреть на мир. Оливия родилась женственной и мягкой. А я — гибкой, как необработанная кожа». Вместо этого я произнесла:

— Не знаю, как быть супергероем. Майках в ответ мягко улыбнулся.

— Этого никто не знает. Мы просто рождаемся с особыми способностями. Подумай о том, что у тебя хорошо получалось, что тебе нравилось делать в детстве. Начиная обучение новобранца, мы обращаемся к этому. Со временем они превращаются в оружие, и его можно использовать против врага.

— Много ли способов убить агента Тени?

Взбивая волосы на моей голове, поправляя прядку там и тут почти в точной имитации прически Бриджит Бардо, он

меланхолично напевал, и этот гулкий звук распространялся во всем его теле.

— Столько же, сколько существует способов умереть. «Но умереть легко, — думала я, наблюдая за ним. — Смерть всего лишь в одном вздохе. Так же близка и так же далека, как незнакомец в твоей постели. Как мои настоящие родители».

— Мой настоящий отец действительно старается убить мою мать? — спросила я у Майкаха.

— Не знаю, стоит ли мне говорить тебе это, — ответил он, не отрывая взгляда от пальцев. — Что именно сказал тебе Уоррен о твоем настоящем отце?

— Только то, что я родилась в день рождения и его, и матери, что почему-то делает меня уникальной. И что он предводитель Теневой стороны Зодиака. Наших врагов.

Майках кивнул.

— И очень сильный руководитель. До него у нас не было трудностей в уравновешивании Зодиака. Мы были практически неуязвимы.

— А что делает его таким особенным?

— Он Тульпа. — Видя мой непонимающий взгляд, он покачал головой. — Боже, ты действительно ничего не знаешь? Тульпа. Тот, кто не рожден, а создан.

В голове у меня мелькнули образы Железного Дровосека и Страшилы. Потом мужского ребра, из которого создана женщина, и самого мужчины, слепленного из глины.

— Как создан?

— Кто-то вообразил его существующим. Я молча смотрела на него.

— Понимаю. — Майках поднял руку. — Нашей западной культуре нелегко это усвоить, но восточные философы принимают это как факт. Подумай об этом. Представь себе человека, сосредоточенного, как тибетский монах. И пусть этот человек все свои мысли, всю энергию направит на создание образа существа. Сила дисциплинированного мозга так велика, так глубока, что воображаемое может стать реальностью. Возникшее существо называется Тульпой,

— Но… такое просто невозможно.

— Возможно. Такова сила разума. Ты говоришь себе: это правда — и для тебя это становится правдой. Мы все в той или иной степени обладаем способностью создавать.

Я подумала о художниках, писателях, матерях.

— Да, но никто эту способность не использует.

— Этот человек ее использовал, и использовал во зло. Он вообразил существо могучее и злобное. Настолько сильное, чтобы

руководить толпой мерзавцев, как ему приказано, не испытывая никаких колебаний или угрызений совести. Однако творец этого существа не учел одного.

— Чего же?

Майках сухо улыбнулся.

— Получив от своего творца достаточно силы и материальности, Тульпа стал независим. Он по своему выбору принимает любую оболочку и действует по собственной воле. Правит и действует, как ему хочется.

— Но кто же способен вообразить такое существо? И почему?

— Ну, почему — это просто. Власть. Бессмертие. Если ты создаешь серым веществом своего мозга существо, которое будет жить вечно, придаешь ему реальность, часть тебя самого тоже будет жить вечно. А вот кто… — Майках невесело усмехнулся. — Вопрос на миллион долларов. Величайшая загадка нашего мира. Ось, на которую нанизаны все наши судьбы. Именно эту загадку пыталась разгадать твоя мать. И почти разгадала. Ей потребовалось много лет, но наконец она узнала о существовании некоего Уайатта Нильсена, родом из западного мира, но ревностного исследователя тибетских легенд. Однако он не ограничивался изучением Тибета или буддизма, но изучал религии всего мира. Его целью была собственная религия, в которую вошло бы все то, во что он фанатично верил.

«Готов создать Джима Джонса»,[29] — сухо подумала я, а Майках продолжал:

— Но потом его отвлекла идея Тульпы. Зачем уговаривать, увещевать, соблазнять людей, чтобы они последовали за тобой, если можно сотворить нечто, заставляющее людей это делать?

Действительно, зачем? И вот Нильсен начал создавать существо, которое не стареет, не может быть убито — бога среди смертных. Он решил, что гораздо проще и легче убедить людей делать то, что соответствует низменным устремлениям их природы — ненависти, похоти, алчности… всем семи смертным грехам, чем убеждать их делать добро. Он перестал изучать религиозные доктрины и сосредоточился исключительно на медитации, овладевая силой своего мозга. Он посвятил созданию Тульпы пятнадцать лет своей жизни.

Понимаешь, мы не знаем, можно ли убить Тульпу — по крайней мере пока мы не нашли для этого способа. Зоя считала, что если каким-то образом убить его творца, может возникнуть брешь между ними, и мы сможем этим воспользоваться, проникнуть в организацию Тени или просто убить Тульпу.

— Значит, моя мать подбиралась к этому Тульпе, чтобы узнать, кто его творец?

— Она много лет добивалась его доверия, скрывая свою личность, маскируя свой запах. Это было нелегко, но она была упряма. — Майках восторженно покачал головой. — Она была так убедительна, что у нас кое-кто начал задумываться, на чьей она стороне. Однако она постоянно сообщала нам информацию, дававшую нам преимущество, помогала предотвратить нападение или спасти жизнь члена Зодиака.

— Она завоевывала его доверие?

— Да, — кивнул Майках. — И использовала все для достижения цели.

Включая свое тело.

— Он не мог себе представить, что его величайший враг ляжет с ним в постель.

— Большинство мужчин не способны на это. — Майках положил руки мне на плечи, заставив меня поднять голову и встретиться с ним взглядом. — Не думай, что она не любила тебя, Джо. Ты хотела узнать, кто твой отец, и я рассказываю тебе. Он чистое, неразбавленное зло. — Я поморщилась. -

По он спал с настоящей богиней чистоты и даже не знал этого. У нее была возможность избавиться от беременности, но даже зная, что, сохранив тебя, она рискует всем, для чего работала, она не стала делать этого. Она хотела тебя. Даже больше, чем его.

Она хотела меня. Но она и бросила меня.

— Так что же произошло?

Он улыбнулся, но улыбка была сдержанной.

— Она достигла успеха.

— Правда? Он кивнул.

— И как раз вовремя. Вскоре Тульпа учуял бы ее беременность. Но она нашла Уайатта Нельсона и сразу сама его убила. Сумела уйти и исчезла, как дым.

Проблема в том, что всякий раз, убивая кого-то, ты уничтожаешь его опознавательный запах, а на его месте оставляешь свой. Это прекрасно, если тебе нужно признание, но очень плохо для конфиденциальности. Когда Тульпа узнал, что его предала твоя мать, он обезумел от ярости.

— Но стал ли он слабей? Майках покачал головой. — Он стал сильней. Словно перерезав нити марионетки ты обнаруживаешь, что только освободила ее. Вера других Теней была достаточно сильна, чтобы он продолжал существовать, и поэтому он получил свободу. Он мог уничтожать все, что хотел, разрушать и править организацией Тени по своему усмотрению. А он больше всего хотел найти Зою и убить ее. И тут Зоя проявила свою гениальность. В то время как он повсюду искал ее, она

замаскировала свой запах, приняла на себя новую личность и стала жить с Ксавье. Она скрывалась прямо у трона Тульпы. Вскоре после этого родилась ты — ребенок Ксавье для всего мира.

А, потом у нее родился и настоящий ребенок Ксавье. Я задумалась, а любила ли она когда-нибудь мужчину.

— Она просто не желала сдаваться, — продолжал Майках, качая головой. — Никогда не видел более целеустремленной и смелой женщины. Она провела годы с Тульпон, потом годы с Ксавье, отказавшись от любых радостей, от любой возможности нормальной жизни.

— И все же она потерпела неудачу, — заметила я.

— Да, но была очень близка к победе, — ответил он, заправляя локон мне за ухо. — Еще несколько недель — и он был бы у нее в руках.

— Но что? — подтолкнула я его. Мне нужно было узнать, почему она так неожиданно исчезла — в тот момент, когда и я, и эти люди больше всего в ней нуждались.

— Но ты. — Майках смотрел на меня с горькой улыбкой на лице. — Ты унаследовала не только скулы своей матери, Джоанна. Ты обладаешь ее генетической картой, и хотя свой запах она смогла скрыть, ты оставалась незащищенной. Ты достигла половой зрелости, вступила в период, который мы называем вторым жизненным циклом, и твои гормоны начали буйствовать. Агенты Тени прочесывали город в поисках Зои, и один из них…

— … нашел меня.

Я закрыла глаза: последние детали паззла легли на место. Неудивительно, что ее горе было так пронизано чувством вины.

— Он пытался убить тебя, убить все, что хорошо и чисто… и убить Зою в тебе. Ты должна знать: любой из нас погиб бы в ту ночь.

Но я не умерла. Почему? Я посмотрела на себя в зеркало и заметила, что глаза по-прежнему мои. При упоминании о нападении на меня они потемнели, стали черней ночи.

— Его гены, — произнесла я. — Они меня защитили. Майках наклонил голову.

— Думаю, можно сказать, что Тульпа стал теперь твоим творцом. Ты нечто совершенно новое, Джоанна, нечто невиданное раньше, хотя твое существование было предсказано. Ты единственная, кто соединяет и то и другое… Единственная, способная уцелеть после такого нападения. Единственная.

И он начал рассказывать о ком-то по имени Кайрос. Это столп, от которой зависят все их судьбы. Это часть их мифологии — и Света, и Тени, — и Уоррен, очевидно, считал, что м и есть

эта Кайрос. Я долго молчала, пытаясь усвоить это вместе со всем остальным, но все эти слова как будто оставались на поверхности моего сознания.

— Он знает обо мне? — спросила я наконец. Майках покачал головой.

— Не знает, что ты его дочь и что мы подозреваем в тебе Кайрос. Знает только, что ты дочь Зои. Теперь, когда ты иступила в свой третий цикл, мы все чувствуем это в тебе. И теперь, когда он знает о твоем существовании, он постарается тебе отомстить.

Итак, глава сверхъестественного подпольного мира — ну, по крайней мере мира долины Лас-Вегаса — жаждет моей крови. Великолепно. Я прикусила губу и посмотрела на Майкаха в зеркало.

— Он это сделал?

— Кто? Что?

— Тот человек. В ту ночь. Он убил… — Я поискала подходящие слова, но их не было. Была только правда. — Он убил то, что было во мне хорошего?

— Да, — негромко ответил Майках и улыбнулся. — Но то, что ты задаешь этот вопрос, должно внушить уверенность.

— Не понимаю.

— Это очень просто, Джоанна. Он высвободил в тебе потенциального героя. А потом твоя мать снова собрала тебя.

Приборы молчали; звуки капель и гудение не нарушали застывшего времени; я думала, и комната застыла. В моем сознании возникал ответ на один из самых важных вопросов жизни, но прежде чем я смогла его сформулировать, это сделал за меня Майках.

— Она дала тебе все, что могла: все запахи, которые мы создали для ее защиты, всю личную силу, которая придавала ей цельность. Она с помощью химии замаскировала твои феромоны, а потом спрятала тебя — даже от пас. Но это сделало ее саму уязвимой для нападения. Она знала, что теперь только вопрос времени — Тульпа все равно найдет ее, а если он ее захватит…

Майках содрогнулся.

— Но как она могла просто уйти?! Бросить все, ради чего работала? — воскликнула я, имея в виду «бросить нас». И подумала, а не произнесла ли я последнее вслух, потому что Майках посмотрел на меня с таким отвращением и разочарованием, что я сразу устыдилась.

— Она отдала все ради тебя.

Я не шевелилась, даже не убрала прядь, которая щекотала мне левую щеку. Слышала свое дыхание, слышала Майкаха за своей спиной и направила в его сторону мысли — просто чтобы

увидеть, что смогу обнаружить. От него пахло порошком серебра, дождевыми облаками и «Олд Спайс».[30] И эта смесь великолепно к нему подходила.

— И что же я теперь должна сделать?

Найти Тульпу? Найти мою мать? Узнать, как агенты Тени убивают лучшие звездные знаки?

— Просто научиться оставаться в живых, — мягко сказал Майках и отложил щетку. — Если у тебя этого не получится, мы никогда не узнаем, на что ты способна.

— И ты собираешься научить меня?

— Да, — кивнул он, — я и все остальные. Мы научим тебя быть такой, какой ты рождена быть. Мы познакомим тебя с путями Зодиака, в особенности с путями Стрельца, и с наследством твоей матери.

Наследство звезд и супергероев, Я взглянула в зеркало на законченный продукт, на внешность, постепенно возникавшую в течение последних десяти минут. На меня смотрели широко раскрытые голубые глаза, по окружности зрачков едва виднелись края контактных линз.

— Удивительно!

Майках довольно улыбнулся. — Мы нашли в твоей квартире несколько крупных снимков Оливии. У тебя настоящий талант, поэтому мы смогли поспроизвести ее вплоть до мельчайших деталей. — Он сунул руку в карман лабораторного халата и достал снимок, который я в ту ночь принесла с собой в номер мотеля. — Видишь?

Я держала снимок перед собой, внимательно его разглядывая, потом посмотрела в зеркало. Никакой заметной разницы. Я нахмурилась. Но я-то по крайней мере должна различать нас?

— Как же она счастлива, — заметил Майках, указывая на единственное отличие.

— Ее же фотографируют, — ответила я.

Но это не так. Это просто Оливия. Да, счастливая, И еще открытая, доверчивая. Невинная.

— Я больше похожа на Оливию, чем сама Оливия, — Заявила я.

— Конечно, — согласился он, осторожно кивая. — При Делании обманешь самого Ксавье.

Я вздохнула. Разве у меня есть выбор? Я хочу возвратить свое тело, свое лицо, хотя бы для того, чтобы у меня не было таких надутых губок, когда я хмурюсь. Но ведь я не могу просить Майкаха вернуть все назад — после того как была мертва в течение недели. Теперь другая личность будет именно другой, но вряд ли станет усовершенствованием.

«Оставаться в живых, — с сомнением подумала я. — Выжить». Чтобы сделать это, я должна убедить весь мир в том, что я Оливия Арчер. Частью сознания я решала, насколько тяжело это будет. Оливия ходила по магазинам, она поздно завтракала, председательствовала на многочисленных балах и благотворительных ужинах, а ночами — когда ее никто не видел — вела нелегальные вебсайты. Но эту часть, вероятно, я могу пропустить.

Но что самое трудное в том, чтобы быть Оливией? Могу ли я позволить себе стать такой же мягкой, не считая при этом себя слабой? Быть такой же уязвимой, не, мысля как — жертва? — Такой же покладистой, но не бесхарактерной? Меня заставляли задуматься не поступки Оливии. Нет — останавливала ее полная беззащитность.

Я поджала губы и смотрела, как напротив меня поджимает губы Оливия. «Так вот как она делала это», — подумала я и улыбнулась. Ее рот — мой рот, поскольку он теперь стал моим, — чуть изогнулся, выглядя при этом невероятно соблазнительным на этом лице в форме сердца. Я взглянула на Майкаха, который наблюдал за мной, ожидая решения.

— Ты очень хорошо поработал.

Он принял комплимент за согласие, за принятие ситуации — так оно и было. И широко улыбнулся в ответ.

— Спасибо, Оливия. Оливия.

Я — Оливия. Я набрала полную грудь воздуха, потом медленно выдохнула, пока в легких его совсем не осталось. Может быть, так, через меня, Оливия продолжит жить. Эта мысль мне понравилась. Это самое малое что я могу для нее сделать — и сейчас единственное. Так я по крайней мере чувствую себя менее беспомощной, а это уже кое-что. А со всем остальным придется справляться по мере встречи.

— Можешь позвать моего отца.

Майках протянул руку и осторожно помог мне встать, так что мы на короткое время оказались лицом к лицу.

— Да, — наконец объявил он. — Думаю, ты готова к этому. Чудесное выздоровление. Твой отец будет очень доволен.

«Тогда это первый случай, когда он будет доволен мной», — подумала я, но вслух не произнесла. Не этого от меня ждал Майках. Этого бы не сказала Оливия.

— Я так рада, — проворковала я, вслушиваясь в свои слова: насколько искренне они звучат.

Майках помог мне снова лечь и сразу направился к двери. Наверно, он опасался, что я передумаю.

— Сейчас вернусь.

Я откинулась на подушку и ждала. Пыталась убедить себя в том, что у каждого супергероя двойная жизнь. Например, Супермен и Кларк Кент. А Чудо-женщина была скромной секретаршей, когда не набрасывала на плохих парней свое лассо, заставляющее говорить правду. Были и другие, конечно, и я стала размышлять, сколько из этих историй, описанных в комиксах, предмет авторского вымысла, воображения, а сколько проникло сквозь тонкую паутину реальности, отделяющую мир Тульпы от нашего. Мое собственное существование, это. использование в качестве маскировки мертвой сестры, носит все признаки вымысла.

Я Джоанна, которая умерла.

И я Оливия, которая тоже умерла.

Я также моя собственная мать, которая рисковала жизнью такими способами, которые мне еще предстоит раскрыть, чтобы оставаться в безопасности. Но если это правда, то я также и он. Этот человек — Тульпа. Существо настолько злое, что он одновременно уничтожил меня и сохранил мне жизнь.

— Я тебя убью. — Эти слова гулко прозвучали в больничной палате. И в них я узнала в себе Тульпу. Но мне понравилась эта клятва, и я повторила ее. — Я убью тебя за то, что ты сделал с моей сестрой. И с моей матерью.

И за то, что осталось от меня.

Звуки моей клятвы еще звучали, а я откинулась на подушку и стала ждать, когда войдет человек, который одновременно был и не был моим отцом. И когда он наконец вошел, я приветливо улыбнулась ему.

11

Меня похоронили в холодный ветреный январский день. Я смотрела репортаж местного телеканала в прямом эфире — официально я еще только выздоравливаю, — а в это время женщина-косметолог делала мое здоровое лицо подобающе бледным. В гробу должна была лежать Оливия, она и так там лежит. Я не просила об этой замене, но ни Майках, ни Уоррен меня не спрашивали. Голос репортера казался мне непристойно оживленным; перечислялись политики штата Невада, известные шоумены, деловые партнеры Ксавье; все они выстроились в ряд, чтобы проявить уважение к женщине, с которой большинство не было знакомо. Даже для такого непостоянного и утомленного города это большая новость. Должна признаться, все это напоминало какую-то подростковую фантазию:. я наблюдаю, как оплакивают мой уход; слышу, как говорят, насколько меня будет не хватать.

Но в основном это была просто процессия малознакомых людей, которые отсюда пойдут выпить и вернутся к своей обычной жизни. Однако — среди них было и несколько таких, кто действительно знал и любил меня. Асаф, о котором в завтрашней газете напишут, что он потребовал полного расследования обстоятельств моей смерти и поиска — и наказания виновных. Безуспешно. Он горевал обо мне, а я о нем.

Была подруга-одноклассница, которую я после окончания школы видела всего несколько раз; по лицу ее струились слезы, и мне захотелось позвонить ей и сообщить, что со мной все в порядке. С удивлением увидела я также подругу Оливин Шер: она была одна и выглядела прекрасно.

Ныл и Ксавье. Он стоял немного в стороне от остальных и казался слегка скучающим; на фоне моего гроба звучали слова Ксавье о том, как он благодарен мне за то, что я спасла жизнь Оливии. «Она пожертвовала собой ради сестры, и это придает ее смерти, а следовательно, и жизни подлинный смысл».

Я не рассердилась, услышав эти слова. Только накануне он обнимал меня, считая, что я Оливия, и слезы его были реальны настолько, насколько он на них способен. Мне он никогда не был отцом, но он любил Оливию, и я была благодарна за то, что у нее было хоть это.

А потом появился еще один человек. Он был виден мне в профиль, очень худой, стоял слева от Ксавье, и его пустые голубые глаза все время оглядывали окружающих.

— Аякс! — Я наклонилась на больничной койке, глядя на

экран. Со скептическим выражением лица, казавшегося очень опасным, в своем черном пальто, Аякс повернулся к камере, ноздри его раздулись. — Ты, ублюдок!

— Мэм, пожалуйста, — попросила женщина косметолог с губкой в руке — ее звали Рейн, и на бровях у нее был пирсинг. Она с помощью этой губки добивалась, чтобы у меня под глазами появились темные круги, а на «щеках синяки. Готовила к приходу Ксавье сегодня вечером. Я была уверена, она гадала, зачем все это делается, но Майках платил ей достаточно, чтобы она ни о чем не спрашивала. Не обращая на нее внимания, я продолжала таращиться на Аякса. Он смотрел влево, глубоко вдыхал утренний воздух, и ветер поднимал его волосы.

— Я здесь, ты, ублюдок, — сказала я, и у меня перехватило дыхание: Аякс уставился прямо в камеру. На его лице появилось выражение такой ненависти, что на мгновение мне показалось, будто он меня услышал. Затем глаза его вспыхнули, как факелы, и понимающая улыбка скривила рот. Точно так же он улыбался мне за обедом, когда говорил, что собирается меня убить.

Но он меня не слышал и, несмотря на это выражение лица, не мог меня видеть. Я поняла это, потому что он отодвинулся, открыв того, кто привлек к себе его внимание.

— О боже! — Я закрыла рукой рот, чтобы не закричать. — Боже. Бен.

Он рыдал открыто, не стесняясь, слезы катились по щекам, рот был искажен болью. Он отбросил руку одного из утешавших его коллег — их было несколько, все в форме — они очень неловко выглядели рядом с безутешным другом. Бен. Он целовал меня так страстно, что я забыла об опасности. Бен, с которым я рассталась после ужина, чтобы пойти к Оливии.

Бен, который считает, что снова потерял меня.

Я заплакала, и Рейн неуверенно отступила, не зная, что ей делать. Я беспомощно наблюдала, как Аякс подошел к Бену и сказал несколько слов, после которых голова Бена удивленно дернулась. Конечно, звук был приглушен: репортер продолжал непрерывно болтать о моем месте в обществе — на самом деле о месте моего отца, — о том, во сколько оценивается наследство Оливии, теперь, когда она не должна будет со мной его делить. Но я видела движение губ Аякса. Он произносил слоги отчетливо, подчеркнуто, как будто знал, что я за ним слежу, и хотел, чтобы я поняла.

Мои соболезнования.

Беи уже собирался стряхнуть его, когда увидел что-то и мгновенно застыл, а Аякс протягивал руку, со змеиной улыбкой, которая заняла место ложного сочувствия. Я поймала то

мгновение, когда он попытался отдернуть свою руку: это можно было сделать, если знаешь, чего ждать, но друзья Бена, хотя все они копы с очень внимательными взглядами, ничего этого не заметили. Оки слышали слова. Видели только попытку рукопожатия, только человека, выражавшего сочувствие другому. Но я разглядела кое-что еще.

На шее у Аякса издевательски блестела топкая серебряная цепочка. Я ахнула, поднесла руку к своей голой шее, а Аякс улыбнулся. Цепочка сверкала на холодном зимнем воздухе.

И Бен вцепился ему в горло.

Репортер прервал свой гладкий рассказ, друзья схватили Бена за руки и оттащили — его держали за руки, за торс, за шею, — а у Аякса на лице было самое невинное выражение. Бен кричал, лицо его покраснело и исказилось, волосы упали на лоб, костюм расстегнулся. Комментатор попытался замять эту сцену и объявил перерыв на рекламу. Но у меня было время заметить, как Ксавье повернул голову в сторону шума. Затем Бена убрали из кадра. А Аякс в камеру — и мне — победоносно улыбнулся.

— Нет! — Я бросилась к телевизору, как раз когда картинка исчезла. Косметика разлетелась, столик с грохотом упал на пол, я ударила по экрану ладонью раз, другой, потом кулаком. Рейн в ужасе забилась в угол. — Держись от него подальше! Оставь его в покое!

Выдернув вилку из розетки, я швырнула телевизор о стенку. Звук божественный — удовлетворяющий и великолепно разрушительный. Что-то во мне щелкнуло, прокатилось по моему телу. И неожиданно я потеряла способность сдерживаться. Не могла остановиться. Бросала все: мониторы, приборы, столы, пластиковые стулья. И все это время мой голос, мой подлинный голос, резал мои новые голосовые связки:

— Я тебя убью, я тебя убью, я тебя убью…

У Оливии, такой доброй, чистой, мягкой, не было ни одного шанса против Батча, и этот факт ежедневно с самой ее гибели разбивал мне сердце. И матери, которая могла бы с ним сразиться, не было с нею рядом, она не защитила дочь; и с тех пор как я узнала истинную причину ее отсутствия, мое сердце и из-за нее обливалось кровью.

Но я ни разу не позволила себе выйти из себя. Я дышу, я живу, и я говорила себе, что это больше, чем я заслуживаю. Но когда я увидела лицо Бена, увидела эту бесконечную боль, остановиться было невозможно. Я кричала, ломала, разбрасывала вокруг себя все, чтобы это соответствовало тому, что я чувствую, что у меня внутри: все разорвано, обнажено, все болит. И страшная усталость. Огромное сожаление.

Закончив — две минуты, два часа или два года спустя, — я обнаружила, что сижу в позе зародыша в опустошенной, разбитой палате, сижу и раскачиваюсь; Рейн давно убежала; остатки люстр свисают на проводах с потолка, приборы перевернуты, они мертвы, молчат.

— Джоанна.

Я подняла голову. Меня удивило появление Уоррена, такое же неожиданное, как в первый раз; удивило и то, что он назвал меня по имени. Все предыдущие дни он называл меня Оливией. Сейчас он снова выглядел как бродяга — немытый, небритый бродяга, от которого несет отчаянием и одиночеством, но смотрел он на меня как-то очень трезво и яростно, и это вызвало у меня на глазах слезы. Он видел меня такой, какова я на самом деле.

— Теперь должно начаться подлинное выздоровление.

Я покачала головой — сначала медленно, потом быстрей, и закрыла лицо руками. Это не выздоровление. Это нападение — так антибиотики атакуют чуждого агента, помещенного в организм. Хотя на этот раз чуждый агент — это я сама. Я вирус у себя внутри.

— Я не мертва, — заявила я Уоррену сквозь стиснутые пальцы. Он, конечно, это знает, но мне нужно было услышать собственные слова. — Я не мертва. Я сильнее чувствую и больше вижу. Я более жива, чем когда-либо.

— Оливия… — начал он, идя по палате.

Но я оборвала его и попятилась. Мне не нужны сочувствия или объяснения.

— Я не Оливия! Я не слабая и не уязвимая! Я не… — «Не такая хорошая», — подумала я. — Не невинная.

Я жива, черт побери, и хочу, чтобы кое-кто об этом знач. Нет, это неверно.

Я хочу, чтобы об этом знал Бен. Уоррен присел передо мной.

— Достаточно того, что ты сама знаешь, кто ты. Если ты знаешь это сама, все остальное не имеет значения. Со временем ты поймешь.

И что-то в его тоне подсказало мне, что когда-то ему то же самое пришлось говорить самому себе.

«Он ошибается, — подумала я, глядя, как он протягивает мне руку. — Все имеет значение — из-за Бена». Но я все равно оперлась на его руку. Она — единственная предложенная мне.

Уоррен поднял меня и помог встать прямо.

— Я помню, кто ты. И обещаю никогда об этом не забывать.

— Я Джоанна, — сказала я и позволила себе расплакаться. Я Свет и Тень одновременно и теперь знаю, что всегда была такой,

но я кое-что еще… — Я по-прежнему я.

Еще неделю я провела в больнице. Даже угрозы и гнев Ксавье не подействовали на Майкаха: тот меня не отпускал. Здесь я была в большей безопасности, чем в любом месте снаружи, и Майках хотел держать меня в укрытии, пока не убедится, что полностью скрыл мой старый запах и снабдил новой убедительной для обоняния личностью.

— Мы должны быть уверены, что все идеально. Аякс особенно хорош в распознавании личностей новых агентов, — сообщил мне однажды Майках, снова расчесывая мои волосы. — Вероятно, потому что воспринимает это лично.

— Лично? Почему?

Майках покачал головой, пробормотал что-то об Уоррене и его проклятых тайнах, прежде чем чуть громче продолжил:

— Мать Аякса предала Тульпу, перейдя на нашу сторону и попытавшись стать Светом.

Я развернулась на стуле лицом к нему.

— Разве такое возможно?

Майках силой снова повернул меня к зеркалу.

— О да. Как и у людей, у нас всегда есть выбор, на какую сторону встать.

Я подумала, что нелепо ему говорить об этом мне, но Майках продолжал невозмутимо расчесывать мои волосы — очевидно, я стала его любимой новой игрушкой, — и не заметил в зеркале моего пристального взгляда.

— Благодаря ее советам мы за несколько недель уничтожили трех агентов Зодиака с их стороны.

Теперь ясно, почему Аякс приходит в ярость, когда кто-нибудь упоминает его мать.

— Значит, она стала… Светом? Майках пожал плечами.

— Могла бы стать, если бы прожила достаточно долго. Мы сменили ей личность, замаскировали ее запах, сделали все, что могли, чтобы она стала «невидима» для Теней. Только один человек мог найти ее.

«Тот, кто был внутри нее, — поняла я. — Кто-то, кто был частью ее».

— Аякс позволил Тульпе убить свою мать?

— О нет, — ответил Майках, опуская щетку. — Найдя мать, он сам ее убил.

Мое обоняние стало таким необыкновенным, что я раньше и представить себе не могла. Запахи, заполнявшие палату, были подобны цветочным инъекциям в кровь. Пер-вый раз выйдя из палаты во дворик больницы, я едва не потеряла сознание от натиска запахов различных текстур. Я могла ощущать и запах

эмоций: газообразный жар гнева, проникновение липких подозрений сквозь поры кожи, сухую дрожь разрывов и драм, происходивших вокруг меня в больнице.

Но Уоррен ошибался, говоря, что остальной мир не имеет значения. Ежедневно я горевала о Бене и, хотя раньше я над этим никогда не задумывалась, оплакивала и мою прежнюю жизнь; тосковала по дому, по своей фотолаборатории, одежде и своему старому телу. Не могла поверить, как многое я считала само собой разумеющимся: способность передвигаться в мире в качестве себя самой; говорить, не думая предварительно, что сказала бы в такой ситуации Оливия.

В этой последней задаче я если и не потерпела полную неудачу, то стала совершенным разочарованием. Ксавье нахмурился, когда я машинально ядовито отреагировала на его замечание, и вскоре после этого ушел из палаты. И Шер потеряла дар речи, когда я ответила на одну из ее пустых реплик непонимающим взглядом. Майках заявил им, что я какое-то время не буду сама собой, что отклонения в поведении следует ожидать, что я испытала глубокую психологическую травму, видя, как моя сестра падает навстречу смерти. Это по крайней мере правда. Но Майках не объяснил, как избавиться от этого.

Однако он продолжал излагать мне об историю Зодиака, отвечал на мои вопросы быстро и тщательно, все еще, я думаю, чувствуя свою вину за то, что превратил меня в сестру.

Когда Уоррен впервые поведал мне об отрядах Зодиака, я представила себе героев мультфильмов, гиперболизированные символы добра и зла, сражающиеся друг с другом, одетые в невероятное количество спандекса, в ярких плащах с капюшонами, развевающихся, как вымпелы на ветру. А Майках рассказывал об организованном — хотя и в терминах иного мира — стремлении к личной власти, к господству над политикой города, к влиянию на общественные нравы, и постепенно яркие краски воскресных утренних мультиков сменялись мрачными расплывчатыми картинами. В моем воображении разыгрывались человеческие драмы в черном и белом цвете… изредка перемежающиеся кроваво-красным. Иными словами, это была наша реальность: Тени против Света.

«Мы всегда существовали, — говорил Майках. — Мы не пришли извне, как Супермен или Капитан Чудо,[31] и нас не всегда считают супергероями. Но всегда, пока существовали люди, существовали и индивиды, способные проникать в такие плоскости, куда большинству хода нет. Люди, которые быстрей, сильней других, которые моментально излечиваются».

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, на что способен

смертный, если бы он использовал больше одной десятой части своего мозга? — спросил он однажды, работая над зубом, который я сломала, а Оливия нет. — Конечно, на это способны немногие смертные, но даже одного процента достаточно, чтобы разница стала заметной. Например, есть индивиды, способные настолько контролировать боль, что они втыкают в себя булавку длиной в фут, и она выходит с другой стороны тела, причем не бывает ни кровотечения, ни ран. Другие могут себя загипнотизировать, так замедляя процессы в организме, что впадают в кататоническое состояние. Это особенно полезно, если человек получил смертельную рану, а медицинская помощь недоступна. Таким образом, частично человек способен достигать большей силы, большего контроля, больших способностей… конечно, при достаточной дисциплине и практике. Однако для нас, — продолжил Майках, заглядывая мне в рот, — это так же естественно, как кровь, текущая по жилам.

Но даже у нас есть ограничения. Мы можем расширить возможности своего ума и организма, но подчиняемся всеобщим законам природы. Так, большая часть наших способностей может быть объяснена с помощью квантовой механики; люди только начинают понимать ее… а я в ней совсем не разбираюсь. С помощью науки мы развиваем и усиливаем свой потенциал: с помощью химии маскируем свои феромоны, с помощью биохимии и генетики изучаем свои отличия от людей, потому что, подобно смертным, мы непрерывно эволюционируем.

Я рассмеялась, когда Майках заявил, что даже астрология является наукой. Не могла остановиться, хотя пожалела об этом, когда он отстранился от меня, оставив во рту всасывающий насос, и его яростное выражение лица сделалось еще страшнее из-за острого инструмента, который он держал в руке.

— Мифологии — греческая, римская, неоязыческая — умирают, Джоанна. Но нельзя убить звезды. Астрология — это наука. Может, еще непонятая, но ведь в прошлом врачей, таких, как я, называли шаманами. Ученых — мистиками, и всегда существовали посредники между видимым и невидимым мирами. Нет четкой границы между кабалистикой и медициной, если ты подумаешь. В обеих есть до сих пор неразрешимые тайны, а если ты не можешь в это поверить, помни: жизнь и смерть каждого существа записаны среди звезд.

Но у меня были гораздо более фундаментальные трудности. Я пыталась осознать, что я не человек, а что-то… за пределами человеческого. Что-то другое. Майках, поняв это, постарался упростить для меня задачу.

— Послушай, — сказал он, тут же забыв мое обидное

отношение к астрологии. — Мы так же соотносимся со к смертными, как смертные — с приматами. Мы очень далекие родственники и находимся на разных концах эволюционного спектра. — И с широкой улыбкой добавил: — Что? Ты считаешь, что человечество единственное в мире?

Да, что-то в этом роде. Но невозможно отрицать то, что случилось со мной. Мои легкие словно стали вдвое больше. Я могу бежать, не сбивая дыхания… и делать это очень быстро. Могу вскарабкаться куда угодно, потому что способна рухнуть с большой высоты, не боясь умереть. Метаморфоза изменила каждую молекулу в моём теле, и мне не нужны слова Майкаха, чтобы заметить это. Я поняла это, как только излечилась от ран, от которых смертный умер бы.

Поэтому я приняла объяснение Майкаха и начала рассматривать некогда многоцветный мир — мир Вёгаса, комиксов, мир во всех оттенках и переходах цветов — как черно-белый. Синяки, нанесенные мне на лицо косметологом — новым, потому что Рейн отказалась со мной работать, — становились все светлей. Я привыкала каждый день видеть в зеркале лицо сестры. И знала, что скоро мне придется выйти из больницы и начать новую жизнь в качестве Оливии. И, как ни странно это звучит, в качестве супергероя.

— Она станет слишком мускулистой, — пожаловался однажды Уоррен, когда я тренировалась во дворе. Было очень приятно двигаться, я наслаждалась своей силой, разминала мышцы, прыгала, поднимала тяжести. Мне не хватало тренировок в школе крав маги, но я понимала, что если приду туда в облике Оливии, Асаф умрёт. От смеха.

— Не станет, — возразил Майках, сидевший в тени на крыльце. Это был один из немногих случаев, когда мы — после самого первого дня — оказались втроем, и неудивительно, что начали с того, на чем остановились: пререкались, как дети. — Я проложил слои мягкой ткани. Она хорошо защищена.

— Кто я? Рождественское украшение? — спросила я, колотя боксерскую грушу.

— Не знаю, зачем ты тренируешь качества смертных, — сказал мне Уоррен. — Ты сейчас и быстрее, и сильнее, чем раньше. Человек даже притронуться к тебе не сможет. А когда получишь свое личное оружие, твой кондуит, станешь почти неуязвима.

Я остановила грушу руками в перчатках и бросила на Уоррена взгляд искоса. Его «почти» меня тревожило.

— Неуязвима, — повторила я, нанося удар справа. — Как Батч? Или ты имеешь в виду Аякса? Если я правильно

припоминаю, его оружие не такое уж неуязвимое.

— Не раздражайся.

Майках усмехнулся.

— Она права.

— Оливия не боксирует, — ~ заметил Уоррен, не обращая внимания на Майкаха. — И не дерется.

Я отступила от груши и вытерла лицо рукой. Потом улыбнулась, капризно, как только смогла с таким ангельским лицом.

— Теперь она это делает.

— Нет, — ответил Уоррен, делая шаг вперед. — Ты должна явиться в мир такой, какой была Оливия. В твоих словах и поступках не должно быть ничего от Джо. От этого зависит твоя жизнь, жизнь всех нас.

Когда он заговорил, я начала беспощадно избивать грушу, так что звук ударов перекрывал его слова, но теперь остановилась, тяжело дыша, и улыбнулась. Он не улыбнулся мне в ответ, и я не могла его винить в этом. Даже я ощущала запах своего вызова.

— Уоррен. Кто был свидетелем смерти своей сестры, выброшенной в окно, не может не измениться. Люди иногда становятся другими. Я много думала о том, что предприняла бы Оливия, и решила, что она начала бы изучать крав магу.

— Еще одно очко в ее пользу.

— Ты просто проецируешь на сестру то, что хочешь делать сама.

— Поверь, я знаю ее лучше тебя.

«Знала», — мысленно поправилась я и снова начала наносить удары, на этот раз апперкоты.

— Надеюсь, это так. Потому что время выходить.

Это заставило меня остановиться. Я подняла подбородок, принюхалась.

— Куда?

— Назад, в мир смертных. К своей прежней жизни. «К жизни Оливии», — подумала я и отвела взгляд.

— Я не готова.

— Милая, — сказал Майках, арбитр, — если Оливия в ближайшее время не вернется, агенты Тени что-то заподозрят.

— Разве они и сейчас ничего не подозревают? Уоррен покачал головой.

— Аякс видел тебя живой, но он не видел смерть Оливии. Он даже не представляет, что она там была тем вечером, потому что, когда мы там появились, ее запах уже был…

— Убит, — закончила я за него и возобновила удары. Снизу, сбоку. Снизу, сбоку. Хук.

— Мы всегда стараемся исчезнуть, — быстро проговорил Уоррен. — Меняем личность так, что даже самые близкие друзья и родственники нс могут нас узнать. Так ослабляется искушение вернуться к прежней жизни. Аякс это знает, поэтому у него не будет причин снова искать здесь.

— К тому же, — добавил Майках, — Оливия — дочь Ксавье Арчера, а все, на чем стоит знак Арчера, — вне подозрений. Они не посмеют к ней притронуться.

Я приподняла бровь. А разве меня не звали Джоанна Арчер? Разве я не была под защитой этого знака, когда Аякс напал на меня? Уоррен покачал головой, прочитав мои мысли.

— Как ты думаешь, кто написал эту записку Ксавье? Я сорвала перчатки и потянулась за водой.

— Но как они смогут выяснить, что это я, а не Оливия? Унюхать меня или еще что-нибудь?

Он покачал головой.

— Теперь, после твоей метаморфозы, все по-другому. Тебя гораздо трудней выследить. К тому для дополнительной защиты мы сделали тебе инъекцию. Твои истинные феромоны можно распознать, только когда ты ранена или очень взволнована. Поэтому ежедневно упражняйся в медитации, как мы тебя научили, — ответил Майках.

А Уоррен предупредил:

— И никаких схваток.

«Никаких поражений», — подумала я, но промолчала.

— Послушай, все, что тебе нужно будет делать следующие несколько дней, это оставаться в квартире Оливии, — произнес Уоррен. — Если она вела дневник, прочти его. Если у нее было хобби, изучи его. Поройся в ее гардеробе, просмотри фотоальбомы и создай для себя прошлое. Делай все возможное, чтобы стать сестрой. А когда будешь готова, мы отведем тебя в убежище.

— Там ты встретишься с другими звездными знаками, — пояснил Майках. — И научишься быть Стрельцом.

— Но сначала ты должна научиться быть Оливией. Только когда ты сможешь обмануть даже тех, кто тебя хорошо знает, мы познакомим тебя с другими.

— Он прав, Джо, — сказал Майках, заметив мою реакцию. — Никто не должен знать, кто ты на самом деле, понятно?

Я, неожиданно почувствовав себя усталой, прислонилось головой к нейлоновой груше. Потом подняла голову и посмотрела в небо. Бесконечная голубизна протянулась надо мной; ни одного облачка, за которым можно спрятаться.

— Неужели для меня нет безопасного места?

Никто не откликнулся. И мне пришло в голову, что никто и не может ответить.

12

Я позвонила Шер и попросила забрать меня на следующее утро; она пришла в полный восторг и пообещала приехать через час. Я обсудила это с Уорреном и Майкахом, но в конце концов неохотно согласилась, что Оливия поступила бы именно так. Положив трубку, я покачала головой.

— Терпеть не могу эту женщину.

— Но она была лучшей подругой Оливии.

— Она вся из пластмассы, как «Виза».

— Ты тоже, — заметил Уоррен. Я только сердито зыркнула на него.

Шер явилась в полдень в яблочно-красной, как конфетка, открытой машине и в соответствующем костюме. Я даже поискала, нет ли на заднем сиденье шеста стриптизерши. Как оказалось, у Шер в нейлоновой сумке «Прада» оказался подходящий костюм и для меня. Шер потащила меня в ванную, и я бросила на Майкаха отчаянный взгляд. Он улыбнулся и помахал мне рукой.

— Проклятые врачи! — пробормотала я. Он откашлялся в соседней комнате, и я поняла, что он все слышал.

— Что? — спросила Шер, глядя на меня васильковыми глазами, словно вопросительными знаками.

— Ничего, — буркнула я.

Очевидно, это был не тот ответ, что она ожидала. Лицо ее помрачнело, но почти мгновенно на нем снова появилось торжественное выражение. Я отвернулась, что, я уверена, для нас обеих было облегчением.

— А что это такое?

Я потрогала блестящую ткань.

— Твой костюм для путешествий, дорогая, — жизнерадостно проворковала Шер. — Как у Ивела Найвела. Или у Тельмы и Луизы.[32] Если ехать, так со стилем.

«Запомни, — велела я себе, увидев в окне потрясающее отражение нас обеих. — Заведи. Новую. Лучшую. Подругу».

— Ты уверена, что хочешь этого, Ливви-девочка? — осведомилась Шер, когда мы неслись по городу в ее низком открытом корвете. Я насчитала нарушения по крайней мере трех основных правил движения. Шер водит машину так же, как ходит, дышит и живет: она уверена, что никто не посмеет летать на ее пути. — Ты знаешь, что всегда можешь оставаться у меня.

— Да, — сказала я, думая «нет», когда она повернула на тридцати пяти милях в час. Нет — всему этому. Нет — квартире,

которая напомнила мне, где я в последний раз видела искаженное прекрасное лицо своей сестры; нет — тому, что-бы быть супергероем; и — я едва не проглотила стекло на следующем повороте — определенно нет Шер!

Может, я смогу переселиться севернее, в Карсон-Сити.[33] Или на настоящий север. Например, на Аляску. «Да, — подумала я, — звучит хорошо. Интересно, много ли шансов натолкнуться на злых обитателей иглу?» Я решила позже спросить об этом Майкаха. Лед казался мне сейчас очень привлекательным.

Мы молча поднялись на девятый этаж. Вышли в пустой коридор, и единственным звуком был звон ключей, которые вставляла в замок Шер. Когда дверь открылась, я глубоко вдохнула. Шер встревоженно посмотрела на меня, я попыталась успокаивающе улыбнуться, и Шер мгновенно захлопнула дверь. Черт! Должно быть, у меня получилась гримаса.

— Оливия, дорогая, — сказала она, более обычного растягивая слова в своей тревожной искренности. — Пойдем ко мне. Ты знаешь, я всегда тебе рада.

— Знаю.

Я опустила глаза. Она попыталась снопа.

— Мы будем каждый день вместе завтракать, потом делать маникюр, загорать, и большие парни, как Тревор или Тэнк, будут растирать нас кремом!

Это заставило меня снова устремиться к двери.

— Все в порядке. Я справлюсь.

Я старалась не замечать выражение боли, промелькнувшее на лице Шер. Хотелось протиснуться мимо нее и закрыть дверь, но почему-то меня она тронула. «В конце концов, — подумала я, — она тоже потеряла Оливию. Она только еще этого не знает».

— Послушай, Шер… — «Шер-бэр», сказала бы Оливия, но у меня язык не повернулся. Я посмотрела ей в лицо. — Я любила… люблю эту квартиру. Ты ведь знаешь это. Врачи говорят, что мне нужно сюда вернуться, и чем скорее я это сделаю, тем скорее дела будут…

«Какими? — Я лихорадочно искала нужное слово. — Нормальными? Прежними? Лучшими?»

— Я понимаю, о чем ты говоришь, дорогая, — прервала она меня, качая головой. — Но я тревожусь, что ты останешься здесь одна.

— Не тревожься обо мне. Совсем не тревожься.

— Ну позволь мне по крайней мере вместе с тобой обойти квартиру, — попросила она и, заметив мое колебание, негодующе вспыхнула. — Только на этот раз, ради бога. Я уйду, как только мы тебя устроим, обещаю. Позволь мне показать тебе, что я здесь

сделала.

По правде говоря, я была благодарна ей за общество. Оливию могло привязывать к этой квартире множество приятных воспоминаний, но у меня их было немного, а самое последнее было практически непрекращающимся. Мы переходили из комнаты в комнату, Шер непрерывно болтала; этот жизнерадостный гул только усиливал нереальность аккуратной квартиры. День яркий, январское солнце струится сквозь широкие окна, и ничего не напоминает о черной буре, от которой я бежала несколько недель назад. Все чисто, проветрено; куда ни повернись, свежие цветы в хрустальных вазах.

Шер рассказала, что после того как ушла полиция и доработали ремонтники и уборщики, она пришла и добавила несколько штришков, которые, как она знает, мне нравятся. Ирисы в вазе у входа. Свечи в толстых подсвечниках — на столе в столовой. Анютины глазки — в гостиной. Я не представляла, что Оливия все это любила. Шер даже вменила телефон, который разбился в ночь нападения Батча. Новый был украшен кристаллами Сваровски[34] — кроваво-красные губы на сверкающем бриллиантовом фоне. Шер сообщила, что уже запрограммировала телефон на номера «моих» многочисленных знакомых, поставщиков и любовников.

Я немедленно выключила телефон, бросила его на шарф из шенили и почувствовала, как меня все сильней охватывает паника. Неудивительно, что Шер все время посматривает на меня, словно не узнает. Неудивительно, что Ксавье согласился на то, чтобы она отвезла меня домой: он неловко себя чувствовал во время длительных периодов молчания. Раньше с Оливией такого никогда не случалось.

«Я даже не знаю, какие цветы она любила, — в отчаянии подумала я. — Откуда мне знать, что она может сказать или сделать? Что она ела? Кому звонила?» Меня словно чем-то тупым ударили в грудь: я поняла, что в сущности не знала свою сестру.

И тут я заметила пакет. Он по-прежнему лежал на углу столика, где его оставила Оливия, и, по-видимому, до этого момента все о нем забыли. Я взяла его, прижала к груди и плотно зажмурила глаза. Мой подарок на день рождения. Последнее, что дала мне Оливия.

— Я не знала, что ты хотела с этим сделать. — Голос Шер заставил меня вздрогнуть. Я повернулась и увидела, что она нервно сжимает руки и настороженно смотрит на меня. — Мне казалось неправильным распечатывать его или выбрасывать. — Шер колебалась. — Я правильно поступила, оставив его?

Ее неуверенность, такая же хрупкая и милая, как все

любимые вещи Оливии, вот что меня сломило. Я кивнула, не в силах говорить: слезы подступили к самому горлу. Мне казалось, что их у меня вообще не осталось. Лицо мое сморщилось.

— Не знаю, смогу ли я это сделать, — выдавила я из себя, тяжело садясь. — И не знаю как.

— Конечно, сможешь. — Шер бросилась ко мне, излучая заботу и аромат. У нее наконец появилась возможность оказаться чем-то полезной. — И я тебе помогу. Ты вернешь себе эту квартиру, которую так любишь, и сотрешь все дурные воспоминания. Наполнишь ее хорошими, новыми. Джо хотела бы этого.

Я задумалась над ее словами. Хотела бы я этого? Чего Оливия хотела от жизни? Забыть обо всем злом, чтобы оно никогда не касалось ее за этими стенами?

— Да, — всхлипнула я и взглянула на подарок, в руке. — Да, она бы этого хотела.

— Конечно, — подхватила Шер. — Я помню, как первый раз увидела Джоанну. Она вытолкала нас из своей спальни и никогда больше в нее не впускала. Помнишь? Она никогда не оглядывалась назад, Джо Арчер.

— Ты тогда обругала ее кровать с четырьмя столбиками. — Я встала и тыльной стороной ладони вытерла слезы. — И показывала французский поцелуй на изголовье.

— Ну, нужно же было ей показать. До появления Бена она была совершенно бесполезной, когда речь шла о мальчиках.

Она была права, но это рассердило меня и помогло подавить слезы. Я положила пакет и посмотрела в окно, на миниатюрных пешеходов и машины. Мне хотелось протянуть руку вниз, взять одну из этих фигурок и поставить на другое место. Хотелось навсегда поменять чью-нибудь судьбу. Я чувствовала себя злой и ничтожной, и мне не нужно было гадать, какая моя сторона — Свет или Тень — сейчас говорит. Я закрыла глаза.

— Ты ее никогда не любила, — сказала я, не отдавая себе отчета, что произношу мысли вслух.

— О, — негромко откликнулась Шер, тоже подойдя к окну. — Так вот почему все?

— Что все?

— То, как ты себя ведешь. Как постоянно ставишь между нами Джоанну. Она, как призрак, всегда стоит возле тебя. Словно еще жива.

«Если бы ты только знала», — подумала я, отвернувшись.

— Не понимаю, о чем ты.

— Думаю, понимаешь, — ответила она очень тихо. Взгляд ее был жестко нацелен на меня, и мне от этого стало неловко. — Я

не ожидаю, что ты справишься с этим за минуту, но ты цепляешься за Джо так, словно она единственный, кого ты потеряла. И хотя она всегда была для тебя опорой, она не была совершенством.

— Я никогда этого не говорила.

Черт возьми.

Шер мигнула, потом еще раз.

— Му, она не сахар, и ты тоже. Но ты по крайней мере не делала вида, что тебя ничего не трогает. И никогда не тронет.

Я стиснула зубы.

— Джо тоже этого не делала.

— Еще как делала, — заявила Шер, удивив меня. — Она была словно часы, которые упали в тот день, когда на нее напали. Внешне нормальная, но внутри больше не работает.

Я так быстро и глубоко вдохнула, словно меня ударили.

— Сука!

Подбородок Шер, заостренный и совершенный, взлетел вверх. Я подумала, не практиковали ли они с Оливией такой взгляд, вместе глядя в зеркало.

— Я не стану обращать внимание на это замечание, потому что понимаю, какую серьезную душевную травму ты получила, но мне нужно, чтобы ты начала действовать. Не переставай ходить. Найти причину, повод, чтобы вставать по утрам. Разве ты не помнишь, как это хорошо? Иметь цель? У тебя была работа на компьютере и полугодовые распродажи в «Саксе», носейчас тебя ничего не трогает. И хочешь знать почему?

— Не хочу.

Она все равно сказала.

— Потому что ты считаешь себя ничем. Считаешь себя виновной в том, что она умерла, а ты нет.

— Это неправда! Мне не в чем себя винить. Я пыталась спасти ее! — воскликнула я, не зная, говорю ли от себя или как Оливия. — Пыталась, но не смогла!

— Поэтому перестань мучить себя за это! — Она вынудила меня посмотреть на нее. — Ты как будто сама умерла в тот день, вместе с Джоанной, которая так и не научилась снова жить…

Я ахнула.

— … после того нападения. — Шер отступила, как будто поняла, что только что сказала. Качая головой, она все-таки закончила: — Мне жаль, милая, но я должна была сделать это. Мы поклялись всегда быть честными друг с другом.

— Честность не означает необходимость причинять боль, — ответила я и тут же поняла, что иногда означает.

— Она означает правдивость, как ты хотела быть правдивой с

Джо. Ты слишком боялась, что она будет осуждать тебя, или вообще не станет с тобой общаться, или сделает то же, что она делала со всем остальным миром.

— Она никогда так со мной не поступала!

Неужели я действительно могла? А если бы Оливия вынудила меня? Если бы попыталась сделать меня более открытой и уязвимой… как она сама? И как Шер?

— Откуда ты знаешь? А теперь уже слишком поздно, теперь, когда тебе так больно, ты считаешь…

— Ты что, психоаналитик?

— … считаешь, что она была права, — продолжала Шер, не обращая внимания на мои слова. — Гораздо проще закрыться от всего и от всех. Ничего не чувствовать.

— Я лежала в больнице, если ты заметила!

— … Ты становишься похожа на нее. Пустой оболочкой. Разбитыми часами. Очень скоро ты превратишься в еще одного призрака, обременяющего мир своим пустым присутствием.

Слишком близко. Слишком близко к тому, что я ощущаю. Слишком близко к тому, во что я верила.

— Уходи, — процедила я сквозь стиснутые зубы. — Уходи из моей квартиры.

Она горько улыбнулась, как будто я подтвердила ее слова.

— Хорошо, Ливви-девочка. Я дам тебе время подумать, если хочешь, но не жалею, что высказалась. И есть еще кое-что…

Я нетерпеливо вздохнула.

— Нет, не отворачивайся. Хочу, чтобы между нами была ясность. Твоя сестра не любила меня, не уважала и плохо со мной обращалась. Я хочу помочь тебе, Лив, но я не… — Она поджала губы, пытаясь взять себя в руки. — … я не боксерская груша.

Я думала, она замолчит, но нет. Она глубоко вдохнула в закончила то, что начала.

— Если ты будешь продолжать сравнивать мена с Джоанной, тебе не понравится то, что ты увидишь. Это только я, такая же, как всегда. И не собираюсь меняться. Даже ради тебя.

— Что ты знаешь о переменах? — спросила я низким хриплым голосом. — Что ты можешь изменить в себе, Шер? Цвет лака на ногтях? Цвет волос? Гардероб?

Она побледнела.

— Что ж, поздравляю. — Она с трудом глотнула. — Похоже, одна из нас стала Джоанной.

Она развернулась и в облаке цвета, аромата и негодования направилась к двери.

Я закрыла глаза и так стиснула челюсти, что заболели зубы.

— Не понимаю, чего ты от меня хочешь! Чего все хотят от

меня. Я видела, как умерла моя сестра, Шер! Я сама почти умерла!

— Ну, все мы умрем, дорогая. А до того времени… — Шер распахнула дверь и жестко посмотрела на меня через плечо, — … тебе стоит научиться жить.

И дверь за ней захлопнулась.

Сука.

Хотя стоило Шер выйти, как я тут же захотела вернуть ее. Меня окружило одиночество, оно молча окутало мое тело, тело Оливии. Я повернулась в одну сторону, в другую. Я принюхивалась, пока не расслабилась. В квартире никого и ничего нет. Точно как я и хотела. Верно?

— Параноик, — сказала я, нацеливаясь на спальню. Это единственная комната, в которой мы не побывали с Шер. Натыкаясь на стены, я направилась туда. — Надо с этим покончить.

В спальне полутемно, и это приятно, здесь тоже цветы и одно из тех ползучих растений, которые даже я не смогла уничтожить. Теперь я вспомнила, что Оливия дарила мне такое же, и подумала, не от одного ли они корня. И живо ли еще то, что осталось среди вещей, когда-то принадлежавших мне?

Ковер новый. Берберский, светло-кремовый. По нему мягко ступать. Я подошла к кровати и заглянула под нее. Никакого пыльного кролика, тем более ятагана или отрубленной руки. Простыни тоже новые, я знаю это по запаху, и замазка, которая держит недавно вставленные стекла, едва успела потерять свой острый запах. Вероятно, мне должно быть неловко в комнате, где я видела насилие и смерть. В комнате, где я потеряла гораздо большее. Но все здесь было слишком аккуратное, слишком розовое и слишком благожелательное.

Я уже собиралась выйти, как заметила слегка приоткрытую дверцу шкафа. Ничего странного… если не считать того, что все остальное в абсолютном порядке. Я нахмурилась, сделала шаг, другой и поняла, что сердце бьется впятеро быстрей. Хорошо бы иметь мое оружие, любое оружие. Но эту мысль я постаралась отбросить. «Глупо», — подумала я, протягивая руку к ручке двери. Всего лишь пустой шкаф.

Как только я открыла дверь, она прыгнула на меня. Послышалось ворчание — ее? мое? — и комок белой шерсти через открытую дверь метнулся в гостиную. Выругавшись, я поднесла руку к щеке. Луна, мой новый товарищ по квартире.

— Скорее лунатик, — вздохнула я, прислонившись к дверце. — Мне нужно выпить.

На кухне я достала водку — я знала, где она обычно стоит, —

налила, не разбавляя, добавила лед. Прислонившись к бару, я закрыла глаза и отпила немного, но мысленно все время видела лежащий на кофейном подносе пакет с подарком. Я боролась у гранитной стойки с желанием немедленно пойти туда. Я и хотела распечатать подарок, и не хотела. Узнать, что приготовила для меня Оливия, и не знать этого. Если я распечатаю пакет, то не только увижу, что внутри, но и застолблю свое настоящее. «Больше никаких глупых сюрпризов в будущем, — подумала я, снова делая глоток. — Больше никакого настоящего времени. Только мертвая Оливия в прошлом».

Я палила еще один стакан, до края. Одно ясно: что бы я ни сделала, я не сделаю это трезвой.

Вернувшись в гостиную, я сбросила туфли — первый непорядок в безупречной квартире сестры — и задумалась, поступала ли она так же. У меня нет возможности узнать это.

Набрав полный рот водки, чтобы онемели язык, небо и десны, я посмотрела на пакет. Краем глаза я видела Луну, прижавшуюся за диваном. Она словно пыталась кого-то поймать. Я села на столик со стеклянным верхом — лед в моем стакане задребезжал — и потянулась к пакету.

Тонкая дорогая обертка, девичий бантик, под ним надежно закреплена карточка. Я не стала разрывать обертку, как сделала бы обычно, но потянула за ленточку, пока та не развязалась, развернула и отложила бумагу. Карточку тоже отложила в сторону, чтобы изучить позже. Внутри была аккуратная белая коробка. «Почему, — подумала я, делая еще один глоток,… я начала замечать самые незначительные подробности?» Луна сидела прямо напротив меня, смотрела на меня золотыми глазами не мигая, очевидно, удивляясь тому же. Я подняла крышку, порылась в упаковочной бумаге, пока не достала первый предмет.

Снимок недавний — последний, на котором мы вместе. Это было на открытии нового ресторана в «Валгалле», я помню, как была раздражена из-за того, что отец приказал нам присутствовать; он настоял, чтобы мы с Оливией сфотографировались вместе с несколькими валькириями в рогатых шлемах. Я и так чувствовала себя глупо, одетая в дорогой черный шелк. И не хотела, чтобы ко мне прижималась модель с длинным мечом.

— Пожалуйста, Джо, — умоляла она, надутые губки на месте, ресницы дрожат. — Ты выглядишь так прекрасно… на этот раз.

Оливия знала, как сопроводить комплимент легким оскорблением, чтобы я не поверила в него полностью. Нет, я не поверила. Не смогла бы поверить. Я снова хлебнула.

Забавно, впрочем, но она была права. Я действительно хорошо выглядела. Возможно, просто соскучилась по своему прежнему лицу. Волосы гладкие, темные, аккуратно убранные за уши, а на губах неохотная улыбка, яркая и какая-то понимающая. Это заставило меня с сухим смешком опустить фото на колени.

Ничего я тогда не знала. в» Второй подарок был одновременно меньше и больше — Этого последнего остановленного мгновения. Это был продетой диск. Оливия, наверно, часами заполняла его на своем любимом компьютере. И это не музыка, которую я бы просто с удовольствием слушала. Оливия ни за что не подарила бы мне что-нибудь такое обыкновенное.

— Я должна это смотреть? — Я закрыла глаза. Однако я решилась, предварительно палив водки в стакан. Луна сидела рядом. Экран телевизора счал светлым, ярким, и на нем неожиданно появилась Оливия. Она гладила кошку, проводя прекрасно наманикюренными пальцами по вискам, за ушами и по кошачьему лбу в ожидании, пока заработает запись. Она с опозданием поняла, что запись уже ведется. Я рассмеялась, увидев выражение ее лица: удивление, радость и раздражение в одно и то же время, но вместо того чтобы перемотать и начать сначала, она просто пожала плечами по своему обыкновению и оставила все как есть.

— Привет, сестренка! Убери с лица мрачное выражение. Это замечательная мысль, и мне не терпится, чтобы ты побыстрей увидела, как я все здорово придумала. Я настоящая звезда! — Она рассмеялась, отхлебнула мартини из широкого бокала, и я повторила это движение со своим напитком. — Я решила, что отныне мы будем так делать каждый год. Так мы отпразднуем прошедший год и будем поджидать следующий. Для себя я так делаю уже несколько лет, что-то вроде видеодневника, и это замечательный способ отмечать, где ты и кто ты, правда?

Она наклонила голову, словно ждала ответа. Потом, погрозив пальцем в камеру, сказала:

— Нет, это не означает, что ты должна записать такой диск для меня. Я и так знаю, что ты не будешь. Я сделаю это за нас обеих, а лет через пятьдесят мы устроим ночевку вместе и все просмотрим! Как тебе это?

— Так же забавно, как дыра в зубе, — . заявила я, но несерьезно. На самом деле идея была великолепная,

— О, заткнись. — Оливия улыбнулась, в глазах ее было понимающее выражение. Я улыбнулась ей в ответ, и на мгновение мне показалось, что между нами действительно есть связь: она видит меня и отвечает в реальном времени. Я открыла рот, чтобы

произнести что-нибудь, что угодно, лишь бы продлить это мгновение. Но оно уже миновало.

— А теперь, без дальнейших предисловий, вот… — Она довольно неудачно изобразила барабанную дробь, заслужив только ворчание Луны. — Первая четверть столетия нашей жизни.

Это действительно был своеобразный видеодневник. На самом деле… просто фото, слайды под музыку, начиная с моего младенчества и на всем протяжении двадцати пяти лег. Они казались трогательными, потому что их отбирала Оливия, и я почувствовала, что история меня захватывает. История моей жизни. Коллаж из картинок, приготовленный для празднования.

И я поняла, что имела в виду Шер. На одном фото — одно мгновение — мы с Беном хохочем, я прислонилась к дубу в парке Лоренци, тени игриво бегают по нашим юным лицам, и Бен обнимает меня за талию. А в следующее мгновение часы, о которых она говорила, остановились. Я, одна. Пустая оболочка, улыбающаяся, потому что так полагается, смотрящая прямо в объектив. Я даже не помнила, когда был сделан этот снимок,

— Боже! — выдохнула я.

Но вот Оливия снова на экране. Освещение в комнате другое, значит, прошло какое-то время, и Луны рядом с нею нет. Оливия наклонилась вперед, взгляд у нее внимательный, пристальный. На этот раз она точно поймала момент, когда

Зажегся красный огонек и началась запись. Передо мной были ее глаза.

— Ты, конечно, все это ненавидишь, но потерпи еще минутку, потому что… — Она посмотрела в сторону, как будто выглядывала в окно, потом снова на меня. — Я просто чувствую, что должна сказать тебе это. Как будто завтра почему-то будет слишком поздно, а я не хочу испытывать сожаления.

У меня перехватило дыхание. «Боже, — подумала я, — и все ее считали из нас более глупой?»

— Знай, что я очень тебя люблю. Я восхищаюсь тобой и хотела быть больше похожей на тебя, но… — Она рассмеялась легким хрупким смехом, показывая на себя узкой наманмкюренной ладонью. — Ты только взгляни на меня.

— Не надо, — попросила с опозданием, опускаясь на колени перед телевизором. Я смотрела на ее лицо на экране. — Такая, как ты есть, ты лучше всех.

— Тем не менее, — продолжала она, не замечая моих слез, — у нас у всех есть свои таланты. И мой — в том, чтобы соединять нас. Тебя и меня: Я знаю, ты многому не доверяешь в жизни: и людям, и предметам, но мне можешь верить. G днем рождения, сестра.

Она рассмеялась со слезами на глазах и послала мне воздушный поцелуй.

Экран потемнел, я опустила голову на руки и задрожала. Из горла у меня вырвался звук, похожий на крик маленького животного. Он перешел в пронзительный вопль, как будто железом по стеклу. Я вздрогнула от прикосновения шерсти к ногам и, опустив глаза, увидела, что Луна смотрит на меня, задрав хвост; всем своим гибким светлым телом она прижималась ко мне.

— Тебе ее тоже не хватает? — Я почесала ее за ушами, как делала Оливия, и она пала перед этим. Буквально. Плюхнулась на пол, и все ее тело задрожало в предвкушении. «Какая забавная картина — мы с ней, — подумала я. — Пьяная женщина и кошка».

И тут другой голос — его — заполнил комнату. Мы е Луной ужаснулись, и одна из нас зашипела. Не уверена, что это была кошка. Я развернулась, но поняла, где он, только когда мой взгляд упал на экран.

— Проклятый ублюдок!

Из телевизора на меня уставилось вытянутое лицо Аякса.

— Эта штука включена? — спросил он с насмешливым выражением. Он наклонился вперед, постучал по объективу — так что костяшки пальцев появились на экране, — и рассмеялся. — Ну, неважно. Я на самом деле не думаю, что ты это увидишь, Джоанна, потому что знаю: они все устроят — и ты никогда больше не встретишься с сестрой, но на всякий случай… если ты настолько глупа, что останешься поблизости, в моем городе, живой, я решил послать тебе свои поздравления с днем рождения. Дать тебе кое-что такое, что ты могла бы запомнить.

Он послал мне воздушный поцелуй, как сделала Оливия, и я, сидя перед телевизором, ощутила запах гнилого сока кактуса, холодного пепла и еще один запах, который обернулся вокруг моей шеи, как алое ожерелье: капля крови за каждого убитого им, а таких убитых было очень много. Я подавилась. Луна, прижав уши, бросилась из комнаты, а мне пришлось закрывать рот и нос руками, так что голос мой звучал приглушенно:

— Пошел ты!

— Чтоб ты знала: и я тебя могу унюхать. — Аякс поднес руку к горлу, достал серебряную цепочку и начал играть ею. Мне хотелось пробить сжатым кулаком телевизионный экран. Вырвать эту цепочку из его пальцев и надеть на шею, где ее место.

— Ты повсюду, хотя кажется, что тебя нигде нет. Но мы оба знаем, что внешность может быть обманчивой. — Он глубоко вдохнул: гурман, оценивающий качество вина. — Да, ты была в квартире сестры, и твой запах есть и здесь, как в твоем закрытом

доме, который и домом-то трудно назвать. Я даже был в школе, где ты, должно быть, тренировалась годами. Все это место пронизано твоим потом, твоей кровью и яростью, словно пятнами на гнилом абрикосе, весь золотой сок которого заплесневел. — Он слегка содрогнулся, потом поднес цепочку ко рту, погладил губами, потер о зубы, лизнул.

Я опустила руки: комната начала очищаться от его зловония.

— Знаешь, — продолжал Аякс разговорным тоном, — я даже на похоронах ощущал твой запах. — Он покачал головой. — Нет, не тебя опустили в землю, верно? Но твой запах был на бедном парне, который поверил в твою смерть. Ты ведь его знаешь? — Ом снова помолчал, наклонив голову. — Он коп.

Я вскочила, схватив руками телевизор с обеих сторон от экрана. Лицо мое оказалось в нескольких дюймах от лица Аякса. Он снисходительно улыбнулся и скрестил ноги. Жест мог показаться женственным, если бы не был таким чертовски рассчитанным.

— Я знаю, для тебя все это внове, дорогая, поэтому позволь преподать тебе небольшой урок. У любви очень острый запах, и когда присутствует еще один, например, горя, то запах любви действует как связующий агент, как энзим по отношению к молекулам. Запахи обрабатываются, взаимно меняются. Становятся не такими, какими были поодиночке. Я нахожу результаты этого… опьяняющими. — Он принюхался. — Можешь представить себе, как я был поражен, узнав, что Джоанна Арчер позволила себе быть любимой. Приятное открытие. Восстанавливает мою веру в женщин. — Аякс провел языком по губам, снова коснулся им цепочки и подался вперед, опустив подбородок. — Просто имей в виду. Он давно был бы мертв… если бы не одно обстоятельство. — На лице его появилось свирепое выражение. — Пока он жив, вам обоим гораздо труднее. — Тут он снова послал мне ядовитый воздушный поцелуй. — Пока, Джоанна.

К тому времени как экран потемнел, я задыхалась. Стакан был пуст, но я была абсолютно трезва. Я пыталась дышать медленно и размеренно, но на самом деле мне хотелось кого-нибудь ударить. «Этот сукин сын был здесь», — с яростью думала я. Я сразу поняла, что комната была такой же, как сейчас, вся в прикосновениях Шер, Не похожая на ту, в которой жила Оливия.

Он побывал и в моем доме. И в студии Асафа. Рядом с Беном. А я не могу их защитить, потому что мне. нельзя к ним приближаться. По крайней мере не как мне, настоящей.

Я подняла голову, уловив движение на стекле… Солнце стоит высоко, и его лучи проходят через окно, образуя ощутимый слой

между городом и мной. Однако поверх этого слоя было еще одно — изображение, более четкое. Я смотрела на отразившуюся в стекле женскую фигуру. Тело из шелковистых изгибов и сверкающие волосы, мириады шрамов и стальная спина.

— Она прекрасна, — прошептала я, глядя на себя. И в этом проблема. Я по-прежнему в зеркале вижу другого человека. Как на город за стеклом, на мой внутренний ландшафт наложен образ Оливии. Тело Оливии. Оливия повсюду.

Но это была Оливия, какой мир никогда не видел. Полные губы гневно сжаты. Глаза темные, мертвые и холодные от ненависти. Я закрыла их, глубоко вдохнула, как учил меня Майках… и освободилась от всего.

Я чувствовала, как пульсирует жизнь в окружающих меня растениях. Чувствовала свернувшуюся клубком Луну в соседней комнате, ощущала слабые запахи людей, недавно побывавших в квартире.

Аякс был здесь ровно два дня назад, в полдень. Он не потрудился скрыть свой запах. Хотел, чтобы я знала, что он приходил сюда, чтобы ненавидела и боялась.

Вместо этого я оттолкнула в сторону ненависть, страх и это знание и представила себе, как я — та женщина, которой я всегда была, — сливаюсь с мягкой плотью, отражающейся в окне. И когда комната совершенно очистилась от эмоций, я открыла глаза.

Фотография была на прежнем месте. Я посмотрела сначала на нас обеих на снимке, потом на нас — меня в теле Оливии — на оконном стекле.

— Покажи мне, — попросила я. — Покажи, как быть тобой,

Шер утверждает, что у меня нет цели. Что ж, теперь есть.

Я отправила водку в морозильник и сварила такой крепкий черный кофе, что он, словно кислота, обжег мне желудок. А потом снова просмотрела диск. И еще раз. Я изучала Оливию, изучала монтаж своей прежней жизни — со всей возможной объективностью, а покончив с этим, принялась изучать его.

Три чашечки кофе спустя, когда солнце село и «Полоса» гигантским приглашением развернулась подо мной, я снова посмотрела на женщину, наложенную на картину города. Не совсем то, что должно было быть, но теперь она другая. Конечно, не супергероиня, но Шер обрадуется. Это больше не пустая оболочка.

— Она учится жить, — сказала я, взяла свой новый телефон и включила его. И в свете городских огней мы с моей сестрой улыбнулись.

13

— У меня по-прежнему было множество вопросов о своей новой жизни, но сейчас я по крайней мере понимала, почему Уоррен. не разрешил мне встречаться с ним, пока я не усвою манеры, привычки и мыслительные процессы Оливии. Если я сама, не поверю, что я Оливия, никто в это не поверит. Поэтому, хотя Уоррен и Майках обещали дать мне ответы, я решила пока поискать их сама. За час до назначенного «свидания» с Шер, первого моего свидания, я решила провести некоторые исследования.

— И не только исследования, — понравилась я вслух. — Уяснить мифологию.

Всего за два квартала оттого салона, где нам предстояло встретиться с Шер, расположен магазин комиксов, который упоминал Майках. Я свернула на стоянку перед L-образным зданием мола, в котором находился также косметический магазин, видеосалон и самый привычный символ современных городских пейзажей — вывеска «Старбакс». Выходя из «ТТ»[35] Оливии, я принюхалась. Как только вышла из квартиры, у меня появилось ощущение, что за мной следят, но никакого необычного запаха я не ощутила. Машины по соседству принадлежали посетителям закусочной в трех дверях отсюда, поэтому я решила, что просто нервничаю, и направилась к входу в «Мастер Комикс».

— О да, — скептически пробормотала я, глядя на Аквамена[36] в натуральный рост, изображенного на витрине магазина. — Именно здесь могут найтись ответы на все тайны сверхъестественного мира.

Тем не менее я вошла.

О моем появлении возвестил звон множества колокольчиков. Я быстро осмотрела помещение, отметила, что комиксы и аниме[37] расположены на полках в алфавитном порядке, а самые ценные издания лежат под стеклянными витринами, потом заметила необычную тишину. Я взглянула на свою кожаную миниюбку и облегающие сапоги до колен — я с ужасом обнаружила, что этот наряд стоит больше платы за мой «ягуар», — и поморщилась. Казалось, это вполне консервативный наряд для утра, но сейчас я поняла, что он не совсем подходит для посещения заведения, рассчитанного на подростков.

Я бегло сравнила себя с одной из красавиц-блондинок на обложке ближайшего комикса и решила, что подхожу. Вероятно, поэтому взгляды полудюжины посетителей магазина были скорее

не похотливыми, а выжидающими. «Жаль, — подумала я, — что у меня нет с собой в кармане золотого лассо».

Я прошла к прилавку, за которым стоял единственный взрослый мужчина во всем магазине. И послала ему самую привлекательную улыбку Оливии.

— Привет.

Мужчина ничего не ответил, просто стоял, просунув кончик языка меж полных губ. Может, просто чересчур стеснительный… хотя слюна в уголке рта выглядит ненормально. Я попробовала еще раз.

— Здравствуй, землянин. Рядом со мной пропищали:

— Ты выглядишь точно как Дафна с Ксерены.

Я повернула голову, никого не увидела, потом посмотрела вниз и вздрогнула. Обросший волосами десятилетний ребенок или большой карлик. Зрелище впечатляющее.

— Прошу прощения?

— Дафна, ксеренская принцесса. Пока она спала, ее тень отправилась бороться с преступлениями во всем мире. А у тебя каблуки превращаются в кинжалы?

И он нагнулся, чтобы убедиться. Десятилетка. Определенно.

— Прости. Нет.

Он выпрямился, явно разочарованный, и я смогла разглядеть его лицо. На щеках в беспорядке пучками растут волосы, а карие глаза смотрят на меня из-под густых бровей.

— Попробую угадать. Человек-волк?

Он потер рукой широкие баки и отрицательно покачал головой.

— Гормоны роста. Дополнительное преимущество: я похож на супергероя.

Я хотела объяснить ему, что Эдди Мюнстер[38] совсем не герой, но воздержалась: он достал из-за спины когти и замахнулся на меня. Ему повезло, что я вовремя разглядела: когти пластмассовые. Еще наносекунда — и он подавился бы моей сумочкой от Диора, Я приподняла бровь.

— Круто.

Он зловеще оскалился.

Я поняла, где оказалась. Насыщенная гормонами берлога культуры ролевых игр. Подростковый предшественник «Плейбоя» и интернет-порно. Я наткнулась на полуодетую героиню на одной из обложек за кассой. Уоррен, вероятно, был бы тут в самый раз.

Снова повернувшись к человеку за прилавком и не обращая внимания на ворчание Мальчика-волка, я еще раз попыталась улыбнуться.

— Мне нужна кое-какая информация о супергероях. — Я

ощущала себя идиоткой, произнося эти слова, и это чувство только усиливалось оттого, что парень просто продолжал смотреть на меня. ноя ждала. И ждала. — Вы говорите по-английски?

— Зачем вам это знать? — наконец спросил он.

— Ну, — сказала я, ошеломленная холодностью его голоса, — вы просто мне не ответили.

Голос сбоку от меня уточнил:

— Он хочет знать, зачем тебе информация о супергероях.

Я увидела лысого молодого человека, уставившегося на меня с таким же холодным выражением лица. У него был двойник — у того на футболке было написано «Я его двойник», и стрелка указывала в направлении первого парня. Этот двойник повторил и позу, вплоть до костлявых рук, сложенных на груди. «Так уж положено двойникам», — подумала я.

Глядя на двойников, я обратилась к мужчине:

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь это магазин? Я покупаю, вы продаете. Я спрашиваю, вы отвечаете, Покупатель всегда прав… вам все это знакомо?

Мертвая тишина.

Пришлось набросить на плечи мантию «ответственного взрослого». Я приняла командную позу — как полагается при встрече с инквизицией, не достигшей половой зрелости, — и сложила руки на груди. Когда все наконец посмотрели мне в лицо, я откашлялась,

— Если действительно хотите знать, я пишу доклад. Вы когда-нибудь слышали о колледжах, парни? Если собираешься туда поступать, нужно закончить слишком много классов, а не болтаться здесь с Мальчиком-волком…

— Нет! — донеслось до меня из глубины магазина. Я уловила краем глаза голову, вынырнувшую из-за раскрытого комикса. Даже если бы на этом единственном слоге голос не дал петуха, зрелище все равно было не очень впечатляющее.

— Что нет? Не слышали о колледжах? — любезно осведомилась я.

— Нет, мы вам не расскажем о супергероях, — заявил человек за прилавком. Он явно здесь лидер.

— Как ваше имя, сэр?

— Зейн.

— Что ж, Зейн, я бы хотела поговорить с менеджером.

— Я менеджер.

Волчонок рядом со мной хихикнул.

— Тогда с владельцем.

— Я и владелец.

— Тогда продайте мне комикс.

— Нет.

Я пребывала в замешательстве. Потом, решив, что не зря же мне дано это тело, наклонилась через прилавок и многозначительно спросила еще раз. «Оливия, — подумала я, — не проделала бы этого лучше».

— Нет, — повторил он.

Если бы я была в собственной шкуре, я схватила бы его за грязные волосы и так ударила о стекло прилавка, что оно стало бы постоянной частью его лица. Но я теперь Оливия, а Оливия так никогда не поступит. К тому же мне не нравилась мысль о Волчонке, Труляля и Траляля, о том, кто пискнул из глубины магазина, и о тех, кто там еще мог таиться за стеллажами. Я вздохнула, распрямилась и решила воззвать к разуму.

К разуму взрослого, читающего комиксы.

— Но почему нет?

— Потому что ваш ограниченный ум только и может думать, что о земле! — закричал тот, из глубины, вставая со своего стула. Он покраснел и, не замечая этого, комкал в кулаке книгу. — Здесь целая вселенная, которая вам недоступна! Целый мир, в котором нет места таким, как вы!

— Себастьян!

Мальчишка упал снова на стул и закрыл лицо скомканным комиксом. Руки его дрожали.

— Он что-то принял?

Мне ответил целый хор, но мне показалось, что атмосфера становится более враждебной. Я глубоко вдохнула, представляя, как воздух проходит через все тело, через грудь, через каждую клеточку в пальцах ног. Я ощущала запах деодоранта, гормонов, запах готовности к схватке, но у меня нет оружия, а здесь нет агентов Тени и нет супергероев… если не считать Волчонка с его пластиковыми когтями.

— Себастьян слишком раним, — без необходимости пояснил Зейн. — Мы все чувствительны, когда такие, как вы, приходят разнюхивать.

«Может, он имеет в виду тех, кто после еды чистит зубы?» — подумала я, уловив запах чего-то растительного, исходящий от его зубов.

— Такие, как я?

— Такие, которые хотят изучать нас, как микробов под микроскопом…

— Скажи ей, Зейн!

— Которые считают нас социологическим микрокосмом, доступным для вскрытия и анализа, чтобы потом получить

пятерку в каком-нибудь классе для умственно отсталых, рассказывая о мифологии современного общества. Мы отвергаем ваше определение добра и зла, хорошего и плохого, отвергаем ваше представление о норме. Отвергаем вас! — закончил он, ударив пухлым кулаком по прилавку под гул одобрительных выкриков.

Я подозрительно осмотрелась. Реалити-шоу возможны сегодня в самых необычных местах.

— А теперь убирайтесь отсюда, — произнес он, тяжело дыша, — прежде чем Себастьян по-настоящему расстроится.

Я оглянулась на дрожащий комок нервов у себя за спиной.

— Хорошо. Есть ведь и другие магазины комиксов. — Я на это надеюсь. — Кто-нибудь серьезно отнесется к моей просьбе.

— В таком наряде — ни за что!

Я уже собралась уходить под насмешливые взгляды полудюжины подростков, но остановилась.

Супергерои должны терпеть такое дерьмо от смертных?

Если я не справлюсь со сворой любителей видеоприставок, то как я смогу очистить долину от двенадцати убийственных агентов Тени? Не говоря уже об их главаре, кого вообразили существующим?

Снова повернувшись к Зейну, я прижала ладони к стеклу прилавка — просто потому, что это ему не понравится, — и приблизила к нему лицу. Победные крики стихли, воцарилась настороженная, придавленная тишина.

— Послушайте, простите мое незнание пароля, или условного рукопожатия, или что там еще дает доступ в ваш лабиринт анархии, но мне нужна эта информация. На самом деле я не пишу статью. И не учусь в колледже. Видели когда-нибудь студентку, которая бы так выглядела?

Глаза его блеснули, но выражение лица не изменилось.

— Тогда зачем вам это знать?

Я громко вздохнула и поманила его к себе. Все придвинулись. Себастьян наклонился со своего стула.

— Правда в том, что я новый агент отряда Зодиака 175, отдел борьбы со злом, Лас-Вегас, и мне нужно кое-что разузнать!

Все отшатнулись, словно по приказу, но никто не произнес ни слова. У Зейна едва слюна не закапала, и я решила, что тоже стоит немного отодвинуться.

— Леди, — проговорил наконец Волчонок, почесывая свою полубороду, — почему вы сразу не сказали?

— Точно. Мы фэны Зодиака. У Тревиса есть все талоны этой серии.

Близнец, Тревис, посмотрел на меня.

— Но вашего талона у меня нет.

— Я новобранец. Я понятия не имела, что я супергерой, пока не прошла метаморфозу.

Зейн задумчиво кивнул.

— Ага… поздний урожай.

— Но очень зрелый.

Я покосилась на Волчонка, он в ответ улыбнулся.

— Покажи леди, где стоят выпуски «Зодиака», Карл, — разрешил Зейн, а мне объявил: — Я поверю вам, хотя вы, очевидно, ничего не знаете о вашей микровселенной и у вас нет идентифицирующего символа.

— Какого символа?

— Вашего глифа. Понимаете, вашей эмблемы Зодиака? Вы не помечены как агент Тени или Света.

Поэтому они все уставились мне на грудь? Я сама опустила глаза, увидела только впечатляющую ложбинку и снова взглянула на Зейна.

— Я работаю над этим. Волчонок потянул меня за руку.

— Пошли.

Он провел меня в глубину магазина, проходя по пути мимо Себастьяна. Мальчишка краем глаза следил за мной, лицо у него было возбужденное. Я подумала, что немного торазина ему бы не помешало.

— Бу! — выпалила я, и он вскочил и убежал.

— Как здесь воняет, — простонал Карл, мальчик-волк, и сдернул один ус.

Я поморщилась.

— Я думала, это ты гормоны принимаешь.

— Нет. — Он оторвал клочок бороды и отбросил. Я смотрела, как он стирает с подбородка клей.

— Отвратительно.

— Да, моя мама тоже так думает. На самом деле ты мне очень ее напоминаешь.

— Почему? Она тоже супергерой?

— Нет. — Он покачал головой. — Все время врет.

Это замечание вызвало негромкий смех у меня за спиной. Повернувшись, я увидела Зейна. Он стоял, прислонившись к стене из пестрых корешков.

— Здесь. — Карл остановился перед шкафом в самом дальнем углу магазина, открыл его и продемонстрировал обычный пестрый набор комиксов. Почесывая подбородок, он переводил взгляд с полок на меня и обратно. У меня от этого начинался зуд.

— Здесь две серии. Ты должна выбрать. Свет или Тень? Серии

располагались двумя вертикальными стопками.

Единственная разница — цвет корешка. У серии Тени корешок черный, а названия «Вызывая затмение», «Ночной дозор», «Непрозрачный покров» и «Эпитафия Афтона».

У серии Света корешок серебристый, и названия здесь «Сверкающий свод», «Убийца Теней», «Прозрачное лунное сияние» и название, которое мне больше всего понравилось, — «Зодиак: Пустыня в огне».

— Тебе, наверно, нужна сторона Тени Зодиака: ты ведь сука и все такое.

— Мне не нужна сторона Тени. — Я сердито посмотрела на него. — Посмотри на меня. Разве я похожа на… — я прочитала первый заголовок в серии Тени, — … на «Симону: плачущую убийцу»?

Карл фыркнул.

— О, конечно, снаружи ты Бритни Спирс, со своими светлыми волосами и торчащими… Я прищурилась.

— … но внешность скрывает твою подлинную сущность. Тебя выдают глаза. Они темные… не по цвету, — торопливо продолжил он, боясь, что я прерву его, — но по состоянию души. По намерениям.

Я наклонилась, так что мое лицо оказалось б нескольких дюймах от его.

— Послушай, ты, маленький вуки,[39] я не злодей, понятно? Просто у меня был очень тяжелый месяц.

Я распрямилась и протянулась к стопке Света.

— Стой! — Карл схватил меня за руку.

— Что? — Я отбросила его руку. Малыш начинал меня раздражать.

— Если коснешься книги и ты не агент Света, то получишь самый большой шок в жизни. Буквально! Я видел такое раньше. Это ужасно! — Он погрозил мне пальцем, наморщив бровь. — Такая девушка, как ты, не может ходить с ожогами, если ты понимаешь, о чем я.

Я не обратила внимания на его намек и оглянулась на Зейна, который, прислонившись к стене, листал «Человека-паука», но внимательно слушал, и рот его дергался. Он поймал мой взгляд и кивнул, подтверждая.

Я снова повернулась к мальчишке.

— Значит, агент Тени не может листать комиксы Света и наоборот?

— Верно, блондинка. Это препятствует скрещиванию сторон.

— Если я агент Света и коснусь этого, — я показала на комикс Тени, — меня оглушит?

— С тобой этого не будет, — убежденно заявил он, скрестив руки на худенькой груди.

Я тоже так считала, но моя уверенность не имела никакого отношения к тому, какой серии я коснусь. Я протянула руку к стопке Тени, задержала ее на мгновение, услышав, как участилось дыхание мальчишки, и выдернула выпуск. Ничего.

— Я тебе говорил! — Он подпрыгнул. Я схватила еще один выпуск, и еще один, все из стопки Тени. Я бросала их на пол, а Волчонок продолжал прыгать возле меня: — Я говорил, что она злая? Видите?

— Вижу, — спокойно ответил Зейн.

«Это ничего не значит», — сказала я себе и повторила вслух:

— Это ничего не значит.

Зейн пожал плечами и уткнулся в свой комикс.

— Это значит, что ты проклятая злодейка. — Волчонок размахивал пальцем в воздухе. — Ты агент Тени, несущий смерть и разрушения!

Он продолжал кричать, а я снова стала подбирать книги. И тут он неожиданно замолчал, широко раскрыв рот. Я сняла последний комикс серии Света с нижней полки, распрямилась и улыбнулась ему.

— Ты не можешь так делать, — запинаясь, вымолвил он. — Зейн, что происходит?

— Не так-то ты хорошо знаешь серию «Зодиак», как дугмал, — ответила я, поворачиваясь и подмигивая Зейпу. — Комиксы тебя оглушили.

Но Зейн смертельно побледнел, и комикс, который он листал, упал на пол. Он посмотрел на пачку комиксов у меня в руках, потом снова мне в лицо.

— Свет и Тень, — негромко сказал он наконец. — Значит, это ты.

Я сделала шаг назад, не вполне понимая, о чем он говорит, но ответила то, что мне подсказывала моя суть. Во что я верила.

— Да, это я.

Что бы это ни означало.

Сбросив груду комиксов в багажник, я решила пройти пешком два квартала до салона красоты, несмотря на свои сапоги от Кристиана Лаботена[40] на трехдюймовых шпильках.

После клаустрофобии «Мастера Комикса» мне был необходим воздух, хотя получила я только смог, шагая по тротуару, вдоль которого на скорости в сорок пять миль проносились машины. Я по-прежнему не могла отделаться от впечатления, что за мной следят, но вскоре поняла, что это связано не с моей сверхъестественной деятельностью, а с моим костюмом. Я

терпеливо не обращала внимания на свист и гудки, адресованные мне, в том числе от группы школьников, которые вслух обменивались мнениями по поводу отдельных частей моего тела. Я только думала, как, Оливия выносила это.

К несчастью, возгласы подростков привлекли внимание группы рабочих, чинивших тротуар передо мной. Они прекратили работу и смотрели, как я подхожу,

«Черт! — про себя выругалась я. — Только не сегодня».

Один из рабочих свистнул: я как раз остановилась, пережидая движение на улице. Можно было перейти за огромной спортивной машиной. Эти парни уже дважды проезжали мимо меня. На этот раз один из них высунулся в окно и стал делать пальцами и языком похотливые жесты. Это, в свою очередь, подбодрило рабочих на тротуаре. По-прежнему игнорируя их единственная защита одинокой женщины, которой противостоит свора, — я ступила на мостовую.

— Вы только взгляните, парни! Я продолжала идти.

— Ни за что не пропустите, mijos.[41] Сладкая, как спелый персик.

Почти дошла. Я стиснула зубы.

— Бьюсь об заклад, она может отсосать целый прицеп.

Эта фраза и последовавший хохот заставили меня остановиться. В кровь хлынул адреналин, волны цунами прокатились в моей душе, мир побагровел. Ко мне приближались машины, я могла поставить ногу на противоположный тротуар и продолжить свой путь, однако я не шевельнулась. Не могла. Не хотела.

Повернувшись к ухмыляющимся мужчинам, я увидела, что они пытаются скрыть свои усмешки. Не обращая внимания на гудки машин — теперь в них звучало не восхищение, а раздражение, — я двинулась назад, туда, откуда пришла.

— Вы только взгляните, парни, — холодно произнесла я. Проходящие машины поднимали ветер, и мои волосы кольцами вились вокруг лица. Стуча каблуками по тротуару, я подходила к шутникам.

— Ни за что не пропустите, mijos, — добавила я.

Парни что-то заметили в моем лице, отчего сразу перестали смеяться. Вероятно, глаза, о которых мне рассказал Карл, открыли что-то скрывающееся за внешностью Оливии.

— Бьюсь об заклад, она может отсосать целый прицеп. — Я остановилась перед мужчиной, сказавшим это.

Он моего роста, неплохо сложен. Он переминался с ноги на ногу, и я ответила на его неуверенную улыбку своей, жесткой. Й шагнула вперед — в его пространство, непосредственно в его

вселенную. Глядя прямо ему в глаза, я провела рукой по его груди, по животу и сунула руку в карман. Двое остальных начали неуверенно и смущенно смеяться. Я продолжала улыбаться, хотя мужчина тяжело задышал. Влажный цемент прилип к его пальцам, и я уловила запах завтрака в «Макдональдсе», где он побывал утром, запах его мыла, которым он пользовался в душе, и запах эмоций, проникавший сквозь поры его кожи. Я вынула из его кармана бумажник и стала просматривать его содержимое.

— Эй! — Он встряхнулся, словно просыпаясь.

— Это она? — спросила я, доставая из бумажника снимок брюнетки. — Красивая. — Я вынула фото из пластиковой рамки. Карен, а его зовут Марк. Это я увидела в его правах. Снова взглянула ему в лицо и жестоко улыбнулась. — Жаль, но ты насчет нее прав, Марк.

— О чем ты? — На этот раз он не смеялся.

— Ты знаешь, о чем я, — ласково ответила я, наклоняясь к нему. — Те вечера, когда она возвращается домой позже, чем ты. Когда у нее слишком свежая помада, слишком темные глаза, и пахнет от нее чужим мылом.

Остальные двое тоже перестали смеяться.

— На самом деле, если подумать, mijo, — сказала я, глядя на одного из них, — она пахнет твоим мылом.

Марк застыл, а глаза второго широко раскрылись.

— Что? — осведомилась я, копируя его выражение. — Ты действительно считал, что он не знает?

Я закрыла бумажник и протянула его Марку, но он этого не видел. Смотрел на своего друга, который, в свою очередь, смотрел на меня.

— Не понимаю, о чем ты, puta,[42] — вымолвил наконец второй. В глазах его теперь была ненависть. Кто-то должен был рассказать ему пословицу о воре, на котором горит шапка.

— Вот. — Я постучала по руке Марка его бумажником, он вздрогнул и взял его, не глядя на меня.

И тут я заметила, что у него дрожат руки.

Неожиданно меня охватила волна сожаления. Шок прокатился как землетрясение, и исходил он от мужчины по имени Марк, который искренне любил свою жену Карем; да, в глубине души он знал, что у нее связь с его другом. Что я наделала?

Внешность скрывает твою подлинную сущность. Тебя выдают глаза. Они темные… не по цвету, но по состоянию души. По намерениям.

Оливия никогда бы так не сделала. Я вернулась к этим людям, чтобы причинить им боль и использовала свои

способности, которые, как говорил Майках, делают меня особенной и героической, использовала, чтобы причинить вред невинному. Смертному. Мужчине.

Гнев мой рассеялся. Он был ничтожен по сравнению с охватившим меня стыдом, от которого у меня перехватило дыхание. Мне нужно уходить отсюда подальше, от Марка с его полным боли взглядом, уходить от того, что я наделала. Двое заспорили, а я повернулась, проходя мимо третьего.

— Сука, — негромко бросил он мне вслед. (Кто я такая, чтобы возражать.) — Ты на многое способна.

— Ты и понятия не имеешь, насколько, — прошептала я и с этим миновала зону ремонта и застучала каблуками по тротуару. Я знала, что мои сапоги и жизни тех, кого я оставила позади, никогда не будут прежними.

14

Остальной путь до салона я прошла торопливо, и мне казалось, что я слышу за собой крики обвинений и гнева. Будут ли эти трое когда-нибудь работать вместе? Будут ли окликать девушек на улице? Сомневаюсь. Но почему-то мне это не доставило удовольствия.

Свет и Тень. Значит, это ты.

— Что я сделала? — вслух спросила я.

Еще один вопрос, на который у меня нет ответа.

— Неважно, дорогая, — словно ниоткуда возник голос Шер. — Вопрос в том, что сделала я?

Остановившись, я осмотрела улицу. Шер нет. Ее корвет припаркован на противоположной стоянке, а перед салоном стоит только одна машина — сверкающий красный БМВ.

Я обошла автомобиль и увидела Шер, прячущуюся за дверцей водителя.

— Ты ударила машину, — отметила я очевидное. — Опять.

В своей страховой компании Шер должна пользоваться большой известностью.

— Всего лишь небольшая царапина, — сказала она, копошась в сумочке. — Ты последи, а я поправлю.

Она достала флакон красного лака для ногтей и принялась закрашивать дверцу.

— Шер, это преступление. Нужно о нем сообщить.

— Нет, не преступление, пока тебя не поймали. — Она подула на лак и наклонила голову. — Думаю, еще один слой.

Меня поразила абсурдность ситуации, так резко контрастирующая с тем, что происходило несколько мгновений назад, и смех — должна признать, несколько истерический, — начал вскипать во мне. Здесь нет жестокости, нет злобы, не действуют законы альтернативной вселенной. Это только Шер, Ни Тень, ни Свет. Просто ближайшая подруга моей сестры в ослепительных оттенках фуксии.

— Ты пропустила одно место, — хихикнула я.

— Спасибо, Ливви-девочка.

Я еще улыбалась, когда вдруг обратила на него внимание. И удивленно ахнула. Он стоял на тротуаре совершенно неподвижно. «Теперь, — подумала я, переставая улыбаться, — я знаю, кто за мной следил».

— Послушай, Шер, — произнесла я негромко. — Я сейчас вернусь.

Она повернула голову. Барби-Килрой.

— Кто это?

— Коп.

Шер пискнула и присела.

Потребовалась бесконечность и всего несколько секунд, чтобы добраться до Нема.

Так много нужно обсудить, но никакие слова не могут подойти. Поэтому я сказала самое простое и естественное, что пришло в голову.

— Боже, Бен. Ты ужасно выглядишь.

Его полуулыбка была напряженной, как будто он очень давно ею не пользовался.

— А ты выглядишь прекрасно. Как обычно.

Он всегда был угловат, даже мальчиком, но теперь в его лице было больше печали, чем жесткости, и склонность к размышлениям и мечтательности слишком ясно просвечивала в глазах. От жалости я едва не задохнулась.

— Я понимаю, что ты под прикрытием, но неужели тебе позволяют так работать?

Он пожал плечами.

— Я как бы в отпуске.

— Надолго?

— Нет. Просто чтобы привести голову в порядок. — Он сунул руки в карманы и переступил с ноги на ногу. — А как ты, Оливия?

Оливия. Будь Оливией. Я глубоко вдохнула.

— Ну… не совсем в своей тарелке, по правде говоря.

— Я знаю, что это такое, — Он провел ладонью по шее. — Сожалею о твоей потере.

Я хотела сказать, что это и его потеря, но слова застряли в горле.

— Давно ты следишь за мной?

— Только сегодня. Ну, вчера тоже. Мне почему-то казалось, что ты нуждаешься в защите, но, вероятно, это просто мое чувство вины. — Он рассмеялся, но горько, а не весело. — Я собирался помочь тебе с этими парнями, но ты как будто сама справилась. Тебе, должно быть, постоянно приходится отбиваться.

Да, я о них позаботилась. Я посмотрела на свою обувь, кусочки цемента прилипли к яркой красной коже, и почувствовала, как оживает мое собственное сознание вины. — Тебе что-нибудь нужно, Бен?

— Я… да, пожалуй. — Он пошарил во внутреннем кармане куртки. — Что ты можешь рассказать об этом снимке?

Я поняла, что он собирается мне показать, еще до того, как он достал фото. Снимок со вспышкой, должно быть, сделан в ют

вечер, когда Аякс напал на меня в «Валгалле». Я узнала костюм, мешком висящий на его теле. Это я ранила его в плечо: сейчас у него на шее повязка. Дьявол, я через фото чувствую его зловоние.

Я с трудом глотнула и вернула снимок.

— Ужасное освещение. Но по крайней мере у него не лежит подбородок на кулаке. Терпеть не могу такую позу.

— Это полицейская съемка со вспышкой, — сказал Бен сквозь стиснутые зубы. — Ты никогда раньше не встречала этого парня? Уверена, что не знаешь его?

— О боже! — воскликнула я в притворной тревоге. — Неужели это парень из реалити-шоу о свиданиях вслепую.

Все-таки я не должна была давать им свой номер.

— Неважно, — буркнул он, и я практически увидела, как он гаснет. После долгого молчания он произнес: — Сейчас это, вероятно, не имеет значения, но как насчет того вечера? Ты что-нибудь помнишь… что угодно?

— Я… м-м-м… я все еще пытаюсь с этим справиться. — Я отвернулась, словно совсем не хотела об этом говорить — и я действительно не хотела, — новсе же успела заметить, как раздраженно дернулись его губы. Бен никогда раньше так не смотрел на меня. Словно испытывает отвращение. Словно я слабая.

Потом он тяжело вздохнул… и это мне совсем не понравилось.

— Послушай, Трейна, не обижайся и не теряй терпения, ладно, — заявила я высоким от негодования голосом. — У меня случилась потеря памяти. Я многое не могу вспомнить.

— Прости, конечно. — Его лицо смягчилось. — Но если хоть что-нибудь вспомнишь о Джо, о том вечере, обо всем… позвони, хорошо?

Я кивнула — солгала молча.

— Не знаю… — начал он, потом после паузы продолжил: — Не знаю, рассказывала ли она тебе о нашем свидании и была ли у нее возможность…

Он с трудом глотнул, и я видела, как напряженно работает его горло. Горло, которое я целовала, в которое тыкалась носом неделей раньше. Я не забыла еще запах и вкус этого горла и неожиданно поняла, что он собирается мне сказать:

— Оливия, прости, что роюсь в прошлом, но я уже давно хотел…

Я покачала головой, всколыхнулась копна светлых волос.

— Бен…

— Пожалуйста, позволь мне сделать это. Я должен был сказать это Джоанне, но не решился, а сейчас… — Он замолчал, и

лицо его перекосилось.

Я кивнула, прикусила губу и приготовилась к душераздирающей речи.

— Мне жаль.

Искренне удивленная, я отступила.

— Жаль чего?

— Жаль, что оказался слишком слаб. Что не был рядом с твоей сестрой, когда она во мне нуждалась. Я причинил боль вам обеим.

Слезы заполнили мои глаза.

— Она никогда не винила тебя, Бен.

— Знаю. Я ненавижу себя за нас обоих. — Он провел рукой по волосам, отчего они встопорщились беспорядочными клочьями. — Боже, я боялся, что она закончит, как моя мать, просто оболочка, которая когда-то была живой, сильной и прекрасной, если бы не человек, который смог изменить ее, опустошить.

Бен никогда не говорил о своих родителях. Я была так удивлена, что он делает это теперь — и при Оливии, — что промолчала.

— Знаешь, он считал, что это моя вина. Он бросил мне в лицо: вот что происходит, когда мужчина не может позаботиться о своей женщине, и я уверен: он хотел этим причинить мне боль. Не здесь, а здесь. — И он показал сначала на свою голову, потом на сердце.

— Твой отец был ослом, Бен.

Мне было все равно, так ли поступила бы Оливия. Просто это то, что он должен знать.

— Конечно. — Он кивнул. — Но эти слова остались со мной. Я позволил им мучить меня, так же, как мать позволила, чтобы его речи уничтожили ее, и я потерял возможность узнать, кем стала Джоанна — потерял целых проклятых десять лет… — просто вспоминал ее такой, какой она была.

— Ты был молод.

Слеза скользнула по моей щеке, и я стерла ее, надеясь, что он не заметил.

— Она была еще моложе, — яростно ответил он. — И ты тоже.

— То, что произошло той ночью, сделало нас такими, какие мы сегодня. — Я попыталась успокоить его. — И Джо… Джо нравилось, какая она.

— Мне тоже нравилось.

Он замолчал, но от него исходило такое горе, окрашенное чувством вины и яростью, что я поняла: это комбинация, сырая и

маслянистая, со временем сожрет его живьем.

— Бен, пожалуйста. — Я подошла ближе. — Ты должен отпустить ее.

— Она не для того снова пришла в мою жизнь в одиннадцатом часу, только чтобы я убедился, как мне ее не хватает!

Слова вырвались с такой яростью, словно давно ждали на кончике языка возможности взорваться.

— Ш-ш-ш. — «Боже», — подумала я, подходя еще ближе. — Все в порядке, Бен, все хорошо.

Но это была ложь, и он покачал головой. Он тоже знал, что это ложь.

— И здесь есть еще что-то, кроме нападения на квартиру и двух человек, разбившихся насмерть. Это точно!

— Откуда тебе это известно? — негромко спросила я. — Тебя там не было.

— Потому что знаю Джо!

Что я могла ответить на это? Мне ужасно хотелось услышан, эти слова. ноесли он не оставит это дело в покое, то подвергнет опасности нас обоих. Я ожесточилась, заставив себя не думать о его горе.

— Это одна из загадок, которые никогда не будут решены, Бен. Здесь невозможно сочинить хэппи энд.

— Но я по крайней мере могу найти ответ, который меня удовлетворит.

— Полиция утверждает, что она умерла.

— Мне все равно. Она приходила ко мне той ночью, Оливия! Приходила, и мы любили друг друга, а ведь она уже тогда должна была быть мертвой… — Черт. Он прав. — Но она была в моих объятиях, живая и…

— Я видела ее, Бен. — Я не хотела причинять ему боль, но у меня не было выбора. — Видела, как она упала.

Он долго молчал.

— В газетах писали, что ты ничего не помнишь. Оппа!

— Это последнее, что я помню. Прости. Она умерла.

Он упрямо стиснул зубы.

— И я хочу узнать почему. Почему она пошла к тебе? Почему просто не поехала домой? Почему вообще ушла от меня?

Я отвернулась, чтобы попытаться обдумать все, хотя не представляла, с чего начать. Я не знала, как себя вести, потому что эта жизнь — жизнь Оливии и героини, сражающейся с преступниками, — она еще не вполне моя. Я снова повернулась к нему.

— Ты ведь не ведешь это дело в полиции?

— Я тебе сказал, — ответил он, избегая моего взгляда. — Я в отпуске.

Я покачала головой. Боже! Он решил мстить. В департаменте объявили, что дело расследовано и закрыто. Я уверена, что Уоррен и Майках приложили много усилий, добиваясь этого. А Бен, именно Бен открывает эту дверь! снова.

— Нет, Бен. Она хотела не этого. — Я тут же поправилась; — Она бы этого не хотела.

— О, Оливия. — Он посмотрел на меня так, словно я безнадежно наивна. На мгновение мне даже показалось, что он собирается потрепать меня по волосам. — Месть — это именно то, чего она хотела. И я намерен отомстить за нее.

— Бен, — произнесла я голосом, который резко контрастировал с его голосом — заботливым и внимательным. — Это не было ее целью.

— Правда? Ты ее спрашивала? А я спросил ее, что бы она сделала, если бы нашла человека, который напал на нее, напал на вас обеих. Она ответила, что убила бы его.

Да, я так сказала.

— Джоанна часто слишком преувеличивала. — Я с трудом глотнула, пытаясь думать быстрее. — Но на самом деле она собиралась унизить этого человека и дать ему знать, что она выжила. Она хотела взглянуть этому чудовищу в лицо и дать ему понять, что он не только не убил — он не сломил ее.

Бен упрямо выставил подбородок.

— Лучше быть яростным, если в сердце ярость, чем набрасывать плащ непротивления, чтобы скрыть свою слабость.

Да, и спасибо тебе, Махатма Ганди, за это. Я сделала вид, что не расслышала, и мягко положила руку ему на руку.

— Не позволяй этому сломать тебя, Бен. Джоанна не перенесла бы этого.

На мгновение мне показалось, что это на него подействовало. Лицо его прояснилось, он выглядел растерянным, но только на мгновение. Потом лицо его снова стало жестким, и в глазах мелькнули тени.

— Перестань смотреть на меня так, — негромко сказал он, отстраняясь от моего прикосновения. — Все смотрят на меня так, словно…

Как смотрели на меня.

— … словно я спятил и не знаю то, что знаю. Оливия! Джоанна была в моей постели, в моих объятиях в то время, когда должна была быть мертвой… — Черт. Надо попросить Уоррена очистить и это. — И я могу быть разгневан, да, но то, что мне ясно, — ясно. Думаю, сейчас во мне более здравого рассудка, чем

все последние десять лет.

Я не могла не заметить, что взгляд у него действительно ясный. Но запах говорил о тщетных сожалениях и об огромном чувстве вины.

— Прости. — Он заметил мой взгляд и сам положил руку мне на руку. На руку Оливии, напомнила я себе, когда его прикосновение вызвало у меня дрожь. — Я должен был прийти к тебе со всем этим… ты все, что от нее осталось.

— Знаю.

По крайней мере это я могу ему дать. Я обняла его, положила ладони на его крепкую спину и на мгновение — всего на мгновение — позволила себе потерять контроль. Закрыла глаза и прижалась к нему, словно это я, и ничего не изменилось, и на далеком горизонте все еще собирается буря. Я представила себе, что мы еще не ушли из ресторана тем вечером, и подумала, сожалеет ли Бен о том, что решение было в моих руках. Обняла его сильнее, как будто этим могла вернуть его — нас — назад, в прошлое.

Но в действительности мы потеряли друг друга. Опять. И этого не исправишь, и я должна сообщить ему, что ответов нет и не будет. Только правда, которую он никогда не узнает.

— Я собираюсь найти его, Оливия, — сказал он, ероша мне волосы. — Я выслежу его, как сделала бы Джоанна, и на этот раз я его убью. Я отберу у него всех и все, что имеет для него хоть какое-нибудь значение. Я уничтожу его мир полностью, так что он никогда не сможет восстановить его.

— Я должна идти. — я высвободилась. Его слова были мне неприятны. Потому что он напомнил мне Аякса. И я ненавидела зловоние, сочившееся из каждого слога.

— Хорошо, но ты позвонишь, если вспомнишь что-нибудь? Что угодно?

— Позвоню, — заверила его я, едва не споткнувшись в своем стремлении уйти побыстрей.

— Оливия!

Я остановилась, закрыла глаза и медленно повернулась к нему. А когда открыла, он стоял, как прежде, и не казался рассерженным. Но выглядел одиноким.

— Снова встретившись с Джоанной, я перечислил ее качества, чтобы показать, что знаю ее… или думаю, что знаю.

Я сложила руки на груди.

— Уверена, в этом перечне было упрямство. Он все-таки смог улыбнуться.

— Да, а также непоседливость. И нетерпение. Но одно я забыл.

— Правда? Какое?

— То, что она моя. — Он сжал кулаки. — Она была моя. И с этими словами он ушел, а я молча смотрела ему вслед.

Я позволила Шер считать, что самое лучшее средство, чтобы оправиться после смерти сестры, это хороший искусственный загар. Меня приняли, записали и раздели так быстро, что голова могла бы закружиться, а вид пушки для распыления крема заставил отодвинуть в глубину сознания мысли о комиксах, строительных рабочих и даже о Бене Трейне. Похоже на оружие из «Охотников за привидениями».

— Вы меня хотите этим обмазать? — в третий раз с сомнением спросила я у женщины-техника. Она русская, сильно накрашенная, торопливая и, очевидно, большая поклонница собственного продукта. Она что-то пробормотала про себя, откинулась в кресле и бросила взгляд в сторону Шер.

— Послушай, Ливви, — присоединилась к разговору Шер, — ты ведешь себя так, словно никогда этого не делала. Ложись и позволь Юлии показать свои способности.

Я поморщилась, услышав, как они рассмеялись, но послушалась, следуя примеру Шер.

— Уф! Оливия, голова не кружится?

— Нет.

Она, с покрасневшим лицом, обвиняюще смотрела на меня.

— Ты опять ела!

Я не успела и рта раскрыть — спрей ударил меня по заду. «Может быть, — в отчаянии подумала я, — поможет, если я буду думать о чем-нибудь другом». К счастью, а может, к несчастью, у меня было о чем подумать. Я хотела рассказать Уоррену о странной встрече в «Мастере комиксе» и спросить, что имел в виду Зейн, говоря обо мне «это она». Хотела узнать, можно ли мне превратить квартиру Оливии в свою прежнюю; даже если он не разрешит, я, вероятно, все равно это сделаю. Я не из тех, кто с готовностью подчиняется приказам. Конечно, как я теперь поняла, если на мой голый зад не нацелен сосуд с кремом для загара.

Мне нужно было также понять, как быть с Беном. Как ему помочь, будучи Оливией. Я нахмурилась, думая о том времени, что провела в ее квартире. Я прожила там два дня, прочла каждый листок бумаги, просмотрела все видеодневники и даже проверила все старые счета. Возможно, у нее был сейф, о котором я не знаю, но я не нашла ни ключа, ни! упоминания о сейфе. Есть также ее любимый компьютер, но. к нему у меня нет доступа, и мне кажется, что все вышеперечисленное не поможет мне решить эту проблему.

Как остановить его? Как не допустить, чтобы его убили?

— Что случилось, Ливви? — поинтересовалась Шер, поднимая руки, чтобы Юлия могла спрыснуть се подмышки. — Ты сегодня неразговорчива.

Что ей сказать? Я прислушивалась к болтовне, которая до сих пор была совершенно лишена направления и значения. Эти женщины темы берут с потолка и складывают их, как оригами, во что-то напоминающее смысл. Например, я узнала, что в Афганистане есть евнухи, которые зарабатывают больше проституток, что мать Шер решила, что должна делиться со взрослой дочерью всеми мыслями о сексе — в этом месте я застонала, — и что жизненное кредо Юлии: «Нет лгунам, нет тем, кто бьет женщину, и нет бэбикам».

Можете считать меня спятившей, но я готова ручаться, что мой недавно приобретенный статус сверхгероини будет не очень котироваться по сравнению с этими эклектическими темами.

Но так ли это?

— Я просто думала, — заметила я небрежно в то время как Юлия заглядывала мне под мышку, — если бы ты была супергероем, какой бы ты была.

— Ты имеешь в виду, он бы меня спас?.. Не Икс-мен и не Он-мен,[43] — заявила Юлия, прежде чем я смогла ответить. — Я хочу Джи-мена.[44]

— Джи-мена?

Мы обе посмотрели на нее.

— Чтобы он помог мне найти Джи-место. Вот мой тип героя.

— Отличная мысль! — воскликнула Шер.

Слишком много информации. Я поморщилась и начала снова.

— Я хочу сказать, каким супергероем была бы ты сама?

— Красивой, это точно!

— В отороченном мехом плаще, который развевается за мной, когда я летаю по ночам!

— Мех лисий! — крикнула Шер, уловив дух забавы.

— Соболь, — промурлыкала Юлия, сладострастно вздрагивая.

Неужели этот спрей убивает клетки мозга?

— Ну, хорошо, но кроме красоты… какие еще бы качества у тебя были? Как бы ты пользовалась ими, чтобы бороться со злом и спасать человечество?

Они какое-то время молча смотрели на меня.

— Способность влюблять в себя любого мужчину! — наконец объявила Юлия.

— Это у меня уже есть, — фыркнула Шер. — Как насчет того, чтобы мгновенно испытывать оргазм и никогда не стареть?

Юлия пискнула, а Шер захихикала. Я вздохнула, стараясь не делать это слишком глубоко.

Пятнадцать минут спустя мы сидели в зоне отдыха салона, загорелые, растертые и одетые в короткие махровые халаты. Я расположилась в наклонном кресле для вибромассажа, а Шер наливала нам из кувшина воды с лимоном, льдом и огурцами. В комнате находилось еще с полдюжины женщин, напоминая стаю тюленей, выбравшихся на берег погреться на солнце. Мелодичные звуки женских голосов постепенно сменились тишиной. Я никогда раньше не бывала в таком окружении. Если я загорала, то исключительно ради спортивного массажа, а если я когда-либо оказывалась в ультраженском обществе, всякие разговоры стихали. И я была удивлена, обнаружив, что смесь запахов мяты, огурца и эстрогена очень способствуют расслаблению.

— Хочешь французский педикюр? — поинтересовалась Шер, протягивая мне стакан.

Я отпила и стала обдумывать предлог для того, чтобы ускользнуть. Неделю назад я бы так и поступила. Никогда женщины не обращались ко мне в поисках дружбы. Я понимала, что Шер считает меня Оливией, но мне было приятно получать ее озабоченные взгляды и внимание. Я вспомнила, как хорошо отзывалась о Шер в своих видеодневниках моя сестра, и только поэтому стоило согласиться. К тому же Оливия поступила бы именно так.

— Почему бы и нет? — сказала я с улыбкой.

Шер с удовольствием болтала, а я позволяла ей это. Начала она с рассказа о информации пилюлях, которые сокращают объем талии, приподнимают грудь и придают краску щекам — пока их испробовали на мышах, потом перешла к рассказу о продавце женского белья, который списал с чека ее телефонный номер и теперь каждый раз звонит, когда Шер возвращает не поправившиеся ей вещи, например, шелковую сорочку, которая не подошла по размеру. В какой-то момент ее непрерывных разглагольствований я начала понимать образ жизни моей сестры. А также размышлять, почему я раньше никогда не делала педикюр в салоне красоты. Один только массаж ног после тренировки в школе Асафа сделал бы чудо.

Конечно, вспомнив об Асафе, я принялась думать обо всем, что любила в прежней жизни. Мой наставник и его семья, тренировки, которые изначально предназначались для того, чтобы дать выход гневу молодости, но превратились в ежедневное утешение, очень похожее на молитву. Я думала о своем доме, о своей фотолаборатории, о фотоаппарате, который стал как бы частью меня, еще одной моей конечностью. Почему невозможно

соединить две жизни? А эта мысль вернула меня к Бену…

— Она заявила, что я слишком много трачу! Ты можешь в это поверить?

Уф. Шер впервые задала мне вопрос. Я быстро представила, как бы ответила на это Оливия.

— Какая сука!

Шер откинулась в кресле, недоуменно глядя на меня. Женщина, делавшая ей педикюр, тоже. Моя перестала массировать мне ступни.

— Что?

— Ты назвала сукой мою мать?

— Нет! Нет. — Черт, подумала я, откашливаясь. — Мне казалось, ты все еще говоришь об этой продавщице белья.

— Нет, дорогая, я о своей матери. Я недовольна, что она слишком требовательна. По крайней мере свои свидания я могу назначать сама.

Я посмотрела на нее.

— Ты действительно все рассказываешь матери? Она приподняла прекрасно навощенную бровь.

— Тебе самой это хорошо известно.

— Просто не могу себе этого представить. — Я опустилась на мягкое изголовье кресла и вспомнила обо всем, что недавно узнала о своей матери. Правду, которая была ложью. И величайшую ложь из всех — о нашей совместной жизни.

Шер положила руку поверх моей, и, как ни удивительно, я ее не отбросила.

— Мама спрашивала о тебе, — негромко сказала она. — Она собирается познакомить тебя — как она выразилась? — «с очень состоятельным джентльменом с юга». Она интересуется, когда ты снова начнешь выходить.

Я постаралась подавить дрожь и подумала: «Никогда!»

— Конечно, если кого-нибудь приведешь с собой, то избежишь откровенного сводничанья, — заметила она, помолчав. — Парень, с которым ты говорила, неплохо выглядит.

— Бен? Не мой тип, и я определенно не его.

— Оливия, милая, ты тот тип, который нравится любому мужчине.

— Но не Бену Трейне. Он всегда видел только Джоанну… К моему удивлению, Шер произнесла:

— А, этот Бен. Ну, должна заметить, он не выглядит таким свихнувшимся, как рассказывают. Может, чуть опасен, но порция крепкой выпивки, чтобы запить что-нибудь, всем нравится. Бывший коп вполне подойдет.

Я взглянула на нее — чуть пристальней, чем следует, и тут

же быстро отвернулась, делая вид, что интересуюсь цветом лака, который накладывают мне на пальцы ног.

— Что значит «бывший»? Он просто в отпуске. Шер подняла руку, разглядывая свои ногти.

— По телевизору говорят совсем другое, милая. И я не виню департамент. Видела бы ты его на похоронах. Он совсем вышел из себя. Напал на какого-то бедного невинного человека, который выражал ему соболезнования. Нельзя допустить, чтобы такие парни патрулировали наши улицы.

Я не могла поверить в услышанное.

— Бедного? Невинного? Шер закатила глаза.

— Ладно, об этом парне сообщили, что он мошенничает в карты. Нет, я уверена, что Бена Трейна уволен из полиции.

— Но он сказал…

— Он солгал. Такое бывает с душевно нестабильными людьми.

«Но он вовсе не нестабильный. Наоборот, он как раз прав. И я не собираюсь от него отказываться. Я его знаю. Мальчишка, который все видит в черном и белом, правильном и неправильном, по-прежнему жив в нем. К тому же я частично виновата в этой… трансформации. В обеих трансформациях, — решила я. — В обоих случаях».

— Бен другой, — заявила я. — Он многое пережил и никогда не переставал любить Джоанну.

— Ну, может, именно поэтому он и тронулся?

Я хотела так встряхнуть Шер, чтобы у нее зубы застучали. Должно быть, отчасти мои мысли отразились у меня на лице, потому что лицо Шер смягчилось.

— О, не обращай внимания, милая. Мне всегда так не везет с парнями… что я могу знать? Я всегда ищу то, что заставляет их бежать, а потом делаю все, чтобы они покинули меня. — И она так вздохнула, что ее уязвимость поразила меня.

Я решила отложить тему Бена, чтобы вернуться к ней позже. Когда запах жевательной резинки и ацетона не будет окрашивать мои мысли.

— Может, это потому, что ты не позволяешь им увидеть себя настоящую.

— Дорогая, во мне все настоящее, — ответила она высокомерным тоном, который я всегда так ненавидела.

На этот раз я только фыркнула и снова положила голову на изголовье.

— Тогда, вероятно, проблема в том, что они видят только груди, ногти, волосы… да, и очень хороший загар.

— Спасибо. Я подумаю. Я улыбнулась ей.

— Я просто хочу сказать, что в тебе есть много такого, что не увидишь глазом. — Я с удивлением поняла, что говорю это серьезно. — Тебе нужно найти того, кто не смотрит прежде всего на внешность.

— Правда? — негромко спросила она.

— Конечно.

Она задрала подбородок.

— Это будет мой тип героя… помнишь, ты раньше спрашивала? Я размышляла об этом и пришла к выводу, что мне не нужен кто-нибудь со страниц комиксов. Ему не придется ради меня перепрыгивать через здания или даже удивлять меня последними новинками моды. Для этого у меня они, личные продавцы. Но просто кто-нибудь, кто… всегда будет рядом.

— Да это не герой, — произнесла одна из работниц, — это принц.

Шер наклонила голову и ненадолго задумалась.

— Думаете, Уилл и Гарри[45] заинтересуются опытной женщиной с юга?

Мы все рассмеялись, но в глубине души я вздохнула. Быть всегда рядом? Бен был бы таким.

Позже, когда мы одевались, окруженные приятной тишиной, Шер сказала:

— Спасибо, что пошла сегодня со мной, Ливви-девочка. Я действительно скучала по тебе.

— Я тоже скучала. Это… самое нормальное, что я сделала за очень долгое время. — Я провела рукой по глазам в ужасе от того, что едва не расплакалась. Вся эта девичья ерунда начинает на меня действовать. Мне, наверно, просто нужно кого-нибудь ударить.

— Прости, что спорила с тобой.

— Это моя вина. — Я покачала головой. — Ты была права. Я слишком замкнулась. Спасибо, что оказалась хорошей подругой и сказала мне об этом.

Всхлипнув, Шер раскрыла свои объятия. В возбуждении — неопровержимый знак, что я выдержала проверку, — я тоже развела руки. Я сделала не больше двух шагов к ней, когда она ахнула так громко, что я развернулась, готовая защищаться от… от чего угодно.

— Что? — спросила я и увидела, что она показывает на мою грудь. — Что?

— Ты полосатая! Эта сука тебя изуродовала!

Я повернулась к высокому, в рост человека, зеркалу и взглянула на себя. Действительно, прямо посреди груди красовалось белое пятно среднего размера.

— Черт возьми!

А если бы это случилось с Оливией?

— Теперь у тебя нет ровного загара по всему телу! — Явно более расстроенная, чем я, Шер плакала; слезы катились по ее лицу. — Обнаженной ты не будешь выглядеть красивой! Как мне жаль!

— Все в порядке, — с сомнением в голосе произнесла я. Я в любом случае не собиралась никому показываться обнаженной. — Сколько, ты говорить, это продержится?

Шер не слушала меня. Она стонала и бранилась — в рамках приличий, разумеется, — и дергала себя за волосы.

— Я хотела, чтобы все было безупречно.

— Так и было, — заверила я ее. — На самом деле. Не помню, когда мне было так хорошо.

— Правда?

Она всхлипнула и подняла на меня полные слез глаза. Я кивнула.

— Никогда в жизни так не забавлялась с голыми женщинами.

— Кроме того случая в Козумеле.[46]

Я решила, что разгадаю этот ребус позже.

— Но теперь тебе придется две недели носить свитер с хомутом.

Посмотрев в зеркало, я вздохнула. Придется.

— Это неправильно. — На ее глазах снова выступили слезы. — Сначала ты портишь свои Лауботены, а теперь помечена на всю жизнь.

— Это не на… — Я замолчала. Помечена.

— Кажется, мне плохо, — сказала за моей спиной Шер. — Нужно выпить что-нибудь покрепче огурца.

— Похоже на… — Я поняла, что не могу закончить. Откашлялась и попробовала снова. — Это… Шер за мной ахнула.

— Вижу! — Ее изумление, мой ужас и символ на моей груди — все это ясно отразилось в зеркале. Шер первой обрела дар речи, и голос ее звучал почтительно. — По форме как стилет.

Черт. Она права.

Нечеткий, расплывающийся по краям, не окончательно нарисованный… — словно незаконченная татуировка, — … но, черт побери, Шер права! Если я вот так наклонюсь и прищурюсь…

«Дьявольщина. Мой глиф», — подумала я, поворачиваясь, чтобы видеть этот проклятый стилет под другим углом. Ну, на этот раз мне не приходится думать, как отреагировала бы Оливия.

— Ну, — хмыкнула я, — по крайней мере он красивый.

15

Когда-то я представляла себя чужаком во тьме, но сейчас, когда ехала назад, в квартиру Оливии, я вспоминала свою встречу со строительным рабочим — я проклинала себя за то, что помню его имя, Марк, — вспоминала, какая боль отразилась на его лице, когда он понял, о чем я говорю. Вспоминала свои слова. Слова, которые никогда бы не произнесла Оливия. Я ерзала на сиденье, чувствуя себя неловко. Как я узнала, тьма приходит во многих формах.

А то, что произошло в магазине комиксов? Карл казался не просто искренне удивленным, что я могу брать комиксы и Тени, и Света, я во взгляде Зейна заметила страх, когда тот смотрел на комиксы у меня в руках.

Значит, это ты.

Единственная. Слова Майкаха.

И слова Уоррена: Ты первый знак.

Я оставила машину на месте Оливии в подземном гараже, взяла из багажника комиксы и решила все их прочесть за ночь. Мне нужно заполнить пробелы, оставленные Майкахом и Уорреном в моем обучении сверхъестественному… и в моей жизни.

Когда я вставляла ключ в замок, зазвонил телефон, и, не уловив никакого необычного запаха, я побежала в спальню и сняла трубку. Луна протиснулась своим шелковым телом у меня меж ног, отчего я едва не упала.

— Алло. — Я присела на край кровати и наклонилась, гладя кошку по голове. Луна изогнулась у меня под рукой. Я узнала голос Уоррена.

— Оливия, пора. Мы должны убрать тебя отсюда, в убежище. — В голосе его звучала паника, говорил он задыхаясь.

Моя рука застыла на спине Лупы.

— Я же еще не готова.

— У нас нет выбора. Все агенты отозваны с улиц.

— Почему?

— У меня нет времени на объяснения… подожди. — Послышался приглушенный звук, как будто Уоррен прикрыл микрофон рукой или прижал его к груди. Полминуты спустя он возник снова. — Помнишь, я рассказывал тебе, что Тени сумели найти способ убивать наши звездные знаки? Одного за другим?

Я кивнула, хотя он не мог этого видеть.

— Так вот, они выследили нас; не представляю как, но у них есть следующая цель. Поэтому мы все должны уходить.

— И кто же эта цель? Он помолчал.

— Я.

Я встала и подошла к окну, где в долине снова сгущались тени.

— Но зачем скрываться мне? Ведь Оливия — Арчер. Ее, то есть меня, не тронут.

— Джоанна Арчер, — ответил он, удивив не только тем, что использовал настоящее имя, не и тем, что назвал его полностью, — я им нужен не из-за моей замечательной личности. Я им нужен из-за тебя.

Вот как.

— Встретимся в ресторане «Пеппермилл» на бульваре. Приходи пешком. Не нужно, чтобы машина Оливии оставалась вблизи того места, где мы тебя заберем. Тебя будет ждать такси. Соберись так, словно отправляешься в летний лагерь, и возьми с собой только самое необходимое.

Я оглядела комнату, не представляя, с чего начать.

— Сколько времени я буду отсутствовать?

— Довольно долго, чтобы ты узнала все необходимое, но недостаточно, чтобы тебя хватились.

— Это ограничивает мои потребности, — сказала я самой себе. — А как же Луна?

— О ней позаботятся,

Я задумалась: в сознании возник Марк и его боль; я почувствовала, как у меня возникает недоверие.

— Мне нужно тебе кое-что сообщить, Уоррен. Или спросить…

— Позже. Для перехода открывается окно, но оно узкое. Мы должны торопиться.

— Какого перехода?

— Из твоего мира в наш, — нетерпеливо объяснил он. — Он возможен точно в момент смены дня и ночи наоборот.

— Это время называется сумерки, Уоррен. И длится не одно мгновение.

— Но не в пункте, где свет и тьма поровну распределены в воздухе. Прошу тебя, быстрее. — Он повесил трубку.

Я сердито посмотрела на телефон, потом на Луну.

— Для бездомного бродяги он уж слишком распоряжается, верно?

Я собралась быстро, побросала только те вещи, в которых мне удобно… ну, относительно удобно, учитывая гардероб Оливии. Никакого шелка, никаких каблуков, никаких кружев. Конечно, джинсы, которые я сунула в спортивную сумку фирмы «Сивен», а не «Ливайс», а спортивные брюки велюровые с сатином, а не из простой хлопчатобумажной ткани. В этих вещах я могу по

крайней мере двигаться. Могу бежать. Могу сражаться.

Решив, что нужно быть незаметной — ведь не зря Уоррен велел не брать машину Оливии, — я надела свитер с воротником-хомутом и свободные брюки, и то и другое черное. Украшенный хрусталем сотовый телефон я решила взять с собой: не может же Оливия просто бросить его. И перешла к выбору обычных туалетных принадлежностей.

Нижнее белье, носки, щетка для волос, зубная паста, крем… фотоаппарат.

— О боже! — прошептала я, застыв с дешевой камерой в руках, Я держала ее осторожно, как птенца. Ею я сделала свои последние снимки: кадры, что я щелкнула в те ранние утренние часы, прежде чем вернуться к Уоррену и сказать «да».

На одном кадре Бен, улыбающийся во сне, потому что я жива.

Я взглянула на часы. Есть ли у меня время? Сердце колотилось при мысли о том, что можно будет взглянуть на эти снимки. Я хотела бы проявить их сама, поиграть со светом и тенью в одиночестве своей фотолаборатории, но знала, что это невозможно. За моим домом следят, и даже если бы не следили, Уоррен никогда на это не согласится.

Тем не менее в магазине всего в квартале от «Пепперашэтла» есть фотомастерская. Если потороплюсь, то успею.

Дорога была недолгой. Я припарковалась в квартале от мастерской, потом пешком пересекла перекресток и три знака стоп. Ко мне по пути приставали только один водитель и один попрошайка, поэтому я решила, что положение значительно улучшилось.

В мастерской меня приветствовала сонная девушка, которая выглядела еще не достигшей возраста голосования. Наверное, «приветствовала» — слишком сильное слово, потому что посмотрела она так, словно я помешала чему-то очень важному в ее жизни и она хочет побыстрей к этому вернуться.

— Как быстро вы сможете напечатать? — спросила я, протягивая ей фотоаппарат.

— На вывеске написано — час.

— Мне они нужны через полчаса.

— И всем остальным тоже, женщина. Не могу. — Она толкнула аппарат ко мне и отвернулась.

— А вот тут сказано, что можете, — заявила я, просунув под аппарат стодолларовую банкноту.

Девушка глянула на деньги, потом на меня и вернулась к прилавку.

— Получите через двадцать минут. Она, может, и ленива, но не глупа.

Я решила подождать снаружи: двадцати минут достаточно, чтобы пролистать хотя бы один комикс. Ноябрьский воздух прохладен и свеж, но мне в свитере было не холодно. Я села спиной к оштукатуренному столбу, достала из сумки стопку комиксов и задумалась, с чего начать.

«Со Света, — решила я. — Определенно». Я взяла комикс с самой ранней датой — том второй, номер двадцать пять — и раскрыла его, чтобы больше узнать о «независимых», которых так презрительно упоминал Уоррен в вечер моей метаморфозы. Очевидно, независимые — существовал и другой, гораздо менее лестный термин «бродячие агенты» — служили постоянной угрозой равновесию в соотношении сил. В мире, где происхождение означает все, конкуренция за открывшиеся звездные знаки была жесточайшей, и даже агенты Света готовы были уничтожить соответствующий себе знак, лишь бы занять его место в Зодиаке, Это значило, что члены Зодиака не доверяли независимым и едва терпели их в городских пределах.

К счастью, особых споров из-за происхождения не было: наследование шло от матери к дочери, а если женщин среди младших членов семьи не было, то — к старшему сыну. Но время от времени открывался знак без явных наследников, и, согласно тексту, тогда начинались «интересные» события.

Я поморщилась и перевернула страницу, вспоминая, как скривилось лицо Уоррена при упоминании о независимых. Почему у меня сложилось впечатление, что в данном случае эпитет «интересные» — синоним «смертоносных»?

Я также задумалась о том, как к моему происхождению и наследованию знака Стрельца отнесутся в отряде Уоррена. Если со времени исчезновения матери знак Стрельца пустовал, возможно, мое неожиданное появление свяжут с каким-нибудь бродячим агентом? Во всяком случае разве это не будет выглядеть «интересным»?

Ответы я не получила, направление, в котором пошли мои мысли, мне не понравилось, поэтому я захлопнула комикс и взяла другой. На этот раз не обращала внимание на хронологический порядок и просто взяла тот, на обложке которого был изображен привлекательный супергерой, а остальные упрятала в сумку. «Страйкер, агент Света» назывался этот комикс.

— Страйкер наносит удар,[47] — пробормотала я, устраиваясь поудобнее. Указано, что рекомендуется читателям старше семнадцати лет, и я понимала почему. Кожа обтягивала бедра героя, образуя выпуклости во всех нужных местах, а свободный кашемировый свитер обнажал гигантские бицепсы… и глиф, пульсирующий на груди, как сердцебиение. Он действительно

пульсировал на странице. Я не специалист в астрологии, но мне показалось, что это глиф Скорпиона, знака и месяца перед моим. Страйкер держал предмет — оружие, решила я, — в виде арбалета, но с привязанной к нему цепью. Как им пользоваться, мне было совершенно непонятно.

— Однако готова узнать, — сказала я, разглядывая фигуру героя. Замечание для себя: побочное преимущество статуса супергероя? Знакомство с другими супергероями.

И тут я увидела имя автора, нанесенное сверху на обложку черными буквами по трафарету. Зейн Сильвер. Тот самый Зейн, что работает в магазине? И гут же заметила ниже имя художника. Карл Кеньон, рисунки карандашом.

— Волчонок? — удивилась я вслух, поворачивая комикс так, чтобы на него падал свет уличного фонаря.

Десять минут спустя у меня сложилось очень неполное представление о событиях, которые преследуют меня в последние дни. Я прошла вслед за Страйкером — образом или реальным человеком? — через серию событий, приведших к его метаморфозе. Его отвезли на пустой склад на углу Индастриал и Поллак, где его окружили одиннадцать мужчин и женщин, хотя пол их определить было трудно. Каждый был в свободном длинном одеянии, белом и покрытом вышитыми золотыми знаками. Я решила, что это знаки созвездий.

— Отличная работа, Карл, — заметила я, ткнув пальцем с одно из сверкающих звездных скоплений. Оно мягко мерцало у меня под рукой. Я улыбнулась и продолжила чтение.

«Твой первый жизненный цикл закончился при достижении половой зрелости; второй заканчивается сегодня вечером». — Эти слова были начертаны в пузыре, исходившем изо рта человека, подозрительно похожего на Уоррена. «Но это не может быть Уоррен», — подумала я, проводя по рисунку пальцем, потому что Уоррен никогда не бывает таким гладко выбритым. «Чтобы вступить в третий жизненный цикл, ты должен пройти метаморфозу и добровольно присоединиться к седьмому дому Зодиака, под знаком твоей матери — знаком Скорпиона, Ты согласен?»

— Дешевый диалог, — буркнула я. — Кто писал это дерьмо?

«Согласен, — отвечает Страйкер с достоинством, соответствующим церемонии. — Как поступила до меня моя мать».

«И ты делаешь это по доброй воле?», — спросил мужчина, и вспышка молнии за пределами склада превратила его очертания в силуэт. Я знала, что снаружи собираются тучи. Я почти слышала раскаты грома, как тогда, за пределами квартиры Оливии.

«Как поступила до меня моя мать», — повторил Страйкер, наклонив голову. За ним окна начали покрываться струями дождя.

— По крайней мере ты знал, что выбираешь, — произнесла я, переворачивая страницу. Молния пронеслась по листам. Похоже на книжку с оживающими рисунками! Книга задрожала у меня в руках, и слова, рисунки, пузыри диалога — все растворилось в раскатах грома. Я видела, как на Страйксра обрушилась та же сила, что совсем недавно ворвалась и меня, она бросила его на колени и превратила в беспомощного просителя. Остальные звездные знаки плотным кольцом окружили его — их тела были изображены сверху, чтобы было видно, что они создали символ его звездного знака, и в центре этого символа оказался Страйкер. Книга превратилась в экран, на котором возникали и исчезали изображения, и только яркая звезда Страйкера в центре страницы оставалась неподвижной.

Послышался такой громкий треск, что я едва не выронила книгу. Небо раскололи две огненные полоски, и раздался крик, такой ужасный и свирепый, какого мне никогда не приходилось слышать.

— Нет! — услышала я ответный возглас Уоррена. Символ оказался разбит, его яркие концы — другие агенты Света — поворачивались лицом наружу, к вторгнувшемуся красному свету. Я не могла за всем уследить — события начали развиваться слишком хаотично и смешанно, — я словно тоже была захвачена смятением. Над моей головой раздавались удары, звучали слова, которых я никогда не слышала раньше… крики, которые мне не хотелось слышать. Время от времени действие замедлялось, как будто лента застревала в головке, и возникало четкое изображение — напоминание о традиционном комиксе; оно обжигало мне роговицу и тут же исчезало, захваченное хаосом.

Я видела, как Уоррен убил человека с помощью веревки и кулаков.

Я видела, как Майках своими руками хирурга срезал сначала скальп, а потом лицо нападавшему,

И я с огромным изумлением, с недоверием, переходящим в оцепенение, увидела того, кто напал на меня, когда я была девочкой-подростком. Над ним в воздухе висело написанное большими буквами имя — ХОАКИН, а дальше РЫБОЛОВ ТЕНИ. Но вот надпись треснула, разлетелась обломками и исчезла за краем страницы.

— Хоакин, — сказала я вслух. Я узнала его. Узнала печать смерти на его лбу.

И, перевернув страницу, я поняла, что он убьет Страйкера.

А вот и он. Великолепный, беспомощный и неподвижный в центре этого водоворота, его голова зажата между широкими ладонями Хоакина. Рыболов Тени потянул, и я с ужасом увидела, как вытягиваются сухожилия на горле Страйкера, напрягаются, из его рта вырывается крик. И вот каким-то медлительным движением его плоть поддается. Из дыры и горле вырывается ужасный хрип, и голова с хрустом отрывается от тела. Свет в центре страницы, мигнув, гаснет. Больше его пет. Красные огни растворяются и неожиданно тоже исчезают. Воинские выкрики затихают, слышен только один голос.

Женщина, одетая в такое же одеяние, как Страйкер, с воплем бросилась вперед, подняла голову Страйкера — только голову — и прижала к груди. Склонилась к ней и с плачем начала гладить волосы. Я заметила удивительное сходство сквозь слезы и тонкие линии морщин на ее лице.

Наше происхождение идет по материнской линии.

— Боже. — Не в силах дольше выносить эту сцену, я перевернула страницу.

Женщина по-прежнему здесь, но она стоит, сжав кулаки, глаза ее горят, одежда вымазана кровью сына. «Среди нас есть предатель», — говорит она отчаянным голосом.

«Ужас, — подумала я, захлопывая книгу. — И это комикс Света?»

А кто же те, с кем я должна бороться? Те, что выскакивают ниоткуда и срывают головы с плеч? Головы супергероев?

— П-п-простите. — Я вздрогнула от неожиданности. Девушка смотрела на меня широко раскрытыми глазами, с бледным лицом, у ног ее валялись снимки. Она с трудом глотнула, и мне стало любопытно, как давно она здесь стоит. — В-вот п-первые. Я подумала, они вам нужны немедленно.

Я попыталась улыбнуться ей. Она сделала шаг назад, и я не могу ее винить. Я подобрала снимки.

— Заканчивайте.

Она убежала в мастерскую, вся се подростковая дерзость исчезла. Я снова села, гадая, как все это объяснить, и попыталась справиться с дыханием. И хорошо сделала, потому: что один взгляд на эти снимки снова вызвал у меня невольный крик.

Фотографии не вспыхивали. Они не расплывались, не сверкали, не горели, не отбрасывали лучи света с бумаги, на которой были напечатаны. Мой глаз фотографа видел десятки возможностей улучшения композиции, но усовершенствовать мгновение невозможно. Я поднесла верхний снимок к лицу, не в силах сдержать дрожь рук, принялась разглядывать плоское захватывающее сердце изображение.

Я знала своего мужчину.

Я знала, как расположиться в предрассветных сумерках, чтобы максимально использовать естественное освещение и не пользоваться вспышкой. Я знала каждую черточку этого лица. Знала длину и ширину кончиков его пальцев, и то, как они гладят мои. Я знала, какого цвета его глаза по утрам, знала, как сон усиливает интенсивность их цвета.

И я знала — в тот момент, когда был сделан снимок, — что Бен Трейна думает обо мне.

Это было перед самым восходом, и рассвет прекрасно очерчивал его лицо. Улыбка таинственная, слишком легкая, чтобы морщинилась кожа в уголках глаз, как мне нравилось.

Это была улыбка довольного человека, который намерен, проснувшись, встретить первый день продолжения своей жизни. Он считает меня живой. Он еще ничего не знает о Батче и о телах, выброшенных в окно. Я сравнила это изображение с человеком, которого встретила сегодня, и поняла, что он больше никогда не будет счастлив. И я тоже.

Порыв ветра, принесший запах ближайшей свалки, вернул меня в настоящее. Я подняла голову, слегка удивившись, что все еще сижу перед магазином. Не заметила, как прошло время. Взглянула на часы, услышала смех — вероятно, смеялся человек, вышедший из бара ниже по улице. Смех стих.

«Возможно, Уоррен сможет помочь Бену, — подумала я, снова возвращаясь к снимкам, — Если он умеет менять людям личность, то сумеет и стереть из памяти воспоминания о любви, чтобы человек больше не страдал». Я прикусила губу. Хочу ли я быть забытой? Хочу ли, чтобы он отвернулся от меня и обратил эти улыбающиеся по утрам глаза на кого-то другого?

Я вспомнила, как целовала его, и не захотела. Вспомнила, как выглядит он теперь, когда считает меня мертвой, и захотела. Вспомнила страсть, которая так быстро и легко снова вспыхнула между нами, и опять не захотела. Потом вспомнила выражение ярости у него на лице сегодня утром, и захотела.

— Боже, Бен, — сказала я, прижимая фото к груди и закрывая глаза. — Мы больше никогда не будем такими невинными.

Смех прозвучал снова, на этот раз ближе.

Страх, сжавший мне сердце, подействовал, как физический удар. Я мгновенно вскочила, расставила ноги, подняла голову и принюхалась. Гниль в воздухе. Разлагающая ненависть, кровожадный голод.

— Дьявол!

Аякс! Не знаю, как он меня нашел, но он приближается, и быстро.

Я сунула снимки и комиксы в сумку, закрыла ее и бросилась в магазин. Свернула в первый же проход между стеллажами с товарами и зигзагом двинулась в глубину магазина, минуя косметику, кремы, шампуни, конфеты, презервативы, и шар системы безопасности сверху следил за всеми моими движениями. Я бежала мимо полок с масками и футболками, которые продавались здесь только из-за слова Лас-Вегас, и скоро я поняла, что среди всего этого разнообразия изделий и китча нет одного-единственного. Нет места, где можно было бы спрятаться.

«Можно попробовать убежать, — подумала я. — Уйти в сторону, противоположную этому зловонию и смеху, и двинуться в «Пеппермилл». К безопасности, которую может предоставить Уоррен или еще кто-нибудь».

Никто не может знать, кто ты на самом деле, ясно?

Я снова посмотрела на зеркальный шар и прокляла отразившийся облик Оливии. Если меня не убьет Аякс, Уоррен точно сделает это.

Автоматические двери магазина раскрылись. В зеркальном шаре я видела, как в них скользнула фигура, подобная клочку дыма, и тут же исчезла. Он идет по моему запаху, а теперь и страху, по тем феромонам эмоций, которые прежде всего и сообщили ему обо мне. Секунды тикали, как бомбы, и я чувствовала отчаяние, которое, должно быть, испытывает крыса в лабиринте. Здесь просто негде спрятаться. И тут взгляд мой упал на короб с вещами дешевой распродажи, стоявший посреди прохода. «Спрятаться можно, — подумала я, — только на самом виду».

Отбросив сумку, я стала рыться в вещах: это остатки костюмов для Хэллоуина на одну стирку. Мне нужна маска. Я отбрасывала медведей, шмелей, супергероев — ха! — и крылья бабочек и наконец выкопала дешевую пластиковую маску. Она покроет только половину лица, но подходит мне по размеру. Нацепив маску на лицо, я схватила бейсболку с надписью «Добро пожаловать в Лас-Вегас» и затолкала под нее золотистые пряди Оливии. Потом, тяжело дыша, повернулась и принялась ждать.

Первым меня настиг его смех, тот самый, что я вначале приняла за пьяное веселье. Но если Аякс и был пьян, то опьяняло его предвкушение успеха и неограниченного насилия, а не алкоголь.

Когда он появился, я первым делом заметила его кадык, прыгающий на горле, потом дергающиеся в ожидании длинные пальцы. При движении его костлявый скелет прижимался изнутри к коже, и я даже удивилась, почему при ходьбе его кости не стучат друг о друга. Его хищная улыбка стала еще шире, когда он

увидел меня.

— Нужно отдать должное Уоррену. Его лучшая маскировка… конечно, если не считать его собственной. — Смех его звучал так жестоко, что было ясно: он говорит не о бродяге Уоррене. — Я ни за что бы не догадался, что это ты.

Мои глаза в разрезах маски устремились к зеркальному шару. Из-под края шапки торчал розовый поросячий пятачок, но мое лицо — лицо Оливии и ее волосы — все это полностью скрыто. Конечно, не самая достойная маска, но свое дело делает.

— Я охраняю свою личность, — без особой необходимости сказала я.

— Это я вижу. — Аякс сделал шаг вперед, полы длинного пальто развевались у его ног. — Но очень скоро ни твоя пластиковая маска, ни покров из плоти не будут иметь никакого значения. Я сорву голову, с твоего тела и поплаваю в твоей крови.

Я вспомнила о Страйкере и содрогнулась. Аякс рассмеялся.

— Как великолепен твой страх! Он как аперитив… обещание предстоящего блаженства. Ты можешь видеть, как я? Каждая твоя эмоция исходит из тела серебристой волной, от тебя исходят полосы фосфоресцирующих эмоций. Вот сейчас особенно сильная. Как прибой, поднимающийся из моря, прекрасный и пенный.

Я сдвинула брови и окружила себя мысленным барьером, как учил меня Майках. Задержала дыхание, пока не была уверена, что могу его контролировать, потом медленно выдохнула. Аякс нахмурился.

— Быстро учишься, верно, Джо? Не думал, что ты так быстро отыщешь свой глиф, но, конечно, тебе помогли.

Я опустила взгляд. Символ, появившийся сегодня у меня на груди, ярко пылал; под черным свитером пульсировал жар. «Черт побери, — подумала я. — Ручаюсь, эта сука Юлия даже не с Украины».

Свист стали в воздухе заставил меня поднять голову. Аякс обеими руками держал свою кочергу, как трость для ходьбы. Трость с очень острыми зубами.

— Скажи, а кондуит у тебя тоже уже есть?

— Есть, — солгала я.

— Покажи.

Яс трудом глотнула, показала кивком подбородка. — Он в сумке.

Он с улыбкой спрятал свое оружие и поднял сумку за мягкие ручки.

— Никогда не оставляй свой кондуит без внимания, Джоанна. Ты больше всех других должна знать, как он опасен, если обращен против хозяина.

Он поднял сумку, но Остановился, сведя брови; ноздри его двигались, как у кролика. Он почувствовал, что я соврала. Надо его отвлечь, заполнить воздух эмоциями, иными, кроме тревожной надежды.

— Это я знаю, — согласилась я, — и ятаган Бахча — был особенно забавен. Я начала с хого, что отсекла ему кисти по запястьям. Думаю, большая часть потери крови связана с этим, но я также проткнула ему язык и смотрела, как он захлебнулся собственной кровью. Никогда не видела столько крови, — сказала я, качая головой, и это было правдой. Вспоминая это, я смогла ощутить расплавленный вкус мести во рту. И выдохнула в направлении Аякса.

Он машинально поднял руку, закрывая лицо, и уставился на меня.

— Он мне был как брат.

— Что ж, Аякс, твой брат обмочился, когда я использовала против него его собственное оружие. Вот это я называю волной страха.

Я напряглась, ожидая, что он кинется на меня, но гнев заставил его рвать мою сумку в поисках оружия, которого там не было. И пальцы его наткнулись на оружие, которое там было.

Маленький волчонок Карл оказался прав. Удар враждебного комикса выглядит ужасно. В сумке поверх комиксов Тени лежали пять комиксов Света, и Аякс их и схватил. Он мгновенно отбросил сумку, но было поздно. У меня на глазах кожа на его правой руке обгорела, глаза превратились в белые шары, а волосы вспыхнули и выгорели почти до самого черепа.

Я уже повернулась, готовая бежать как олимпийский спринтер, когда увидела рассыпанные на полу снимки Бена.

«Черт! Аякс придет в себя, — подумала я, с трудом глотнув, — и обнаружит их. Он отыщет единственного мужчину, которого я любила, и будет его пытать так, как я пытала Батча. Он сделает это из ненависти ко мне или чтобы приманить меня. И, конечно, я появлюсь».

Пальцы на руке Аякса уже начали дергаться, глаза возвращались на место; двигались они независимо друг от друга, как катушки в игровой машине. И он выиграет джекпот, если к тому времени, как они окончательно займут свое место, я останусь наклонившейся у его ног.

Я быстро собрала снимки. Аякс застонал и сделал шаг вперед. Левой ногой ударил меня по руке и стал шарить в поисках своего оружия. Я выругалась. Из своего полусидячего положения я ухватила его за тощие, но сильные ноги и бросила вперед. Его подборок с громким звуком ударился о пола, и Аякс

едва не проткнул себя собственной кочергой. Едва, но, к сожалению, не совсем.

Я потянулась за вылетевшей кочергой, но он успел первым схватить ее, поэтому я изменила направление и пнула свою сумку, так что та оказалась за пределами его досягаемости. Перескочила через его тело, увернувшись от трех футов сверхъестественной стали с шипами и зазубринами. Схватив сумку, почувствовала, как мне обожгло правое ахиллесово сухожилие, но я уже уходила, спотыкаясь, и наконец побежала изо всех сил.

И уже была у выхода, когда крик разрезал воздух пополам. Безопасность в нескольких футах, но я не могла уйти, слыша эти ужасные всхлипывания за собой. В этом не было ничего героического; просто воспоминание о том, как моя сестра, тоже невинная, умерла от рук другого агента Тени.

Косметика черными полосами стекала по щекам девушки из фотомастерской. Ее голубые глаза казались по контрасту прозрачными, но они были полны слез и страха. Я вряд ли спасу ее. Я не сумела спасти Оливия и не знала, как спастись самой, но если сейчас убегу — Бог видит, как мне этого хочется! — все равно не смогу жить. Сумка с глухим ударом выпала у меня из рук, и я повернула назад.

— Быстро движешься, Стрелец, — веселым голосом заметил Аякс.

Девушка взвыла.

— Не надо, — сказала я, делая еще один шаг вперед.

— Ты не убежала, когда была возможность. Этого я не понимаю в знаках Света. Рисковать своей жизнью ради смертных, которых вокруг так много. — Он взмахнул кочергой, как палкой. — Когда ты поймешь, что они ничего не значат? Они ничто. Только плоть, слабость и вонь. То, что агенты Света так их защищают, озадачивает меня… и позволяет убить тебя гораздо легче.

Я прочла его смертоносное намерение раньше, чем он двинулся, и нырнула в сторону за долю секунды до того, как он швырнул кочергу. Оружие, теперь метательное, вонзилось точно в то место, где я стояла, его острие зарылось в коробку с «кокой», фонтаны напитка взметнулись в воздух и вспыхнули.

Я устремилась к нему до того, как дым рассеялся, бежала по проходам, не имея определенного плана, только чтобы подобраться к Аяксу и к этой испуганной девушке. Я пересекла два прохода и оказалась в третьем, в конце которого он стоял. Аякс достал вторую кочергу, и на этот раз у меня не было времени увернуться или даже просто мигнуть. Аякс рассмеялся.

— Да, ты быстра, — повторил он, снова и снова поворачивая рукоять кочерги в руке. — Но посмотрим, достаточно ли.

Он не бросил кочергу, Я знала что он этого не сделает, еще до того, как он размахнулся и вонзил ее прямо в сердце девушки. Ее крик перешел в кашляющий стон, затем в булькающий звук и наконец в хриплый шум, словно она дышала через согнутую соломинку. Аякс принялся проворачивать кочергу, не доставая ее из груди девушки, как будто мешал суп. И она умерла, не отрывая от меня взгляда.

— Почему? — спросила я. Тело, мозг, дыхание — все во мне оцепенело. Я вобрала в себя всю оставшуюся энергию, зная, что если не сделаю этого, упаду на месте под тяжестью чувства вины, отвращения и знания, что причиной всему этому я. — Почему ты убиваешь невинных?

Он бросил тело девушки на пол и вытер руки о пиджак.

— Меня забавляет боль. И смерть тоже.

— Тогда это покажется тебе очень забавным. Аякс узнал, насколько я быстра.

Мы с грохотом упали на пол и покатились под фотоприлавок. Запахи превратились в цвета: желтые химикалии, тусклая кровь, черный, как смола, дым. Дыхание Аякса, гнилое, как 1 пой, доносилось до моего слуха. У него кислый вкус: мои зубы отыскали плоть и впились в нее. Он взвыл — і пев смешивался с болью — и вырвался; его кровь присоединилась к этому зловонному пиру. Я улыбнулась, услышав его крик, только смутно, какой-то частью сознания, отдавая себе отчет в том, что на мне все еще свиная маска, а по моему подбородку течет чужая кровь. Я, должно быть, действительно выглядела, как зверь.

Мы снова метнулись друг к другу.

Он должен был оказаться стремительнее меня, точнее, той «меня», какой я была за девять недель до этого, но теперь я предвидела его движения: встречала удар ударом, делала ложные выпады. Мои тренировки и та сила, которую я получила во время метаморфозы, великолепно слились. Агрессивность, вызванная притоком адреналина и ничем не разбавленная ненависть проявились в скорости, какой раньше у меня никогда не было.

Я наслаждалась этим. Мои удары становились упреждающими. Я наносила их первой и с огромной силой. Я была слишком уверена в себе… и, конечно, это было моей ошибкой.

Я врезала по его бедру, намереваясь лишить его возможности пользоваться левой ногой, и Аякс как будто споткнулся. Но когда я придвинулась, развивая успех, Он подставил мне подножку и двинул по незащищенной нижней части лица. И прежде чем я

пришла в себя, он был на мне: мы рухнула на землю, но на этот раз вся объединенная тяжесть пришлась на мое тело.

Воздух вырвался у меня из груди, и острая боль подсказала, что по крайней мере одно ребро сломано. Аякс легко перевернул меня, навалился и прижал своей тяжестью живот. Я пыталась вдохнуть, но не могла. Аякс рассмеялся… как смеялся, вынюхав меня или убив невинную девушку. Меня уже тошнило от этого сухого, словно дребезг костей, звука.

Я поднесла свободную руку ко рту, рука вся оказалась в крови. Но когда повторила движение, рука осталась сухой. Я излечивалась еще быстрей, чем раньше. К несчастью, Аякс тоже заметил это.

— Что? Больше никаких трюков, маленький Стрелец?

Он положил ладони мне на грудь — это жест можно было бы принять за интимный и ласковый… пока он не надавил. Я застонала от боли: только что сросшееся ребро снова хрустнуло.

Он опять негромко засмеялся, и я видела, к чему это все ведет. Сидя на мне и по-прежнему придавливая своей тяжестью, он наклонил голову и принялся внимательно меня разглядывать.

— Когда мы впервые встретились, я почти пожалел тебя. Помню, я подумал: «Бедная девочка понятия не имеет, зачем существует, не знает, на что способна и кем могла бы стать». И это действительно печально. Вся эта сила, которая начинает в тебе просвечивать. Все эти способности, которые стремятся вырваться наружу, но сдерживаются тупым, невежественным сознанием. Не говоря уже о хрупкой плоти.

Он снова сломал мне ребро, и голова у меня закружилась от боли. Я закрыла глаза, опасаясь, что потеряю сознание. Как ни иронично, но мне не позволял это сделать его голос.

— Я не совсем лишен чувств, как тебе может показаться.

Я открыла глаза, чтобы проверить, насколько он правдив, но мне трудно было что-то разглядеть сквозь разрезы в маске. Однако голос его был серьезным.

— Батч, например. Мне он не был безразличен. Здорово. Ему не был безразличен другой психопат. Я хотела сказать, что это совсем не свидетельство его нормальности, но почувствовала, как снова срастается ребро, и мне стало все равно.

— Я шел на наше первое свидание, — разговорным тоном продолжал он, — собираясь, убить тебя быстро. Милосердно.

— Так что же изменилось? — спросила я как можно более ровным голосом. Стараясь дышать и отогнать боль, чтобы что-нибудь придумать.

Аякса не обманул мой вопрос. Наклонившись вперед, он легко сломал мое хрупкое ребро.

— Ты открыла рот. — Он снова надавил мне на ребра, просто ради удовольствия.

Я закричала, не в силах на этот раз сдержаться.

— Взгляни на меня, Джоанна. Взгляни на меня, — терпеливо повторил он, словно говорил с ребенком. Впился пальцами мне в подбородок, заставляя смотреть на него. Лицо его из-за маски я различала смутно, но глаза были видны. — Я хочу, чтобы ты знала, каков я на самом деле, когда буду убивать тебя.

— Я знаю, кто ты, — смогла я ответить, чувствуя, как его пальцы глубже впиваются мне в щеки. — И я раньше наблюдала тебя без твоей маски.

— Да, в ресторане, но наблюдения не сравнятся с опытом.

О боже. Это звучит совсем плохо.

— Тебе солгали, Джоанна. — Он произнес это так, словно ему самому было больно. — Нет точного равновесия между добром и злом. Никакого ян и инь. Никакого плохого или хорошего. Света или Тени.

— Очевидно, твоя мать с этим не соглашалась.

Аякс на мгновение застыл, потом сильно шлепнул меня по щеке.

— Она ошибалась. Ее неверно информировали. Не узнала или забыла о том, что все, что есть в мире, это разные степени зла. И еще точка, в которой ломается каждое человеческое существо.

— Она не верила в это.

Он улыбнулся с наслаждением садиста. — В конце концов поняла.

— Ну, я пока пет.

Он наклонился ближе, глаза его блеснули.

— Я заставлю тебя в это поверить.

Я пыталась отстраниться, но для этого не было места.

— Давай оба снимем маски, ладно?

Он с силой сунул пальцы в прорези моей маски, и мои глаза спасло только то, что щели были узкими. Но столь же быстро, как он поднял свиное рыло, оно вернулось на место, врезавшись мне в кожу. Его тяжесть исчезла так неожиданно и стремительно, словно кто-то поднял его в воздух. По магазину пронесся дикий воинственный крик, сопровождаемый порывом ветра.

Отчаянно стремясь сохранить обретенную свободу, я пятилась, пока не ударилась головой о фотоприлавок. Сорвала маску с лица, чтобы увидеть, куда исчез Аякс и кто еще оказался с нами. Ответ получила немедленно. Меня не очень мягко подняли на ноги, и передо мной возникли сердитые карие глаза.

— Уоррен, — выдохнула я. Я отвела от него взгляд в поисках

Аякса: он пригнулся в проходе перед двумя людьми. Первый приземистый, но, очевидно, сильный, другой очень гибкий и подвижный: он прыгнул на семь футов, чтобы оказаться перед Аяксом. Оба вооружены, и у обоих на груди горят, отчетливо вибрируя, символы. Я отвела руки Уоррена, но он рывком вернул меня на место и глубже натянул мне на голову бейсболку.

— Не дай ему рассмотреть свое лицо.

Схватив меня за шею, как кошка котенка, он силой наклонил мне голову и потащил по проходу, закрывая своим телом. Я все равно чувствовала на своей спине взгляд Аякса, пытающийся в бессильной ярости проникнуть в. меня. Но Аякс оказался в меньшинстве и с гневным криком отвернулся.

— Я тебя отыщу, Стрелец! Я узнаю твою подлинную личность, а когда буду убивать тебя, ты поверишь!

Пальцы Уоррена сильней сдавили мне шею, не давая повернуться; выталкивая меня из магазина, он дунул в сторону Аякса чем-то похожим на малину. Последнее, что я слышала, был топот ног по линолеуму, хлопнула задняя дверь, и те двое пустились в погоню. Мы направились в противоположном направлении, назад к «Полосе», где сливается свет множества уличных огней.

— Моя сумка! — сказала я, резко останавливаясь.

— Шевелись, — приказал Уоррен, сильней толкая меня. — Феликс прихватит се.

— Можешь отпустить мою шею? У меня будет вывих.

Уоррен убрал свои руки так неожиданно, что я споткнулась. Он все время посматривал из стороны в сторону, оглядывался и вел меня быстрым шагом.

— Быстрей. Время перехода близко, а мы еще не в безопасности.

Мы побежали. Уоррен не ослаблял бдительности, а я пыталась дышать сквозь боль, которая постепенно ослабевала. Силуэт «Пеппермилл» приближался, освещенный с противоположной стороны заходящим солнцем, и сквозь большие окна я видела обедающих, которые не подозревали о нашем бедственном положении. Поразительно, как буднично выглядит все окружающее. Пешие туристы едва взглянули на нас, когда мы проходили между машинами по асфальтовой стоянке ресторана. Наверно, они считают нормальным для Лас-Вегаса, когда небритый бродяга в кожаном плаще тащит за собой девушку, у которой свитер наполовину сожжен на груди.

— Сюда.

Мы обогнули здание и оказались в узком переулке, пропахшем мочой. Здесь ждало такси с погашенными огнями, и, у

окна стояла пара, громко споря с шофером.

Мужчина наклонился, опираясь рукой на капот, в голосе, его звучало раздражение.

— Послушайте, вы работаете или нет?

— Я хочу в «Луксор», — скулила женщина. Вспыхнули фары, осветив нас своим лучом.

— Он ждет нас, — сообщил Уоррен.

Женщина бросила на него взгляд и взвыла. Не знаю, как выглядела я, но Уоррен направлялся к ним решительным агрессивным шагом, с подчеркнутой хромотой, его плащ реял вокруг ног. Пара попятилась в переулок, не самое безопасное направление, но по крайней мере подальше от нас. Машина двинулась вперед, и дверцы с обеих сторон раскрылись.

— Садись, — приказал Уоррен, обходя машину. Я молча повиновалась, поморщившись от боли, которую вызвало прикосновение кожи сиденья к бедру. Откинув голову, я закрыла глаза и вздохнула, когда машина тронулась.

— Чувствую запах Аякса, — сказал водитель, произнося что имя нараспев.

Я открыла глаза: он разглядывал меня в зеркало. Я могла видеть только его глаза: широкие и в морщинках по углам, словно он смеется какой-то своей шутке. Я не наблюдала ничего смешного, Уоррен тоже.

— Аякс каким-то образом выследил нас, — ответил он, потом обратился ко мне: — Объясни мне, Оливия, потому что мне кажется, что я что-то пропустил: какая часть «встретимся в «Пеппермилле» означает «будем сражаться с Аяксом к магазине на углу»?

Я отвернулась.

— Он начал.

— Ты понимаешь, что натворила? Что могла уничтожить?

Я стиснула зубы. Болела челюсть в том месте, куда впивались пальцы Аякса. Я знала, что боль пройдет и я излечусь, но сейчас мне это не облегчало положения.

— Что ты такого сделала, что он тебя нашел?

Водитель по-прежнему разглядывал меня; под его зеркалом качалась лапка кролика, приносящая удачу, и в глазах его был 8 смех. Я повернулась к Уоррену.

— Ничего.

— Что-то ты сделала, — заявил он, уставившись на меня. — Он отыскал тебя, несмотря на маскировку, всего за две недели. Я хочу понять, как.

Очевидно, в комиксах я еще до этого не дошла. Я пожала плечами.

Лицо Уоррена оставалось холодным и каменным, он смотрел на меня не мигая.

— Ты звала его по имени? Я покачала головой.

— Ты сама его искала?

— Нет.

Я снова сжала зубы. Боль прошла.

— Черт побери, Оливия! — Он ударил кулаком по переднему сиденью. — Тебе когда-нибудь перестанет везти! Что ты сделала?

Я произнесла с равными паузами:

— Ничего. Больше. Не. Кричи. На. Меня.

— Уоррен прав, — сказал небрежно водитель. — Тебе везет.

— Не просто везет… глупо везет!

Я посмотрела на него: клянусь, очертания его лица были ярко-красными. Этот манипулирующий людьми торт считает, что может сердиться на меня? Когда моя сестра погибла, моя жизнь кончена, а кости снова и снова срастаются у меня внутри?

— Я повторяю: не смей кричать на меня!

Слова рикошетом отлетели от стен салона машины. Та задрожала, шины заскрипели. Водитель схватился за руль, не отрывая глаз от дороги; больше он не улыбался, и в воздухе повис запах горелой резины. Уоррена отбросило на спинку сиденья.

Я поняла, что это проявилась моя теневая сторона. Это был не мой голос. Он ниже, глубже моего естественного голоса. Мои связки словно обдало яростью. Я сглотнула, стараясь подавить гнев — жар обжигал мне легкие, — и снова отвернулась. В глазах закипели слезы. Черт побери! Что со мной происходит?

— Боже, — вымолвил водитель, переводя дыхание. Наступило долгое молчание.

— Ты кого-нибудь убила? — спросил наконец Уоррен.

Я не поверила собственным ушам, пораженная до мозга костей.

— Конечно, я так всегда поступаю после педикюра, но на этот раз — нет, не успела!

Уоррен покачал головой. Неожиданно он постарел и выглядел совсем не так, как раньше.

— Это не шутка.

— Ошибаешься, Уоррен! Все происходящее — большая шутка! Сверхъестественная организация защищает Лас-Вегас? Дай мне передохнуть! Информация, передающаяся через комиксы… и моя грудь начинает гореть, как новогодняя елка, когда кто-то хочет меня убить! — Теперь я говорила скорее испуганно, чем пугающе. — Все это проклятая шутка! И знаешь что? Вся моя жизнь стала игрой слов!

Я почувствовала, как к горлу подступает смех, горький, как

желчь, и я сдержала его, потому что боялась, что, если начну смеяться, не смогу остановиться. С трудом придя в себя, испытывая головокружение, я сказала:

— Не указывай мне, что я должна думать о произошедшем с моей жизнью после твоего появления. Если захочу, буду выть на луну. И, — добавила я, тыча себя пальцем в грудь, — никогда, никогда не указывай мне, что я должна чувствовать!

И тут я действительно начала смеяться. Смеялась и смеялась, пока безумный смех не перешел в слезы. Тогда я разрыдалась и очень долго продолжала плакать.

16

Остаток пути в такси мы проделали в неловком молчании, Мы проехали по Индастриал, нырнули под Фламинго-роуд. Я тупо смотрела, как солнце садится за «Пальмами»,[48] и чувствовала, как с востока надвигается тьма. Пробка возникла на параллельном нам шоссе 1-15, и я видела, как люди, оказавшиеся на этой части шоссе, на мгновение задержавшееся на своем пути к дальнейшей жизни, улыбаются и разговаривают в своих машинах.

Мир вокруг меня продолжал существовать, а я пыталась самой себе ответить на вопросы Уоррена. Как отыскал меня Аякс? Сделала ли я что-нибудь такое, что привлекло его ко мне? Я пыталась освежить в памяти подробности, но воспоминания затмевались криками и болью, а запах Аякса проник мне под кожу и теперь сочился сквозь поры. Вопросы передо мной продолжали громоздиться, и, как те водители на шоссе, я застряла в вечной пробке.

Почему Уоррен спросил, не убила ли я кого-нибудь? Неужели он верит, что я могу убить? Верю ли я в это сама — в каком-нибудь далеком уголке души? Я снова вспомнила о рабочих-строителях, вспомнила, как упивалась свой властью, свой возможностью с помощью слов и чувств проделать дыры в их жизни. Я пыталась оправдаться, говоря, что они это заслужили, что они сами напросились; но правда была в том, что хотя я не убила Марка и этого другого рабочего, спавшего с его женой, я ужасно и безвозвратно изменила их жизнь. И разве это не своего рода смерть? Разве я не разбила надежды Марка, не разбила его сердце, показав ему, что он не ошибался, подозревая жену и друга?

Я прикрыла рот рукой и слепо смотрела в окно, решив, что не хочу получать ответы на свои вопросы.

Мы неожиданно остановились на полупустой стоянке за «Кантиной» Томми Рокера,[49] любимым местом отдыха местных жителей, которые хотят быть вблизи «Полосы», но не смешиваться с туристами. Из бара вышли два совершенно невинно выглядящих мужчины: просто коллеги заглянули выпить перед возвращением с работы домой, но я узнала в них тех двоих, что преследовали Аякса, Тот, что пониже, смуглый и выглядит мрачно, тот, что выше, весел и жизнерадостен; слегка подпрыгивая, он направился к такси. Ответ сверхъестественного мира на Лорела и Харди.[50]

Дверцы перед ними открылись.

— Обо всем позаботились? — спросил Уоррен, когда они

сели.

— Конечно, — сказал первый. Он наклонился, даже не взглянув на меня. — Там все пропиталось ее запахом.

— Все в порядке, — резко отчеканил второй, и они оба замолчали.

Машина снова пошла, но теперь мне мешали видеть шоссе свежие слезы. Это «обо всем» Уоррена означало на самом деле «о ней». И я подумала, какими будут заголовки в завтрашних газетах. «Девушка-подросток убита при попытке грабежа магазина». Или «Трагедия в магазине». Но я была уверена: заголовка «Новый супергерой уничтожает еще одну жизнь» точно не будет. Об этом побеспокоились Уоррен и его друзья.

Я неловко заерзала, и высокий — тот, который перескочил через проход, — повернулся ко мне и сочувственно улыбнулся.

— Вот. — Он протянул мне мою спортивную сумку. Я с трудом глотнула, взяла ее и прижала к груди. Первый тоже повернулся, но на лице его доброты не было. Он поморщился, заметив мои слезы.

— А Аякс?.

— Как обычно, — последовал ответ. — Дым, зеркала, все эти штуки Тени.

Добрый продолжал наблюдать за мной. Я хотела попросить его прекратить, но сейчас у него единственное в машине дружелюбное лицо. Я постаралась не выглядеть угрожающей. Он протянул руку через спинку сиденья.

— Феликс.

— Начинается, — хмыкнул второй. Феликс улыбнулся.

— Значит, ты новый Стрелец. После твоей матери у нас в Зодиаке Стрельца не было.

Я подала ему.

— Джо…

— Ее зовут Оливия, — прервал Уоррен, и я вспыхнула, почувствовав на себе его взгляд, опустила руку на колени и отвернулась от них обоих. Второй на переднем сиденье пробормотал что-то такое, что я не разобрала, но уверена, это была не похвала.

— Заткнись, проронил водитель, и все замолчали.

В том, как такси пробиралось между машинами, объезжая вокруг, а в одном случае и преграды, чувствовалась срочность и напряженность, и огни за ветровым стеклом как будто делили город на две части.

— Успеем?

— Успеем, но кому-то придется вести машину.

— Ты остаешься на этой стороне, Грегор? — осведомился

Феликс. Остальные тоже казались удивленными.

— Только до рассвета. Кто-то должен наблюдать за городом. К тому же с ней, — указал он кивком на меня, — до утра ничего интересного не произойдет.

— Это будет приятной переменой, — заметила я, ни к кому не обращаясь, и Уоррен наконец улыбнулся.

— Осторожней, Грегор. Мы не знаем, раскрыли ли они тебя.

— Думаю, если бы раскрыли, уже добрались бы до меня. Я ведь не самый сильный из звездных знаков. — Грегор поднял правую руку и показал мне. Она заканчивалась у локтя. -

Однако сегодня я нашел счастливый пении, и со мной моя лапка кролика. Все будет в порядке. Уоррен повернулся ко мне.

— Как я сообщил тебе по телефону, переход возможет! только точно в тот момент, когда свет и тьма поровну распределены в воздухе. Стоит запомнить, если дело происходит в середине ночи и тебя преследуют, нужно суметь выжить в течение шесть часов, прежде чем появится возможность скрыться в убежище.

— Она даже этого не знает, — заворчал человек на переднем сиденье и скрестил руки.

Я наклонилась вперед, чувствуя, как во мне снова возникает гнев. До сих пор как супергерой я была полной неудачницей, да и в моих человеческих качествах можно усомниться, но у меня есть гордость.

— Послушайте, мистер. Мне неизвестно, кто вы и что вы имеете против меня, но я не видела ни вас, ни ваших боящихся криптонита приятелей до того, как перед моей машиной не возник Уоррен.

— Точнее, ты его переехала… Феликс повернулся к Грегору.

— Я не боюсь криптонита. А ты?

— Так что давайте кое-что выясним. Я не просила этого. И была бы гораздо счастливей, если бы никогда не слышала о метаморфозах, переходах и прочей сверхъестественной ерунде, но я здесь. Так что смиритесь с этим. И мне, по-видимому, тоже придется смириться.

Тот, что впереди, обернулся и смотрел на меня прищуренными глазами. Было что-то неуловимое в текстуре его гнева — необычное и знакомое в одно и то же время. Мне казалось, что я должна узнать его или по меньшей мере один из его компонентов, но не получалось.

Последовало долгое молчание. Наконец Грегор съехал на обочину, переключил рычаг коробки передач в нейтральное положение и повернулся ко мне лицом.

— Оливия, это Чандра. Она один из наших лучших специалистов-химиков. Это она приготовила твой новый запах.

Она?!

Я почувствовала, как гнев оставляет мое тело, а кровь отливает от лица, Я мысленно хлопнула себя по голове: знакомая черта в генетической окраске Чандры — это ее пол. Женский.

Да, поистине один из черных дней.

— Я поведу.

Чандра распахнула дверь.

— Ну, так говорить не стоило, — произнес Уоррен, пока Чандра обходила машину.

— Чандра терпеть не может, когда ее принимают за мужчину, — объяснил Грегор, открывая дверь со стороны водителя, но в глазах его был смех. И я поняла, что не первая допустила такую оплошность. К несчастью, я также знаю женщин. Они редко такое прощают. А Чандра не кажется вообще способной на прощение.

— Не ждите меня, ребята, — сказал Грегор, выходя из машины.

— Потони, если задержишься, — попросил его Уоррен.

— Хорошо.

Чандра захлопнула дверь и тронула машину.

— Черт побери, — услышала я шепот Феликса.

— Ты пристегнулась? — спросил Уоррен.

Машина развернулась, шины завизжали, заскрипели, прежде чем нашли опору на гравии, и машина рванулась. Меня вдавило в спинку; я смотрела вперед, но в зеркале заднего обзора видела, как быстро уменьшается фигура Грегора. Однако сплошная бетонная стена высотой в двенадцать футов перед нами казалась более важным обстоятельством.

— Женщины водители… — устало начал Уоррен. «Может, машина умеет летать, — подумала я, видя, как неуклонно приближается стена. — Или стена разойдется или исчезнет, словно ее и не было». Но тут Уоррен рядом со мной весь подобрался, и я поняла, что стена никуда не денется.

Мы ударились о нее на скорости в шестьдесят пять миль в час. Меня бросило вперед, и гневный скрежет металла при соприкосновении с бетоном добавился к запаху от горелой резины в пыльном воздухе. Бока автомобиля задевали за что-то, кирпичи падали на его крышу, и он остановился так же резко, как любая нормальная машина. Однако когда я открыла глаза, корпус машины был невредим.

— Ненавижу эту часть, — заметил Уоррен, отстегиваясь. Я поднесла ладонь ко рту и обнаружила свежую кровь. — Что это было?

— Что именно? — осведомился Уоррен. — Ты думала,

переход в другую реальность — это просто?

— Привыкнешь. — Феликс, улыбаясь, открывал дверь. — Помогает, если вначале выпьешь коктейль.

— Ты имеешь в виду, что мне придется это делать снова?

Чандра усмехнулась мне в лицо в зеркале.

— Добро пожаловать в наш мир, — изрекла она, покидая машину.

«Сука», — подумала я, глядя, как она уходит, пробираясь через обломки.

— Пойдем. — Уоррен поманил меня.

Я вздохнула, покачала головой и направилась за ним в его мир.

Я выходила из такси так, как другие склонные к приключениям люди некогда ступили на Лупу. Небольшой осторожный шаг, за ним другой; гравий, обломки кирпичей и стекла хрустят под ногами. Мы как будто находимся на заваленном обломками дворе; повсюду торчат под неожиданными углами куски металла и останки стены с мотками колючей проволоки. Я оглянулась, пытаясь увидеть в проломе стены Грегора, но вся пыль, поднятая ударом пашей машины о стену, устремилась в этот пролом, как дым в трубу камина; каким-то образом она слипалась, становилась густой и прочной; она колебалась, как бетон.

Остальные были передо мной, они шли цепочкой, и хромота Уоррена стала заметней: ему здесь приходилось труднее всех. Я заторопилась за ним и тут же поняла, что обломки во дворе — совсем не куски металла, а остовы таких слов, как «Нормандия», «Фотомагазин» и «Кафе». Был здесь и огромный кактус с ободранной зеленой краской и отверстиями, из которых торчали облысевшие и сломанные отростки-шипы, и шестифутовый стакан мартини, по краям которого проходили стеклянные трубки. Акры разбитых неоновых ламп, флуоресцентной краски и исторических вывесок, которые украшали Лас-Вегас, когда им правили еще выходцы из Италии и вспышки неона заливали улицы с заката до рассвета.

— Где мы? — поинтересовалась я, разглядывая разбросанные буквы: еще можно было прочесть слово «Казино».

— Неоновое кладбище, — бросил через плечо Уоррен, пробираясь мимо вывесок «Ландмарк» и «Дюны». Каждая буква была больше него.

— Где умирают огни, — добавила Чандра, повернув ко мне лицо и ухмыльнувшись.

— Где отдыхает Свет, — поправил Феликс, неожиданно появившись за моей спиной. Он снова улыбнулся мне, и я была

ему благодарна. — Самос близкое к дому место.

Мы вслед за Уорреном миновали лампу Аладдина и свернули влево у вывески «Тандерберд» — курсивом. Еще чуть-чуть, и мы оказались перед самым большим и кричащим экспонатом этого двора, — все еще величественным, хотя все украшавшие его лампы были разбиты или перегорели.

— Пришли, — объявил Уоррен.

Я в замешательстве уставилась вверх. «Серебряный башмачок»? В детстве, наряду с «Огненным домом» Фокси и стофутовым клоуном, который все еще возвышается перед «Циркус Циркусом», этот «Серебряный башмачок» был моей любимой неоновой вывеской. Подойдя ближе, я увидела, что лампы, некогда усеивавшие яркую вечернюю туфельку, давно исчезли, из отверстий торчали ржавые провода. Я удивилась, поняв, что она всего пятнадцати футов высотой — когда она вращалась над заведением, всегда казалась мне громадной, — но весит она не менее двух тонн. Все остальные обошли гигантскую туфлю и начали подниматься по ржавой лестнице, прикрепленной к ее каблуку.

Вначале я просто стояла и снизу вверх смотрела, как три супергероя становятся силуэтами на фойе убывающего вечернего света. Первой шла Чандра. Она не обращала внимания ни на меня, ни на остальных и, добравшись до верха, без всяких церемоний села и скользнула вниз, в большую, некогда украшенную лампами трубу. И как раз перед тем как она добралась до изогнутого переда туфельки, загорелся свет и она исчезла.

— Пошли, — крикнул мне сверху Феликс. — Ты отстанешь.

Этого я хотела меньше всего. Надев сумку на плечо, я заторопилась к лестнице. Поднялась я как раз вовремя, чтобы увидеть, как дорога передо мной осветилась, как взлетная полоса перед самолетом.

— Что мы делаем? — спросила я у Феликса, который уже наклонился, собираясь начать спуск. Опять мне все приходится узнавать самой.

Он улыбнулся мне через плечо.

— Просто следуй за светом. Он тебя поведет.

И он начал скользить по спуску, пока — вспышка! — не исчез в носке туфельки.

— Это как все остальное, — сказал Уоррен, ступая на узкую платформу. Вначале он вытянул перед собой искалеченную левую ногу, потом здоровую правую. — Если сделаешь первый шаг с верой, в конце окажешься там, где хочешь быть.

И, не дожидаясь ответа, он тоже исчез.

— Где я хочу быть? — воскликнула я, хотя слушать меня было некому. Я не знала, где это место… хотя была почти уверена, что оно не под землей, не под Серебряной Туфелькой на Неоновом кладбище, где умирают выброшенные вывески Лас-Вегаса.

Просто сделай первый шаг. Я сделала, и передо мной засветилась сверхъестественная взлетно-посадочная полоса. «Должно быть, это добрый знак», — подумала я, разглядывая маяк на самом конце. Неожиданно Туфелька вспыхнула, полоса исчезла в таком ярком свете, что мне пришлось закрыть глаза. Свет становился все ярче.

Я отступила, пытаясь сойти с платформы. Боялась упасть, хотела осмотреться, но не могла убрать рук от глаз, потому что можно было ослепнуть. Услышала шипящий звук и почувствовала запах горелого. Потом ощутила этот запах, горячий и липкий, в глубине горла и поняла, что он исходит от меня.

Боль взорвалась в голове, виски словно сверлили, я закричала и слепо бросилась вперед. У меня не было другого выхода — только двигаться. На платформе я просто Сгорала, как в микроволновой печи, во мне нагревались внутренние органы, я жарилась изнутри.

«Я как будто на трассе бобслея, но без саней», — истерически подумала я. У меня перехватило дыхание. Мимо меня струился огонь, яркий, но гибельный, он окружал меня… и не просто освещал, но проникал внутрь.

Падая, я подавилась бело-горячим жаром, который, как лава, устремился мне в рот, поднимаясь мягкой горячей волной и мозг. Чувствовала, что меня всасывает сквозь невидимое пламя, огонь обжигал мне щеки и уши, мне словно совали в глаза раскаленную кочергу. Я закричала, но горло не выдавило ни звука.

— Почему она так долго?

Раскаленные, слова скользили мимо меня, я продолжала падать. Новые волны жара накатили на меня, теперь это была радиация; она обжигала мою плоть, пронизывала вены, отыскивала кости.

— Она идет. Слышите?

«Быстрей», — подумала я, зная, что вот-вот потеряю сознание. Я обгорела. У меня закружилась голова, а легкие были близки к тому, чтобы разорваться. И только когда приземлилась с глухим ударом, поняла, что в груди еще остался воздух, который и вырвался из меня. Я рухнула и начала вбирать воздух, как Несси, поднявшаяся со дна озера, — Как грациозно, — услышала я слова Чандры. Я, стоя на четвереньках, глотала воздух, думая, что никогда в моей жизни он не был таким свежим, холодным,

мягким и сладким. Он излечивал язвы у меня во рту, и они лопались, когда я начинала двигаться. Язвы были ив легких, здесь они оставались мокрыми и очень болели.

— Оливия?

Кто-то положил руки мне на плечи. Я взвизгнула и отпрянула — и не только потому, что моя плоть зашипела при этом прикосновении. Я чувствовала себя абсолютно уязвимой: я нахожусь неизвестно где, у меня обгорело тело, я не могу ориентироваться, и меня предали те самые люди, которые должны были защищать.

И мне было невероятно жарко.

Почему мне не сказали, чего ожидать? Или что делать? Почему меня просто бросили, одинокую и горящую? Но задать эти вопросы я не могла: слишком занята была дыханием. Меня начала бить дрожь — конечно, это лучше паралича, но ненамного.

— Что с ней?

На этот раз я узнала голос Феликса, низкий и встревоженный. Мои обожженные глаза ничего не видели — я не могла понять, открыты они или закрыты, и голова болела в том месте, которым я ударилась о спуск. Но это ничто по сравнению с волдырями и ожогами, которые я чувствовала у себя в мозгу. Я сидела на корточках, проклинала себя и хотела умереть.

— Немного излишне драматично, не кажется вам?

— Заткнись, Чандра.

— Оливия?

Снова руки Уоррена. На этот раз я позволила перевернуть себя. Все ахнули… что, вероятно, ничего хорошего не предвещает.

— Что с ней произошло?

— Боже! Никогда ничего подобного не видел.

— Позовите Грету, — раздался возглас Уоррена. — Быстрей.

— Мы уже десять раз могли ее убить, — произнесла Чандра, и я почувствовала, как вздрогнул Уоррен. — Это слабость. Тульпа все об этом узнает. И использует ее против нас.

— Не узнает, если никто ему не сообщит. К тому же у пего у самого такая же слабость.

— Что случилось? — наконец смогла вымолвить я. Слова застревали в горле, как занозы. Я выталкивала их. — Почему так больно? Почему глаза не перестают слезиться?

— Это не слезы, — заметила Чандра, и на этот раз виновато. — Это кровь.

Я коснулась рукой лица,

— Прости, Оливия. — Голос Уоррена звучал панически, и я из-за его неуверенности ощутила сильную тревогу. — Это моя

вина. Я забыл.

— Что забыл? — спросила я, поднимая лицо, слепая, как цыпленок. Могу себе представить, как я выглядела.

— Тень в тебе. Она не терпит Свет.

Я не могла себе даже представить, что на это сказать.

Затем послышался другой голос, возник запах, наполненный дождевой водой и мятой, женские ладони легли мне на плечи. К глазам мне осторожно приложили влажную тряпку с трапами.

— Тише, милая. Я здесь. Все будет в порядке.

— Ей больно, Грета, — проговорил испуганно Уоррен.

— Знаю, — ответила женщина. — Отнесите ее ко мне в комнату. Я о ней позабочусь. — Меня подняли сильные руки. Впереди послышался стук каблуков. Мне в ухо пахнуло дыханием Уоррена, холодным и легким.

— Мне очень жаль.

Я почувствовала, как у меня падает слеза, представила алую дорожку на щеке и подумала: «Мне тоже». Прислонилась к Уоррену, все еще ощущая запах горелой плоти.

Мне тоже.

17

Эта женщина, Грета, осведомилась, дать ли мне что-нибудь, чтобы я забылась; я согласилась, решив, что она может просто снести мне голову с плеч, если боль не прекратится. К счастью, такое драматическое средство не понадобилось; она сделала мне укол, и через несколько мгновений я погрузилась в благословенное ничто.

Когда я очнулась, в комнате было совершенно темно, но в ней оказались люди. Я быстро поняла, что темнота объясняется повязкой, плотно укутавшей мне голову. А люди… что ж, просто их было много. Но помимо множества человеческих голосов вокруг, мне показалось, я слышу и птичьи — неужели в Серебряной Туфельке есть птичник? — и ощущаю запах двух десятков роз. Я даже узнала сорт роз — «Двойная радость» по топкому аромату каждого лепестка. Зрение, возможно, мне отказало, но обоняние и самой лучшей форме.

— Мы не можем вывести се так же, как привели, — заявил Феликс. — Это убьет ее.

Мысль о повторном проходе через этот большой круглый серебряный палец ноги вызвала у меня учащенное сердцебиение.

— Не может же она оставаться здесь вечно.

— Грета никогда не покидает убежище, — напомнил Майках.

— Грета — медиум, — возразила Чандра, — не супергерой.

Видимо, это продолжается уже какое-то время. Силы зла сегодня ночью могут свободно действовать в Лас-Вегасе, а супергерои из отряда Зодиака 175 спорят друг с другом, как команды на бейсбольном поле. К тому же говорят обо мне так, будто меня здесь нет. Нет, хуже: словно я здесь, но не понимаю ни одного слова.

Я, конечно, понимала. Я супергерой, а супергерои не умирают. Я едва не погибла, и это их всех испугало до смерти.

Я зашевелилась в море подушек, и разговоры прекратились.

— Значит, вы считаете, что я здесь в ловушке? — На меня устремились взгляды пяти пар глаз: я их не увидела, по почувствовала. — В ловушке в Серебряной Туфельке, так?

— Хм, — немного погодя откликнулся Уоррен. — Да.

Я кивнула, словно самой себе, и поджала губы. — Но я в безопасности?

— В безопасности, но совершенно бесполезна, — сказала Чандра справа от меня.

— Дело в том, что мы не можем выпустить ее из убежища, пока не поймем, как Аякс сумел так быстро ее отыскать, —

произнес Майках. — После того как Чандра создала новый запах, я сам наложил его на Оливию. Он свежий и полностью забивает ее природный запах. Я даже подчеркнул его, чтобы связать ее с Уорреном.

Этого я не знала.

— Майках прав, — заметил Уоррен. — Я по-прежнему считаю, что ее нужно загипнотизировать и узнать, как…

— Уоррен, мы уже обсуждали это. — Голос Греты звучал резко. Похоже, за этой мягкой внешностью кроется сталь. — Она и так достаточно испытала.

— Но Аякс должен был добраться до нее через меня.

Это утверждение было встречено молчанием. Я вспомнила гневные слова Уоррена в такси. Что ты такого сделала, что он тебя нашел?

— Ну, я не звонила ему и не просила встретиться, если ты об этом думаешь.

Я представила себе этот звонок.

Аякс, дорогой, давай начнем все сначала. Мне нужно заглянуть в фотомастерскую, но мы можем убить там невинную девушку — просто ради прежних времен. Я знаю, тебе это понравится. Прихвати что-нибудь поострее, чтобы можно было поиграть. Может, что-нибудь такое, что вспыхивает при прикосновении?

Прохладные пальцы коснулись моей кожи, повязку осторожно сняли. Я помигала, как новорожденный. На самом деле в комнате было полутемно, но мое зрение все равно с трудом воспринимало этот слабый свет. Но оно работало достаточно хорошо, чтобы я разглядела широкие карие глаза. С ними был связан запах, который я мысленно уже отождествила с Гретой. — Спасибо.

Она ответила тем, что села на кровать рядом со мной: се тяжесть была почти неощутима.

— Может, ты расскажешь нам, что делала, когда Аякс нашел тебя. Начни с того момента, как Уоррен связался с тобой, и вспоминай все до появления Аякса.

Я осмотрела комнату, цветистую, женственную, полную роз, и увидела, что все остальные, кроме Грегора, собрались у моей постели. Чириканье, которое я слышала раньше, доносилось из большой золотой клетки на пьедестале в глубине комнаты; в клетке сидели два попугайчика.

— Ну, я собралась и пешком, как и велел Уоррен, пошла на Бульвар, но у меня была пленка, которую нужно было проявить, и я подумала, что…

— Значит, ты нарушила прямой приказ, прокомментировала Чандра.

— Я не зеленый — будь он проклят — берег. Я бросила на нее раздраженный взгляд. — И нет, приказ я не нарушила. Я была всего в квартале от места встречи, а времени было достаточно. Я не знала, надолго ли отправляюсь — сюда, я имею в виду, — и хотела взять с собой снимки. Вот и все.

— Где они? — негромко осведомился Уоррен. Я впервые внимательно посмотрела на него. Он и так выглядел непрезентабельно в потрепанной одежде и с грязными волосами, а уж моя засохшая кровь на рубашке добавила колорита.

— В сумке. Не представляю, что с ней.

Забытая сумка лежала в углу. Я подумала, не разрешить ли Уоррену порыться в ней, но остановила его, когда он собирался раскрыть замок.

— На твоем месте я бы этого не делала. Внутри комиксы Тени вперемешку с комиксами Света.

Уоррен передал сумку мне.

— Открой.

Я потянула за ручку и раскрыла замок. Все уставились на мои руки, когда я доставала и откладывала комиксы Темп. В глазах присутствующих появилось любопытство, они пытались прочесть заголовки; Я достала и комиксы Света, положив сверху книгу о Страйкере.

— Вот эту я читала у входа в магазин, когда впервые почуяла Аякса.

— Можно? — спросил Уоррен. Я протянула ему комикс, и он принялся листать его.

— Он о парне по имени Страйкер, который попал в засаду во время своей трансформа…

— Мы знаем о Страйкере! — гневно выпалила Чандра. — Не говори о нем так, будто знала его.

— Боже, оставь ее в покое, Чандра.

— Иди ты, Феликс! — крикнула она и обвела всех вызывающим взглядом: кто еще что-нибудь скажет. Когда дошла до меня, скривила губы и недоверчиво покачала головой: — И она первый знак? Что за вздор!

Она развернулась и вышла, захлопнув за собой дверь. Попугайчики в клетке раскричались.

— Иди за ней, Феликс, — негромко попросил Уоррен.

— Да пошла она!

— Феликс.

Феликс вздохнул и покинул комнату, не проронив больше ни слова. Майках неловко поерзал.

— Я тоже пойду. Им может понадобиться рефери. Майках ретировался, а Грета прикоснулась к моей руке.

— Прошло всего шесть месяцев, — объяснила она спокойным добрым голосом. — Раны еще свежи.

Я кивнула, понимая. В конце концов я тоже видела смерть Страйкера. Видела, как рвутся жилы на его шее, как кровь заливает платье его матери, слышала ее душераздирающие крики. Чандра все равно сука, но нельзя винить ее в постигшем горе.

— Мне жаль, — искренне сказала я.

Грета потрепала меня по руке, затем налила в чашку чая из керамического чайника, гревшегося на плите.

— Все в порядке, дорогая. Выпей. Я сама собирала и сушила травы.

— Что это? — Уоррен держал в руках снимок Бена. Должно быть, я сунула его между страницами комикса, когда Аякс нашел меня.

— О боже. — Грета сочувственно глядела на меня. — Ничего удивительного.

— Что? — Я переводила взгляд с нее на Уоррена и назад, забыв о дымящейся чашке с чаем.

— Всякий может это почувствовать. — Она покачала головой.

Я открыла рот, чтобы спросить, что она имеет в виду, и неожиданно поняла. Это так легко, когда тебе покажут. Грета, прочитав мои мысли, тем не менее ответила: — Твою печаль, дорогая. Такая глубокая печаль. Так Аякс понял, где ты. Сильные эмоции: любовь, ненависть, горе, радость, надежда — выдают тебя, если ты не умеешь их контролировать.

— Поэтому мы просили тебя оставаться спокойной, — Уоррен по-прежнему казался раздраженным, но по крайней мере грязное подозрение с меня снято.

Грета наклонилась ко мне.

— А кто это?

Уоррен захлопнул комикс, оставив снимок внутри. Скатал его в трубку и показал на меня.

— Поговорим об этом позже.

И он тоже вышел из комнаты, оставляя за собой волны ярости.

— Ну как, — пошутила я, — умею я всех разогнать?

— Да, отлично сработано, — подыграла Грета, и я, сама того не желая, рассмеялась.

Она маленькая женщина, эта Грета, с тонкими пальцами и запястьями и такими же хрупкими ногами, что видны из-под узкой юбки и лабораторного халата. Разумного размера каблуки, скромные украшения, а волосы, убранные в шиньон, поседели на висках. Я бы дала ей сорок с небольшим, если бы ее глаза не

были такими мудрыми. «Грета старше, — решила я, — и, вероятно, гораздо жестче, чем можно подумать, глядя на ее лицо в форме сердца».

— Ты как будто хорошо поправляешься, — объявила Грета, возвращаясь ко мне. — Кроме рапы на бедре, серьезных повреждений нет.

Я коснулась внутренней стороны бедра, где меня задел кондуит Аякса, когда я убегала; рана была зашита и причиняла лишь легкое неудобство.

— Останется шрам — они всегда остаются от сверхъестественного оружия, — но порез был неглубокий. — Грета поправила мои простыни. — Твои глаза были в более тяжелом состоянии.

— Такое с кем-нибудь случалось раньше?

— Что именно? Повреждения, полученные по пути в убежище? — Я кивнула. — Не с агентами Света. Однажды Овен со стороны Тени пытался силой прорваться в убежище. Я слышала, что к тому времени, как он достиг конца спуска, от него осталось достаточно, чтобы покрутить на рашпере. Но это было три года назад, еще до меня.

До нее? Я наклонилась вперед, чтобы ей удобней было разглядывать мои глаза. Вероятно, ей понравилось то, что она увидела, потому что она перестала щуриться и улыбнулась.

— Я считала, что нужно вырасти в Зодиаке, чтобы стать членом отряда…

— О, нот. Я пришла к этому поздно, как ты. — Она снова села на кровать рядом со мной. — Моя мать была смертной — конечно, одаренной, но все же смертной. Отец — звездный знак Близнецы. Если бы родословная строилась по отцовской линии, я сама была бы звездным знаком. А так мне не хватает некоторых… физических данных. Технически, я не вхожу в отряд. — Она сухо усмехнулась, но не казалась обиженной такой судьбой. — Вдвоем они передали мне достаточно, чтобы я могла стать вспомогательным персоналом. Звездные знаки приходят ко мне, когда опасаются, что их эмоции — и соответственно их феромоны — могут их выдать. А иногда они приходят поговорить.

— Значит, ты… как шринк?

Она поморщилась, услышав это слово.[51]

— Лучше звучит «психолог сверхъестественного».

— Не… независимый? — спросила я, вспомнив описанное в комиксе деление на членов отряда и остальных.

Грета рассмеялась, потом слегка присвистнула краем рта.

— Будь осторожна с использованием этого слова. Некоторые могут сильно оскорбиться, если ты причислишь их к бродячим

агентам.

— Прости.

— О, я не имела в виду себя. Как я уже сказала, я отношусь к вспомогательному персоналу отряда. Мать ушла, когда я была еще ребенком. Вскоре после этого умер отец… от сверхъестественной причины, разумеется,… и с тех пор я предоставлена сама себе. Тем не менее Телец со стороны Тени наметил меня в качестве своей цели. Кажется, у пего с отцом были давние счеты. Грегор узнал об этом, отыскал меня и счел своим долгом привести меня сюда. И сумел убедить в этом Уоррена.

— Очень достойно с его стороны, — заметила я, думая, почему никто такого не сделал со мной. Или с Оливией.

— Достоинство тут ни при чем. Для тех, кто вырос в Зодиаке, на первом месте всегда долг. Превыше семьи, супруга, превыше всего, что есть в нормальной жизни. То, что не идет на пользу организации, просто игнорируется. Но если уж что-то делается, в этом участвуют все, чтобы достичь успеха. — Она с отсутствующим видом поиграла мелкими бусами на шее. — Поэтому Уоррен так встревожен из-за тебя. Знаешь, он очень на тебя надеется. Он легко никому не доверяется. Не говоря уже о том, что он сильно рисковал.

Это мне в голову не приходило. Слишком была занята своими тревогами и потерями, чтобы подумать, что это могло стоить ему.

— А чем он рисковал? — поинтересовалась я. Грета сделал легкий жест, выпустив бусы.

— Ну, учитывая момент, а что если он ошибся? Тогда он привел волка прямо к нам в середину. Тень среди Света.

— Я не Тень, — раздраженно произнесла я.

— Но ты разве Свет?

Я молчала. Откуда мне знать?

Грета ласково улыбнулась и снова накрыла своей ладонью мою.

— Послушай, я могу только представить себе, каково тебе пришлось, но если Уоррен покажется тебе резковатым, не забывай: его главная забота — обеспечить безопасность отряда. Он пытается понять, почему были убиты его лучшие звездные знаки. Его долг как руководителя — защитить их, а он этого не сумел сделать.

— Текла заявила, что среди нас есть предатель.

Грета вздрогнула, потом расслабилась, поняв, о чем я говорю.

— А, ты о комиксе, который читала перед тем как тебя нашел Аякс?

Я кивнула, и она встала, чтобы подлить мне чая.

— Бедная Текла. — Грета забрала у меня из руки чашку. — Она больше не в составе отряда.

— Неужели?

Грета покачала головой, потом остановилась.

Ну. она, конечно, здесь — если ее выпустить за пределы убежища, она будет опасна для себя самой и для всего отряда, — но Уоррен вскоре после убийства Страйкера приказал ее держать взаперти в лазарете.

Что-то в ее тоне привлекло мое внимание.

— Ты не согласна с его решением?

Грета пожала плечами, но движение было нервное, и она опять взялась за свои бусы.

— Конечно, когда она кого-нибудь видит, она начинает бредить. И говорит ужасные вещи. Обвиняет всех. Но все же… не знаю. Мне кажется, она отчаянно хочет вырваться. И я бы скорее поддержала ее, чем запирала. Может, когда-нибудь я ей и помогу.

Значит, предателя нет. Только потрясенная женщина, видевшая страшную смерть сына.

Грета вернулась ко мне, снова протянула мне чашку, вздохнув про себя, когда я ее взяла.

— Ты кажешься такой хорошей, Оливия. Но должна дать тебе совет: здесь никто не является таким, каким кажется. — Она стояла неподвижно и пристально смотрела на меня: хотела, чтобы я поняла. — Возьми, например, Уоррена. Когда он снаружи, в реальном мире, он и выглядит, и действует, и, к сожалению, пахнет, как бездомный бродяга. Взглянешь на него и увидишь точно того, кого и ожидаешь встретить на углу улиц.

Между тем он днем и ночью работает, чтобы остановить Тени, не дать им причинить вред смертным. Если что-то не удается, он старается скрыть преступление. Прикрывает неудачи слепым случаем, так чтобы никого нельзя было обвинить, не по кому ударить — потому что, знаешь ли, именно этого и хочет Тень. Работа Тени — уничтожение и хаос, которые должны лавинообразно нарастать. Ибо человеческие эмоции искажаются, если питаются отрицательной энергией.

— Но то, что он делает, тоже неправильно, — сказала я, хмурясь, потому что Уоррен учинил со мной точно то же самое — заставил принять на себя смерть Оливии. Он хитростью заманил меня. Играл моей жизнью так же, как Тени играют жизнями других людей.

— Ага. — Она плотнее закуталась в свой платок, — теперь ты начинаешь понимать, что движет Уорреном. Он больше заботится обо всем человечестве, чем об отдельных людях. Для него главное — чтобы оставались в равновесии чаши вселенной. Выбор, наш

или смертных, — это вторично.

Я отшатнулась.

— Но это… безжалостно.

— Ну, в прошлом Уоррена было такое, что делает жестокость добродетелью, — заявила Грета и, прежде чем я успела спросить, о чем она, подняла руку и покачала головой. — Но не мне об этом рассказывать. К тому же как можно не стать безжалостным, если имеешь дело с врагами, для которых смертные — всего лишь пешки на шахматной доске?

Она смутилась, осознав, что именно так я себя и чувствую, и виновато улыбнулась мне.

— Но есть и такие, кто мыслит, как ты. Они думают о смертных: «Они всего лишь на одну ступень ниже меня на шкале эволюции». Но отрядом командует Уоррен, а не они.

Теперь, когда я больше знала об Уоррене и о мере его ответственности, его действия казались более разумными. Поставила бы я отряд выше себя? Вероятно, нет. Поэтому у меня и нет такого выбора. Соглашусь ли я с тем, что жестокость может быть добродетелью? Вероятно, нет. Поэтому Грета и не рассказывает мне о прошлом Уоррена.

Я вздохнула.

— И Чандра одна из них, — высказала я догадку.

— А, Чандра. — Грета медленно кивнула. — Она совершенно ясна, верно?

— Когда мы встретились, я приняла ее за мужчину.

Грета поморщилась.

— Ну, ты бы все равно ей не понравилась… даже если бы приняла ее за мисс Америки. Прежде чем стало известно о тебе, она была следующей в очереди на место Стрельца. Твое появление отбросило ее на своего рода ничейную территорию, и теперь ей нужно отыскивать себе новое место в отряде. Но вначале нужно дать ей возможность оплакать утраченное.

Я сделала примирительный жест.

— Послушайте, если ей так нужна эта честь, я могу уступить ей.

— Это невозможно, — произнесла Грета, качая головой, и пристально посмотрела на меня. — Линия твоего происхождения сильнее, и закон совершенно ясен. За пределы кровных линий мы выходим только в том случае, если уничтожен весь род. Твоя мать была одной из нас, — и комиксы предсказали твое появление. Прочти их, увидишь сама. Твой долг теперь — исполнить свое предназначение. Наш — показать тебе, как это сделать.

Мне хотелось ей поверить, но ее слова, их смысл с трудом проникали в мое мятущееся сознание. Падение в Туфельку,

теплый чай в желудке, шок от повторного нападения Аякса — этого для меня слишком много. К счастью, Грета почувствовала это.

— Теперь поспи, — сказала она вставая. — Тебе нужно отдохнуть. Завтра осмотришься.

Она взяла у меня из рук чашку, а я откинулась на подушку и глубоко вздохнула. Грета уменьшила огонь лампы. 11тицы негромко чирикали, и запах роз окутал мое сознание. Я услышала негромкий щелчок замка. Но к этому времени моя голова была слишком тяжела, чтобы я смогла ее поднять, и я с радостью уплыла от мыслей о долге, о наследии, о женщинах, похожих на мужчин, уплыла в безопасность собственного сознания.

Эту ночь я спала так крепко и спокойно, как не спала с пробуждения в теле своей сестры, и, вероятно, это произошло из-за мягких слов Греты, ее чая и ощущения, что хотя но пути сюда я едва не поджарилась, здесь я нахожусь в относительной безопасности. Я знала, что видела сны, но в них не было смысла или воспоминаний: только постепенное выздоровление тела в долгие предполуночные часы и подавляющий аромат роз.

А потом я переползла во вторую половину этой ночи.

Я услышала их крики из своей комнаты в противоположном крыле здания; эти крики накладывались один на другой, как это происходило в реальности почти десять лет назад. Необычность того, что мама действительно возражает Ксавье, заставила меня на цыпочках пройти по коридору к их спальне, и особенный интерес я почувствовала, уловив, как они перебрасываются моим именем. Я прижалась к щели между дверью и стеной, стараясь не нажимать на дверь своим растущим животом.

— Я говорю о том, как ты на нее смотришь! — сказала моя мама. Ксавье попытался возразить, но Зоя холодно оборвала его: — Как будто она грязная изнутри! Как будто ей надо чего-то стыдиться!

Ксавье помолчал, прежде чем ответить:: — Она носит ребенка чудовища!

Я рукой закрыла рот, чтобы не вскрикнуть, и отступила в коридор, как — представила я себе — моя мать в спальне. Затем новым тоном Ксавье проронил:

— Что ж, какова мать, такова и дочь, я думаю.

Я услышала треск, с каким открытая ладонь ударяет но плоти, услышала удивленный возглас матери, и наступило долгое невыносимое молчание. Затем медленно, негромко, смертоносно…

— В моей дочери нет ничего плохого.

Она произнесла это так, словно я принадлежу ей одной. И

хотя мне снова шестнадцать лет, во сне я знаю, что Ксавье не мой отец. Да и сам он в глубине души это знает.

— Зоя!

Его призыв заставил меня торопливо спрятаться в портике, примыкающем к коридору. Я едва успела это сделать, как появилась моя мать, и я видела, как она идет по коридору. Я видела ее новыми глазами. Словно повязки, которые ранее сняла с моих глаз Грета, на самом деле были шорами. Теперь без них в зачарованности сна я заметила не только слезы на лице матери, но и ее решимость, ее сжатые кулаки.

— Зоя! Ксавье последовал за ней. Он остановился в коридоре, давая мне возможность рассмотреть изумление и гнев на его всегда спокойном, невозмутимом лице. Та моя часть, которая сознавала, что все это сон, хотела рассмеяться. Я совершенно забыла об этом споре. На следующий день мама исчезла, и я всегда была сосредоточена на этом факте. Но теперь все приобретало смысл, и во сне я смеялась над замешательством Ксавье.

Он услышал меня.

Голова Ксавье словно была присоединена к шее на храповике, глаза, подобные двум лазерам, сосредоточенным на цели, отыскивали меня в полутьме. Я застыла, улыбка на моем лице исчезла: он опустил подбородок и приподнял верхнюю губу в усмешке. Этого я совсем не помнила.

— Думаешь, это весело, маленький Стрелец? — спросил он; голос был не его, более низкий, хриплый от возраста и силы. Он медленно повернулся лицом ко мне, и я отступила; мне мешал живот… хотя я все время знала, что это сон, — я больше не беременна. И вообще я в другом месте.

Но эти глаза оставались сосредоточенными на мне, они были холодней и темней, чем раньше, и они безжалостно следовали за моим паническим бегством. Я уползала, а он шел — за мной, каждый шаг становился шире и быстрей предыдущего, но тут я прижалась спиной к люку для белья, больше мне некуда было скрыться.

Я глубоко вдохнула, чтобы проснуться, потому что знала, что это нереально: так, как происходит сейчас во сие, в действительности никогда не было. Но тут жирная ладош, зажала мне рот, и я ощутила вкус крови: это я прикусила верхнюю губу. Я почувствовала себя, как бабочка, приколотая к лоске. Я сопротивлялась, махала руками и ногами, младенец начал биться у меня в животе, но голова моя оставалась неподвижной под его железной хваткой. Но вот рука переместилась, он поднял мне голову, заставляя смотреть ему в лицо.

Я помню в своем детстве одно особенно жаркое лето. Однажды я нашла убежище под гигантским перечным деревом, развела нависающие ветви и оказалась в сумеречном углублении, заполненном острым запахом. Я уже собиралась сесть, прислонившись к толстому стволу, как увидела, что кора покрыта коконами цикад. Их были десятки — пустые мертвые оболочки на месте прежней жизни.

Вот таким было для меня и лицо Ксавье. Из огромной оболочки ушла вся жизнь, и из этих черных глаз на меня смотрела смерть. Я еще успела подумать, не треснет ли и не превратится ли в пыль под моими пальцами его кожа, как пустые коконы цикад, но тут бычьи черты Ксавье начали искажаться.

Словно невидимая гигантская рука смяла пластилин; его рот и нос поменялись местами, они гротескно ворочались на его лице, глаза и брови заскользили по лицу в стороны, уши совершенно исчезли. Пластилин истончился, начал рваться на лбу и щеках, обнажил мышцы и наконец блестящие белые кости.

Глазницы превратились в черные бассейны, мрачные, бушующие и живые, полные того, что можно назвать неутолимым гневом.

— Значит, ты хочешь начать в том месте, где остановилась твоя мать, Стрелец? Ты тоже придешь за мной? Думаешь, справишься?

Свободной рукой он толкнул меня в живот, и я ахнула под ладонью, все еще сжимавшей мне рот. Костлявый палец ткнул еще раз, и на этот раз я ощутила его в своих внутренностях, почувствовала, как он перебирает мои кишки в опасной близости к еще не родившемуся ребенку. Я извивалась под этим навязчивым прикосновением, а челюсти его черепа радостно щелкали.

— Я готов тебя встретить. О да, готов. — Он начал свирепеть, и сквозь отверстие носа пошел дым, от которого у меня заслезились глаза; из его рта начали вылетать горящие угли. — Аякс рассказал мне, что ты сильна так же, как была Зоя, но я чувствую твой запах в зимнем ветре, и знаешь, чем ты для меня пахнешь? — Его палец шевелился во мне, царапая, зажимая, заставляя меня вскрикивать, и когда он наклонился ко мне, его дыхание было полно глубокими огненными недрами. Он раскрыл рот, и меня едва не вырвало от зловония этой прогнившей души. -

Добычей.

Я рывком проснулась, едва не задыхаясь, в комнате Греты, где аромат роз смешивался с могильным запахом.

— Дьявол! — произнесла я, хватая воздух. — Что это было?

Я осознала, что прикрывала руками живот, и посмотрела на

него, косясь на глиф, который горел у меня на груди так же горячо, как когда я столкнулась с Аяксом. Но жара спадала, и это успокаивало, как и гладкая плоская кожа живота, без следов насилия или беременности; на ней вообще не было ничего, кроме отпечатка простыней, в которые я закуталась. Но внутри я по-прежнему чувствовала палец. Я закричала и ударилась затылком об изголовье, и в мозгу у меня загремел смех.

Потом в комнате стало тихо — только мое неровное дыхание и уходящие отголоски смеха. Я снова выругалась и прижала одну ладонь к животу, другую — к лицу. Должно быть, во сне я прикусила губу, потому что рука оказалась в крови, но на этот раз никто в моих внутренностях не копался.

Я посмотрела на позолоченные часы у постели Греты — «9:18» — и потерла глаза. Конечно, боль в них вызвана тем, что я спала так долго. И по той же причине спутаны и пропитаны потом простыни. Ведь я же не сумасшедшая.

«И Тульпа, — сказала я себе, продолжая успокаиваться, — не приходил ко мне во сне».

18

Когда я спустила ноги с кровати и, пошатываясь, пошла к зеркалу в гардеробе, один из попугайчиков негромко свистнул. К скошенному краю зеркала была прикреплена записка. Цветистым почерком на ароматной бумаге было написано: «Я ушла на работу. Будь как дома. К десяти за гобой придет Уоррен. Г.»

Я сорвала записку и принялась разглядывать в зеркале свое отражение. На виске пятно засохшей крови; его видно сквозь светлые пряди, как пятно далматинца. Я убрала его и, наклонившись, оттянула нижнее веко правого глаза. Никакой крови. Все нормальное. Целое. Я совершенно выздоровела, если не считать новой раны на губе. Да и та, я видела, уже затягивается.:. Я облегченно вздохнула и возблагодарила божество, которое, может, слышит меня. Теперь для восстановления мне нужен только горячий душ и еда. А вот мозг — другое дело. Остатки сна затягивали меня, как зыбучий песок, грозя подавить любые новые мысли.

Достав смену одежды из сумки, я направилась в душ. Полчаса спустя я была в полном порядке, в куртке с капюшоном, в брюках — все, разумеется, розовое; волосы забраны в конский хвост, лицо вымыто и выскреблено. Уоррен обещал, что сегодня я начну тренировки, и я знала, что это лучше всего поможет мне снова стать самой собой.

Я подумывала, не рассказать ли Уоррену о своем сне, но промолчала, когда, открыв дверь, увидела его. Он был в отглаженных брюках цвета хаки и синей застегнутой до низу рубашке, заправленной в брюки. Лицо гладко выбритое, глаза ясные и отдохнувшие, ладони по-прежнему мозолистые, но чистые и аккуратные. Если бы не взлохмаченные волосы, я приняла бы его за бизнесмена, направляющегося на утреннюю деловую встречу.

— Я рад, что ты полностью оправилась. Уоррен одобрительно осмотрел меня сверху вниз, не взглянув мне в глаза. Человек, который при первой встрече предстал нелепым бродягой, превратился в серьезного, строгого руководителя, и, глядя на него, я наконец сформулировала вопрос, который преследовал меня с тех пор, как я с повязкой на глазах пришла в себя в комнате Греты.

Если в убежище нет предателя, как горячо настаивает Уоррен, почему так важно, чтобы никто не знал моей подлинной личности?

Я не могла спросить Уоррена об этом сейчас — он явно на

меня сердит, — и когда он протянул телефон, который дала мне Шер, я просто взяла его с мозолистой ладони, сунула в карман и вслед за Уорреном вышла из комнаты.

Как объяснил мне накануне Феликс, убежище — это место отдыха; здесь осажденные звездные знаки пополняют запасы энергии, набираются знаний и тренируются для борьбы с тем врагом, который им в данный момент противостоит. Большая часть убежища населена только вспомогательным персоналом, детьми и новичками, которые постоянно живут под Неоновым кладбищем, но теперь здесь собрались и уцелевшие звездные знаки, и все убежище было возбуждено этой явной необычностью. Уоррен сообщил, что остальные — на совещании, несомненно, по поводу вчерашних событий, но скоро начнутся ежедневные тренировки в так называемом Саду Сатурна.

Однако для меня первой остановкой стали казармы. — Дом, милый дом, — сказал Уоррен, щелкая выключателем и пропуская меня в комнату. Комната чистая и по форме такая же, как комната Греты, но на этом сходство заканчивается. Нет никаких женских черточек, ни кружев, ни подушечек, ни салфеток. Бетонный пол и стены голы и выкрашены неизменной белой краской. К одной стене прижата огромного размера кровать, на которой только матрац, напротив низенький кофейный столик с фаянсовой посудой. На столике — поднос с камешками, все они белые; с потолка свисают три лампы с белыми бумажными абажурами — единственное освещение. Двенадцать полок шириной в ладонь, все красного дерева, подвешены над кроватью и прямоугольной формой повторяют форму абажуров. На полках стеклянные лампадки; будучи зажженными, они, наверно, придают тепло этой модульной, сделанной по единому образцу комнате.

Все в комнате строго утилитарно, тем не менее она теплая и сексуальная… хотя ничего не напоминает о том, кто здесь жил раньше. Мне она понравилась.

— Комната прекрасная, — заявила я Уоррену. Оставалось невысказанным, что эта комната в триста квадратных футов и должна быть прекрасной: мне предстоит в ней задержаться.

— А что имел в виду Майках, когда говорил, что создал меня так, что Аякс не мог меня найти? — спросила я, заглядывая в ванную и стараясь, чтобы вопрос звучал небрежно.

— Майках — талантливый врач, — отозвался Уоррен и направился за мной. — Он может не только изменить форму твоего носа, но и твою генетическую схему, то есть твои феромоны. Он синтезирует формулу, отличную от твоей собственной, и с помощью своего мастерства внедряет ее. Аякс не

знал новый код и не мог отыскать тебя так быстро.

Однако отыскал из-за моего расстройства по поводу Бена. Но в это я пока не хотела вдаваться.

— А когда говорил, что я каким-то образом особо связана с тобой? — Я наблюдала за его отражением в зеркале ванной, потому что так было удобней, чем смотреть прямо на пего.

Уоррен несколько насторожился, но ответил:

— Сделав тебе прививку, он взял кровь у тебя и ввел мне.

Я не была уверена, что это мне понравилось. Старается ли Уоррен обеспечить мою безопасность или хочет постоянно следить за мной? После вчерашних обвинений последнее казалось более вероятным.

— Значит, это следящее устройство…

— … за эмоциями, — закончил он за меня. Заметив в зеркале, что я нахмурилась, он повернул меня к себе. — Я понимаю, тебе кажется, что это слишком навязчиво, Джо, но ты уязвимей других агентов. Если бы не эта связь, я бы вчера не успел вовремя.

— Итак, во мне жучок.

— Это во мне жучок, — поправил он, постучав себя по груди. — У меня словно второе сердце. Я знаю, когда у тебя ускоряется или замедляется пульс, хотя не знаю почему. Поток твоей крови в сосудах как будто шумит у меня в ушах. Если ты просыпаешься в поту, мое тело стремится успокоить тебя. Я чувствую любое метаболическое изменение в тебе, и особенно обострено обоняние.

— Своего рода шестое чувство?

— Скорее седьмое. Или восьмое. — Он сложил руки на груди. — Попробуй, если хочешь. Подумай о чем-нибудь, что тебя тревожит, и я скажу тебе, в какой момент это возникло в твоем сознании.

— Хорошо. — Я закрыла глаза и попыталась оставаться совершенно неподвижной. Вспомнила, как проснулась в ароматной комнате Греты, негромко переговаривались птицы на насесте. Вспомнила, какое облегчение меня охватило, когда я ушла от своего сна. Вспомнила, как хихикала с Шер из-за шипящей воды и мятного крема. Потом сосредоточилась на человеке, стоящем напротив меня: вспомнила, как он спросил, убила ли я кого-нибудь, будучи совершенно уверен, что могла убить.

— Вот. — Я открыла глаза и увидела, что Уоррен показывает на меня пальцем. — Мой второй пульс ускорился, на ладонях выступил пот; чувство, подавляющее все остальные, гнев. Может, с оттенком страха. — Он наклонил голову. — О чем ты подумала?

— О Ксавье. Он мне угрожал, — ответила я, понимая, что

Уоррен может почувствовать ложь. Но мне было все равно: он внутри меня, или я внутри него. Сомневаясь в его истинных намерениях, я решила кое-что сохранять при себе. — Значит, ты ощутил то же, что и я, когда Аякс нашел меня?

— Когда он вошел в здание, я почувствовал запах твоего страха. Твоего гнева, когда он убил девушку… — Он немного помолчал и закончил: — И твою печаль еще до того, как все это началось.

Я понимала, что он вскоре вернется к этому. Избегая его глаз, отошла от двери, открыла шкаф и заглянула в пего.

— Ты должна была держаться подальше от пего, — заявил Уоррен, но я не обратила на его слова внимания.

— А чья это комната? — Я удивленно отступила от шкафа.

— Теперь твоя. — Он подошел ко мне и гоже посмотрел на ровные ряды одежды на полках и вешалках, на шеренгу туфель и другой обуви на полу. Все черное и все женское. — Когда-то это была комната Зои.

Наши взгляды встретились.

Он ничего не сказал о том чувстве, которое пронизало воздух между нами; напротив, воспользовавшись возможностью, достал снимок Бена, который взял у меня накануне. Я резко выдохнула, когда он поднес снимок к моему лицу.

— Ты ведь не хочешь, чтобы Аякс его нашел? — негромко спросил Уоррен.

Я посмотрела прямо ему в глаза.

— Не хочу.

— Тогда тренируй сознание. Даже мысленно не произноси имя Бена. — Последние слова он отделял равными паузами. — Если не будешь контролировать свои эмоции, подвергнешь опасности обе ваши жизни. И мою тоже.

На этот раз я услышала мольбу в его голосе. Хотела объяснить ему, что он не понимает, о чем говорит, но он знал, что в глубине души я согласилась с его правом просить об этом. Что такое мое личное горе по сравнению с безопасностью отряда? Города? Вселенной?

Мы смотрели друг на друга, чувствуя, как между нами проскакивают искры напряжения. Отчаяние заполняло все вокруг — отчаяние не только мое, но и его, и наконец я кивнула. Больше ни одна жизнь не будет потеряна из-за меня. По крайней мере это я могу пообещать. Уоррен расслабился, и словно по волшебству воздух вокруг нас стал казаться более чистым и свежим. Он сверкал невидимыми искрами, и я вдохнула полной грудью его. Теперь все между нами выяснено. Почти все.

— Еще один вопрос. — Я подняла руку, видя как лицо его

приняло настороженное выражение, а воздух сиял уже не так ярко. — Ты ощутил, каково мне пришлось, когда я входила в убежище?

Он сжал кулаки. Настала моя очередь проникнуться запахом и вкусом глубочайшей вины, и это сильно смягчило мой гнев.

— Я чувствовал, как расщепляются атомы в твоем теле. Чувствовал, как они шипят у меня на языке. Чувствовал запах твоем кипящей крови и как мозг плавится в твоих костях.

Я сама не вполне помнила, что это происходило.

— Пойдсм, — сказал он, положив мне руку на плечо. — Покажу тебе все остальное.

Мы двинулись по узким коридорам, едва позволяющим разойтись двум людям. На стене возле пола вспыхивала яркая красная неоновая полоска, она освещала пол, по которому мы проходили, и снова гасла за нами. В этих кратких всполохах я могла разглядеть символы на стенах — руны или письмена какого-то древнего языка, которые были мне незнакомы, но мы шли так быстро, что они только на мгновение отражались в моей сетчатке, ежесекундно сменяясь все новыми и новыми. Уоррен, привыкший к ним, не обращал на них внимания.

— Уоррен, а что, если я не приобрету новой силы? В смысле, если попробую контролировать свои эмоции и вести жизнь обычного смертного? Оставят ли меня в покое?

Вопросы были скорее риторические. Оба мы знали, что собаки никогда не сойдут со следа. Я слишком много видела. И на руках у меня слишком много крови.

Уоррен покачал головой.

— Тебя со временем все равно найдут. И у тебя будет только меньше возможности защищаться. Проход в иную плоскость, под Неоновое кладбище, — это первый шаг к обретению новой силы, необходимый шаг. Теперь, вернувшись в мир смертных, ты будешь обладать знанием. Пребывание в убежище — второй шаг, потому что теперь ты сможешь пройти в любой портал, закрытый для смертных.

— Что это значит?

— Это значит, — ответил он, глядя на меня, — что у тебя теперь место в первом ряду и доступ в мир сверхъестественного. — Я уставилась на него. — Что? Неужели ты не слышала о дверях, которые не открываются, когда ты поворачиваешь ручку, хотя готова поклясться, что только что за этой дверью исчез кто-то другой? Как насчет лифтов, которые не приходят по твоему вызову? Или тебе незнакомо чувство, что кто-то за тобой наблюдает, хотя, повернувшись, ты никого не видишь? Что ж, теперь эти двери и лифты — на самом деле это

порталы — открыты для тебя.

Он показал на стену перед нами. Я присмотрелась, увидела тонкую щель, проходящую от пола до потолка, и толкнула. Ничего. Толкнула сильней с тем же результатом и взглянула на Уоррена. Он отвел меня назад, потом театрально взмахнул руками, стена расступилась и сложилась, как половинки японского веера. За ней оказался лифт с уже открытой дверью.

— Хороший трюк, — сказала я, входя в лифт. — Вроде ты говорил, что они открыты для меня.

— Тебе нужно немного попрактиковаться. И понадобится терпение.

Я поморщилась и отвернулась, почувствовав осуждение в его голосе. Стены лифта зеркальные, в позолоченных рамах, и в них отражается необыкновенная пара: модница в сногсшибательном разминочном розовом костюме и нищий в поношенном костюме с чужого плеча. Барби отдыхает.

— Значит, эти… порталы — часть альтернативной реальности?

— Совершенно верно, — согласился он, нажимая кнопку «вниз». Мимо нас замелькали двери. — Вначале тебе нужно быть очень осторожной. Никогда не знаешь, кто ждет тебя по другую сторону, но ты научишься.

Я вздохнула, представив себе чудищ под кроватью и в шкафу. Черт побери. Я совсем недавно избавилась от этой фобии.

Лифт остановился, дверь открылась, и мы вышли в наклонный коридор, ведущий к двойной двери из дымчатого стекла.

— Придержите лифт!

Стекла раздвинулись, и мимо нас кто-то пробежал, тут же затормозив и поворачиваясь к нам.

— А, Уоррен. Привет!

— Ванесса. — Уоррен наклонил голову. — Это Оливия, наш новый Стрелец.

— Новый Стрелец? Не слышала. — Она изобразила удивление, потом протянула руку. Рукопожатие удивительно сильное, и я ощутила прикосновение слишком гладких подушечек пальце», но в остальном все было совершенно нормальным.

Ванесса была среднего роста, с бронзовой кожей, тоже какого-то среднего оттенка — ни темной, ни светлой. Волосы собраны в пучок, из которого выбиваются мягкие пряди; они вьющиеся от природы. В женщине чувствовалось нечто экзотическое, какая-то наследственная черта, которая проявлялась и в темных густых ресницах, и в глазах цвета меда. Эта черта позволяет ей загорать в самых слабых лучах солнца, но

в то же время не бросается в глаза. Она может происходить откуда угодно — от Африки до Южной Америки или Ближнего Востока. «А это означает, — подумала я, — что она легко затеряется в любой толпе».

— Ванесса Вален. В отряде я Лев, твой соседний знак в Зодиаке.

— И знак огня, — подсказал Уоррен.

Я переводила взгляд с него на нее, чувствуя себя очень глупо.

— И что это значит?

— Это значит, что из вас получится отличная команда.

— Он имеет в виду, что мы выполним самое трудное задание, — пояснила Ванесса, улыбнулась, и вся усредненность в ней исчезла. Улыбка у нее широкая, яркая и заразительная… вернее, была бы, если бы проникла и в ее глаза. А так она лишь чуть сощурилась, словно огонь сверкнул сквозь задернутый занавес и снова погас. Уоррен как будто ничего не заметил, но я, знающая о таких вещах, подумала о том, какие горести прошлого мешают ей по-настоящему улыбаться. Ванесса повернулась к Уоррену.

— Кстати, об огне. Я слышала о пожаре в одном федеральном здании в пятницу. Две Тени, пять заложников. Ты что, выкурил их?

Он кивнул.

— И пел «Мой маленький огонек» изо всех сил.[52]

— Тогда бы они удрали по своей воле. Я не знала, что ты религиозен.

— Союз южных баптистов, — сказал Уоррен.[53]

— Брат мой! — воскликнула она, и они хлопнули друг друга по ладошам. Ванесса улыбнулась мне. — Наш Уоррен в своем стиле.

— Другой барабанщик и все такое, — откликнулась я. — Да, я заметила.

— Значит, увидимся в саду? Уоррен согласился:

— Мы там будем вскоре.

— Приятно было познакомиться, Оливия.

— Мне тоже, — ответила я и посмотрела, как за ней закрылись двери лифта. — Она кажется хорошей.

— Ванесса — один из самых опасных агентов. Она хороша, как спящая кобра. Хороша, как затишье перед бурей. Хороша, как ты.

— Я могу быть очень хорошей, если захочу, — заметила я, входя за ним в полутемное фойе, очень большое, похожее на театральный зал, в котором сцена находится в центре.

— Сообщи, когда у тебя возникнет такое желание. Я запишу

время и место.

— Ха-ха!

— Теперь. Для сохранения равновесия в каждом городе должны быть все знаки, полный Зодиак. — Он встал лицом к кругу в центре помещения. На самом деле это был скорее восьмиугольник, и в том месте, где стоял Уоррен, была большая звезда, указывавшая на стены, покрытые стальными панелями. На некоторых панелях были изображены знаки, в которых даже я, с моими отрывочными знаниями в астрологии, узнала знаки Зодиака. — Не стану лгать. В прошлом году наши ряды поредели. Либо враг становится сильнее, либо мы слабеем. В любом случае нам не хватает пяти знаков, и это уже с учетом твоего появления как Стрельца.

— А сколько знаков на стороне Тени? Он прикусил губу, и я ощутила тревогу.

— Все двенадцать.

— Но Батч мертв.

Он покачал головой, глаза его потемнели.

— Сейчас его уже заменили. Кто это, мы не знаем: он еще никак себя не проявил, и хотя вначале новые Тени не так сильны, их новички учатся быстро.

Голос его эхом отражался от стен просторного помещения. Уоррен подошел к одной из панелей. Я обратила внимание на куполообразный потолок, в центре которого, как звезда, горела единственная точка. Что-то в этом было.

— Вот, — заявил Уоррен. — Это твой.

Я опустила взгляд и посмотрела туда, куда он указывал. На стене был изображен кентавр, и человеческая половина этого мифологического существа была подозрительно женственная.

— Давай. Дотронься до него.

Я послушалась, прижала ладонь к знаку, он вспыхнул и продолжал гореть, испуская ровное пульсирующее тепло.

У меня глаза заболели при взгляде на него. Тем не менее что-то во мне дрогнуло, и я ощутила огромную гордость от того, что вижу свой знак горящим рядом с остальными. И тут я заметила засов на уровне пояса. Взялась за него и почувствовала, как на моем лице расцветает недоверчивое выражение.

— Это сейф?

— Ну, у Супермена была телефонная будка, правда? — Уоррен приподнял брови. — Это гораздо полезней.

Сейф супергероя? Я отступила. Что в нем? Плащ? Маска? Надеюсь, не облегающий костюм. Я снова повернулась к Уоррену.

— Так какова комбинация? Он пожал плечами.

— Только ты ее знаешь.

У меня брови полезли на лоб. Я знаю?

— Нет, я не знаю.

— Конечно, знаешь. Нажми на кнопку рядом с прорезью посредине и медленно что-нибудь произнеси. Думай о пароле, о фразе, о чем-то имеющем для тебя значение. О чем-нибудь символическом.

Я с сомнением посмотрела на сейф, потом осторожно нажала кнопку.

— Откройся, ублюдок.

— Красочно, — заметил Уоррен.

— Откройся, сезам! — снова попробовала я. — Абракадабра! Фокус-покус! Сезам! Шалом! Есть кто-нибудь дома?

Я несколько раз ударила кулаком по панели.

Потом распрямилась и невинно улыбнулась Уоррену.

— Не открывается.

— Не могу понять почему, — сухо заметил он и неожиданно ухмыльнулся. Быстро — раньше, чем я смогла среагировать — достал из кармана фото Бена и просунул его в отверстие сейфа. Мой протестующий крик разбился о его каменное лицо. — Когда сможешь открыть сейф, сумеешь скрывать свои чувства к Бену.

Безжалостный, назвала его Грета… но это было просто невероятно жестоко. Я стиснула зубы, приготовившись спорить, но посреди первого крепкого выражения взгляд мой наткнулся на нечто странное.

— Это ведь знак Скорпиона, верно? Знак Страйкера? Мой вопрос застал его врасплох. Уоррен напрягся, жилы на его шее работали так, будто дыхание застревало в них.

— Да, здесь был знак Страйкера.

Я смотрела на символ, пустой, темный, мертвый. И хотя Грета уже объяснила мне, я хотела послушать, что скажет Уоррен. Мне нужно было самой установить, кому можно верить.

— Насколько мне известно, наследование звездных знаков идет по материнской линии. Разве знак не вернулся к матери, когда Страйкер был убит?

— Смерть Страйкера… — Он помолчал в поисках подходящего слова, — … расстроила Теклу. Она уже несколько месяцев в больнице в одиночной палате.

И это он поместил се туда. Оставил ее там. Я поджала губы.

— Значит, знак Скорпиона остается незанятым? Хотя она жива?

— Она полужива, и это не приносит ей счастья.

На лот раз я ощутила печаль, не свою, чужую, она проникла в мою душу. Впечатление такое, словно сырой лук болтается в пустом желудке, и я удивленно поднесла руку к животу. Я не

знала, что здесь двустороннее действие. Вряд ли такие сильные эмоции можно подделать.

— Ну, может, потому, что она одна и ей не с кем поговорить.

— Может, потому, что у нес на глазах разорвали ее сына, — коротко ответил он.

Мне вспомнилась Оливия, тело которой падает в ночи.

— Разве никто не может занять место Скорпиона?

— Только если она сама добровольно от пего откажется, но по непонятным причинам она этого не хочет. Мы просили ее, даже умоляли, но она только отвечает непристойностями, бросает голословные обвинения, пытается поранить всякого, кто к пей приближается.

Я вспомнила первое такое обвинение со страниц комикса Страйкера. Среди нас есть предатель.

— Значит, моя мать передала мне знак Стрельца, когда… ушла? — осведомилась я, меняя тему.

Уоррен с облегченным видом кивнул.

— Твоя мать считала, что, когда придет время, только ты сумеешь воссоздать этот дом.

Дом Зодиака. Первый знак. Стрелец, агент Света. Я покачала головой — я могла развивать только одну мысль. И высказала ту, что казалась мне самой важной.

— Но она ведь до сих пор жива где-то?

— Жива, это мы знаем. Ее сила уменьшилась, истощилась, потому что она слишком много ее потратила, чтобы замаскировать твою сущность, так что в основном она смертная. Опасное положение для члена Зодиака, но как ни иронично, именно оно сохранило ей жизнь.

Я скрестила руки на груди.

— Я хочу с ней встретиться.

Он покачал головой, начал открывать рот.

— Она моя мать! — С неожиданной яростью, которая удивила даже меня, я ударила кулаком по сейфу. Эта ярость росла во мне с того момента, как я обнаружила ее вещи в шкафу. Я почувствовала ее запах.

— Есть двери, Оливия, которые закрыты даже для нас.

Я смотрела на него, думая, что из всех людей супергерой меньше всего должен слышать такие слова.

— Пошли, — произнес он, поворачиваясь. Его прихрамывающая походка создавала особые звуки — удар и волочение — на бетонном полу. — Тебе еще многое нужно увидеть.

«Что-то кроме судьбы Страйкера, или Теклы, или моей матери?» — хотела спросить я.

Конечно, Уоррен — бродяга — не мог дать мне никаких гарантий. Кажется, что даже сверхъестественная жизнь, со всеми ее преимуществами, никаких гарантий не дает.

— Ладно, Уоррен, — сказала я, идя с ним рядом. — Тогда пообещай мне одну вещь.

— Если смогу, — серьезно ответил он.

Я бросила последний взгляд на несдающийся сейф и на кентавра, горящего рядом с шестью другими знаками.

— Застрели меня, если у меня появится вторая пара ног.

19

По пути в Сад Сатурна мы миновали еще множество коридоров. Уоррен показал мне детское отделение — в подтверждение воздух прорезал звонкий, словно колокольчик, смех, — а потом сделал короткую остановку у комнаты, в которой находились кошки всех форм и размеров; они расхаживали, сидели, играли или спали.

— Мы их разводим, — объяснил Уоррен, беря из-за решетки на руки абсолютно белого персидского котенка; два широких голубых глаза не мигая смотрели на него, и лицо Уоррена смягчилось. — Кошки — наши стражники. У них природный территориальный инстинкт, и они хорошо охраняют свое пространство. И как бы агенты Тени ни маскировали свою сущность, кошки их распознают.

— Думаю, не из этой ли стаи Луна? — Я наклонилась ближе.

— Тебе дала ее Зоя?

— Она дала ее Оливии. — Я провела пальцем по мягкой шерсти на щеках котенка. — На одиннадцатый день рождения. С тех пор кошка жила у нее.

Котенок закрыл глаза и потерся о мою руку, все его маленькое тело задрожало с таким громким мурлыканьем, что, казалось, способно сотрясти все здание. Уоррен весь расцвел, поцеловал котенка в голову и вернул на место. И покраснел, заметив, что я наблюдаю за ним.

— Прекрасный подарок. Они умеют яростно защищаться.

— Можешь мне не рассказывать. — Я вспомнила разрезанные глазницы Батча и остатки глаз, падающие мне в руку. В этот момент в комнату вбежал маленький мальчик, протиснувшись между нами, за ним слышался гневный крик. Мальчик бросился к решетке и начал карабкаться по ней так быстро, что я поняла: он не в первый раз осуществляет этот план бегства. Уоррен одной рукой схватил его; я смотрела на светлые волосы мальчика, а он дергался и извивался, пытаясь дотянуться до котенка.

— Марк!

Высокая женщина в простом белом платье протянула руки и взяла мальчика у Уоррена, прижав его к себе привычным жестом собственника. Ребенок завопил, женщина только поморщилась, словно говоря: «Простите за неудобство, но вы же понимаете». Я уверена, что это сопровождалось бы закатыванием глаз, если бы у нее были глаза.

— Они такие буйные в этом возрасте, проговорила она с напряженной улыбкой.

— Уж такие они, — отозвался Уоррен.

Я промолчала, уставившись на сморщенную, покрытую шрамами кожу на месте глаз.

Однако Марка внешность женщины не интересовала. Поняв, что вырваться не удастся, дотянуться до котенка тоже, он завыл, словно зимний ветер, и все лицо его буквально вспыхнуло.

— Отдайте мне моего стражника!

Я отвернулась, одной рукой прикрывая глаза, другой прижимая котенка к груди: гнев ребенка ударил меня в шею. Лучи света, миновав меня, ударили в бетонные стены, вместе с криком. Я услышала звук шлепка, вскрик обиды, и свет исчез, как будто фитиль свечи сжали пальцами.

Когда я пришла в себя, мальчик уже исчез, но женщина осталась. Она тревожно улыбнулась и сложила руки на груди.

— Кто-то неосторожно поведал Марку, что он следующий в линии знака Девы, и он в это поверил. И теперь требует своего стражника, свой кондуит. В последние дни он особенно упрям и своеволен.

«Очень мягко сказано», — подумала я.

— Нужна помощь? — осведомился Уоррен, наклоняя голову в сторону щебечущих, кричащих, резких детских голосов, которые отражались от бетонных стен. Эти звуки усилили мою головную боль.

— Пожалуй, — согласилась женщина. — С ними только Сандра и я. Остальные дежурные матери в классах. Но сначала… — Она, приподняв брови, повернулась ко мне.

— Прости, — встрепенулся Уоррен. — Куда делись мои хорошие манеры?

— Я уже много лет себя об этом спрашиваю. Я улыбнулась — женщина мне сразу понравилась — и протянула руку.

— Оливия.

Она отыскала мою ладонь и крепко сжала, каким-то неведомым способом разглядывая меня.

— Рена, — назвалась она. — Дежурная мать потомства Зодиака; я наблюдаю за их развитием в течение первого жизненного цикла. Как видишь, у Марка есть способ пробираться в отделение контроля.

— Это из-за него…

— Мои глаза? — промолвила она. И я поняла, что если бы не эти шрамы, она была бы прекрасна. — Боюсь, что да, хотя и не он. У нас было другое дитя Света, задолго до Марка Я здесь дежурная мать уже сорок лет. И была свидетелем первого жизненного цикла Уоррена.

— Правда?

Присмотревшись, я разглядела легкие морщинки, скрывающиеся на висках под волосами, убранными в низкий пучок. Эти морщинки от возраста, а не шрамы; также были и у нее на лице, хотя эти я заметила, только когда она улыбнулась. Принимая во внимание ее слова, я бы дала ей шестьдесят. Весьма полные жизни шестьдесят.

— Давайте не вдаваться в это. — Уоррен вклинился между нами.

— Как-нибудь в другой раз, — заговорщицки шепнула мне Рена, помахала рукой и направилась в детское отделение.

— Сейчас вернусь, — обронил Уоррен, направляясь за ней. — И мы пойдем в сад…

Я кивнула, но он уже уходил, отдалялись и голоса детей, и звуки его походки.

— Ну, что теперь? — Я прижала к груди комок шерсти. Получив в ответ только мурлыканье, я решила осмотреться. Коридор был пуст, но по-прежнему странные знаки и символы вспыхивали при моем приближении, по мере того у как я удалялась от населенной части, продолжая гладить кофтенка. Вскоре я встретила коридор, которого раньше не видела. Вход в него закрывали тяжелые двойные двери без замка.

— Явное приглашение зайти, — сказала я в мягкую колючую шерсть.

Коридор оказался мрачным и холодным. При моем приближении огни не вспыхивали, а комнаты, расположенные по диагонали друг от друга, были с зарешеченными окнами и темные внутри. Котенок беспокойно зашевелился у меня на руках. Я поняла это как знак, что мне не стоит здесь находиться, и уже собралась было назад, когда одна дверь неожиданно раскрылась. Появилась Грета, что-то негромко говоря, и я бы окликнула ее, если бы за ней не следовала Чандра. Женщины вели третью; они держали ее за руки и негромко уговаривали.

Я сразу узнала эту женщину. Платье у нее грязное, и она кажется более худой, чем в комиксе, но это Текла. Она неохотно шаркала ногами, шла опустив голову и как будто ничего не видя. Сопровождающие женщины продолжали ее уговаривать, и я попятилась, не желая им мешать.

И тут у меня в кармане зазвонил телефон Оливии. Котенок у меня на руках проснулся, и я принялась лихорадочно шарить по карманам, чтобы прекратить это «Вива Лас-Вегас». Котенок впился коготками мне в грудь, а Чандра громко выругалась.

— Оливия Арчер, — ответила я, бросая Чандре и Текле виноватую улыбку. Но кто бы ни был на том конце, я этого не выяснила, потому что Текла подняла голову и посмотрели прямо

мне в глаза.

— Я… Не зная, что делать, я просто закрыла телефон. Текла продолжала разглядывать меня.

— Простите, — сказала я, не уверенная, к кому именно обращалась. Грета заметила перемену в Текле, и взгляд ее перемещался от меня к ней и обратно. Чандра продолжала свирепо пялиться на меня.

— Я тебя вижу.

Мы все застыли, за исключением Теклы, которая снова и снова произносила эти слова, голос ее становился все громче.

— Я тебя вижу.

— Текла, милая, — успокаивала ее Грета, крепче беря ее за руку и пытаясь увести. — Пойдем.

Но глаза Теклы не отрывались от меня, и она неожиданно направилась ко мне.

— Я тебя вижу, — в который раз повторила она, и Чандра удивленно ахнула, потому что Текла вырвалась из ее рук. Грета тем временем рылась в карманах. Она достала шприц, но Текла была уже за пределами досягаемости.

— Назад, Оливия! — крикнула Грета, но я боялась сдвинуться. Гели останусь на месте, Текла будет довольна, а Чандра и Грета восстановят контроль над ней.

Чандра действительно быстро оправилась и схватила Теклу, но на этот раз та развернулась и слепо ударила. Удар пришелся Чандре по носу. Та отскочила, Грета снова закричала, а Текла побежала.

— Предатель! Предатель! Предатель!

Она быстро достигла меня, и я успела только выпустить котенка. Он скрылся за двойной дверью, я попыталась последовать за ним. Но Текла опрокинула меня, прижала, и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от моего.

От нее пахло немытой кожей и тяжелыми воспоминаниями. Я не сопротивлялась, не желая причинить ей боль. К счастью, рядом неожиданно оказалась Грета, шприц она держала наготове. Текла заскулила, когда ее укололи, обратилась лицом к Грете и сразу уснула.

Я расслабилась, а Чандра и Грета начали поднимать потерявшую сознание женщину.

И тут голова Теклы дернулась, и он ожил в ее лице.

Кожа и кости лица Теклы вытянулись, и на меня смотрел Тульпа.

— Я вижу тебя, — вновь заявила текла, но его голосом, гнилым и угрожающим. — Думаешь, ты здесь в безопасности? Ты не можешь скрыться от меня. Я твой призрак… Я твоя ядовитая

судьба.

— Боже!

Неожиданно рядом оказался Уоррен, он стал отрывать ее — его — от меня. Это удалось сделать только втроем, а лицо продолжало издеваться надо мной. На полпути к палате Теклы ее голова качнулась и упала на грудь, а когда поднялась, она снова уставилась на меня. И взгляд ее, и шепот были умоляющими.

— Предатель…

Затем дверь палаты захлопнулась, и я осталась лежать на полу, а мой глиф словно прожег мне дыру в сердце.

20

Прошел час, прежде чем удалось успокоить Теклу. Потом Чандру отправили предупредить всех, что тренировка в Саду Сатурна откладывается, и мы все собрались в кабинете Греты, которая занялась приготовлением чая, хотя руки ее еще дрожали и она нервно поглядывала на меня. Очень долго Уоррен вообще не смотрел на меня.

Мы пытались разобраться, что произошло с Теклой. Я почувствовала себя лучше, потому что все видели Тульпу, взиравшего на меня с пустого лица Теклы, но облегчение было недолгим: даже Уоррен не мог ничего объяснить. Но когда я рассказала о предыдущей ночи, о том, как сон перешел в кошмар, в котором Тульпа разговаривал со мной отчетливо, как по телефону, причина Уоррену стала ясна.

— Очевидно, Аякс сообщил ему о тебе. — Уоррен отодвинул чашку. — Он знает, что ты его враг, новый Стрелец. И дает понять, что ты стала его целью.

— Он хочет отомстить за предательство Зои, — вздрогнув, негромко сказала Грета.

— Ну, ладно, — согласилась я. Мне это не поправилось, но ход мыслей я уяснила. — Но как он попадает в мои сны? В убежище?

— Ну, на самом деле он не в убежище, моя дорогая, — заметила Грета, несколько успокоившись после моих объяснений. Подозрения, вызванные обвинением Теклы, рассеялись, хотя и не были забыты. — Сон — это просто психическая энергия, а твой сон прошлой ночью связан с испытанной травмой. Я считаю, что у тебя был очень тяжелый день и ты, как и Текла, раскрыла перед ним свое сознание и попала под его влияние.

— Значит, он может добраться до меня? В любое время?

— Не физически, — покачал головой Уоррен. — Здесь ты в безопасности.

— Так почему женщина с лицом демона душила меня, Уоррен? — резко спросила я.

Па его лице ясно читалось подозрение.

— Послушайте. — Я поднялась так быстро, что чуть не перевернула стул. — Я этого не делала! Я даже не притронулась к ней. Я назвалась, и она набросилась на меня. Она посмотрела прямо на меня и сказала…

Я запнулась, вспомнив, что она мне сказала.

— Сказала, что видит тебя, — почти неохотно закончила за меня Грета. — И назвала тебя предателем.

Да, назвала. И хоть Уоррен молчал, когда мы ушли от Греты и направились в Сад Сатурна, ему ничего не нужно было говорить. Его гнев острым копьем врывался в меня, горел белым пламенем, рвался наружу, умирая в моих конечностях. И оставалась тщательно спрятанная оболочка вины, которую гнев окружал, словно защитной оболочкой.

Когда мы начали подниматься по лестнице, Уоррен бросил на меня быстрый взгляд, он стиснул зубы, и ощущение гнева и вины сразу ослабло.

Я сделала вид, что ничего не заметила, но про себя подумала: «В чем он чувствует себя виноватым?»

Когда мы достигли верха, перед нами оказалась дверь, и Уоррен отступил, чтобы я могла заглянуть в нее. И, несмотря на все, спустя несколько мгновений я начала улыбаться. В помещении были люди; одних я узнала, других нет, но улыбалась я не поэтому. В белоснежной комнате на полу лежали маты, они же висели на низких стенах, на стальных балках напротив друг друга были развешаны боксерские груши. Вдоль дальней стены стояли корзины с веревками, щитками, боксерскими перчатками; корзины были полны доверху. Да, помещение в форме пирамиды, и стены зеркальные, но все равно это школа боевых искусств. Впервые за все время я почувствовала себя дома.

Группа жестких людей — а они жесткие, судя по сдержанному выражению лиц, скрещенным на груди рукам и внимательной настороженности, — по-видимому, ждала нас. Я посмотрела на них — в зеркальной комнате казалось, что их гораздо больше, чем на самом деле, — и чай Греты у меня в желудке превратился в кислоту. Мне даже принюхиваться не нужно было, чтобы понять, что Чандра уже рассказала всем о том, что случилось в больнице.

— Прошу внимания, — без всякой необходимости произнес Уоррен. — Это Оливия, новый Стрелец Зодиака.

На кивки и негромкие приветствия я ответила своим кивком. Я покосилась на Чандру, которая начала хмуриться, как только мы вошли, и остановила взгляд на лице Ванессы, открытом и дружелюбном, хотя и в нем я заметила настороженность, которой не было в комнате с сейфами.

Майках сидел в углу на скамье, которая, казалось, в любой момент может рухнуть под его тяжестью. Феликс делал упражнения на растяжку; он помахал мне рукой со своего мата. К противоположной стене прислонился мужчина, которого я не знала; он сидел, поджав под себя ноги, сложив руки на груди, и откровенно разглядывал меня черными глазами.

Я стала делать то же самое, оценивая каждого, и быстро

распределила всех присутствующих на три категории. Возможные союзники: Майках, Феликс и Ванесса. Противники: несомненно, Чандра и, возможно, Х-фактор — мужчина, с которым я еще не знакома. Еще присутствовал Уоррен, но почему-то его я никуда не смогла отнести.

— Поскольку Оливия выросла не в Зодиаке, она не знает, какие у нее способности, у нее нет личного кондуита и она не может выслеживать агентов Теней. Поэтому она должна оставаться в убежище…

— Вот так супергерой, — обронила Чандра.

— Она спортивна, быстро учится, но ничего не знает о нашей истории и о наших способах ведения войны, поэтому ей еще многое нужно усвоить. Я надеюсь, вы все ее поддержите, и со временем она сможет жить в соответствии со своим… потенциалом.

Он собирался сказать еще что-то. Я уже видела, как слова рождаются у него на губах, но в последний момент он передумал. Тем не менее мы с ним связаны, и поэтому в моем сознании возникли три слова. Происхождение. Наследие. Легенда.

«Значит, он нес еще хочет верить, — подумала я, посмотрев на него… Происшествие с Теклой по крайней мере его не заставило изменить мнение».

— Если она так беспомощна, как она убила Батча?

Все повернулись к человеку у стены. Его темные глаза блеснули, когда он встретился с моим взглядом, но в остальном лицо его оставалось бесстрастным, на нем не было эмоций, не было ни осуждения, ни одобрения.

Что ж, в эту игру могут играть двое. Я похлопала ресницами, сложила руки на груди и ответила так, как могла бы ответить Оливия.

— Он споткнулся.

— Споткнулся? — холодно повторила Чандра.

— О мою кошку.

Это больше соответствовало образу Оливии, чем, скажем, «О, я пытала этого ублюдка, пока он не упал и не истек кровью у моих ног». К моему удивлению, все закивали. За исключением того одинокого незнакомого мужчины. Он продолжал буравить меня холодным неподвижным взглядом. «Все-таки, не из категории союзников», — сухо подумала я.

— У тебя был стражник еще до того, как ты стала членом отряда Зодиак? — поинтересовался Феликс. — Это означает, что у тебя хорошо развита интуиция.

— Интуиция — наш общий дар, — напомнила Чандра. Ванесса, либо не заметив, либо не обращая внимания на яд в ее

голосе, добавила:

— Мы соединяем интуицию с другими талантами, занимая свое место в Зодиаке.

— А что за другие таланты? — спросила я, стараясь не смотреть на человека у стены. Относительно него у меня даже догадок не было.

— Начнем с твоего талисмана, — продолжил Майках. — Каков он?

— Твой глиф, — подтолкнул меня Уоррен.

— Хорошо.

Я расстегнула молнию на груди.

— Можно догадаться, в чем ее таланты, — заявила Чандра.

Я вспыхнула и начала застегиваться.

— Нет, это не талант, — бросил Чандре человек у стены, и когда я на этот раз посмотрела на него, уловила кое-что еще, кроме явного безразличия. Он оттолкнулся от стены, гибко скользнул, придвинулся ко мне. Как. и большинство самцов, привыкших властвовать, он занимал очень много места.

— Тебя недооценивают. — Он остановился напротив меня. — Замечают только внешность, все эти выпуклости, изгибы, мягкость. Это такой же камуфляж, как маскировочный костюм солдата или краска на лицах дикарей Амазонки, потому что люди видят то, что ожидают увидеть.

Он улыбнулся. Его улыбка говорила: «Но мы-то в курсе».

Мне неожиданно захотелось ударить его по лицу. Он считает, что все обо мне знает, не представляя себе, кем я была и кем стала. Он ничего обо мне не знает. Но я молчала, внимательно следя за тем, как он протянул руку и расстегнул мне молнию.

— А ты кто такой?

— Хантер, — ответил он настолько уважительно, насколько может мужчина, рука которого у тебя на груди. Я заметила, что кожа у него золотистого цвета. Такой цвет невозможно купить или подделать; волосы, черные и блестящие, собраны в короткий конский хвост. «Такой же подтянутый, как они все», — подумала я. Раскрыв мне куртку, он отступил, чтобы все могли лицезреть. Я держалась уверенно, приспуская верх спортивного костюма, но на это требовались большие усилия. Места на моей коже, которых коснулись его пальцы, нагрелись, словно под ними тлели небольшие огоньки.

Я не смотрела на Уоррена. Не хотела видеть его усмешки или понимающего выражения глаз: ведь мы с ним связаны, и он знает, какие чувства вызывает во мне этот Хантер.

— Ну и что? — Хантер пожал плечами, движение было едва заметно. — Я Овен. Мои таланты физические.

— Схватка без оружия? — Я попыталась не говорить вызывающе.

Ну ладно, говорила. Нет, на самом деле, нет.

— А что? — Он клюнул на приманку, и я поняла, что он имел в виду, говоря о физических талантах. Он едва шевельнул мышцей, и между нами пространство как будто сократилось. — Любишь драться?

Уоррен рядом со мной кашлянул, но я не обратила на него внимания и повела плечом: невинная овечка, ждущая уроков от Мистера Боевые Искусства. Дернула бровью.

— Можно поспорить.

— На что? На коробку конфет? — вновь возникла Чандра. Я развернулась, собираясь объяснить Чандре «на что», но Уоррен оказался рядом, он преградил мне дорогу своим телом.

— Мне нужно уходить. У меня совещание с Гретой. Надеюсь, без меня с тобой ничего не случится, Оливия?

Воспоминания о подозрениях Уоррена еще жгли мне сознание. «Можно догадаться, — подумала я, — о чем это совещание».

— Тогда поверь, что я — один из твоих больших талантов. — Я, обратив против него всю свою враждебность, произнесла это так тихо, что только Уоррен смог меня услышать.

Он с явным неодобрением взглянул на меня, а я, наморщив нос, помахала мизинцем. Точно как Оливия.

— Так что это? — спросил Майках, наклоняясь, чтобы рассмотреть мой глиф, после того как стихли звуки необычной походки Уоррена. Я воспользовалась возможностью отойти от Хантера, посмотрев себе на грудь. Глиф едва виднелся на коже, и я поморщилась, вспомнив, как он жег мне грудь, пульсируя, как второе сердце.

— Это стилет. Чандра фыркнула.

— Вовсе не стилет. Всего лишь лук со стрелой.

Я снова взглянула и решила, что она, скорее всего, нрава. О более. Отравление перекисью водорода. Уже. Чувствуя замешательство, я обратила взор на Майкаха. После чего последовал прилив разочарования. Часть меня как будто хотела, чтобы это был стилет.

— Он просто расплывчатый, — упрямо сказала я и повернулась к зеркальной стене за собой.

— Чандра права, — заметил Хантер, вставая за моей спиной. Глядя на него в зеркало, я решила, что мое первое впечатление было неверным. Он совсем не безынтересен. Дрогнувший рот свидетельствует о чувстве юмора, а в этих непроницаемых глазах виден интеллект. В том, как он движется, есть что-то властное; он

все замечает и при этом не болтлив.

Возникшее ощущение тревоги не помешало мне подумать: «Есть ли что-либо более соблазнительное, чем опасный мужчина?»

Хантер протянул руку, его широкие плечи закрыли в зеркале остальных, он провел рукой по линиям моего глифа, и на моей коже вспыхнула маленькая стрела.

— Это лук со стрелой. Видите?

У меня в сознании звучал голов Оливии, счастливое птичье щебетание: «Как мне везет! Первый день на работе, и уже у меня бойфренд супергерой!»

Тем временем мой собственный голос совершенно отказал. Я просто стояла, демонстрируя свою грудь. Сильно затвердели соски. Отлично. Я скользнула взглядом по лицу Хантера, который теперь явно забавлялся.

— И каков же твой талант? Он улыбнулся.

— У меня их много. Еще бы.

— Лук и стрела — это сильный талисман, — произнес он на этот раз громче. — Очевидно, это символ Стрельца, но в этом есть и личный мотив. Готов поклясться; один из твоих талантов — честность…

— До глупости, — вставил Майках.

— Решительность. Верность. Гордость.

— Не позволяй Хантеру очаровать себя, — встрепенулась Чандра. — Эти качества есть у всех Стрельцов.

Я повернулась, глядя ей в глаза, и поняла, что мы с ней никогда не станем друзьями. Приподняла узкую бровь.

— А у тебя они есть?

— В высшей степени, — изрекла она, скривив нижнюю губу.

— А что ты знаешь о кондуитах? — спросил Хантер, становясь между нами.

Кондуиты — это концентраторы энергии; кондуиты — выразители воли агента. Каждый кондуит делается специально для своего владельца; он дополняет способности и таланты владельца с помощью средств насилия, смерти и крови. Хотя Оливия, конечно, никогда бы так не сформулировала.

— Ну, они обычно бывают очень острые, — ответила я, заставив Феликса и Майкаха рассмеяться. Хантер сузил глаза, Чандра свои закатила. — Они бывают разных форм и размеров, некоторые из них пиротехнические, и все они восполняют силы владельца.

Вот. Достаточно сбалансированный ответ. Не слишком сложный и не слишком глупый.

— Это верно. Когда я создаю оружие, я принимаю во

внимание физические и духовные возможности агента, затем создаю кондуит индивидуально для каждого. Он обладает собственной жизнью. Становится твоим товарищем, твоим напарником. Конечно, это означает, что мне нужна полная откровенность и честность, чтобы оружие усиливало твой потенциал. При таком условии я сотворю нечто соответствующее твоему темпераменту, твоему мозгу и сердцу.

— Что-нибудь такое, что пускает мыльные пузыри с верхушки.

— Боже, Чандра! — Феликс опустил голову на руки.

Я видела, что и он, и остальные считают, что мне не справиться с этой маленькой гермафродиткой. Смехотворно, хотя это означает, что я хорошо выполняю работу казаться Оливией.

Хантер извлек из ножен — вернее, развернул — свой собственный кондуит и отдал мне. Это был двенадцатифутовый хлыст из прочной черной кожи, усаженный острыми шипами.

Сердце мое начало колотиться. Спокойно, девушка.

— Что еще ты знаешь об их использовании?

Я взяла хлыст в руки, внимательно его разглядывая, и на этот раз гордость заставила меня немного раскрыться.

— Если тебя ударил кондуит врата, ты умрешь, хоть ты и сверхчеловек. Но если используешь кондуит против его владельца, против его товарища, ты не только убьешь его, но и кое-что у него заберешь. Часть его силы, поток энергии. Он умрет, а у тебя появится возможность двенадцать часов ходить никем не замеченным. Никто не сможет найти тебя: ни человек, ни Тень, ни Свет. Словно ты не существуешь.

Хантер протянул руку. Я посмотрела на нее, возвращая кондуит. Можно очень многое сказать о человеке, изучив его руки. Руки Хантера загорелые и элегантные, несмотря на мозоли на ладонях.

— Батч? — спросил он, сворачивая хлыст.

Я кивнула.

— И каково это было? Я взглянула на Ванессу.

— Я чувствовала себя невидимой. Неуязвимой.

Все притихли.

— Никто до сих пор не делал этого. Не использовал кондуит против его Теневого партнера. Это могучая магия.

— И соответствует легенде… — заметил Феликс, глядя на Хантера.

— Да бросьте! — выкрикнула Чандра. — Эта? Эта кремовая лесбиянка — Кайрос? Тот самый необыкновенный индивид, от которого зависит судьба всех нас? Очнитесь!

Но все молчали, и она сложила руки на груди.

— Кто-нибудь из вас слышал, что я рассказала о Текле?

— А ты слышала, как я сказал: если ты опять все это начнешь, будешь объясняться с Уорреном? — заявил Майках. — Ты знаешь, что он думает… о ней.

Он махнул в мою сторону, и впервые я увидела в его взгляде какую-то тень. Я резко выпрямилась: для меня было неприятным сюрпризом то, что Майках сам может в меня не верить.

— Уоррен там был! Он был свидетелем того, как Текла ее обвинила!.. вызывающе сказала Чандра. — Она ведь это сделала? Назвала тебя предателем?

— И твое восприятие не могло тебя подвести, Чандра?

— Заткнись, Феликс.

— Заткнись, Феликс, — передразнил он.

Но я перестала обращать на них внимание. В комнате потемнело, и я почувствовала какое-то движение, словно шевельнулась сама земля. По зеркальным стенам пробежали разводы, психоделические волны превратили помещение в любовный шалаш. «Любовный шалаш Чарльза Мэнсона»,[54] — подумала я, содрогнувшись, когда волна оникса прокатилась по мне.

— Это комната настроений, — ответила на мой непроизнесенный вопрос Ванесса. — Она реагирует на эмоции. Когда мы тренируемся, она следит за схваткой, определяя победителя. Видишь вот эти круги?

Я видела их. Среди разноцветных вспышек света, прыгавших по матам, выделялись два овала, расположенных диаметрально противоположно по отношению друг к другу.

— Подойди к одному, — попросила Ванесса.

Я двинулась вперед, обнаружив, что пол слегка пружинит — совсем не так, как в обычном тренировочном зале. Но риска подвернуть ногу не было. Пол словно приподнимался, поддерживая мои движения. Когда я подошла к первому кругу, стены и пол неожиданно потеряли цвет, многоцветие сменилось абсолютной чернотой, и я словно оказалась в центре Вселенной. «Вот зачем губчатый пол», — поняла я. Если бы не его покрытие, я бы совершенно потеряла ощущение равновесия. Но вот загорелись огоньки, звезды усеяли небо, и среди них плыл наклонный крест со стрелой на одном конце.

— Ха! Глиф Стрельца, — усмехнулся Феликс, глядя прямо на Чандру. — Никогда раньше такого не видел.

— Да иди ты… — ответила она, но его слова как будто лишили ее паруса ветра. — Ты не видела глиф. Не видела его.

— Хватит! — Я отступила от круга, и Вселенная поблекла, а потом умерла. Вновь появились зеркальные стены пирамиды,

ослепив меня, но только на мгновение. — Как я могу быть предателем? Я только что оказалась здесь. Всего несколько недель назад я вообще представления не имела о Зодиаке и отряде… верно, Майках? И я ничего не знала о Страйкере.

— Неважно, — настаивала на своем Чандра, не дав возможности Майкаху ответить. — Текла медиум, и. она воспринимает душевную суть… или воспринимала. Она чувствует, что ты собираешься делать. Знает это еще до того, как ты сделаешь.

— Значит, она там предсказывала будущее? Что я предам вас всех? — Я осмотрелась в ожидании реакции. Никто не сказал «да», но никто не произнес и «нет». Я раздраженно покачала головой. — Зачем это мне? Мне это ничего не даст.

— Зато даст твоему отцу.

— Ты имеешь в виду существо, которое пыталось меня убить? — выкрикнула я, поворачиваясь к Чандре. — То, что напало на меня через Теклу? — Я фыркнула. — Я, я работаю на него!

— Я тебе верю, — заявил Феликс, подходя ко мне. — Нам известно, что Кайрос должна одновременно принадлежать Свету и Тени. Это было предсказано. И вот теперь мы это лицезреем. К тому же Уоррен считает, что твое место здесь.

«Считал», — сухо подумала я. Но не стала говорить этого Феликсу. Приятно иметь кого-нибудь на своей стороне.

— Жаль, конечно, но не имеет значения, во что веришь ты или что считает Уоррен, — заметила Чандра, и по потолку пронеслась сине-зеленая искра. Она пролетела над нашими головами, и ее зелень казалось газообразной и недоброжелательной в тусклом свете. — Надо голосовать.

— Голосовать?

Это было все, что ей понадобилось, чтобы обрести уверенность. Чандра задрала квадратный подбородок и подбоченилась.

— Вот именно. Ты не выросла в Зодиаке и ничему не научилась в свои первые два жизненных цикла. Действия или бездействие твоей матери не дали тебе такой возможности и привели к нарушению равновесия. Так поступает бродячий агент.

— Она дочь Зои Стрельца! — гневно воскликнула Ванесса.

— Да, а каково твое происхождение, Чандра? Пьяные жалобы после неудач не в счет!

У меня поднялись брови; я ожидала нового «Иди ты, Феликс!», но Чандра просто стиснула зубы — очевидно, такие издевки она слышала и раньше — и по-прежнему считала своей главной целью меня. Я терпела, пока она не вторглось в мое

личное пространство.

— Я только говорю, — сказала она, поворачивая голову так, чтобы смотреть мне прямо в глаза, — что Кайрос должна уметь отслеживать восход и закат луны, не сверяясь с картой.

— Кто-нибудь такой же прекрасный, как ты?

Весь кислород из зала словно ушел в общий удивленный издох. По стенам заклубились тучи, серые на сером фоне, пока потолок весь не затянулся ими, стены стали не видны, пол скрылся в тумане. Действительно комната настроений.

— Я сейчас…

— Ударишь меня. Да, знаю. И что потом? Заберешься на дерево и будешь колотить себя в грудь? Как страшно! У тебя нет никаких доказательств.

Мне казалось, что у меня есть время подготовиться и отразить удар. Но, очевидно, я еще не обладала скоростью супергероя. Чандра действовала быстро и жестко — влепила ладонью по щеке, расцарапав ее ногтями. Моя голова дернулась, и я отшатнулась. Поднесла руку к лицу. На щеке горели кровавые борозды, рука оказалась в крови.

— Ты меня расцарапала.

— Ничего, все зарастет, — с ухмылкой проронила она.

Несколько мгновений я стояла, прижав руку к щеке и ничего не делая. Потом разрыдалась. Громкие крокодиловы слезы с широко раскрытым ртом. Одним полузакрытым глазом я видела, как Чандра опустила руки и с насмешливым выражением лица начала поворачиваться к остальным. Вероятно, никогда раньше не видела супергероя в слезах.

Хантер еще не успел закончить предупреждающий окрик, как я ногой ударила Чандру в грудь. Я отклонилась, вложив всю силу инерции в движение бедер, и Чандра пролетела через весь мат, ударилась о противоположную степу, и ее череп с громким треском поцеловался со своим отражением. Грета сказала, что Чандре понадобится время, чтобы справиться с горем, вызванным моим появлением, но я решила, что небольшая встряска тоже ей поможет.

Я потрогала рукой щеку. Чандра права. Царапины исчезли еще до того, как она рухнула на пол. Я двинулась к пей, но дорогу мне преградил Хантер.

— Любишь грязные приемы, Стрелец? — спросил он, снова оттесняя меня в круг. На стене снова вспыхнул глиф Стрельца… но тут и сам Хантер вступил в круг. С вершины пирамиды спустился гигантский глиф в виде изогнутых рогов, сходящихся внизу в виде буквы «V». Он мгновенно разбился на множество маленьких рогов, которые затмили знак Стрельца.

Определенно не из списка союзников.

— Я пользуюсь подручным оружием, — сказала я и на этот раз не стала пятиться, когда он приблизился ко мне.

Глаза его сузились, превратившись в щелки.

— Хочешь испробовать его на полноправном знаке?

Посмотрим… обычная уличная драка вместо эмоциональный игры «он сказал — она сказала»? Мне даже подумать об этом нельзя.

Мелькнула моя ладонь, но он был готов к этому и повернулся так, что я сломала бы руку, если бы вовремя не изменила направление движения. Я сделала сальто в воздухе, опустилась на ноги и нанесла ему удар сбоку, удар снизу, удар коленом, обманный удар — он все это встречал и парировал.

Мы разъединились и принялись кружить: я тяжело дышала, Хантер как будто совсем не дышал. Комната снова превратилась в калейдоскоп: эмоции зрителей смешивались с двумя глифами, и все это сверкало в небе, как светляки. Я воспользовалась возможностью успокоиться и решила испробовать другую тактику. Глубоко вдохнув, я набросила линию энергии на тело противника, как учил меня Уоррен, — невидимое лассо между его намерениями и моими. Ни одна эмоция не пробежала по невидимой веревке. Если бы у меня были закрыты глаза, я бы вообще не определила, что он в комнате. Впечатляет.

Он точно знал, что я делаю, и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Определила мой талант?

— Петь не в такт йодли, стоя ногой на груде горящего угля?

Изображение на стенах соответствовало духу поединка, ночное небо над головой снова стало чистым и безоблачным.

— Очень близко, — заметил он и сделал выпад. Он был гибок и проворен, как горный лев, и так же целеустремлен.

Я давно поняла, что лучше, безопасней сражаться с искусным воином, чем с уличным хулиганом. Меньше возможностей получить случайное повреждение, хотя, конечно, гораздо более вероятно преднамеренное. Но именно для этого и существует мастерство самообороны. Я отклонилась, выбросив вперед ногу. Наши икры столкнулись с громким треском. Сознание своей способности излечиваться сделало меня менее расчетливой, чем обычно, поэтому я мгновенно развернулась, оставаясь рядом с ним, и ударила его по левой щеке, когда он поворачивался ко мне.

Зрители ахнули, по стенам замелькали стрелы, и мы снова разъединились. На этот раз отступил он. Напряжение волнами исходило от него, окутывая меня пахнущей медью лептой,

привязывая к нему, пока я остаюсь его целью.

Теперь он не сдерживался. Он действительно хотел одолеть меня. Часть меня была в восторге от этого смертоносного танца, возможности проверить себя в схватке с новым сильным противником. Я боец, это во мне не изменилось. Асаф всегда говорил, что больше всего возбуждает первая встреча с новым противником, это состояние самое восхитительное и самое опасное, и Асаф был прав. Я купалась в адреналине Хантера. И плыла в собственном.

Однако другая часть меня удивлялась тому, что я могла найти этого мужчину привлекательным. Он смотрел на меня как Аякс: быстрая оценка состояния моего тела, конечностей — хищник, который ищет в стаде самого слабого, старого или неопытного. Хантер был именно гаков — терпелив и абсолютно безжалостен в ожидании возможности ударить.

И он разворачивал свой хлыст. На стенах неожиданно осталось только изображение гигантского рога, ни следа знаков Стрельца,

— Это нечестно, — сказала я, тяжело дыша. Он знает, что у меня нет своего кондуита.

Он безжалостно улыбнулся и взмахнул хлыстом, искусно работая запястьем.: — Используй подручное оружие.

Осел!

Мне даже не нужно было смотреть на стены, чтобы понять, что у меня неприятности. Тело мужчины против тела женщины — это одно дело: я еще могла воспользоваться внезапностью. Но это слишком похоже на мое столкновение с Аяксом; стычка, в которой преимущество на одной стороне, схватка пугающая и полная неведомых рисков. По коже пробежали волны тревоги и, к моему раздражению, вышли через поры.

Я пятилась к центру мата, чтобы получить свободу маневра, оказаться подальше от хлыста; я заметила, что никто за меня не вступился. Никаких «Хватит» или «Оставь ее в покое». Даже Майках ничего не сказал, и это причинило мне боль. Если у меня и были раньше какие-то сомнения относительно моего места среди этих людей, сейчас я получила четкий ответ. Хантер преследовал меня, а остальные просто наблюдали.

— Ты боишься, — заметил он, поднимая руку.

— Черт! — Я подпрыгнула, острый кончик хлыста коснулся моего каблука. Приземлившись, я осмотрелась в поисках какого-нибудь укрытия и нашла только щиток на руки. Тем не менее я схватила его, надела и, когда Хантер взмахнул хлыстом, сумела вовремя подставить под удар, так что хлыст лишь скользнул по руке.

В следующий раз хлыст обернулся и вокруг щитка, и вокруг руки, а, разворачиваясь, задел плечо. Я вскрикнула, почувствовав, как шин глубоко вонзился в плоть, напряглась и подтянула к себе Хантера, удивив его этим движением. Дернула другой рукой и сократила расстояние между нами. Я понятия не имела, что собираюсь делать дальше. Знала только, что чем дальше я от него, тем он опасней.

— Смотрите! Ее глиф светится! — воскликнул Феликс, указывая. Я чувствовала жжение на груди, но не отрывала взгляда от Хантера. В его глазах мелькнуло удивление, и тут же вернулась бесстрастная маска. Рука его дрогнула, затем опустилась. Стены неожиданно очистились, всех ослепила белизна. Хантер отскочил от меня.

Я выдернула шипы из тела, прежде чем смогла о чем-то подумать, и ощутила запах своей свободно текущей крови. — Это должно происходить только при встрече с настоящим врагом, — низким, полным подозрений голосом заявил Хантер.

— В таком случае, может, ты захочешь убрать хлыст, — холодно ответила я. Я отбросила колючий конец, и Хантер принялся сворачивать свое оружие. Я потерла руку и отошла в сторону, чувствуя себя болезненно уязвимой.

— Как ты это делаешь? — осведомился Феликс, глядя мне на грудь.

— Это Тень, вы все видели? Она не может ее контролировать.

— Заткнись, Чандра, ты в этом виновата… — Ванесса бросила на нее жесткий взгляд и обратилась к Хантеру: — И ты. Ты хотел испытать нового Стрельца, когда услышал, что она убила Батча… что тебе никак не удавалось сделать. А чего ты ожидал, когда так набросился на нее?

Хантер застыл, как камень; он даже не мигнул.

— Я излагал свою точку зрения.

«Да, — подумала я, растирая руку. — Буквально точку», Но «неожиданно мне стало понятно, почему никто не встал на мою защиту. Почему хлыст должен был обжечь мою кожу, чтобы пошла кровь. Они должны были убедиться, что это возможно.

— Я получила твою точку. — Только Хантер смотрел мне в глаза, и это хорошо: я сосредоточилась на нем. — Уоррен говорит мне, что я эта… Кайрос, что мой потенциал выше, чем у обычных звездных знаков, что я сильнее всех вас из-за того, кто мой отец. И вы все решили сами в этом разобраться. Но для этого не нужно было стегать меня хлыстом, знаете ли. Просто нужно было спросить.

И, хотя они об этом не просили, я слегка раскрылась и дала им почувствовать, что чувствовала сама в стычке с Батчем.

Показала, что и темная сторона лунного света способна окутывать душу. Как великолепно перестать думать о том, кто прав, и думать только о том, чего ты хочешь. Как месть серой горит в каждой поре, а ненависть словно язва в желудке. И как смерть с каждым мгновением все приближается, и ярость становится пожирающей все раковой опухолью. «Им нужно это увидеть, — решила я, — потому что нужно понять разницу». Я позволила им ощутить все это, потом снова вобрала в себя.

— Довольны? — поинтересовалась я. — Испугались? — Я повернулась к Чандре, приблизилась к ее лицу, вторглась в ее пространство. — Или все еще хочешь голосовать?

Чандра отшатнулась, стиснув челюсти, остальные все переминались с ноги на ногу, не глядя на меня и почти не смотря друг на друга. Я рассмеялась и подумала, что, если им нужно кого-то опасаться, долго искать не придется.

Поэтому я снова обратилась к Хантеру, натолкнувшись на его пустые глаза:

— Мог бы сделать кое-что получше. — Получше чего?

С помощью той же силы, которой я пробила дыры в жизни рабочих-строителей, я ополчилась на него:

— Если не хочешь, чтобы сторона Тени узнала о ней — о топ, которую ты любишь и ценишь выше всего в жизни, тебе нужно контролировать свое отчаяние. Я чувствую его на языке, свежее и сладкое, как щербет. Кстати, как ее зовут?

Я почувствовала общее удивление и поняла, что коснулась того, о чем никто не подозревал. «Значит, даже полноправные звездные знаки имеют тайны друг от друга, — сухо подумала я. — Ничего себе единая группа. Лицемеры».

— Ее зовут Лола, — наконец ответил Хантер, говорил он спокойно, хотя по телу прошла волна дрожи. Прошла по всем присутствующим. — И если ты к ней приблизишься, я тебя убью.

Я окинула взглядом их всех.

— Я считала, что я не враг. Кто-нибудь из вас мне верит?

— Я тебя не знаю.

— Я не доверяю Тени в тебе. Это сказала Чандра.

— Майках?

Он колебался. Он, в котором: я была уверена.

— Я думаю, тебе предстоит выбор, прежде чем Аякс и Тульпа доберутся до. тебя. Настоящее испытание, в самом сердце битвы, когда ты должна будешь выбрать добро или..

— Или что?

Он отвел взгляд.

— Или то, что ты хочешь.

После этих слов я поняла, что Чандра права. Чего бы ни хотел

Уоррен, меня могут изгнать из отряда, из убежища, бросить в городе одинокой и незащищенной.

Меня обременяют возможности, которые я не умею использовать и контролировать, я стану целью какого-нибудь невероятно способного героя.

— Я хочу только одного.

— Мести? — спросил Хантер. — За смерть твоей сестры? Я кивнула, не удивившись тому, что он это понял, зная, что все они могут это сделать. «Это единственное, — подумала я, — что мне никогда не удастся скрыть».

— И на что ты готова, чтобы отомстить?

— На все, — ответила я. — На все, что угодно. Он медленно кивнул и отвернулся.

— Именно этому я не доверяю.

Естественно, после этого никакой тренировки не было. Больше того, все члены отряда Зодиака 175, сверхъестественного отделения, предназначенного для борьбы со злом, стали обходить меня стороной.

После того как я продемонстрировала свою теневую сторону, дружеские отношения между Ванессой и мной растворились, как кусочек сахара, и она ушла, неуверенно поглядывая на меня. Феликс по-прежнему улыбался мне, но напряженно, и в глазах его благожелательнсти не было совсем. Майках что-то пробормотал о работе в лаборатории и ретировался, хотя осмотрел меня, чтобы убедиться, что его изделие не пострадало от хлыста Хантера.

Даже Чандра, полная злобы, не рискнула взглянуть мне в глаза; она сунула руки в карманы тренировочных брюк и покачала головой, уходя. Хантер последовал за ней без единого слова и взгляда, и я осталась одна в просторном зале, лишь со своим чуждым и смущающимся отражением в зеркале. Эмблема на груди продолжала слабо пульсировать. Так что все прошло хорошо.

Можно, конечно, найти Уоррена и спросить, когда он собирался рассказать об этой небольшой демократической процедуре — о голосовании, но он, по-видимому, все еще на так называемом совещании с Гретой. К тому же, когда мы сидели в ее кабинете, делая вид, что мы цивилизованные существа, поглядывая друг на друга из-за чайных чашек, я решила, что у Уоррена есть что-то такое, чем он не делится с остальными. Что-то в его недавнем прошлом, о чем он не хочет вспоминать. «Что-то, — подумала я с ощущением холодной тяжести в животе, — имеющее отношение к Текле. Чему он не желал смотреть в лицо, чего не хотел знать. Более того, хотел, чтобы об этом не узнали остальные».

Эти вопросы преследовали меня, когда я шла по коридорам, останавливаясь время от времени, чтобы почесать за ухом кошек. Стражников, поправила себя. Ни одна кошка не шипела и не ударяла меня по руке, как поступила Луна с Батчем, и это послужило мне небольшим утешением. Они просто смотрели на меня немигающим взором, терлись о мои пальцы своими гибкими телами и уходили, подняв хвост в прощальном приветствии.

Наконец я вернулась в бетонную, без окон, комнату матери, думая, что в этом подземном лабиринте есть хоть одно место, где я могу оставаться одна и чувствовать себя в безопасности. К несчастью, только когда я легла в постель и подтянула колени к груди, я поняла, что ощущение уединения и безопасности невозможно распространить на мозг.

Сон, как ветер, постепенно заполняющий повисшие паруса, поэтому я знала, что он приближается. Если бы я сразу начала действовать, то, может, даже смогла бы его остановить. Однако я не была готова к ощущению вторжения; словно кто-то перебирал складки моего мозга, отыскивая и вскрывая запертые места. И находил скальное основание: гранит, селитру и окаменевшие воспоминания, которых я не осмеливалась касаться. Но теперь они были вскрыты и острыми краями царапали меня изнутри. Разрезали мой разум. Кошмар оживал. Величайший кошмар моей жизни.

Я снова подросток; точнее, мне пятнадцать лет. Умный, изобретательный подросток, которому нужно сбежать из мира, где меня никто не понимает… как, вероятно, считают все подростки. Но есть человек, который меня понимает, он меня знает и любит больше всех остальных.

Бен Трейна жил через длинную, но узкую полоску пустыни, с тех пор давно превратившуюся в широкую улицу для нетерпеливых водителей, но в то время помеченную единственной тропой, которая вилась по поверхности пустыни. Эту тропу, вероятно, протоптали исключительно мы с Беном за время летних каникул.

По расположению очень близкие, наши дома существовали в совершенно разных мирах. Величественное поместье Лрчеров занимало целый городской квартал — массивный комплекс со множеством украшений и кричащих деталей, которые делали его похожим на викторианский бальный наряд. Напротив, дом Бена напоминал на старую поношенную, но любимую рубашку. Низкие потолки, маленькие окна, очаг из естественного камня, который, к счастью, не разжигали с семидесятых годов, и природные, не выращенные искусственно лужайки вокруг дома.

Однако, несмотря на все эти различия, наши семьи очень

походили друг на друга. Властный патриарх — игровой магнат против отставного военного; послушная жена — умница, принимавшая активное участие в общественной жизни, и домохозяйка; и пятеро детей — две девочки с моей стороны, три мальчика — с его.

Его родители на уикэнды уезжали из города — один брат уже не жил дома, второй проходил начальную военную подготовку; поэтому неудивительно, что их отсутствие стало для нас праздником. Мы были влюблены — оба в первый раз — и испытывали все, что с этим связано. Весь уикэнд прятались от мира; разговаривали, смеялись, ели. Смотрели кино. Целовались. Целыми днями занимались любовью.

Воскресное утро означало конец нашего любовного свидания. К полудню вернутся домой его родители, но первой появилась моя сестра, задыхаясь от бега по предрассветной пустыне. Нам пришлось покинуть свой кокон из простыней и тел, когда тишину нарушил стук в дверь.

— Тебя ищет мама, — без всякого предисловия сказала Оливия. — Она так встревожена, что хочет вызвать полицию. А папа говорит, что тебе пора в колонию для малолетних преступников.

Я неохотно повернулась к Бену.

— Мне пора.

Он сонно вздохнул, от него пахло мной.

— У тебя будут неприятности? Я улыбнулась.

— Оно того стоило.

— Пошли! Я не хочу с тобой в колонию, — заявила Оливия и вздрогнула. — Там заставляют носить бумажные тапочки.

Мы бежали так быстро, как могли нести ноги, бежали в пропасти тьмы, бежали по тропе, которую я знала так же хорошо, как вены на моей руке… или руке Бена. Оливия была моложе меня и тогда быстрей. Я все еще вижу, как он бежит в ночи, золотые волосы освещены луной и летят за ней, как ленты на ветру. Даже в тринадцать лет она была очень красива, женщина в ней уже перерастала ребенка. Я, хотя и была старше ее, все еще выглядела девочкой.

Человек появился ниоткуда, вынырнул из тьмы, ударил Оливию сбоку. У нее даже не было времени закричать; она рухнула на камни, беспомощно зажатая сильным противником. Далее слышались только звуки борьбы. Разрываемой одежды. Удары по телу. Болезненные просьбы о милосердии.

Из моего подсознания послышался голос, искаженный и иррациональный. Ты заслужила то, что произошло той ночью.

Я стонала во сне, трясла головой и все это время знала, что

действительно заслужила. Оливия оказалась в пустыне из-за меня. Могучие кулаки опускались на ее тело и лицо, костяшки соприкасались с ее мягкой плотью, ломая хрупкие кости. И поскольку это была моя вина, я снова действовала, как раньше.

— Беги! — закричала я, набрасываясь на мужчину сзади. У меня не было умений, которые есть сейчас. Не было сил, чтобы справиться с мужчиной, ничего не помогало мне устоять перед этим человеком-хищником. Оливия убежала, и даже после того как она исчезла, я слышала хруст гравия под се ногами и ее крики, летящие за ней, как волосы. А потом я вообще ничего не слышала.

Но это было тогда.

— Мне следовало убить тебя в первый раз, — сказал человек, которого — теперь я это знала — зовут Хоакин. Я почувствовала, как открываются мои глаза, — глаза, как у Репы, у которой их нет, — и посмотрела в лицо, такое же жестокое, каким я его помнила. Полные губы обнажают зубы, расставленные через равные промежутки. Я поняла, что это предназначенная мне улыбка, и зловоние гнилого меда устремилось ко мне из его рта. Щетина, слишком совершенная, чтобы быть естественной, покрывала его подбородок и щеки, и несмотря на его возню со мной, ни один волосок не выбился из его прически. Волосы, гладкие и прилизанные, были зачесаны назад, и в слабом свете луны были отчетливо видны линии, оставленные зубцами его расчески.

— Нет! — сумела я произнести, прежде чем его пальцы снова впились мне в горло, придушив. Правой рукой он ударил меня по лицу, повернув его вправо. При обратном ударе я почувствовала, как треснула кость носа. Как я могла забыть этот звук?

— О да, — ответил он, изогнувшись надо мною, изображая оргазм, дергаясь, как трещотка. — Да, да, да.

Я пнула его головой, заставив дернуться. Из носа у него полилась кровь, и на лице появилось удивленное выражение. В первый раз я этого не делала. Он снова ударил меня, но на этот раз слишком поздно. У меня возникла новая мысль.

— Я не должна быть здесь снова. Не должна снова через это проходить.

Я переместила бедра, увеличив пространство между нами, и смогла высвободить ногу и ударить его коленом по ребрам.

— Нет, должна, — заявил он, прижимаясь ко мне и прижимая меня к поверхности, как борец в вольной борьбе.

Я почти сдалась. Почувствовала, как горят легкие от недостатка воздуха, как его руки движутся у меня между ног, но тренировки и воля позволили продолжать борьбу.

— Нет… Я больше не девочка. Я Стрелец. — Я мигнула и почувствовала, как на моем лице расплывается улыбка. — Я Стрелец, а это… мой сон.

— Но мы можем достать тебя и во сне, — оскалился он, снова вгрызаясь в меня. — Я могу во сне насиловать тебя.

— Нет. Я этого не хочу.

— Сопротивляйся, сколько хочешь, но ты не можешь изменить то, кто ты есть… кем я помог тебе стать.

— Я не такая, как он!

— О, посмотри в зеркало, дорогое дитя. — Он хитро улыбнулся. — Ты точно как он.

За нами послышался какой-то шорох, Хоакин оглянулся, потом снова повернул голову ко мне.

— Проклятие! — воскликнул он и исчез.

Чувствуя себя легче — с меня свалились и его тяжесть, и сон, — я отрыла глаза.

Одеяло сбилось к ногам, простыня промокла по очертаниям моего тела; я села и мгновенно заметила то, чего в комнате раньше не было: предмет, который и вырвал меня из сна. Мне под дверь просунули газету, и сквозь паутину своего не-сна я услышала вкрадчивые шаги. Я встала, не трогая газету, открыла дверь и выглянула в коридор. Там никого не было.

Проведя рукой по лицу, я почувствовала боль в носу. Правда, он не сломан, но горло тоже саднит. Вероятно, покраснело. Я наклонилась, про себя благодаря того, кто таким способом отогнал моих демонов… благодарила, пока не увидела статью.

— Боже мой! — сказала я, вспоминая слова из своего сна. Ты точно как он. Я медленно опустилась на кровать. «Боже мой, — подумала снова. — Может, он прав. Может, они все правы».

Короткая заметка: бесстрастное перечисление фактов и данных: время смерти, возраст жертвы — Боже, всего семнадцать, — что власти думают о случившемся. Я перечитала статью несколько раз, стараясь сопоставить воспоминания о столкновении с Аяксом со словами на этой странице. Бессмысленное и случайное нападение, говорилось в статье; вероятнее всего, банда подростков. У одного был нож. Заявление матери девушки, одно предложение, но в нем единственный реальный факт: «Моя девочка умерла, и моя жизнь больше никогда не будет прежней». Так что, возможно, они и правы.

Я понимала, чего хочет тот, кто просунул газету: чтобы я почувствовала. Его мотивы очевидны и полны ненависти, но мне все равно хотелось закрыть голову руками и никогда их не убирать. Я виновата в смерти девушки. Я подвергла ее опасности, точно, как Оливию, и они обе заплатили за это жизнью. Так что,

может, они правы. Я точно как он.

Я уже собиралась отбросить газету, когда увидела еще одну колонку. Я развернула газету на полосе происшествий, и здесь рассказывалось о стрельбе из-за любовного треугольника. Муж застрелил жену, которую звали Карен, когда она пыталась уйти из квартиры. Через несколько минут Марк Дэвис обратил пистолет против себя.

Я закрыла глаза и на какое-то время даже перестала дышать. Сидела, и во мне царил хаос, как какой-то тошнотворный психоделический наркотик. Девушка в магазине была случайностью, невинным человеком, и у меня не было намерений причинить ей зло. Но это… Аякс не имел никакого отношения к разрушению их брака, к их гибели. Это все я. Я воспользовалась своей новой силой и уничтожила жизни Карен и Марка Дэвисов.

Я сумела пройти в ванную и принялась плескать в лицо холодной водой, ахая; и только тут поняла, что плачу. Опираясь на раковину, я взглянула в зеркало. Прекрасное лицо Оливии с моими измученными глазами.

А темные тени, таящиеся за ними? Я их создала — и причины, которые за ними стоят, — я сама.

— Кто ты, по-твоему? — шепотом спросила я у отражения. Следила, как бесшумно движутся губы, но никакого ответа не услышала.

Вернулась в спальню, взяла газету и принялась рассматривать Карен Дэвис, улыбающуюся мне с недатированного снимка. Немного погодя сунула газету в сумку и вышла. Мне хотелось каким-то образом проверить, правы ли они.

И все время во мне сохранялась надежда, что они ошибаются.

21

Когда я пришла к Грете, я уже вполне владела собой. Слезы высохли, на лице появилось сдержанное выражение — я знала, что на лице Оливии такое выражение производит впечатление блаженного неведения, — и я уверенно контролировала свою энергию. Я не хотела столкнуться с кем-то, когда моя защита еще несовершенна. За каждым углом, мне казалось, меня поджидает Чандра; конечно, это она просунула газету мне под дверь; но ее нигде не было. Если с газетой была она, очевидно, для нее все ясно.

Я слышала смех со стороны детского отделения, видела кошку, патрулирующую коридор; за ней бежали два котенка, и я пошла быстрей, чтобы незамеченной добраться до кабинета Греты. Я уже свернула за угол, бросая назад последний взгляд украдкой, когда с кем-то столкнулась.

— Уоррен. — Мы оба шагнули назад, удивленные столкновением, и я нахмурилась, заметив его бледность. — Ты в порядке?

— Конечно. — Говорил он и двигался как-то рывками. — Со мной все хорошо.

Он никогда не был таким потерянным. Он вспотел, глаза покраснели, и вся безумная самоуверенность, которой он всегда отличался, исчезла. Что бы ни произошло за те часы, что мы не виделись, это его потрясло и лишило уверенности.

— Ты плохо выглядишь. — Я принюхалась. И запах у тебя необычный.

— Ну, не все могут выглядеть так хорошо, как ты! — ответил он и худой рукой потер лицо.

— Что с тобой, Уоррен. — Я отступила. — Что случилось? Что сказала Грета?

— Я не обязан обсуждать с тобой сеансы своей терапии. — Должно быть, обида отразилась на моем лице, потому что он негромко выбранился и попытался смягчить свои слова: — Послушай, Грегор там один уже больше двенадцати часов. Я просто… обеспокоен. Я иду к нему…

— Но… почему не может пойти кто-нибудь другой? Ты теперь цель для Теней.

«Из-за меня», — подумала я, и меня охватило чувство вины: я осознала теперь, чего это ему стоило.

— Я самый опытный, — объяснил он, распрямляясь. — Мы не можем потерять Грегора. Он единственный из нас — кроме меня, — кто держится в Зодиаке на своем знаке уже больше

двенадцати месяцев.

— А как же Майках? И Хантер?

— Оба талантливы, но они недавние новобранцы. Майках даже не должен был быть звездным знаком. Он обслуживающий персонал, как Грета.

— Значит, не пять агентов убиты за последние несколько месяцев…

— На самом деле десять. Десять лучших, — добавил он усталым голосом.

— Боже! — прошептала я.

— Мы заменяем знаки, и они сразу гибнут. Один — Дева — погиб уже на следующий день. — Он взглянул на меня, и лицо его снова отвердело. Я уже видела такую решимость. Видела в объектив своего фотоаппарата на улицах на лицах людей, которые знали, что все потеряно, но были полны решимости все равно продолжать. — Больше никаких смертей. Я пойду туда, верну Грегора, а потом закрою Зодиак. Подождем, пока отряд не пополнится новыми сильными агентами. Тогда мы сможем бороться с Тенями как единая команда.

— Ты хочешь сказать… город останется незащищенным? Он закрыл глаза; глазные яблоки двигались под веками, как мелкая рыбешка; он как будто уже видел результаты этого своего решения.

— У пас нет выбора.

— Надолго?

— Сколько понадобится для подготовки нового отряда.

Год. Может, больше.

— Год! — воскликнула я, думая о том, что Аякс с его сворой сможет натворить за это время. Думая также о девочках из магазина и из ночной пустыни, на которых напали и оставили умирать. — Элю слишком долго.

— У тебя есть идея получше? — выпалил он, сердито посмотрев на меня.

— Эй, не срывай зло на мне. Я только говорю…

— Лучше помолчи!

— Боже! — Я стиснула кулаки. — Почему вы все так против меня настроены? Что я такого сделала?

— Я не… — Он замолчал: понял, что кричит, и глубоко вдохнул. И на выдохе продолжил: — Я не из-за тебя расстроился, поняла? — солгал он. — Мы с Гретой кое-что обсудили, и это меня вывело из себя. Прости за тон. Мне пора идти…

Его страх достиг меня, обжег слизистые оболочки носа.

— Минутку. Кое-что обсудили? Меня?

— Кое-что, — повторил он, — строго конфиденциальное. И не

твое дело, о чем я веду речи с Гретой.

— Мое, если ты выходишь из этой комнаты и обращаешься со мной, как с чужаком. Как с врагом. — Я скрестила руки на груди, видя, что он открыл рот, собираясь возражать. — Этот разговор все еще с тобой, Уоррен. Он пахнет промышленными отходами. Он металлический и холодный, и это ощущение усилилось за время нашей встречи. Почему ты говорил с Гретой обо мне?

— Я не обязан тебе отвечать, — прошептал он. — Я достаточно для тебя сделал.

Я удивленно отступила. Кто этот человек? Я склонила голову, исследуя окружающий его воздух: обонятельные рецепторы ощупывали все, как ноги многоножки.

— Прекрати! — приказал он, и его окружила невидимая стена, подобная башне. Он прошел мимо меня.

— Да что с тобой такого?

— Ты! — крикнул он, испепеляя меня горячими, полными ярости глазами. — Не поняла? С тобой, а не со мной!

Я смотрела в эти глаза, видела, как они горят, дымятся, потом тускнеют. Теперь в них нет чувства. Они апатичны. Мертвы. «Он от меня закрылся, — подумала я с удивлением и обидой. — Просто выбросил меня».

Я почувствовала, как широко распахиваются мои глаза, дыхание вырывается толчками.

— Ублюдок. Это ты меня втянул, помнишь? Крикнул: «Эврика!» и выпрыгнул перед моей машиной! Ты меня превратил в это, — сказала я, обведя рукой сверху донизу тело Оливии.

— Хочешь вернуть свою жизнь, Джоанна? — спросил он, удивив меня тем, что так открыто назвал меня настоящим именем. Я оглянулась, но снова посмотрела на него, когда он шаг-пул ко мне. — О, прошу прощения, я имею в виду то пустое существование, которое ты называла жизнью. Что ж, отлично. Как только мы найдем способ вывести тебя отсюда, мы тебя освободим. Физически. Умственно. Полностью. Довольна?

Я была бы довольна — несколько дней, может, даже несколько часов назад. Но теперь эта отставка, этот отказ — это даже более узкий выбор, чем он предоставлял мне раньше. Так почему именно сейчас?

Я наклонила голову и сделала шаг к нему.

— Ты меня боишься.

Тревога ударила по мне, как хлыстом, и Уоррен стиснул зубы, Он не хотел, чтобы я это чувствовала, и попытался скрыть свой промах за словами.

— Мы ошиблись. Я ошибся. Нам не следовало приближаться к тебе, не следовало вводить в Зодиак в таком позднем возрасте.

Я не обращала внимания на его слова, только на эмоции, дрожавшие, как горячее масло, под его восковой внешностью.

— Ты мне не доверяешь.

— Не доверяю Тени в тебе!

Я дернулась, не успев сдержаться; сердце пропустило удар. Из середины живота по всему телу начала распространяться волна паники. Он последний в этом подземном аду, от кого я ожидала услышать такие слова. Хотя я и подозревала, что Уоррен что-то утаивает от меня, но думала, что это связано с Теклой или с какими-то еще не понятными мне проблемами отряда. Но не со мной. Я почему-то с самого начала считала само собой разумеющимся, что Уоррен всегда на моей стороне.

— А как же Свет? Как сторона моей матери?

— Твоя мать, — фыркнул он, и горечь, словно яд, начала покрывать окружающие нас стены. — Зоя ушла, Джоанна. Она ушла и не вернется. Возможно, так долго жила на стороне Тени, что это начало ей нравиться. Кто знает? Она может и сейчас быть там, вести легкую жизнь, потому что, понимаешь, это гораздо легче… — Да. я знала. — Черт побери, да, не исключено, что именно она передает Тульпе информацию о наших звездных знаках…

— Нет. — Я покачала головой, — Это не она.

— А откуда тебе известно, что она может сделать и чего нет? Ты ее по-настоящему никогда не знала.

Мои губы задрожали. Он меня поймал.

— Мы забыли о существовании Зои и скоро то же самое сделаем с тобой. И тогда просто вернемся к жизни в разных реальностях.

Сердце мое сжалось, и я знала, что Уоррен почувствовал это. Он способен ощущать эхо моих чувств в своей крови… если хочет,

— Так… вот как? Он оглядел меня сверху донизу, лицо его на мгновение смягчилось, и он мигнул. Но вот лицо его снова застыло, эмоции окаменели, и он превратился в кого-то другого — не бродягу и не предводителя подполья. Он стал никем.

— Мне пора идти,

— Вот так просто, Уоррен? — бросила я ему вслед. — Ты собираешься повернуться ко мне спиной, как будто я не потеряла всю свою жизнь, свою личность, свою сестру? Как будто никто не пытался меня убить? — : Он продолжал уходить, и я заговорила еще громче: — Как будто мои глаза не истекали кровью в глазницах?

Никакого ответа, только глупое шлепанье его походки. Хотя как-то неожиданно она перестала выглядеть глупой. Теперь она стала решительной. Признающей поражение. Финальной.

— А как же наша с тобой особая связь, как она? — Он свернул за угол. Он слышал меня, но молчал. — Не поворачивайся ко мне своей проклятой спиной! — Я ударила кулаком по стене. — Уоррен!

Голос мой глухо отразился в пустом коридоре и перешел на шепот.

— Не… не уходи…

Прижавшись к стене, я попыталась восстановить дыхание.

«Как он мог? Он меня знал, знал, кто я и почему. Разве не он обнимал меня, когда я плакала на полу, глядя по местному каналу на собственные похороны, как на какое-то реалити — шоу? Он знает меня, — подумала я, — меня настоящую. Знает…»

— Даже я сама этого не знаю. — Дрожа, я оттолкнулась hi стены. Не хотела сломаться здесь, в коридоре, где меня любой может увидеть. Где, как вирус, повсюду сохраняется недоверие Уоррена.

Поэтому я бросилась к ближайшему выходу — к двери Греты, и она открылась так быстро, что я сделала два шага, прежде чем поняла, что забыла постучать. Полуослепнув от потрясения и жалости к себе, я едва заметила удивление Греты, то, как она вздрогнула, прежде чем овладела собой. Руки ее исчезли за спиной, она попятилась и прижалась к своему туалетному столику, и за ней в зеркале отразилось мое бледное лицо, мои темные глаза.

Похоже, я здесь на всех произвожу впечатление.

Она прижала руку к груди.

— Оливия!

— Прости. Я просто… Я не…

«Я не Оливия. Я не супергерой. Я не аноним. И я не стану плакать», — подумала я, хотя первые слезы уже выступили.

— Мне просто нужно с кем-нибудь поговорить.

— О боже! Конечно. — Она бросилась ко мне, хотя я заметила, что оно поколебалась, прежде чем обнять меня, потом сдалась и позволила мне уткнуться в ее плечо. — Не знаю, к кому прийти, а мне нужно поговорить, и я видела Уоррена, и он не… Он просто…

— Ш-ш-ш, — сказала она, прижимая мою голову к своей груди. И я расслабилась. Расслабилась, кажется, впервые за десять лет с тех пор, как меня бросила мать. Закрыла глаза и глубоко вдохнула. Я поняла, что теперь знаю ее. Розы и травы, на которых она настаивала чай, напоены ее дыханием и кожей, и отличительный запах отпечатался, как звезда, на моих висках.

Постепенно отчаяние и горе покинули мое тело, уплыли вместе со слезами, и я успокоилась. Всхлипывания сменились

блаженной пустотой, я молчала. Грета продолжала покачивать меня, и хотя я знала, что она по-прежнему в ужасе того, что произошло утром, и боится меня, я была так благодарна ей за эту доброту, что остальное перестало меня заботить.

— Спасибо, — сказала я, вытирая лицо рукой. — Еще раз.

— Один из тех дней? — негромко спросила она.

— Одна из тех жизней, — ответила я с горьким смехом.

— Ты слишком переполнена впечатлениями, дорогая. Ты прошла по убежищу, познакомилась с остальными…

Я подняла руку, прерывая ее. Бросила на нее виноватый взгляд, опустила руку и вздохнула.

— Я устала от того, что люди считают меня или избранным освободителем, или воплощением зла. Но больше всего я устала притворяться тем, кем я не являюсь.

— Что это значит?

Это значит, что ты бы не разговаривала со мной, если бы знала, кто я. Ты бы убежала и забилась бы в угол.}вала бы на помощь и спасала свою жизнь. Я встретилась взглядом со своим отражением в зеркале. Разве это не так, Джоанна? Оливия? Кто бы ты ни была.

Грета тоже смотрела в зеркало, но ее отражение, как в кино, отодвинулось, растворилось в фоне, а мое стало четким и сфокусированным. Кожа моя словно истончилась, и сквозь нее четко проступили кости.

— Все те, с кем я в жизни была близка, или погибли из-за меня, или я их оттолкнула. Даже мама ушла в конечном счете из-за меня.

— Неправда. Это не твоя вина!

— И мне нравится насилие, — продолжала я, не обращая на нее внимания, крепко обхватив руками колени. — Я никогда не признавалась себе в этом, но это так. Мне нравится совершать насилие, нравится власть, которая дает мне такую возможность. Я отправляюсь в темные уголки в поисках тех, кто причинил мне боль, чтобы по-своему восстановить справедливость, отомстить. Своими кулаками, Грета. Со всей ненавистью, которая переполняет мое сердце.

Она улыбнулась, отметая серьезность моих слов.

— Ты говоришь, что ты не совершенна.

— Ты не понимаешь. — Я повернулась к пей. — Я не могу это сделать! Я не могу стать такой, как вы ожидаете!

— Но ты дочь Зои Арчер.

— И дочь Тульпы.

Она склонила голову.

— Это тебя беспокоит?

— Это беспокоит всех, — заявила я и рассказала о своем столкновении с Уорреном в коридоре.

Грета тяжело вздохнула.

— Мы только что закончили сеанс. Я загипнотизировала его, и он пережил в сознании свой величайший страх. Ваши судьбы тесно переплелись.

Это заставило меня поднять голову.

— О чем это ты? Какой страх?

Глаза ее стали печальными, и она покачала головой.

— Что ты, женщина, с которой связаны все его надежды, предать его.

Я могла только раскрыть рот. В свете ее слов действия Уоррена приобретают смысл, но сами слова не поддаются объяснению. Я? Предала его?

Грета попыталась успокаивающе улыбнуться, но не сумела:

— Когда твое сознание уязвимо, все чувства обостряются. Он увидел тебя сразу после ухода, услышал, ощутил запах твоего предательства…

— Но я не предала его!

— Он верит, что предала. — Она откинулась на спинку кушетки и подождала. — Подумай о спортсмене, который зримо представляет свою победу в состязании. Сознание не различает то, что создало воображение, и то, что произошло в действительности. Уоррен здесь пережил твое предательство или его возможность. — Она изящным пальцем показала на свою голову. — Не волнуйся. Он скоро вернется к норме. Будет так нормален, насколько вообще может Уоррен.

Она шутила, но я не могла улыбнуться. Однако ее слова заставили меня задуматься.

— Думаешь, такой гипноз мне поможет?

— Что ты хочешь сказать?

Я попыталась говорить спокойно но надежда дрожала в каждом слове.;

— Можешь ли ты извлечь из меня больше Света? Вывести его на передний план? Сделать его сильней, чем… противоположная сторона?

Она взяла очки с маленького столика в изголовье своего двойного кресла и надела их, словно собираясь внимательней осмотреть меня.

— Тебя тревожит равновесие Света и Тени внутри себя?

И она с таким ожиданием взглянула на меня, что я рассказала ей все: о столкновении со строителями и о том, как использовала свою силу, чтобы разрушить их жизни. И чего это им стоило. И что я при этом почувствовала.

— Я не могла тогда предвидеть последствии, и поверь, если бы могла, не сделала бы этого. Но я сделала, Грета. Сделала сознательно.

Я замолчала в ожидании ее реакции — отвращения? омерзения? — но встретила только молчание. Потом медленно нарастающий интерес, с которым Грета, постукивая пальцем по столу, разглядывала меня поверх своих очков.

— И ты хочешь, чтобы я избавила тебя от стремления играть роль Бога? Так, что, чего бы с тобой ни случилось, ты не считала бы, что должна отомстить?

— Не мое дело все расставлять по местам. Теперь я это знаю… Я не хочу быть, как он.

Я действительно этого не хотела. Не хотела, чтобы моим первым порывом было защищаться, набрасываясь на других. Эта привычка сослужила мне хорошую службу после нападения и в те годы, когда я жила под осуждающим взглядом Ксавье, но теперь все иное. Потому что я сама стала иной.

— Я не могу поместить в твою душу то, что там уже есть, Оливия, — сказала Грета, когда я встала и принялась расхаживать по ее кабинету; мои шаги гулко звучали на персидском ковре. — И не могу убрать импульсы Тени. Это часть тебя.

Я остановилась перед нею.

— Но ты можешь научить меня контролировать их? Грета поджала губы и посмотрела на меня гак пристально, что я ожидала немедленного отказа. Но после паузы, показавшейся мне вечностью, она кивнула и знаком велела мне откинуться на спинку кушетки. Я почувствовала, как расслабляются мышцы живота, у меня вырвался вздох; благодарность за доброту, с которой я почти не встречалась, заставила меня прослезиться.

Укрыв меня одеялом, Грета склонилась ко мне, как благожелательный ангел, и последнее, что я видела, были ее серьезные серые глаза, затуманившиеся намерением. Она провела прохладной ладонью мне по лицу и начала считать. Числа вспыхивали у меня под веками, неустойчивые, призрачные, и я начала по спирали спускаться в глубины своего сознания.

Меня никогда не гипнотизировали, и поэтому я не знала, поддаюсь ли я внушению, но слушала мягкие указания музыкального голоса Греты, позволяя ее словам глубоко проникать в меня. Руки мои отяжелели, сердцебиение замедлилось, как у насекомого, застрявшего в древесной смоле. Голова, напротив, стала легкой, мысли плыли в ней, как перья, такие случайные и беззаботные, словно принадлежали кому-то другому.

Забыто столкновение с Уорреном, забыты жестокие

замечания Чандры и вопросы Хантера. Как будто бумаги, загромождавшие стол, смели с него как ненужные и незначительные, и появилась возможность заняться серьезной работой.

Слова Греты превратились в пальцы, раздвигающие тени в моем сознании, проникающие в мягкие, глубокие места, о существовании которых я сама не знала. Или по крайней мере не признавалась себе в их существовании. Несколько слов плавали по поверхности глубокой трясины моих мыслей: изнасилована, месть, Тульпа; аллигаторы поднимали головы над мутной жижей, прежде чем снова погрузиться в мое подсознание; и как ни старалась Грета, больше они не возникали.

Больше ей повезло с отстранением легких завес моей светлой стороны; теперь, из-под своих век, я могла прямо смотреть на сияние воображаемого солнца. Золотой свет обжег края ткани мозга, и неон города, в котором я родилась, заставил мою кровь гудеть, превращая алую жидкость в живое пульсирующее сияние.

Пока Грета продолжала прощупывать, я жила в центре сверкающей матки, в тепле и чистоте, в безопасности и под охраной. Мир расцветал в моем сердце, и я окунулась в состояние расслабленной релаксации. Тайны, живущие в моем сердце, начали отзываться на ее голос. Они шептали ей также, как давно шептали мне. Грета шептала в ответ.

— Я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай первое, что придет в голову, хорошо? — И когда я сонно согласилась, она продолжила: — Начнем с легкого. Ты знаешь, как тебя зовут?

— Все называют меня Оливией.

Наступила такая долгая пауза, и нарождающееся тепло начало убывать.

— Это не твое настоящее имя?

— Нет.

— Как же тебя зовут?

— Тайна. Не могу сказать. — Все мое тело содрогнулось от вздоха. — Я сама не знаю.

— И… кто такая Оливия?

— Мертва. Она мертва. Это имя мертвой девушки. — И дальше шепотом, нечеловеческим из-за глубокого горя: — Прости меня, Оливия.

— Хорошо. Оставайся со мной, слушай мой голос. — Она продолжала говорить, пока мое дыхание не стало Снова нормальным. — Как ты хочешь, чтобы тебя называли? — наконец спросила она. — Как мне тебя называть?

— Чтобы выжить, я должна быть Оливией. Никто не должен знать истины.

— Уоррен знает?

— Конечно. Он меня сделал. И Майках. Постукивание ногтями по дереву.

— Хорошо, Оливия. У тебя есть долг, ты знаешь, что должна делать?

— Вернуть равновесие Зодиаку.

— Вернуть? Или… — Она не закончила вопрос.

— Не вернуть. Уничтожить равновесие. Выследить их. Уничтожить врага, истребить их всех, использовать для этого мои способности, но я не представляю, как это сделать.

Она не обратила внимания на вопрос, заключенный в последних словах.

— А кто враг?

— Аякс. Человек по имени Хоакин. Тульпа. И другие. Я чувствую их запах, но не знаю их. И…

— И что?

— Враг и во мне самой.

— Нет, Оливия, это не так.

— Да, Грета. Так. — Голос мой стал глубже, как инструмент, на котором играет кто-то другой. Я пошевельнулась, покачала головой из стороны в сторону. — Я должна уничтожить Тень внутри и снаружи.

— Ш-ш-ш. Давай отступим отсюда. Слушай мой голос и следуй за словами. Ты со мной? — Она замолчала, и я сонно кивнула. — Хороню. Теперь думай. Какой опыт больше всего может помочь тебе в уничтожении Тени? Что позволит тебе совершить месть, о которой ты говорила? Что поможет восстановить агентов Света в Зодиаке?

— Крав мага, — без колебаний ответила я. — Мастерство, которым я овладела, когда Хоакин в первый раз уничтожил меня.

Снова долгая пауза, прежде чем она продолжила:

— А каково это было?

Я вздрогнула: на меня обрушились воспоминания.

— Холодно. Страшно холодно, когда скорпионы ползали по мне, но не жалили. Они знали, что я мертва. И разбежались, выпачканные моей кровью. — Я снова вздрогнула, потом затихла. — Но она нашла меня и согрела. Дала мне свою силу и свои способности. Чтобы я выжила. И отомстила.

— Кто, Оливия?

— Моя мать: — Я улыбнулась. И вспомнила. Однажды, когда придет время, ты поймешь, что я не уходила. — Теперь я вижу. Понимаю.

— Сосредоточься, Оливия. Слушай мой голос, — приказала Грета. — Какие способности она дала тебе? Что позволит тебе

сразиться с Тенью?

Я не ответила. Передо мной всплыло лицо матери, ее волосы, как золотая завеса, упали ей натеки, в глазах кипели горячие слезы.

— Оливия? — спросила Грета.

Рот моей матери дрогнул и произнес три слова, которые, как птицы, пролетели надо лбом. Я тебя люблю.

— Оливия! — повторила Грета, на этот раз в панике.

— Любовь, — сказала я просто, осознав, что это было со мной все время. — Она отдала мне свою полную и безусловную любовь.

И дамба рухнула. Воспоминания, которые я так долго успешно блокировала, заполнили мое сознание, оглушили, и их поток унес меня назад во времени. Снова в больницу — к приборам, трубкам, болеутоляющему, к швам. Назад к синякам и опухолям, к оборванным ногтям и жжению в горле. Назад к началу моего второго жизненного цикла. «Назад, — подумала я, — туда, где мне было шестнадцать лет».

Я повернула голову, и она оказалась рядом. Не только волосы и горящие глаза, но вся моя мать: тело и сущность, кожа и аура. Я смотрела, упиваясь ее чертами: вызывающими веснушками на носу пуговкой, тонкими костями под кожей лица, шрамом, о котором я всегда хотела ее расспросить. Она провела блестящими пальцами по моему лицу и погладила мне волосы.

— Спи, — велела она, и где-то в глубине души я знала, что рот мой шевельнулся, она использовала для приказа мое горло, мою память. Повинуясь, я еще глубже погрузилась в себя.

— Оливия? — Голос Греты казался далеким и настороженным, он больше не был властным и уверенным. И она справедливо встревожилась. Голос моей матери взял верх.

… — Я покажу тебе, кто я, кто ты, — сказала я голосом своей матери, каким она когда-то говорила со мной, — и какой ты будешь когда-нибудь.

Qua склонилась надо мной, ее волосы коснулись моих безжизненных щек, голубые глаза впились в мои.

— Потому что ты переживешь это. Так было предсказано. Ты станешь первым знаком Зодиака. Ты возродишься как наша Кайрос.

Она прижалась губами к моим разбитым губам и оживила мою душу. Я ощутила запах пустынной мяты — цветы поблекли, но стебли еще прочные и влажные, как от летнего муссона. В горло мне пролился сок кактуса, который сохраняет жизнь хищникам пустыни; этот сок проник мне в желудок. Какой-то уютный аромат, похожий на корицу, но более сильный, подействовал на меня изнутри, так что все мои мышцы

одновременно расслабились.

Присутствовал также экзотический и опьяняющий запах матки, в которой я когда-то жила. Он напоминал ночные цветы и ветер при яркой луне. Я сразу узнала его и глубоко вдохнула. Она дала еще больше. Как все великие матери, она отдала мне все. «Видишь? Ты можешь чувствовать Свет в другом человеке. Теперь запаси эту силу глубоко в себе. Потому mi o он придет к тебе снова».

— Оливия!

Голос заставил мою мать оглянуться. Она нахмурилась, раздраженная этим невидимым вмешательством, потом встала и направилась к двери. Оглянулась только раз, опираясь рукой на дверную раму, — маленькая, но могучая, смотрящая на меня с яростной любовью и огромной решительностью. «Следи за Оливией. Она покажет тебе, как выжить».

И она исчезла. Снова.

— Открой мне твою подлинную личность, — потребовала Грета, входя в больничную палату через портал, который она открыла в моем сознании. Ее очертания были пронизаны силой, под кожей как будто вспыхивали искры. Я только взглянула на нее, и, как кости, покатились слова. Богиня, сука, шлюха, мать, дочь, сестра, подруга…

Я могла быть любой из них, но я выбирала себе название, как покупатель выбирает фрукты на лотке продавца. Враг, подумала я, надкусывая. Вкусив. Охотница, подумала я, добавляя к предыдущему. Когда-то добыча, теперь хищник. Я отложила это, слово, сохранила на будущее.

— Скажи мне, кто ты!

— Разве ты не видишь сама? — Я повернула голову, чтобы посмотреть на Грету, которая по-прежнему неуверенно стояла у входа в мою палату, и: улыбнулась. По тому, как она ахнула, я. поняла, что не могла, не должна была задавать вопросы, но неожиданно; у меня оказались все ответы. Услышав шаги в коридоре, я наклонилась, глядя мимо Греты. «Видишь, как моя аура предшествует мне? Видишь, какая колючая текстура у моей души? Сосуд полон ярости, не правда ли? Моя душа купается в алом».

Теперь, в полной панике, Грета прижалась спиной к стене. Голос ее дрожал. Руки метались, делая что-то за ее спиной. «Назови мне твое имя».

Ответ отяжелил мне рот, от него онемел кончик языка. Я почувствовала его тяжесть, и глаза мои открылись одновременно со ртом. «Я Стрелец!»

И как стрела, выпущенная из лука, который слишком долго

держали натянутым, женщина, которой я должна была быть, как яркая комета, пролетела последние десять лет и погрузилась в меня со всеми знаниями, с которыми я родилась — и с которыми была погребена. Знаниями о Стрельце, о Зодиаке… о моем месте в нем.

Рядом с моими глазами прорезалась вторая пара глаз, эти глаза удивленно замигали, и рот мой расцвел в улыбке. Вторая пара ушей, с перепонками, уходящими в глубину души, раскрылась, когда с нее наконец сняли давление. Новые вкусовые пупырышки образовались на языке, и каждая пора кожи ожила, давая мне возможность ощущать любые частицы в воздухе, — чего я раньше делать не могла. Ко мне вернулось шестое чувство. На это потребовалось десять лет, но наконец я полностью исцелилась.

И встала.

Грохот, звон разбитого стекла, Грета пятилась к дальней степе своей комнаты, у ее ног лежали осколки. Переход от воображаемой больничной палаты к комнате Греты был внезапным, но я вес еще была собой из сна, подлинной, настоящей, хищником, окруженным алой аурой. Глядя ей в глаза, я улыбнулась. Она была испугана, и мне было ее жаль, но мне нужно было зеркало. Я хотела увидеть себя сама.

— Как ты это сделала? — спросила Грета. Я отвела влажную прядь волос от щеки. Женщина уже почти овладела собой, и на ее лице отражалась только легкая тревога, но говорила она настойчиво и резко. — Я ввела тебя в гипноз. Ты не могла выйти из него без моей помощи.

— Я очень долго пребывала под гипнозом. Грета. — Я потянулась, словно просыпаясь после долгого сна, и принялась разглядывать свое отражение в зеркале туалетного столика. Цвет прежний, не алое пламя из моего сна, а приглушенный язычок, как у лампы с прикрученным фитилем. Язычок теплый и устойчивый, и теперь я знала, что он никогда не погаснет. — Мне давно пора было проснуться.

И я чувствовала себя освеженной. Мои поры пили воздух, и комната казалась яркой. Но у Греты был тускло-зеленый цвет. «Это ее страх», — догадалась я и снова ее пожалела. Я глубоко вдохнула и нахмурилась.

— Что это за запах?

— Я… я не могла тебя дозваться. Приготовила шприц, чтобы вывести тебя из транса химическим путем. — Она макнула рукой в сторону осколков на полу. Рот ее дернулся. — Оказывается, в этом не было необходимости.

Я сморщила нос.

— Я чувствую в нем энзимы. Ощущаю твои духи, даже не вдыхая. Интересно, правда? Я как будто дышу через поры. — Я повернулась, разглядывая свою ауру в зеркале, и заметила страх в глазах Греты. Улыбаясь, я подошла к ней и обхватила ее лицо ладонями. — Не бойся, Грета. Я больше не боюсь.

И я вышла из комнаты. Грета ахнула, ощутив уверенность, знания и силу, которые окутали меня как плащом.

22

Двери, которые не открывались, лифты, которые не приходили… теперь все это придет.

Намереваясь проверить эту теорию, я вошла в комнату сейфов, угнетающе действующую своей тишиной. Мои каблуки резко стучали по бетонному полу. Сейфы располагались кругом, как часовые, охраняющие периметр круглой комнаты, и освещенные эмблемы издавали слабый гул. Мой взгляд немедленно устремился к кентавру, который ровно и уверенно светился мягким зеленым неоном.

Я старалась не обращать внимание на пять спящих знаков, но признание Уоррена не выходило из головы; не пять, а десять агентов убиты за последние несколько месяцев, и неосвещенные знаки погибших агентов казались мне пулевыми отверстиями в стене. Беззвучные, бесцветные, пустые своды, куда не проникнет ни один огонек, пока смерть их хозяев остается неотмщенной.

Извлеченное из глубин памяти подлинное воспоминание о моей матери давало мне веру в то, что я смогу это сделать. Отомстить за них. Я снова обратилась к своему сейфу. Что бы ни находилось в нем, оно должно помочь мне стать такой, какой я должна быть, какой дала жизнь моя мать. Оно научит меня быть Стрельцом. Поможет снова создать для себя в мире безопасное место.

И вот, забыв о пустых глазницах ниш вокруг себя, я приложила ладонь к знаку. В глубине его вспыхнул приглашающий красный огонек.

— Чтоб ты знал, — прошептала я в горизонтальную щель сейфа, — ответ на загадки моей жизни не в тебе. Он во мне. — Я с горькой улыбкой нажала на кнопку. — Меня зовут Джоанна. Я Стрелец Света.

И все. Легкий щелчок, и сейф раскрылся. Я покачала головой. Нужно было всего лишь совершить путешествие в себя… и вернуться из него другой личностью.

Снимок, который Уоррен бросил в сейф накануне, лежал не у дверцы, а в глубине, с тремя другими, и у меня перехватило дыхание, когда я их увидела.

I la первом снимке была моя семья, какой я когда-то ее знала. Мама наклонилась вперед, одной рукой обнимая Оливию, другой меня. Мы все улыбаемся и, похоже, находимся в Диснейленде. Ксавье тоже есть на снимке, но он как бы составляет фон; решительно сложив руки на груди, он разглядывает семейную сцену, как будто спрашивает себя, кто эти люди. В его фигуре

сдержанное нетерпение, хотя выражение его лица я не могу рассмотреть. Его лицо отрезано краем снимка.

На втором — только моя мать; снимок, очевидно, сделан в убежище. На ней черный облегающий костюм, под которым четко вырисовываются мышцы гибкого тела, светлые волосы высоко собраны на голове, руки протянуты вперед: она нацеливает какое-то оружие на невидимого противника. На ее лице эмоции, которых я раньше у нее никогда не видела: решимость, ненависть, сила; я улыбнулась, глядя на нее.

Фото Бена; на его спящем лице улыбка; ему снится будущее, которого не будет. Я провела пальцем по подбородку на снимке, вспоминая, как это ощущалось в реальности. Этот снимок будет напоминать мне, что любимых нужно держать далеко от себя и в безопасности. Этому меня тоже научила мать.

И наконец Зоя с еще одной женщиной. Они обнимают друг друга за плечи и смеются в объектив, они невероятно молоды. Эта женщина совершенно мне незнакома, но для матери Она, очевидно, что-то значила, поэтому пусть остается.

Единственный оставшийся предмет лежал в углу, небольшой пакет, завернутый в почтовую бумагу и перевязанный старым шнурком, с запиской между складками бумаги. Я взвесила его на руке. Прочный и маленький — в ширину моей ладони, — он весит немало для такого размера. Оставив записку на потом, я разорвала упаковку.

— Ха! — торжествующе рассмеялась я. Кондуит моей матери. Я посмотрела на фото, сравнила оружие и повторила ее позу. Мой кондуит. Стрелы размером с большой палец тесно уложены в камере в ожидании, — когда взведут тетиву.

Сама тетива плоская и сделана из какой-то блестящей тонкой проволоки, а корпус блестит, как оникс. Мне захотелось побыстрей узнать, что она написала, поэтому я развернула записку, адресованную Стрельцу.

За мной идут. Я это предвидела. Чтобы помешать мне сказать правду, они отнимут мой голое. Помоги мне. Мои глаза за твой голос? Говори, и я покажу тебе путь к освобождению. К выходу в наружный мир. Путь к предателю.

Я ахнула. Это не может быть написано моей матерью. Я смотрела на записку, отметив на этот раз жесткость бумаги, потом обратила внимание на подпись — только одна большая буква «Т». И за этой буквой постскриптум.

Оглянись.

Мне на плечо легла рука. Я вскрикнула и повернулись, машинально пряча кондуит за собой.

— Ты его открыла. — Ванесса кивком показала на сейф.

Чандра слева от нее промолчала, челюсти судорожно сжались.

Я переместилась, чтобы встать напротив нее, и она застыла, когда я бросила на нее понимающий взгляд.

— Что ж, кто-то доставил мне в комнату небольшой пакет, и это помешало мне спать. Поэтому я решила прийти сюда и попробовать еще раз. Забавно, правда? То, что должно было мне повредить, привело к этому.

У Чандры дернулась щека.

— Поздравляю, — произнесла она, но я по темно-фиолетовой окраске ее тела видела, что она неискренна.

Ванесса кашлянула и показала на записку, которую я сжимала в руке. — А это что?

— Всего лишь записка от моей матери, — солгала я, отворачиваясь и снова засовывая записку в обертку кондуита. Положила сверток в сейф и уже начала закрывать его, как Чандра меня остановила.

— Эй! Это Текла! — воскликнула она, показывая на снимок матери с подругой, таким образом ответив на вопрос, кто эта вторая женщина на фото. И, возможно, проливая свет на содержимое записки. Кто, кроме женщины с Видением, мог говорить о предоставлении мне своих глаз?

«В обмен на мой голос, — мысленно поправилась я, видя, как Ванесса и Чандра приближаются ко мне. — Но что мне сказать от ее имени? И кому?» Знание возникало во мне. я чувствовала его движение, как шевеление роя в улье, но оно все еще слишком глубоко, слишком далеко, чтобы я могла понять. Но…

Среди нас предатель.

«Это не бред безумной женщины, — подумала я. — Текла знала, что это произойдет, и просила меня о помощи».

— Твоя мать была прекрасна, — заявила Ванесса. — Мне всегда нравился этот снимок.

Брови мои взлетели, прежде чем я смогла их остановить. — Ты видела его раньше?

— Конечно. Это одна из ее визитных карточек. — Ванесса пожала плечами и убрала за ухо выбившийся локон. — Кажется, снимок ей очень нравился.

— Похоже, — согласилась я, чувствуя, как во мне нарастает нервное напряжение. Я в сущности не знаю этих женщин, и с тех пор как я попыталась установить, что такого важного в предметах в сейфе, их пристальные взгляды заставляют меня нервничать. Они как будто заглядывают мне в душу.

Предатель. Среди нас.

— Что это? — спросила Чандра, показывая на пакет и предоставляя, мне необходимую возможность. Я захлопнула

дверцу сейфа.

— Ничего. — Я прислонилась к дверце. Жест символический, хотя вслух я ничего не произнесла. — А что вы, ребята, здесь делаете?

— Ничего, — ответила Чандра голосом, как арктический лед.

Ванесса устало вздохнула и открыла свой сейф.

— Расскажи остальным. Если Уоррен ушел, это не значит, что мы не должны этого делать.

— Ты его получила, — сказала Чандра, но я смотрела на Ванессу.

— Что значит ушел? — поинтересовалась я, подходя к ней.

Ванесса бросила на меня раздраженный взгляд и жестом попросила не загораживать свет. Она села на пол, держа в одной руке тряпку, а в другой флакон с маслом; и попеременно то смазывала, то полировала стальную дубинку шириной и длиной в мое предплечье. Рядом с ней лежал еще один кусок металла, очень похожий на напильник, но в этом я не была уверена. Еще сверхъестественные игрушки; пока я ими сыта по горло.

— Ушел час назад за Грегором, — уточнила Ванесса, ниже склоняясь к своей работе. — Если он совершил переход, скоро Они вернутся. Иначе им придется ждать рассвета.

Я прикусила губу. Пожалела, что не встретились с Уорреном еще раз до его ухода. Я могла бы показать ему эту записку. И так как мы с ним связаны, он понял бы, что произошло со мной в кабинете Греты, как только увидел бы меня. Всего лишь один взгляд, один вдох, и он знал бы, что мне можно доверять. И тогда мы могли бы разобраться вместе.

Я в раздражении стояла перед Ванессой, чувствуя, как в моей крови кипят вновь приобретенные сила и энергия, пропитывают кости, распрямляют позвоночник… и я ничего при этом не делаю. Я вздохнула, и это привлекло внимание Ванессы.

— Ты выглядишь по-другому. — Она взяла напильник. — Ты что-то сделала с волосами?

Я покачала головой и покосилась на дверь.

— Он действительно мог оставить город без защиты? — Уоррен? — Ванесса пожала плечами и нажала кнопку, которую я не заметила. Из конца стержня выскочили пять стальных когтей. Ванесса начала точить их большим напильником. — Так он сказал.

— А как же невинные? Как город?

— Ему придется выживать без нас.

— Это Лас-Вегас, — произнесла я, растягивая это слово.

— Знаю. — Ванесса бросила тряпку в сейф. — Начинаешь жалеть, что не родилась в Канзасе, верно?

Я попыталась отодвинуть мысли об Уоррене и решить, какой мой следующий шаг будет наиболее логичным. К несчастью, так далеко вперед я еще не заглядывала.

— Так что же нам делать?

— Ничего, только ждать. — Она встала и отодвинулась на безопасное расстояние. Искусным движением руки развернула стальной стержень, так что он стал похож на раскрытую пасть с пятью клыками. Веер, похожий на те, что использовались в викторианскую эпоху, но гораздо более смертоносный. Ванесса обмахнулась им и посмотрела на меня из-за него. — Мой кондуит. Нравится?

— Он прекрасен, — ответила я, позволив придать своим словам оттенок ревности.

Ослепительная улыбка осветила ее круглое мягкое лицо; Ванесса, довольная, свернула свое оружие.

— Послушай, мы встречаемся в кантине, чтобы выпить. Присоединишься?

Я наморщила нос.

— Кантина? Что-то вроде сверхъестественной пивной? Она рассмеялась, открывая и закрывая веер, разрезая им воздух.

— Да, можно так сказать.

Я колебалась. Мне определенно не хотелось повторения вчерашнего: я против них… хотя я ощущала их взаимное недоверие, все же они были едины против меня. Но если я пойду, у меня будет возможность изучить их индивидуально. Никто не знает о записке от Теклы… или о сегодняшнем сеансе с Гретой. Ванесса права. Зачем ждать Уоррена?

— Ты сегодня хорошо действовала, — заметила Ванесса, оглядываясь на меня, потому что я продолжала молчать. Она убрала напильник в ящик для инструментов, а веер спрятала у себя за спиной. — Не только против Чандры, но и против Хантера. Большинство считают его слишком страшным, чтобы выбирать его спарринг-партнером.

— Он и был страшен, — согласилась я, не добавив: До того момента, как ударил меня.

— Ну, ты страшной не выглядела. — Она замолчала, и я видела, что она тщательно подбирает слова. — Ты казалась сильной. Опасной.

Вот оно, высказанное в открытую. Ванесса закрыла свой сейф, повернулась ко мне и, в отличие от того случая в Саде Сатурна, посмотрела в глаза.

— Послушай, сегодня, когда мы ничего не делаем… Я только хотела сказать, что мы не такие. Мы защищаем друг друга. Мы держимся друг друга. Мы только реагировали — или не

реагировали — на Тень в тебе. Прости, что ситуация вышла из-под контроля. Нам всем жаль.

Хлопнула дверь. Чандра только что исчезла за пси с презрительным фырканьем.

Ванесса ответила на это вздохом.

— Чандра всю жизнь хотела служить отряду Стрельцом. Каждый ребенок вырастает в Зодиаке с мечтой стать агентом Света. — Она коснулась моей руки, заставляя понять. — Твое появление — большой удар для нее, но она со временем оправится.

Меня это не тронуло. Не глядя ей в глаза, я произнесла:

— Она хочет голосованием убрать меня из отряда. Она назвала меня… независимой.

Бродячим агентом.

Ванесса нетерпеливо выпалила:

— Да, и при этом она раскрыла свой самый большой страх. Если ты Стрелец этого поколения, то кто она?

Я открыла была рот и снова закрыла. Ванесса права. Чандра может пользоваться доверием остальных, чего так не хватает мне, но пока я жива, она никогда не станет тем, кем мечтала. А я знала, каково это: не быть тем, кем хочешь.

Я осознала, что подсознательно растираю руку. След хлыста Хантера все еще виден. Я вспомнила, что раны, нанесенные кондуитом, всегда оставляют шрамы.

— Не знаю, смогу ли я перенести еще одну такую тренировку, — сказала я, позволяя проявиться своей уязвимости. Интересно, что с этим сделает Ванесса. Интересно… и показательно.

— Дело не только в тебе. — Ванесса посмотрела на дверь, чтобы убедиться, что Чандра действительно ушла и никто другой не вошел. — Уже много недель, месяцев мы в напряжении. Раньше так никогда не было, мы росли вместе, и поэтому мы делали вид, что все в порядке, но это не так. Просто… не так.

— Потому что Текла заявила, что среди нас предатель? Ванесса помолчала, прежде чем ответить.

— Как бы Уоррен это ни отрицал… только взгляни.

Она показала на спящие глифы, и я снова ощутила пустоту,

— Послушай, пойдем в к-антину, — предложила она мягко, почти умоляюще. — Давай начнем сначала.

Мне хотелось согласиться, но я гадала, почему Ванесса вдруг стала такой открытой и дружелюбной. Может быть, потому что она предатель?

«Есть только один способ узнать это», — подумала я и поэтому кивнула. Ванесса с улыбкой двинулась со мной из

комнаты сейфов.

— А что вы празднуете? — спросила я под звук наших каблуков на каменном полу….

— Мы не празднуем. — Одной рукой придерживая дверь, она повернулась и посмотрела мимо меня назад, в просторное помещение. Ее взгляд упал на мертвый знак Скорпиона. — Мы поминаем. Сегодня шесть месяцев со смерти Страйкера,

Она открыла дверь и исчезла.

Кантона оказалась самым удивительным помещением в убежище. Кресла кубической формы, крытые абсолютно черным бархатом, стояли вокруг серебряных столов; звон серебра отражался от стоящего в углу бара. Ванесса привычно устроилась за баром, а я разглядывала на потолке сверкающие звезды и созвездия — Большая Медведица, Малая и остальные, которые я узнавала, но не могла назвать.

У одной стены во всю ее длину стоял аквариум, в нем в блаженном неведении плавали многоцветные обитатели. На противоположной стене расположился плоский телеэкран. Негромко пел Стинг, следя за каждым моим шагом, и я улыбнулась, когда Ванесса нажала на кнопку и на столиках вспыхнули свечи. «Не кантона, а дорогой ресторан», — подумала я, садясь в бархатное кресло и чувствуя, как погружаюсь в его футуристическую матку.

— Четыре элемента, — пояснила Ванесса, указывая на Комнату. — Огонь, земля, вода, воздух.

Я нахмурилась. Над головой среди звезд — воздух, Огонь — на тонких свечах, а вода, очевидно, представлена аквариумом. Но земля? Я посмотрела на Ванессу.

Она сухо улыбнулась.

— Из праха в прах. «Мы, — догадалась я. — Мы представляем землю и уход с нее всех живых существ. Что ж, это добавляет остроты ситуации».

— Может, мне не следовало сюда приходить, — осведомилась я, наблюдая, как Ванесса наливает в графин водку, какой-то густой ликер и еще по меньшей мере три разных жидкости. Напиток принял неприятный коричневый цвет, как у крепкого чая, но Ванесса не казалась встревоженной.

— Теперь ты одна из нас. — Заметив мое скептическое выражение, она постучала ложкой по краю раковины. — Я говорю серьезно. Просто остальные должны привыкнуть к Этому… к тебе. А это не произойдет, если ты будешь от всех Скрываться.

Конечно, я это знала. Но почему-то по пути из комнаты сейфов сюда вся моя сила Я-Стрвлец-слушайте-мой-рев ку-Да-то ушла, и перспектива пребывания в этом маленьком замкнутом

мире с пятью людьми, которые должны «привыкнуть ко мне», не казалась мне привлекательной.

— Я не хочу навязываться. Я не была знакома со Страйкером.

— Ну а я была, ты бы ему понравилась. Не только твоя внешность, но твой дух. — Ванесса поставила графин в холодильник охлаждаться и взяла другой вместе с двумя стаканами, один протянула мне, — Страйкср считал, что, выходя из убежища, мы каждый раз заново создаем себя. Твои yen лия, говорил он, это отражение твоих намерений в убежище, поэтому нужно с уважением относиться к тому, что там ос талось. Он бы хотел, чтобы ты была здесь.

Ее слова успокоили меня, поэтому, когда она налила и стакан свой коктейль, я осторожно отпила: Напиток фруктовый, яркий; оценив это, я сделала глоток побольше, и в животе у меня начало растекаться тепло. Останусь. Буду наблюдать. По крайней мере какое-то время.

И тут раскрылась дверь и появилась Чандра. Увидев меня, она свела брови.

— А она что здесь делает?

Я ничего не ответила, потому что слова Ванессы о Чандре немного смягчили меня… да и выпивка начала сказываться.

— Похоже, пьет, — заметил вошедший за ней Феликс Он по-мальчишески улыбнулся мне, но я поняла, что он встревожился. Из-за смерти Страйкера? Или, как Ванесс. і раньше, из-за меня. Я не могла определить.

Вслед за ними возник Майках; он тут же направился ко мне, чтобы проконтролировать результаты своей работы Очевидно, мое состояние его успокоило. Но немного погоди он обхватил подбородок рукой и с любопытством посмотрен на меня.

— Ты выглядишь как-то по-другому. Но не могу точно уловить, в чем дело. Ты себя хорошо чувствуешь?

— Замечательно. Как будто проснулась после долгого сна.

— Звучит многозначительно, — осторожно произнес он. Я продолжала пялиться на него. Он мигнул и сел, едва поместившись в кресло.

— Если веришь в волшебные сказки.

Чандра села напротив меня, но от поисков ответа в духе Оливии меня спасло неожиданное появление Хантера. Он остановился, заметив меня, и его аура стала из черного серебристой, затем золотой. Между нами сверкнула искра энергии. Я понятия не имела, что это значит.

Он сел рядом с Чандрой, и я подумала, что он был бы находкой для фотографа. Такой сосредоточенный, сдержанный, что на снимке будет как живой, никакой разницы. Я могла бы его

разглядывать, выяснять, что скрывается за книжной наружностью, и он не будет знать, что я это я. Конечно, если у меня когда-нибудь хватит духа нами, на него объектив. Итак. Мы здесь все.

Вес, кроме Уоррена и Грегора. И Теклы», — пришла непрошенная мысль, хотя, наверно, Теклу нельзя считать. Я сделала еще один глоток приготовленного Ванессой напитка и воззрилась на остатки отряда Зодиака 175, сверхъестественный отдел, Лас-Вегас.

— Чем вы занимаетесь? — с неожиданным любопытством спросила я. Я не хотела раздобывать информацию. Мне о было интересно. — Снаружи, я имею в виду Уоррен был бродягой, Грегор — водителем такси. Оливия принадлежала к сливкам общества и занималась общественной дельностью, можно и так сказать. Мне предстояло определить место агентов Зодиака в социальном спектре долины Лас-Вегаса. Я была уверена, что в той или иной форме им соответствуют с противоположной стороны агенты Тени.

— Я знаю, что Майках врач, но чем занимаются остальные? Кто вы, когда вы… не вы?

— Студент колледжа, — : объявил Феликс, подняв руку. — ЮНЛВ.[55]

— Да, — подхватила Чандра. — Восемь последних лет. — Эй, это не моя вина. Уоррен все время заставляет менять специальность. — Он подмигнул мне. Я подумала, с его лохматой головой и готовностью смеяться он должен быть весьма популярен в кампусе. — Я присматриваю за нашими начинающими, когда они приближаются к трансформации и начинают выделять сильные обонятельные сигналы. Я также слежу за начинающими со стороны Тени. Студенческие братства, пирушки, клубы — места, где собирается молодежь.

— Страйкер был экспертом-криминалистом в полиции, — сказала Ванесса, наполнив стаканы и напомнив всем, зачем они собрались. Все выпили за его память, и Ванесса снова наполнила. — Это был лучший способ быстро оказаться на месте преступления.

Все молчали, и я поняла, что они вспоминают склад, на котором Страйкера поджидала засада. Место убийства.

Я выпила еще немного.

— Что ж. — Майках наконец нарушил тишину. — Мы не единственные, кто потерял в этом году звездные знаки. Одна Чандра уничтожила двух агентов Тени.

— Не я, — возразила Чандра, наклонив стакан. — Н забудь, я не звездный знак.

— Ты установила подозреваемых, — заметила Ванесса.

— Но убрал их Хантер.

— Мы сделали это вместе, — поскромничал Хантер. — Большинство огненных знаков действуют вместе.

Заметив мое непонимающее выражение, Майках пояснил:

— Чандра работает в «Скай-Кем», самой большой химической лаборатории этого штата. С помощью ДНК она определяет Тени и новичков, которые просятся к ним.

Чандра поджала губы, переведя взгляд с Майкаха на меня: ей ужасно хотелось рассказать об этом самой — сделать это значило бы, что она разговаривает со мной, и гордость победила.

— Первого, из знака Единорога, я нашла с помощью образца мочи, который прислали, когда он хотел поступить на работу в стрип-клуб. После этого Хантеру легко было отправиться в этот клуб будто бы за девочками. Второго — знак Девы у Тени — определила по образцу волос.

Хантер отсалютовал ей поднятым стаканом, они переглянулись, а я, как бы ни относилась к Чандре, вынуждена была признать, что прикрытие идеальное. Все отели города обязательно отправляют своих работников — а их тысячи — на проверку на наркотики; так же поступают правительственные учреждения, полиция, развлекательные заведения.

Тем не менее я еще не готова была хвалить Чандру. Я повернулась к Ванессе. — А ты? Она откинулась в кресле, скрестив длинные ноги. — Репортер «Лас-Вегас Сентинел». Криминальный отдел. Понимаешь, Страйкер первым оказывался на месте преступления, анализировал улики, и если ему казалось, что пахнет сверхъестественными силами, звонил мне. Он прикрывал дело, маскировал все улики, а я вырабатывала правдоподобную версию для смертных. Таким образом «Агент Света убирает Двенадцатый дом Тени» превращается в «В Западном Лас-Вегасе мужчина повесился в гараже». Это была моя лучшая история.

И она подняла свой стакан.

— Понятно, — сказала я, покручивая стакан и глядя, как и нем образуется маленький водоворот. — Или «Агент Тени преследует нового Стрельца» превращается в «Сестра наследницы разбивается насмерть».

Улыбка в глазах Ванессы исчезла. Плечи ее поникли, Ванесса коснулась моей руки, и я заметила, что все обратили внимание на этот жест.

— Прости. Не стоило шутить. Но все это ради добра, понимаешь?

Я кивнула. В конце концов это не ее вина. Просто я становлюсь излишне чувствительной, сентиментальной и,

наверно, немного пьяной. Нужно успокоиться и сосредоточиться.

— Что ж, работа грязная, но…

— Да, что-то в этом роде.

Мы чокнулись, Чандра нахмурилась, опустив лицо к своему стакану. Остальные тоже потихоньку продвигались, у Многих покраснели лица; выпивка сказывалась и на мне, сладкое ощущение обволокло язык. Я отставила стакан и повернулась к Хантеру. Он единственный не пил. И единственный, кто еще не ответил. Я подняла бровь.

— Начальник службы безопасности, — произнес он, прежде чем я успела спросить. И добавил: — «Валгалла».

Во рту у меня пересохло.

— Ты пытаешься проникнуть в организацию Арчера? Как моя мать?

Возможно, выпивка несколько замедлила мою реакцию, но я сразу поняла, как легко стать посредником между Светом и Тенью, потому что он буквально работал в организации Тени.

— Не пытаюсь. — Он сцепил пальцы. — Я это делаю.

Такая же работа была у моей матери и, может, предстоит мне.

Он слегка улыбнулся — совершенно непроницаемой улыбкой, мое смущение его явно позабавило.

— Кому-то приходится это делать, — заметила Чандра.

— Чандра, — обронил Майках предупреждающим тоном. Я вздохнула, но постаралась не показывать своей усталости. Училась все лучше скрывать свои эмоции.

Губы Чандры слегка дернулись, но больше она ничем не показала, что слышала его; в отличие от Хантера и меня, она ничего не пыталась скрывать. Глаза ее потемнели, но это не все. Всю ее душу окутывали слои ненависти и негодования. Мне даже не нужно было всматриваться, чтобы увидеть ее цвет — мутный сливовый. Я, по ее мнению, не просто заняла ее законное место в Зодиаке, я украла его у нее. В ее сознании плавали мертвые и разложившиеся мечты о том, чтобы стать Стрельцом отряда.

Я перехватила взгляд Ванессы: та умоляла меня не реагировать, поэтому я встала, будто бы для того, чтобы взять новый кувшин с выпивкой. У меня была полупьяная надежда, что, когда я с ним вернусь, Чандра уйдет или по крайней мере найдет более интересное занятие, чем пялиться на меня. Но Чандра осталась на месте, она продолжала насмехаться, как часто насмехались над Оливией женщины. Осуждали ее. Она протянула мне стакан, чтобы я наполнила его, и у нее хватило наглости заявить:

— Твоя мать подвела нас, когда отказалась от своего

звездного знака. И ради кого она это сделала? Какая неудача.

Содержимое кувшина: кусочки фруктов, сладкие и липкие, алкоголь с лимонным соком, кусочки льда — все это вылилось на ее голову. Настала моя очередь посмеяться, но она уже вскочила и стерла с моего лица выражение удовлетворения, так что я даже не успела заметить ее движение.

— Женская драка, — услышала я слова Феликса.

— Драка женщин супергероев, — поправила я и, отклонившись, нацелила локоть ей в висок. Инерция движения развернула меня, я воспользовалась ею и другим локтем ударила Чандру в нос. Чандра пошатнулась, удивленная, как я была удивлена ее пощечиной, но не упала, и пьяная драка Продолжилась.

Чандра сделала выпад, но Феликс оказался быстрей, он перехватил ее руки, в то время как Хантер сграбастал меня. Мы извивались, бранились, но делали это ради проформы: вырваться мы не могли.

— Девушки, девушки, — сказал Хантер. Казалось, ему скучно.

Я, откинув голову, ударила его и почувствовала удовлетворение, услышав его вскрик. Мелочь, но приятно. И он меня выпустил.

— Мне надоело извиняться за то, какова я. — Я отстранилась от него и обратилась лицом ко всем им. Чандра не единственная, кто должен это узнать. Я тяжело дышала и ощущала, что моя аура покраснела от гнева. — То, что вам неловко со мной, ваша проблема, не моя. Поняли? Я знаю, кто я.

И я действительно это знаю. Я могу быть прекрасной, не становясь мягкой, могу быть жесткой без горечи. Не став Оливией, не испытывая мир через ее тело и ее глаза, я не поняла бы себя. Я сложила руки на груди и молча ждала, что они скажут.

— Конец, — произнес из угла Майках, поднимая спою выпивку.

— Да. — Я встретилась с ним взглядом. — Конец.

В животе стало горячо. Жар поднялся к горлу. Я неожиданно вздрогнула, и у меня перехватило внутренности. Боль пронизала все тело, я закричала и упала, сжимая свое лоно. Острая боль расходилась от бедер к груди, парализуя нижнюю часть тела. Более, что было в этой выпивке? Мысль промелькнула и исчезла, меня словно резало множество горячих лезвий. Ругаясь про себя, я чувствовала себя обожженной и истерзанной, крик смолк, подавленный болью.

— Что с ней?

Я дернулась и извергла водку, лимонный сок и кровь.

— Оливия! Что с тобой?

Феликс оказался рядом, но его очертания расплывались, слезы и боль мешали мне видеть.

У меня было ощущение, словно мои внутренние органы вырвали из меня. «Наверно, я умираю», — подумала я. Понадеялась.

— Боже! — воскликнула я и на этот раз изогнулась назад: невидимое лезвие разрезало мне спину.

— Внутри. Это у меня внутри…

Я посмотрела на руки, которыми сжимала бедра и живот, ожидая увидеть их в крови, но на них ничего не было. От удивления я закрыла рот. Боль спала, она больше не была острой, но спазмы и ощущение жара сохранились. Мой стон заполнил кантину.

В какой-то момент до меня добрался Майках, и я настолько пришла в себя, что поняла, что он положил мою голову себе на колени, его руки врача проверяли, исследовали мои ребра, живот, ноги, но ничего не находили.

— Это не я! — Я снова согнулась вдвое, во мне словно раскрылась новая рана — от грудины до самой лобковой кости. Но это не я, в этом я теперь была уверена. Это сила вне меня, вне этой комнаты. Тем не менее новые приступы тошноты захватили меня. Я вдохнула, но воздух отдавал металлом и кровью. Я застонала, задергалась и наконец, едва не потеряв сознание, застыла.

— Все в порядке. Лежи спокойно, подожди немного. — Майках повернулся к остальным, хотя их я не могла видеть. — Кто-нибудь приведите Грету.

Послышались шаги, хлопнула дверь.

— Крови нет. — Голос Хантера. В нем озабоченность, и добыла бы ему благодарна, если бы не так сильно испугалась.

— Может, слишком много выпила.

Боль стихла, но эхо ее еще отзывалось в моих костях. Я проглотила рвоту, застрявшую в горле, постаралась подавить боль и страх.

— Может, это аллергия на маскировку феромонов?

— Нет, я проверял раствор на небольших участках ее кожи, прежде чем применить. Маскировка полностью соответствует.

«Я этого не чувствую», — хотела сказать я, но язык у меня во рту превратился в разбухший наждак, Я как будто не пила целую неделю, а не поглощала жидкость минуту назад.

Но вот новый приступ внутри, тесный комок страха, который не принадлежит мне. Я ничего не понимала. Словно мои внутренности принадлежат кому-то другому. С помощью Майкаха

я смогла сесть, его широкая теплая рука поддерживала меня сзади за шею.

— Может, она…

Дверь кантины распахнулась с громким стуком. В темном коридоре силуэтом вырисовалась фигура: плотный мужчина среднего роста и с одной рукой. Тусклое освещение кантины делало его похожим на призрак; к тому же, сгибаясь В поясе, он и покачивался, как призрак.

— Грегор! — Ванесса, оставив меня, повернулась к нему. — Боже! Что случилось?

— Аякс, — сумел он проговорить, прежде чем согнуться вдвое. Я застыла, даже дрожь прервалась, и глаза устремились в полутьму коридора: я думала увидеть там Аякса, с нацеленным мне в сердце пламенеющим лезвием. — Он отыскал меня вчера вечером, сразу после темноты. Не знаю как… ничего не знаю… Я не…

— Тише. — Ванесса обняла его за плечи. — Конечно, ты не виноват. Сядь.

— Я не могу… — Он посмотрел на нас с выражением такой боли, какой я никогда не встречала у человека. — Не могу удержать их.

Я была совершенно не готовая к зрелищу, что одно сверхъестественное существо может сделать с другим. Внутренности Грегора вывалились наружу, выпали из тела, розовые змеи дергающихся кишок извивались в полости живота. Его единственная рука была покрыта кровью.

— О боже! — Майках бросился к нему, а я покачнулась, и меня снова вырвало, на этот раз от шока и отвращения.

— Я о тебе позабочусь, — услышала я сквозь порывы рвоты. — Ни о чем не беспокойся.

— Ты не видел Уоррена? — спросил Хантер. Он единственный сохранил относительное спокойствие. Я подумала, сидит ли он по-прежнему в своем кресле, наклонившись, закинув ногу на ногу, как посторонний наблюдатель. Но проверить не могла. Мои глаза — как и глаза всех остальных — не отрывались от Грегора.

Лицо его сморщилось, изо рта повисли розовые нити слюны.

— Меня использовали как приманку. Аякс выследил мои феромоны.

В комнате повисла мертвая тишина.

— А Уоррен меня не слушал. — Теперь Грегор всхлипывал, рот его широко раскрылся. — Я пробовал упросить его не делать этого, но он меня не послушал.

— Что? Что он сделал?

— Он поменял себя на меня.

Все застыли, пораженные этой новостью. Грегор снопа беспомощно всхлипнул.

— Меня отпустили, но за мной следили. Мне так жаль. Я один не смог закрыть вход на кладбище. И никто не закрыл его за мной.

Я поняла, что это дает возможность агентам Тени попасть на Неоновое кладбище. Но какое это имеет значение? Всякий враг, который попытается проникнуть в убежище, сгорит, верно? Я открыла рот, собираясь это сказать, но тело мое сотряслось от еще одного яростного приступа. Глаза болезненно выкатились из глазниц, горло подавилось беззвучным криком. И судьба убежища перестала меня интересовать.

— Его пытают, — догадался Майках и наклонился к мне. — Помните, они с Оливией связаны? Она испытывала побочные явления.

Если это побочные, то основные я не хотела бы испытать. Еще один разрез, и я так плотно стиснула глаза, что них заплясали огненные пятна. И пришла я в себя, только чтобы услышать последние слова Грегора:

— … потому что он знает ее подлинную личность. Мы должны передать ее на рассвете…

— Иначе они убьют Уоррена, — закончил за него Хантер На этот раз я повернулась, изогнула спину, чтобы отыскать его. Он сидел в кресле, бесстрастно глядя на меня, оценивая, как корову, которую предстоит продать на сельской ярмарке. Я закрыла глаза, удивляясь, как могла находить его красивым.

— Мы не можем выслать ее, даже если бы захотели, — заявила Ванесса. — Она сгорит до того, как вдохнет свежи воздух.

— Что?.. — Грегор скорчился. Феликс поддержал его, он со стоном откинул голову.

Я снова согнулась.

— Прекрати! — крикнула я небу, Уоррену, тем, кто en Пытает, и Богу, о существовании которого мне ничего не известно. Я кричала, пока не распухло горло, а когда закончила, в комнате послышался смешок, пронесся, как порыв ветра. И пытка прекратилась. Все переглядывались.

— Твой голос, — бросил Хантер прямо мне в лицо. — Аякс услышал его.

— Они связаны, — повторил Майках.

Я вспомнила, каким ушел Уоррен: возбужденным, рассерженным, испуганным. Больше я никого не потеряю. И поняла, что он, должно быть, предвидел это. Конечно, человек, который верит, что благополучие отряда важнее жизни Индивида,

так и сделает. Он знал и все равно пошел.

— О мой бог! — воскликнул Майках, который тоже это понял. Он опустил голову на руки, кровь Грегора вымазала его виски, лоб и уши, — Все время Аякс опережает пас на шаг.

В моей памяти возник Уоррен, идущий по коридору, в плаще, клубящемся у ног: им двигала потребность поступать правильно. Сердце мое упало. «Если это игра, — подумала я, — сжимая живот, мы на грани проигрыша».

23

Феликс и Майках помогли мне вернуться в мою комнату, а Грета тем временем зажгла свечи и каким-то снадобьем освежила воздух, а потом дала мне пилюлю, чтобы ослабить связь с Уорреном.

— Тебе нужно отдохнуть, — произнесла она, когда я с облегчением и стыдом проглотила пилюлю. — Сосредоточься на создании мысленной стены между Уорреном и тобой. Защити свои мысли и чувства от тех, кто через Уоррена пытается в них проникнуть. Это даже важнее, чем блокировать боль.

«Легко сказать», — подумала я. Но дымок благовоний вмешался, разделил синапсы мозга, заставляя забыть о тревогах.

— Уоррен хотел бы этого, — добавила Рена. Она сидела в углу, раскачиваясь в кресле, которое принесла из своей комнаты. — Можно быть уверенным, что он делает то же самое.

Провалы ее глаз при свечах превратились в темные бассейны. Все ее подопечные уже спали, и она предложила присмотреть за мной, пока остальные собрались в комнате для совещаний. Я знала, что они там говорят обо мне, обо всем, что со мной связано, но… не со мной. И лениво гадала, чей голос окажется решающим при голосовании… и как скоро после этого меня выбросят из убежища. Принесут в жертву ради своего руководителя.

— Ты должна медитировать. — Рена откинулась на кресле-качалке.:

Как будто это может решить все проблемы?

— Упражнения по медитации не действуют. — Я попыталась рявкнуть и расплатилась за это огнем, заполнившим внутренности.

— Это потому, что ты их не делаешь, — ответила она, а Я снова откинулась на подушки, дергаясь от ожогов внутри.

Когда начало казаться, что дело ограничится ожогом, я слезящимися глазами посмотрела на нее.

— Они ведь проголосуют за то, чтобы выбросить меня, верно? Считают меня виновной в пленении Уоррена.

Она покачала головой, но это было скорее признание поражения, чем выражение уверенности.

— Нет, Оливия. Это все устроили Тени, точно так же как все наши остальные беды. — Она опять опустила голову; из нее словно выпустили воздух. — И Уоррен тоже это сделал. Он всегда делает. Последнее было сказано с давно выношенным убеждением, и я постаралась разглядеть се ауру, но слишком

устали, от аромата в воздухе у меня кружилась голова; и еще я боялась, что это вызовет новый приступ боли. Мне хотелось понять, что она имела в виду, но я опасалась, что услышу, как от Майкаха, слова о тайнах Уоррена или возражения, что не ей об этом рассказывать, как заявила мне Грета. Поэтому я задала другой вопрос:

— Откуда у Уоррена хромота?

Кресло перестало раскачиваться, воцарилась тишина. Рена была свидетелем первого жизненного цикла Уоррена; и если кто-нибудь знает его и его прошлое, так это она. И хотя у меня были гораздо более важные вопросы, этот казался достаточно невинным, поэтому я молча ждала, что она расскажет.

— Он получил ее от отца.

Я вздрогнула, вызвав вспышку огня вдоль спины. Это напомнило мне, что не стоит неожиданно двигаться, но я ожидала чего угодно, только не этого.

— Да, кондуиты производят устойчивые повреждения. — Рена поморщилась и снова начала раскачиваться. — Ты заметила, что Уоррен не носит личное оружие? — Она продолжила, хотя не могла видеть мой кивок. — Он не прикасается к кондуиту Тельца после того, как отец применил кондуит против него… а он — против отца.

И она рассказала мне о человеке, который в одно мгновение бывает нелепым, в другое — серьезным, рассказала такое, о чем я не могла догадаться.

Самсон Кларк был не первым в своем поколении кандидатом на Тельца. Другой агент, женщина по имени Миа, получила этот знак, а Самсон завладел им после того, как Миа погибла в засаде, устроенной Тенями в туннеле, ведущем к отстойнику Лас-Вегаса. В. течение следующих нескольких лет он отомстил за смерть Мии, убив двух агентов Тени, которые подстерегли ее, и помог своим товарищам убить третьего. Тем временем он женился на младшей сестре Овна Света, и вскоре после этого родился Уоррен.

Рождение сына, а не дочери, было большим разочарованием для Самсона, которое он никогда не скрывал от костлявого мальчика, выросшего в тени отца. Такая мелочь, как моногамия, не могла остановить Самсона: оставив мать Уоррена, он обратил внимание на другую женщину, которая уже доказала, что может рожать дочерей. Это была подруга предводителя. Когда она его отвергла, он не подумал, что она это сделала из-за того, как он обращался с матерью сына. Нет, он решил, что это произошло потому, что он слишком слаб. Пока.

Рена вздохнула; если бы у нее были глаза, они потеряли бы

сосредоточенность, потому что через настоящее, через дымку, заполнившую комнату, она смотрела в прошлое и ясно видела его.

— И поэтому он решил сам занять место предводителя.

Но Самсон разговаривал во сне. Уоррен, которого заставляли каждый вечер прибираться в комнате отца, заботиться о его вещах — включая затачивание его кондуита, — в течение нескольких дней узнал подробности заговора. Страх перед отцом и стремление понравиться ему, несмотря на все эти годы пренебрежения, помешали ему рассказать о намерениях отца другим звездным знакам. Но в ту ночь, когда его отец напал на предводителя, Уоррен неожиданно обнаружил в себе смелость противостоять Самсону… и едва не лишился фи этом левой ноги.

— Нога всегда напоминает ему о той ночи, когда он убил отца, — сказала мне Рена, старательно лишая свой голос эмоций, — и хотя он об этом не распространяется, напоминает также о том, что он не сумел спасти жизнь предводителя. Однако его вознаградили знаком Тельца, а позже и постом руководителя, дав ему то, чего так отчаянно хотел его отец.

Я продолжала лежать, отупев от аромата, но еще более оцепенев от услышанного. Уоррена предал его собственный отец. Немного погодя я обрела дар речи, хотя во рту все равно было впечатление наждака.

— Почему Самсон не мог просто заслужить пост руководителя? Очевидно, он был хорошим агентом. Неужели он не мог со временем стать предводителем?

— Ему мешало происхождение, — ответила Репа, про должая поскрипывать креслом. — Он родился как независимый.

— Бродячий агент? — выпалила я, не успев сдержаться. — Я хочу сказать…

Она сухо улыбнулась и жестом остановила меня.

— Он полностью соответствовал этому термину. Потому что хотя технически Миа была убита Тенями, именно Самсон подсказал им способ сделать это.

— Ах, Оливия, — вздохнула Рена, когда я с ужасом охнула. — Только потому что агенты Света… превосходят людей, это вовсе не означает, что у нас нет тех же недостатков, что и у людей, которых мы защищаем. Для агента Света отец Уоррена был слишком честолюбив. Для него было недостаточно быть просто сильнее людей — таковы все агенты с обеих сторон. Он сумел получить положение звездного знака Тельца, но ему нужно было больше.

И он настолько хотел этого, что готов был искалечить собственного сына.

Я вспомнила, как Уоррен рявкал, когда кто-нибудь упоминал его происхождение.

— Поэтому он не мог мне полностью доверять, хотя и хотел?

Репа согласно хмыкнула, прежде чем добавить:

— И поэтому в его глазах каждая смерть в отряде доказывает, что он не заслуживает быть предводителем. Он считает, что его происхождение — то, что он сын бродячего агента, — определяет его поражения еще до того, как он начнет действовать.

Неудивительно, что он готов пожертвовать собой ради Грегора. Ради нас всех.

— А как же все остальные? — спросила я. — Что они собираются предпринять?

— То, для чего они родились, конечно. — Репа скрестила руки на груди и откинулась на спинку. — Собираются спасать его.

— Но агенты Тени ждут их на Неоновом кладбище. — Я недоверчиво посмотрела на нее. Должен существовать план получше. Даже я понимаю, что предпочтительней отдать меня Теням. — Они сами говорят, что будет уничтожен весь Зодиак.

— Без Уоррена он и так уничтожен, — со вздохом ответила она. И машинально пригладила волосы, хотя не выбилась ни одна прядка.

Я нахмурилась: женщина, отчаянно защищающая своих детей, не должна признавать поражение.

— И что же нам делать?

— Надеяться. Молиться. А если этого недостаточно, ждать, пока не будет готова новая партия начинающих. — Голос ее звучал мягко, почти сонно, но сопровождал его запах не сновидений, а кошмаров.

— Ждать недолго, всего лет пять. И тогда мы снова восстанем.

— Но ведь они умрут! — воскликнула я, слишком поздно спохватившись. Не удержалась.

— Да. — Ее голова упала на грудь. — Они все умрут.

Я вскочила. Диафрагма горела; жара, как дым, поднималась к горлу, но это было терпимо.

— Как ты можешь сидеть так спокойно и просто отпустить их?

Репа внезапно прекратила раскачиваться, застыла, и я уверена: будь у нее глаза, они прожгли бы во мне дыры.

— Меня убивает мысль о том, что Уоррен там страдает. Он мой любимец. Всегда был любимцем. Но я ничего не могу сделать: только подготовить следующую смену более сильной и умной. Научить не ошибаться там, где ошиблась эта группа… и где я ошиблась с нею вместе.

— Ты винишь себя?

— Как любая мать. — И тише: — Даже такой слепой суррогат матери, как я.

Я не знала, что на это ответить, и потянулись минуты, отмеченные только тиканьем часов у моей кровати; истома нарастала, и цифры циферблата начали расплываться. Свечи действовали расслабляюще, наконец подействовал и аромат, и я, вероятно, поддалась бы, уснула и проснулась, когда все было бы кончено, если бы не всхлипывание из дальнего угла.

— Я всегда их отпускаю, — произнесла дрожащим голосом Рена, — Просто сижу здесь. Сижу сложив руки, даже если сжимаю их в кулаки.

Усталость свалилась с меня, я посмотрела на нее в слабом свете свечей. Она, в своем бесформенном платье, выглядела ангелом с искалеченным в битвах лицом; потерянная и, несмотря на такое количество подопечных, совершенно одинокая.

— А ты бы пошла? Если бы могла?

— Я принесла бы себя в жертву за каждого из них, делала бы это снова и снова, — заявила она, на этот раз каждое ее слово было полно уверенности. Она выпрямилась в кресле. — Я взяла бы твою боль и закуталась в псе так плотно, чтобы она больше никогда не коснулась ни одного из моих детей. Я бы ежедневно и до самой смерти выжигала себе глаза, если бы могла спасти хоть одного.

— Потому что ты мать, и так поступают все матери, — сказала я, кивая и думая о своем. Конечно, все ее жертвы в конечном счете не имеют значения. Я здесь в ловушке в руках этих людей, как годы раньше была в руках Хоакина.

— Нет, — возразила Рена, удивив меня. — Разве ты еще не поняла? Это потому что я Свет, и так мы все делаем. Это сделал Уоррен для Грегора и делал для тебя. Поэтому все остальные готовы пожертвовать собой ради него.

Потому что он Свет.

— О мой Бог! — Я мигнула, сердце мое дважды дало сбои, и я медленно села в кровати, стараясь не допустить, чтобы головокружение снова меня уложило. — Так вот оно что!

Репа вздрогнула, качание прекратилось.

— Что?

Превозмогая боль в желудке, я наклонилась и включила свет; почувствовала, как мое возбуждение, переходя в знание, добралось до Уоррена. Ощутила остатки аромата, протянула руку к стакану с водой на ночном столике и прижала его к щеке, чтобы охладить кожу. Потом выпила воды, чтобы прочистить сознание, заглушить пламя в желудке, не обращая внимания на остальное.

Схватив свою спортивную сумку, я порылась в ней, взяла первую попавшуюся темную одежду. Это был костюм черной кошки, наполовину хлопок, наполовину нейлон, с неприлично глубоким вырезом, но тут я ничего не могла поделать.

— Он Свет. Они Свет. Они забрали мой голос.

Детали быстро вставали на место, но мне это продвижение казалось медленным: стрелки всегда стремительно бегут, когда времени не хватает.

— Боже мой, почему я не замечала этого раньше? «Замечала», — подумала я и едва не хихикнула. Мои глаза за твой голос.

— Куда ты? — спросила Рена, подавшись вперед: она услышала шелест моей одежды. Я мимо нее пробежала в ванную, собрала волосы в узел, плеснула в лицо холодной водой. «Мне понадобится помощь», — сообразила я, глядя на свое отражение в зеркале. То, что мне предстоит сделать, кажется невозможным. То, что я буду доказывать, — невероятным, даже мне самой,

— Не мне. Нам, — сказала я, возвращаясь в комнату. И смотрела на Рену, а она на меня, и я бы могла поклясться, что она меня видит. Она встала, и ее лицо оказалось в не скольких дюймах от моего.

— Тебе пора перестать молиться, Рена. — Я взяла ее за руку. — Мы идем спасать твоего любимого сына.

24

Пробраться незаметно через все поселение сверхъестественных существ — трудное дело, хотя и облегченное знанием того, что горсть людей, которых я больше всего должна избегать, либо заперлась, как жюри присяжных перед вынесением приговора, либо по очереди проводит сеансы с Гретой, готовясь к предстоящей битве. Это знание придавало мне смелости, когда я проходила по больнице, пустой и тихой, как морг. Это, а также записка, которую написала мне Текла сразу после смерти своего сына.

У меня не было ключа от ее Палаты — от ее камеры, — но поможет смотровое окошко в двери. Мой план заключался в том, чтобы слегка постучать и привлечь ее внимание. Не так громко, чтобы заинтересовались другие, но вполне достаточно, чтобы она подошла и рассказала, что мне делать дальше. И я только молилась, чтобы она отнеслась ко мне более благосклонно, чем в прошлый раз.

Я прижималась к стенам, втискивалась в углы и едва избежала столкновения с Хантером, который, очевидно, шел на сеанс с Гретой. Он постучал в ее дверь, и мне пришлось поспешно прятаться за углом, когда он повернулся и подозрительно принюхался. Потом я услышала, как открылась дверь и Грета пригласила его зайти.

Я снова выглянула. Единственное освещение в коридоре исходило из окна кабинета. Комната Теклы, по диагонали от этого кабинета, была совершенно темной. Я считала, что у меня не больше десяти минут, может, и меньше, прежде чем на сеанс придет другой агент, и хотя времени казалось достаточно, все это время я буду хорошо видна. И даже десяти секунд хватит, чтобы все погубить.

Когда свет в кабинете Греты потускнел, я двинулась. Мои шаги казались в пустом коридоре ружейными выстрелами, но гораздо большей моей заботой было сдерживать нервную энергию, чтобы меня могли обнаружить только непосредственно, зрением.

Добравшись до двери, я взялась за ручку. Конечно, закрыто. На мгновение мне захотелось принять это как знак. Кто знает, что я обнаружу за этой дверью? Текла сейчас может быть совершенно безумной. Забилась в угол с пеной у рта. Я очень рискую, основываясь только на своей догадке. Но с другой стороны, как сказала Репа, когда я объяснила ей, что собираюсь предпринять, ничего не делать — значит рисковать еще больше. Поэтому я

набрала полную грудь воздуха и заглянула в окошко.

Па меня в нескольких дюймах от моих глаз смотрели два больших карих глаза. Я вскрикнула, тут же прикрыв рот рукой, надеясь, что еще не поздно. Карие глаза отпрянули в ответ на мою девичью реакцию, и я в смущении отняла руку от рта. Текла не только не сидела в углу с пеной у рта, она, очевидно, ждала меня. Я подавила страх и замешательство и придвинулась к окну.

Ясность. Вот что я там увидела. Не безумие, которое, как говорили, я могу ожидать, не горе, оживающее на страницах комикса о Страйкере. И не беспомощность и умоляющее выражение лица, как накануне. Я видела оттенок ярости, видела горечь, от которой сжимался рот, но больше всего в этом взгляде было ясности. И этот взгляд объяснил мне, почему заперли Теклу. И какова моя роль во всем этом.

— Ты меня слышишь?

— Нет, но я могу читать по губам, — отчетливо артикулируя, произнесла Текла. И продолжила бы, но тут меня отвлекли звуки бегущих ног, и я оглянулась.

— Черт!

Я достала из-за голенища свой кондуит, зажала его в руке, гадая, что я собираюсь с ним делать. Текла, должно быть, тоже об этом подумала. Ее большие выразительные коровьи глаза расширились, губы снова зашевелились.

— Что? — спросила я, прижимаясь к стеклу. Топот нескольких пар ног приближался.

Текла указала на меня, постучала указательным пальцем по стеклу, потом — на себя. Она как будто хотела, чтобы я в нее выстрелила. Я покачала головой, демонстрируя, что не понимаю. И тут из-за угла появились Майках и Чандра; оба держали перед собой свои кондуиты.

— Оливия! — крикнул Майках. — Отойди!

Чандра, в руках которой был как будто обычный пистолет, направила его на меня. Глаза ее были лишены выражения, но очень холодны.

— Надо выпустить Теклу, — заявила я.

— Отойди от двери, — приказала Чандра. — Немедленно. Я проглотила комок и не шевельнулась.

— Оливия, Текла больна.

— Нет, она не больна.

— Ты ведь смотрела ей в глаза? — Майках опустил свое оружие, это хорошо, но сделал шаг ко мне, а это плохо. Я прицелилась в него, и он шагнул назад. — Черт возьми, Оливия. Поэтому мы и не хотим, чтобы сюда приходили. Поэтому двери госпиталя должны быть закрыты. — Они с Чандрой

переглянулись. — Она больна, но все еще очень сильна и способна подчинить себе слабый разум. Может заставить тебя поверить, что она права, но как только мы се освободим, она снова начнет бредить.

— Может, она действительно права.

— Ты только отойди от двери. — Он говорил тем голосом, каким разговаривают с теми, кто собирается спрыгнуть с крыши, и это заставило меня стиснуть зубы. Мол/сет, я и сошла с ума, но не потому, что заглянула в глаза Текли.

— Может, она не безумна, — продолжала я, сосредоточившись на том, чтобы прочно держать оружие. — И так ведет себя, потому что никто ее не слушает.

— Уйди от этой чертовой двери! — крикнула Чандра, приняв стойку для стрельбы, и я поняла, что она выстрелит.

Если ты Стрелец этого поколения, то кто она?

«Бродячий агент, — подумала я, глядя на ствол ее пистолета. — А бродячие агенты убивают звездные знаки, чтобы занять их место в Зодиаке».

— Чандра. — Майках повернулся к ней.

Она проигнорировала его, продолжая целиться.

— Опусти оружие и отойди от двери.

Я оглянулась на окошко, но Текла исчезла. Перевела взгляд на Чандру, на которую даже Майках косился с опаской.

— Хорошо, — согласилась я, отчего ее вид стал удивленным… и слегка разочарованным. — Только сначала ответь на один вопрос.

— Какой?

— Майках ввел Уоррену состав, в котором содержатся мои феромоны. Так мы с ним связаны, верно? Чандра, ты можешь приготовить такой состав?

— Конечно.

— Так я и думала. — Я опустила свой кондуит. Майках покачал головой.

— О чем ты говоришь?

— Она сама не знает, — выпалила Чандра, делая шаг вперед. — И она не должна быть здесь.

— А я могу сделать то же самое, имея химикалии из твоей лаборатории и немного знаний?

— Да, — осторожно ответил Майках; брови его опустились.

— Нет, — возразила Чандра. — Нужно не просто немного знаний, нужны правильные знания. Это называется химией.

Я кивнула.

— Как вы узнали, что я здесь?

Если Майкаха удивила неожиданная смена темы, он никак

этого не показал. На самом деле он как будто понял, в каком направлении развивается разговор, хотя подробности я выдавала постепенно.

— Нам сообщили, как только ты коснулась двери.

— Кто предупредил?

— Что здесь происходит? — Из своего кабинет вышла Грета, за ней Хантер с настороженным видом.

— Кто предупредил? — повторила я громче и несколько мгновений смотрела в глаза Хантеру. Он сильно поте лицо рукой, как будто мы ему снимся и он хочет проснуться.

— В дверной ручке есть сенсор, — объяснила мне Чандра. Она пыталась отвлечь меня, сокращая расстояние между нами. Теперь она была совсем близко. — Грета решила, что это самый надежный способ не подпускать посторонних.

— Грета решила? — сказала я, взглянув на нее.

— Что ты здесь делаешь Оливия? — спросила Греча чуть более резко, чем нужно. — Ты больна.

— Больна? — произнесла я, словно это слово не имеет смысла. — Больна, как Текла. Такая у меня болезнь?

Чандра издала нетерпеливый звук, почти зарычала.

— Оливия посмотрела ей в глаза. Я вас предупреждала! Нужно было закрыть это окно.

— Текла может Видеть, что происходит с Уорреном, заявила я, заметив, что Хантер полностью взял себя в руки. Он молча следил за мной, взгляд его переходил с моего лица на мой кондуит, зажатый в руке. — Нам она нужна, чтобы определить, где он.

— Вздор, — отмахнулась Грета. — Она уже много месяцев не говорит ничего разумного.

— Потому что кто-то приказал запереть ее в клетке пять на десять футов и никого к ней не подпускать! Кто-то отнял у нее ее голос!

Все четверо уставились на меня как на сумасшедшую, и я начала понимать, каково это.

— Ты запуталась, дорогая, — легким успокаивающим голосом сказала Грета. — Потому что посмотрела прямо в глаза Текле.

— Нет, не запуталась, — ровно ответила я. — На самом деле как раз наоборот. Я посмотрела Текле в глаза, и мне впервые все стало ясно.

Грета долго молчала. Все ожидали.

— Мне следовало разобраться в этом раньше. Но все здесь так тебе доверяют. — Я рассмеялась, почувствовав ироничность положения. — Доверяют больше, чем себе.

— О чем ты говоришь? — спросила Грета, но я видела, что она знает. Но я все равно объяснила, чтобы знали и все остальные.

— Я говорю о том, как ты внушила кое-кому, что мне понравится читать новости дня, новости, в которых есть информация, причиняющая мне боль. Новости, которые заставят меня броситься к тебе. — Я направилась к ней, пошла спокойно и уверенно, хотя сама такой уверенности не чувствовала: ведь пистолет Чандры был по-прежнему нацелен на меня. — Ты хотела загипнотизировать меня, проникнуть ко мне в сознание, как сделала это со всеми остальными. Но тут возникла одна проблема. Моя мать тоже была там.

— Сука! Хватит ее слушать! — закричала Чандра, переводя взгляд с Греты на меня, и я удостоверилась, что была права. Но она снова прицелилась в меня, и ее оружие — смертных или пег, — на таком расстоянии сделало бы свое дело. Но теперь, когда в коридоре появились и другие звездные знаки: Ванесса, поддерживающая Грегора, сразу за ней Феликс — Чандра представляла меньшую угрозу. Поэтому я сосредоточилась на женщине, которая была угрозой для них всех.

— Не думаю, что поняла бы все, если бы не кошмары. Раньше у меня никогда их не было. Я никогда не встречала Тульпу, поэтому не боялась его и он не мог приходить ко мне в кошмарах. И я никогда не позволяла себе возвращаться во сне прошлое. Но ты своими алхимическими средствами все это открыла. Некоторые называют это химией. А позвольте поинтересоваться, кому из вас она в своем кабинете не давала чашку чая?

Грета раскрыла рот, но я не стала ждать ее ответа. Да и вопрос был адресован не ей. Я видела, как остальные начинают постепенно понимать, по мере того как я продолжала неторопливо распутывать загадку.

— Легко вселить недоверие в сознание и души тех, кто тебе верит, правда, Грета? Они обращались к тебе со своими величайшими страхами, которые приходили к ним в кошмарах, и ты цементировала эти страхи на своих сеансах. — Я остановилась прямо напротив нее и сложила руки на груди, по-прежнему держа в одной кондуит. — Вы все искали причину поражений своего Зодиака. Причина в Грете. Ее истинная роль здесь — крот.

— Чушь! — взорвалась Чандра, и ее палец на курке дрогнул.

— Оливия. — Терпеливый голос Майкаха едва скрывал раздражение. Таким голосом отец разговаривает с капризным ребенком. — Грета никогда не покидает убежище. Уже два года.

Я приподняла плечо.

— Превосходное прикрытие.

Взгляд Хантера стал ясным, и это было бы хорошо, если бы он не буравил меня им, как ястреб.

— Тебе нужно побольше доказательств.

— Придержите немного эту гермафродитку, и я предоставлю их вам.

Пистолет находился в опасной близости от моего виска. Я ждала, зная, что моя судьба зависит от нескольких следующих мгновений.

— Чандра. Опусти оружие.

— Что? — Она повернулась к Грегору, который распрямился, насколько мог. — Не могу поверить, что мы слушаем это! Меньше чем через два часа нам предстоит сразиться со всеми Тенями города. — Она дышала порывисто, продолжая держать меня под прицелом. — Начнем с этой!

Я стояла совершенно неподвижно и смотрела на точку над ее головой: не хотела видеть, как она нажимает на курок.

— Ты сейчас опустишь оружие. — Грегор произносил слова ровно, словно размещая их на нотной строке. — В отсутствие Уоррена главным становлюсь я, а он отсутствует, потому что обменял свою жизнь на мою. Если Оливия может сказать что-нибудь, что поможет ему вернуться к нам живым, ты дашь ей это сделать. Опусти оружие! Немедленно!

Грегор говорил громко, и голос его отражался от стен длинного коридора, прежде чем замереть. Он стоял с одной рукой, выступающей из бесформенной больничной одежды, и тот юмор, который я привыкла с ним ассоциировать, совершенно исчез. Он больше походил бы на пациента, если бы не широко расставленные ноги и сжатый кулак. Я вспомнила, что Уоррен называл его старшим оставшимся агентом, и поняла, что, если смогу убедить его, остальные тоже будут слушать. Ствол оружия Чандры дрожал, опускаясь.

И тут раздались слова поддержки от человека, от которого я никак этого не ожидала.

— Хорошо. Я за.

Хантер слегка улыбнулся мне, когда я взглянула на него.

— Ваша гипотеза такова: Грета никогда не покидает убежище, поэтому ее невозможно заподозрить в предательстве, верно? Но она не покидает убежище, потому что не может. Как и я, она не может преодолеть портал. Тень внутри нее слишком сильна для этого.

— Я не могу выходить, потому что наверху я совершенно уязвима. — Голос Греты звучал разумно и спокойно, словно на сеансе терапии. Я видела, как она нервно перебирает бусы, висящие на шее, но нужно отдать ей должное. Она хорошо играла

свою роль. — Не пройдет и недели, как меня выследят.

— Если ты еще не заметила, Грета, это самоубийственное дело. И никого здесь не останавливают соображения собственной безопасности. Разве не ты учила меня, что долг превыше всего? Если что-то плохо для организации, этого просто не делают. Если хорошо — например, экспедиция для спасения нашего предводителя, — концентрируется все, чтобы обеспечить успех. — Я невесело улыбнулась им всем. — Истинный сторонник Света — агент или нет — принесет в жертву все ради спасения отряда. Меня убедила в этом Репа.

— А ты так сделаешь? — спросила Чандра, скрестив руки на груди. Она как будто боролась с собой, с желанием снова прицелиться в меня.

— Именно так я сейчас и поступаю.

— А как же она попала сюда? — поинтересовался Хантер со своей обычной целеустремленностью, за которую я сейчас была ему благодарна. Я тяжело вздохнула, повернулась к нему и заговорила, тщательно подбирая слова. Он не похож — на того, кто способен дать второй шанс.

— Она наполовину смертная. Вторая половина — Свет. Но, однако, выбор может быть сделан в пользу любой стороны.

Краем глаза я увидела, как Феликс качает головой.

— Но тогда как она дает знать Тульпе, где мы? Чандра нахмурилась и посмотрела на него, как на предателя, но он лишь пожал плечами, встретив ее взгляд.

— Она этого не делает. Она вас помечает. Когда вы приходите к ней в кабинет, она во время гипноза меняет ваш запах, чтобы агенты Тени могли вас выследить, когда вы выходите из убежища.

— Это нереально, — заявила Чандра.

— Ты сама только сказала, что это возможно. С химикалиями из твоей лаборатории и небольшими знаниями…

— С нужными знаниями!

— Которые есть у тебя и Майкаха. — Я почувствовала, как гнев впервые превосходи! страх. Чандра как раз против меня. Ну и черт с ней! Я подняла голову.

— Где ты держишь свои знания? В блокноте?

— Нет. Там, где их никто не может найти.

— В папке? В картотеке? В микрофильме?

— Нет, идиотка! — взорвалась она, сдвинув брови. — В голове!

Я подняла подбородок.

— А у кого есть доступ в ваши головы?

Она открыла рот и снова закрыла. Я обвела всех взглядом,

заглянула всем в глаза; в коридоре повисла тишина.

— И не только в ваши головы, но и в ваши лаборатории. Не только в лаборатории, но и в больницу. А в больнице есть женщина, которая знает правду, — Я повернулась к Грете, на щеках которой появились неровные пятна… — Почему ты закрыла Теклу?

Грета дергала шарики бус, как четки, но заговорила нарочито спокойно:

— Она потеряла контроль над собой после смерти Страйкера. Сознание ее ослабло, и она не отличает выдумки от реальности.

Я покачала головой.

— Она не ослабела. Напротив, стала сильней. Талантливей. У нее обострилась интуиция. Наследие в Зодиаке передается по материнской лини, поэтому сила, высвободившаяся после смерти Страйкера, вернулась к ней. Разве не любопытно, что именно тогда Грета запрятала Теклу? Посадила в звуконепроницаемую комнату, так, чтобы ее никто не видел и не слышал? Никто, кроме самой Греты!

— Ее заключил Уоррен! — холодно сказала Грета.

— Угу. — Я кивнула. — А кто внушил ему это?

Все молчали. Хороший знак, и я снова обратилась к Грете с мрачной улыбкой.

— Ты два года выжидала, приобретала уверенность, входила в доверие. Вызнавала, что могла, у Чандры и Майкаха, готовилась к метаморфозе Страйкера. А потом, когда использовала его смерть и горе Теклы, чтобы укрепить свое положение, достичь остального было нетрудно. У тебя появился доступ ко всем их файлам: гороскопам, картам рождения, родословным. Ты знала, как проникнуть к. ним в сознание. Как угостить их чаем, развязать воображение и убедить приходить для сеансов гипноза.

— Боже, — выдохнул кто-то.

— Ты забрала у Теклы сына, а потом — ее дар, ее талант. — Я обнаружила, что тяжело дышу. — Ты забрала у нее голос.

Наступила долгая пауза, все молча думали, взвешивали услышанное, а Грета оглядывалась в поисках сочувствия, ждала, кто первым заговорит. Я не могла читать ауру — у всех были слишком напряжены эмоции, в воздухе словно распространился раскаленный газ, — но мне и не нужно было: я видела, как краска заливает лицо Греты. Она принялась защищаться.

— Если я отняла у нее голос, почему она именно тебя обвинила вчера в предательстве?

— Она меня не обвиняла. Она использовала то, что у нее осталось — после того как ее накачали наркотиками, способными свалить слона, — чтобы умолять меня найти предателя. Забавно,

что ей пришлось замолчать, когда ты дала ей новую дозу. Зачем это, когда Тульпа с помощью ее силы мог добраться до меня?

Первые признаки страха появились на лице Греты, голос ее стал почти детским.

— Как ты можешь говорить мне такие ужасные вещи? Я посмотрела на нее и поняла, что это не страх. Это Тень. Я улыбнулась.

— Потому что теперь я ее голос.

Выражение притворного гнева сошло с лица Греты. Она повернулась к остальным.

— Текла была Видящей. Она была полноправным членом Зодиака, гораздо сильней любого полусмертного. Почему она не выступила против меня? Почему, если знала, кто я, никому ничего не сказала?

Все взоры были обращены на меня.

Я достала из-за спины комикс Страйкера, подняла и открыла намеченную заранее страницу. Конечно, они все там были. Они помнили, что случилось. Но я видела, как новое горе охватывает их, когда Текла и платье, перепачканном в крови сына, кричит от горя. Я знала эту страницу наизусть, но, как тогда у магазина, когда я услышала впервые, слова сорвались неожиданно. Среди нас есть предатель!

Я закрыла комикс, и голос стих, оставив тишину; удары сердца громко звучали у меня в ушах.

— Этот человек, этот предатель, — негромко заговорила я, — может быть только среди тех, кто живет в убежище. Это не я, потому что появилась только что. Это, очевидно, не Уоррен. Может, ты, Хантер? — Его лицо окаменело, но я продолжила раньше, чем он успел ответить: — Нет, не ты. Потому что выведено из строя не оружие… Может, предатель Грегор? Ведь именно он открыл Неоновое кладбище для проникновения со стороны Тени. Но я серьезно сомневаюсь, чтобы он ради достижения такой цели сам себе взрезал живот. — Я перешла к следующему звездному знаку. — А как ты, Майках? Конечно, ты мог отдать меня Тульпе, когда я без сознания была у тебя в больнице… или еще лучше — мог бы убить меня сам. — Я снова переместила взгляд. — Полагаю, это могла быть Чандра. У нее есть химикалии, есть способности и возможность. Но она не вполне часть Зодиака, а это значит, что она всего лишь орудие в руках настоящего крота. Марионетка. Пешка, которую используют, а потом отбрасывают.

— Иди ты! — буркнула она, но в голосе ее было больше горя, чем гнева.

— Или крот тот, у кого есть доступ ко всем? — Я

расположилась так, чтобы видеть всех. — К Уоррену, которого я заметила выходящим из кабинета Греты как раз перед уходом. Он рисковал, приведя меня сюда, а потом сразу — после единственного сеанса у Греты — вдруг перестал мне верить. Он больше не верил самому себе.

— Это нелепо. Слишком натянуто! — заявила Грета. — Как вы можете ее слушать? Вы знаете меня… а в ней есть Тень!

Но эффективно разыгрывать эту карту было уже поздно, и я продолжила, как будто она ничего не сказала. Никто меня не останавливал.

— Уоррен был дезориентирован. Он рассказал, что ты только что гипнотизировала его, а когда я пришла к тебе, ты попыталась то же самое проделать со мной. Но у тебя не получилось, верно? Я очнулась до того, как ты закончила, и в воздухе чувствовался странный запах, словно от измельченного в порошок металла. Что-то тебя испугало, и ты в панике уронила флакон.

— Ты. Я увидела в тебе Тень.

— И уцелела? — холодно спросила я. — Или узнала?

Она больше не могла сдерживаться, крик ее ударил меня в лицо.

— Ты ничего этого точно не знаешь! Ты все выдумываешь! Мой отец был агентом Света!

— Твой отец имел знак Близнецов. Две стороны, два лица, верно?

— Ты сомневаешься в его верности? — Она плюнула мне в лицо. Судя по реакции остальных, такой они Грету не могли себе даже представить. — Он отдал свою жизнь ради организации!

Я вытерла слюну со щеки.

— И, конечно, это тебе причинило большое горе.

— Прошу прощения. — Она скрестила руки на груди. — Но если мы говорим о моем отце, нужно ли мне напоминать о твоем, Оливия? О, но это ведь не твое настоящее имя. И кто теперь скрывает от нас кое-что?

Я заставила себя успокоить дыхание и негромко ответила:

— Нет, напоминать мне не надо. Но позволь напомнить и тебе, что ни добро, ни зло не являются наследственными. Нужно делать выбор.

Она задрала подбородок, ее сердцеобразной формы лицо вызывающе застыло.

— Если бы я решила предать отряд Зодиака, то те, с кем я прожила здесь два года — сверхъестественные существа! — почувствовали бы Тень во мне. Они умеют определять намерения.

— Хочешь сказать, что они не смогли? — Я изобразила удивление. Я, конечно, уже знала причину этого, но не хотела ее

объяснять. Важно было, чтобы они открыли это сами.

— Я не чувствую никакого запаха, — признался Феликс.

— Я тоже.

— Грета права, — произнес наконец Хантер. — По крайней мере один из нас должен был обнаружить, что с ней что-то не так.

Остальные отрицательно качали головой, когда я смотрела им в глаза. Когда я взглянула на Грету, та самодовольно улыбнулась. Я вернула ей улыбку, заставив вздрогнуть.

— Ну, а я могу. Запах, как из глубины земли: сера и жар. Пахнет глубоко погребенными телами, гниющей плотью, насыщающимися червями. — Говоря это, я медленно шла по коридору и закончила, остановившись перед Хантером. Я наклонилась к нему, почти соблазнительно; коленом прижалась к его телу, задела его рукой, мое дыхание согрело его шею. Я глубоко вдохнула. — Не как ты. Ты пахнешь дымом, поднимающимся от горящего лагерного костра. Пахнешь древесиной, травой и дикими животными; пахнешь разлетающимися угольками. Похоже?

— Если ты так считаешь.

— Что? — я отстранилась от него. — Ты не чувствуешь собственного запаха?

Он, не мигая, уставился на меня.

— Да, я ощущаю запахи эмоций. Ощущаю запахи адреналина и пота, когда работаю, но основной компонент, образующий молекулы запаха, слишком близок мне. Я не могу определить его.

— Значит, ты не можешь определить запах, скажем… — Я осмотрелась, словно в поисках цели. И нашла ее в Грете. — … ее?

Хантер переводил взгляд с Греты на меня. У Майкаха отвисла челюсть.

— Я могу.

— Я тоже. — Ванесса нахмурилась. — Я чувствую и запах Грегора.

— Это нелепо! — выпалила Грета.

— Майкаха тоже, — кивнул Грегор. — И Уоррена. Пришла моя очередь довольно улыбнуться.

— Запахи привязаны к эмоциям. Когда Грета с помощью гипноза обнаруживает что-то глубоко личное, она помечает его. И когда вы испытываете эту эмоцию, выделяете феромоны, которые привлекают агентов Тени.

Но, помечая вас, она берет флакон с вашей сущностью и вводит себе, так что ее подлинный запах становится для вас всех неощутим.

— Потеря обоняния, — услышала я шепот Феликса.

— Она привязывает вас к себе, как Майках соединил Уоррена

и меня. Именно это она пыталась проделать со мной, когда я проснулась в ее кабинете. — Я увидела силуэт в конце коридора и подозвала Гену. — Конечно, вы не должны верить мне на слово.

Все повернулись, ощутив это движении; псе, кроме Греты, которая продолжала жестко смотреть на меня.

— Есть причина, по которой она держит попугайчиков в своей комнате и в кабинете… — На этот раз и Грета повернулась. — И это не любовь.[56]

Все следили, как медленно идет Рена, и слышали учащенное дыхание Греты. И по мере приближения Рены я чувствовала растущее любопытство остальных.

Она держала котенка. Черно-белый, с клочковатой шерстью, он мирно спал и ровно дышал, лежа на ладони. На изуродованном лице Рены застыла легкая улыбка; Рена добралась до Греты и протянула ей спящего котенка.

Мгновение ничего не происходило. И вдруг тело котенка напряглось, глаза раскрылись, мигнули раз и остановились на Грете. Спина котенка изогнулась, каждый волосок встал дыбом, затем он зашипел и, выставив когти, яростно кинулся на Грету.

Грета ударила Рену по руке, отбросив котенка.

Хантер прыгнул и подхватил котенка, не дав ему упасть на бетон. Грета побежала в свой кабинет. Грегор подставил ей подножку, и она растянулась, как чучело без позвоночника.

— Птицы были предлогом, чтобы не допускать кошек, — сказала я, когда крики в коридоре стихли. — Не кабинет и комната — единственные места, где она не может полностью скрыть свой запах.

Грета покатилась по полу. Глаза ее были широко раскрыты, нов них был не страх, а безумие, они жгли меня неутолимой ненавистью. Отвратительный темный цвет, подобный дыму, окутал ее тело. Она переводила взгляд с одного на другого, как будто видела в первый раз.

— Ваш драгоценный руководитель к завтрашнему утру будет мертв.

— Надо бы послать тебя по проходу, — заметил Феликс. — Ты заслуживаешь быть сожженной заживо.

Грета плюнула в его сторону, не стараясь больше скрывать свою теневую сторону. От нее пахло червями и гнилыми яйцами, запах разложения буквально истекал из ее пор.

Ванесса подошла к ней, от отвращения сморщив нос, глаза ее горели яростью.

— Может, просто оставить се с кошками. Ее и ее маленьких попугайчиков.

— Я растила твоего отца. — Рена покачала головой. — Он

был бы очень разочарован.

— Он к этому привык, — возразила Грета, но никто ее не пожалел.

— Но у нас нет возможности… — Резкая боль взорвалась у меня в груди, и я согнулась: ноги меня не держали. Упала на пол, раскрыв рот в беззвучном крике; Хантер попытался поднять меня, но я сопротивлялась. Мне нужно было ощутить под собой землю, ухватиться за нее. — Уоррена снова пытают.

Грета ухмыльнулась.

— Тульпа понял, что вы меня разоблачили. Теперь его убьют… и все из-за нее!

Она указала на меня.

Уоррен кричал у меня в голове, боль терзала нас обоих, но ничего не исходило из моего рта. Потом тошнотворная спираль ввинчивалась все глубже и глубже внутрь меня, и я знала, что Уоррен, где бы он ни был, потерял сознание. Но это не остановило Аякса. Он рассмеялся, и этот смех отозвался в моем сознании. Подошва сапога саданула меня по почкам, меня вырвало, и Грета присоединилась к его смеху, когда моя челюсть треснула от последнего удара, хотя на самом деле меня никто не тронул. Я обрадовалась тому, что Уоррен без сознания, но содрогнулась от мысли, что он очнется.

Остальные пытались придумать, как миновать Тени на выходе из Неонового кладбища.

— Даже если вы разберетесь, как скрывать ваши метки, — издевательски прервала их Грета, — вы не сможете это сделать быстро. Они совсем свежие, Хантер был последним…

— Сука, — произнес он.

–.. и тогда будет уже поздно спасать Уоррена. — Она оскалила зубы, и трудно было понять, как можно было считать ее лицо добрым. — Вы не доберетесь до него вовремя.

Это было последнее, что я услышала. Вопросы и споры продолжали звучать в коридоре, а голову мою заполнили смех и стоны. Я отключила их все, но наконец ощутила негромкий, но настойчивый стук. Раскрыв один глаз, я увидела Геклу. Она снова смотрела на меня с топ стороны окна. Но на этот раз я поняла. Она показывала не на меня. На стекло.

— Ты проиграла, Стрелец! — надрывалась Грета, лежа на полу. — Они уже победили!

Послышался звук пощечины, ладонь опустилась на лицо Греты. И голос Чандры — таким полным гнева я его не слышала:

— Говори, где он!

Грета хихикала.

— Не скажу, что бы вы ни делали, и я довольна: я сделала

свою работу. Вы все помечены! Вы цели! И никогда не найдете место, где его убьют.

Во мне зашевелился Уоррен. Он жив, и если я хочу, чтобы он оставался таковым, мне нужно действовать. Я нащупала свой кондуит, он лежал рядом. Стук в окно прекратился. Стараясь держать руку устойчиво, я нацелила свое оружие.

— Эй, Грета. — Я и с удовлетворением отметила, как исчезает с ее лица довольное выражение: она увидела наведенную на себя стрелу. — А я не помечена.

Я выстрелила, и хотя впервые пользовалась этим оружием, оно словно родилось со мной. Грета завопила и пригнулась, хотя уже умерла бы, если бы я действительно целилась И нее. Но стрела предназначалась стеклу камеры Теклы и разбила его на множество осколков, которые бриллиантовым дождем упали на пол коридора. Мгновение спустя показалось лицо Теклы, но голос ее донесся раньше.

Голос Уоррена.

— Приходи в Рай, в Зал мертвых и обитель тех, кто никогда не жил. Где воины-девственницы охраняют врата вечности. Во дворец с пятьюстами пятьюдесятью дверьми. Где пируют погибшие воины, где живут боги.

— Что он говорит? — раздался чей-то вопрос.

— «Валгалла». — Я снова опустилась на пол. — Его держат в «Валгалле».

Текла закричала, а я согнулась вдвое: во мне от удара, который должен был заставить Уоррена навсегда замолчать, раскололся его череп.

25

Текла как будто всегда говорила за всех. До смерти Страйкера и предательства Греты она в порывах интуиции, в образах, могла видеть приближение опасности к агенту Света. Это был удивительный, хотя и пугающий дар. Как предположил Майках, в один из таких моментов Грета смогла связать себя с Теклой и тем самым начала разгром отряда Зодиака 175.

Последние шесть месяцев она была лишена голоса и поэтому, освободившись, как перемотанная лента, начала выдавать все, что видела в своей камере. Требовалось время, чтобы все это воспринять, но времени-то у нас как раз не было.

Голос Уоррена во мне затих, и мне не нужно было быть медиумом, чтобы понять, что за этой тишиной стоит Аякс. Я чувствовала это так ясно, словно обладала Видением. Он заставил Уоррена молчать, чтобы помешать нам отыскать его, но не убил. Нет, это по-прежнему морковка, качающаяся перед носом.

А это значит, что оставалось только одно.

— Найдите способ поднять меня так, чтобы я не поджарилась, — сказала я Хантеру, — и я найду Уоррена.

Произошел короткий спор между теми, кто считал, что я должна оставаться, и теми, кто соглашался, что мне нужно идти, но в конечном счете все свелось к одному: все остальные помечены, а я нет. Я связана с Уорреном, а они нет. И наконец, если я действительно вожделенная Кайрос Уоррена, меня нельзя убить ни сегодня, ни в скором времени.

«Но что если он ошибается? — думала я, направляясь в комнату матери в казарме. — Если я не так, кем они все меня считают? Что ж, в таком случае Уоррен им нужен больше, чем я. Он предводитель отряда. Он сможет подготовить следующее поколение. И найти подлинную Кайрос». Но это значило, что я погибну без борьбы. Раскрыв шкаф, я решила, что у моей матери был необыкновенный подбор воинственных нарядов. Буквально. На плечиках были аккуратно развешаны многочисленные кофты, брюки, комбинезоны из различных сортом шелка, спандекса и кожи. Единство соблюдалось только в цисте: он неизменно черный или угольно-серый. Материал мерцает, если к нему прикоснуться. Уоррен объяснил мне, что покрытие не позволяет ткани гореть, когда вспыхивает глиф на груди.

— Оливия дрожала бы от ревности, — прошептала я, проводя пальцами по одежде. Я и сама не осталась равнодушной, хотя скорее от нервов, чем от почтительности. Ведь когда моя мать

здесь одевалась, она знала, что ей предстоит. А я просто уверилась в самом худшем.

Думая о том, что этот ансамбль будет изображен в следующем выпуске комикса, я выбрала кофту с длинными рукавами и V-образным вырезом и соответствующие брюки. В этой одежде мне было удобно, и она подошла мне, словно специально для меня была сшита. Я не помнила, чтобы у мамы были такие же формы, как у Оливии, но я не помнила также, чтобы она носила кожаный бюстгальтер, а вот он висит.

Я оделась и посмотрела на себя в зеркало. Если не считать волос, которые струились волнистым облаком, я выглядела как тень. Пятно на реальности. Очень подходит, потому что так и будет.

Стоя перед маленьким квадратным зеркалом, я собрала полосы в плотный узел. Нашла пару палочек, похожих на китайские, но более смертоносных, с острыми стальными концами. «Очень модное вспомогательное оружие», — подумала я, глядя на себя сбоку. Уличный боец во мне одобрил увиденное.

— Спасибо, мама, — сказала я, пряча кондуит в карман. Теперь в этом сверхъестественном арсенале не хватает одного. К несчастью, чтобы получить это, придется идти в камеру Греты.

Надо отдать ей должное. Для женщины, ожидающей неминуемой смерти, она была очень собрана. Прикованная к цементному полу, со связанными руками и ногами, она сидела прямо, прижимаясь спиной к стене, откинув голову и закрыв глаза. Казалось, она даже испытывает облегчение. Словно много раз репетировала одну и ту же сцену и стремилась к новым диалогам. Резко повернув ключ в замке, я вошла, собираясь предоставить ей такую возможность.

— Каково это, Грета? — спросила я, закрывая за собой дверь. Мой голос глухо отражался от пустых стен. — Быть беспомощной, связанной, думающей, что с тобой будет?

— Ты должна знать. — Она руками обвела вокруг, подразумевая все убежище. — Твоя камера просто немного просторнее.

Я подошла к ней, показывая, что даже ограниченное пространство может сократиться. Она только откинула голову и снова закрыла глаза.

— Скажи, каково это: послать Уоррена на верную смерть?

— Что, теперь ты психолог? — усмехнулась она. — Звания спасителя Зодиака тебе недостаточно?

Я пожала плечами.

— Просто интересно.

Она подтянула колени к груди.

— Продолжай интересоваться. Я присела у стены.

— Ты должна кому-нибудь сообщить, правда? Иначе твои деяния останутся неописанными. И ты превратишься всего лишь в неопознанный труп при подсчете жертв в конце книги.

Она презрительно посмотрела на меня. Шиньон ее распустился, и кожа под темными глазами почернела. Тень отражалась в ее чертах, как непослушный ребенок.

— Думаешь, я поэтому это сделала? Получить признание, быть изображенной на страницах комикса, тогда как я всего лишь талантливый смертный? Простая полукровка?

Этот ответ объяснил мне ее мотивы.

— Так расскажи мне.

Она молчала почти минуту. — Нет.

— Лучше расскажи, — негромко повторила я.

Она несколько мгновений внимательно меня разглядывала, потом ухмыльнулась.

— Или что? Ты меня убьешь? — Она плотнее обхватила руками колени. — Меня это не пугает.

— Смерть тебя не пугает?

Она поджала губы, но в остальном проигнорировала мои вопрос.

— Тебя пугает незначительность. Настолько, что ты предала друзей своего отца.

— О боже, не испытывай на мне этот психологический вздор! Ты этого не умеешь. — Она раздраженно пошевелилась, ее цепи зазвенели, как монетки в стеклянном кувшине. — Я не поэтому сделала это.

— Тогда почему?

— Ты знаешь ответ! — неожиданно крикнула она, и в ее яростном взгляде я видела, что она действительно верит в это. — Ты сама мне это сказала сегодня.

Я начала вспоминать. Потом медленно кивнула.

— Ага.

— Да ага, — насмешливо передразнила она. В ее некогда добрых глазах плясало безумие. — Власть. Получить ее. Использовать се. С ее помощью управлять другими. Я обладала большей властью, чем самые сильные. Была круче вас всех.

Я приподняла бровь, без слов смеясь над нею.

— Тебя бы я тоже со временем сломала, — быстро проговорила она. Это заставило меня улыбнуться, и она торопливо продолжила: — Я бы узнала, кто ты на самом деле, и использовала бы эту информацию, чтобы пометить тебя так глубоко, что никто бы этого не обнаружил, Я покачала головой,

— Не думаю.

— Я проделала это со всеми, даже с Теклой, так называемой Видящей. Я, полусмертная. — У нее было гордое выражение лица — ни следа сожаления о погубленных жизнях.

— Нет, — сказала я тихо, — ты даже не полусмертная. Ее глаза превратились в темные точки. Медленная улыбка начала ползти с одной стороны ее лица на другую.

— Ты идешь за ним. Ты считаешь, что метка, которую сделал Майках, поможет тебе найти его.

— Поможет, — уверила ее я, — и я верну его, он будет и безопасности.

Она неожиданно расхохоталась, отбрасывая назад голову, как волк, воющий на луну. Закончив, вытерла слезы с глаз.

— Ты действительно дочь своей матери. Всегда считаешь, что сможешь совершить невозможное. Всегда хочешь быть героем. И всегда обречена на неудачу.

— Я не проиграю. — Я сунула руки в карманы. То, что мне нужно, было в правом. — И ты обеспечишь это.

— Не рассчитывай на это.

Я изобразила улыбку на своем красивом лице. Ее улыбка дрогнула и исчезла.

— Я тебе когда-нибудь рассказывала о своей сестре? — спросила я, отталкиваясь от стены и останавливаясь посреди комнаты. Грета ничего не ответила; она притворилась уставшей. — Она была похожа на тебя: наполовину Свет, наполовину смертная, но я всегда считала ее только хорошей. Она была сама невинность. Чистое сердце.

— Значит, не как ты, — произнесла насмешливо Грета.

— И не как ты.

Видимо, что-то проскользнуло в моем голосе, что-то такое, что я не сумела сдержать, потому что она посмотрела на меня, потом пожала плечами, и на лице ее застыло упрямое выражение.

— Должно быть, была очень скучной.

Но я не клюнула на приманку. Любовь к Оливии ясно читалась на моем лице, она красовалась, как спелый фрукт, который можно сорвать. Легкая добыча для Греты, и я не могла на нее сердиться за это. К тому же я берегла свой гнев, откладывала его на потом. Когда он будет необходим.

Я закрыла глаза и представила как можно яснее Оливию. Хотела, чтобы Грета смогла ее увидеть.

— Она была какой угодно, только не скучной. Она была прекрасна. Когда она входила в комнату, всех останавливало волшебство ее движений. Она была такой светловолосой, что солнце могло бы брать у нее уроки свечения. Такой роскошной, что горы вокруг долины дрожали от зависти. «Она слишком

женщина, — думала я. — Слишком много плоти, изгибов и мягкости. Это подавляло».

Я почувствовала, что Грета, вопреки своему желанию, заинтересовалась.

— Значит, она была похожа на тебя. И что? Я открыла глаза.

— Да, она была похожа на меня. Очень похожа.

Грета свела брови, потом в явном удивлении приподняла их, начиная понимать.

— Ты — твоя сестра! Та самая, что умерла!

— Что? Разве ты не выполнила домашнее задание, Грета? — спросила я, наклонив голову. — Ты даже не знаешь, как меня зовут?

На ее лице эмоции сменялись одна за другой: страх, изумление, сомнение, удивление; глаза ее, как сердитые мухи, облетали мое лицо, не садясь.

— Но ты она! Я изучала Оливию, а ты она!

— Я тоже изучала ее. И не забудь, у меня для этого была целая жизнь. — У нее на это не было ответа. — Я поняла кое-что, став другим человеком. Тем, кого ты так и не распознала.

Она дернулась при этом оскорблении.

— Дело в том, что неважно, какие привычки ты усваиваешь, какую одежду предпочитаешь, какую маску носишь… будь это красота или психология. — Я провела левой рукой по телу. — Тень внутри тебя не может оставаться вечно скрытой.

Мы обе знали, что я говорю о ней, но она головой показала на меня.

— Не забывай: то, что ты пытаешься спрятать, все равно обнаруживается, как закопанный труп.

— В этом и есть разница между нами, — заявила я. — Я больше не пытаюсь подавить Тень в себе.

И я отдернула занавес своей игры в женщину, отдернула достаточно, чтобы Грета заглянула внутрь и увидела, что там: гнев и боль из-за смерти Оливии, ненависть к Тульпе, Аяксу и всем на той стороне, отвращение из-за гибели людей… и унаследованное и сдерживаемое желание сорвать это все на ней.

— Я не боюсь тебя, — дрожащим голосом произнесла Грета.

Я не ответила, но повернулась к двери, как будто собралась уходить.

— Ты так и не сказала мне свое настоящее имя. Кто ты на самом деле?

— Сказала. — Я не оборачивалась. Руки мои были заняты. — Когда ты пыталась загипнотизировать меня. Я сказала тебе, что это зависит от того, кто смотрит.

Она нахмурилась в раздражении.

— Так кто ты сейчас?

Как ответить на это? Все качества, которые я упоминала под гипнозом, по-прежнему при мне: сука, богиня, дочь, сестра, подруга, враг, охотница, хищник, Стрелец. Нужно только назвать. Но я хотела дать ей самый правдивый ответ. По крайней мере это я должна для нее сделать — мы все должны.

Поэтому я медленно повернулась к ней лицом, в руке у меня блестел один из ее тонких шприцев. Я отдернула занавес, показав ей всю Тень во мне.

— Сейчас, Грета? Сейчас я дочь своего отца. И Грета закричала, наконец испугавшись.

26

Я встретилась с остальными на площадке у выхода из убежища, пробиралась туда незаметно, проверяя себя… и оружие, которое, хоть и невольно, дала мне Грета.

— Боже! — Феликс вскочил, когда моя рука легла ему на плечо.

— Оливия! — Сидевшая рядом с ним Ванесса вздрогнула. — Яне слышала, как ты идешь.

— Я тоже. — Хантер подозрительно прищурил глаза. Я испробовала самую невинную улыбку Оливии.

— С тобой все в порядке? — спросил Майках, разглядывая меня из-под сведенных бровей.

— Я чувствую себя потрясающе! — воскликнула я: кровь стремительно бежала в жилах, сила кричала мне в уши. Мне не нужно читать чьи-либо ауры. Теперь я и ион не нуждаюсь. — Хотя вы, ребята, кажется, нервничаете.

— Ты выглядишь по-другому.

— Причесалась, — заметила я небрежно.

— Не физически. — Феликс обошел меня вокруг. — По-другому внутри. Под кожей. — Он провел пальцами но моей шее, и я застыла. Была предельно напряжена. — И ощущение другое. — Он опустил руку и еле заметно попятился.

— Мы обсуждаем тактику, — сообщил Грегор очевидное. Вся его энергия была сосредоточена на выздоровлении, и все это чувствовали. Они, так сказать, выстроили кругом фургоны и теперь стояли передо мной плечом к плечу полумесяцем перед моим одиноким взглядом.

— Я остаюсь по очевидным причинам. — Грегор с трудом сухо улыбнулся, откашливаясь в своем инвалидном кресле на колесиках. — Чандра тоже останется.

Чандра избегала моего взгляда, потому что пока я жива, она не может стать полноправным и активным членом Зодиака.

— Я тоже остаюсь, потому что если ты… — Майках спохватился и тоже откашлялся. — Я хочу сказать, что, когда вы вернетесь, вам может понадобиться медицинская помощь. Мы считаем это более важным, чем мое участие и нападении.

Он хочет сказать, что большинство из нас вернется ранеными. Если вообще вернется.

— И вот каков план. — Хантер подошел ко мне; его движений снова напомнили мне кошку. Очень большую и очень терпеливую кошку. — Феликс будет прикрывать тебя слева, Ванесса — справа.

— Если я отсюда выберусь, конечно.

Рот его дернулся, и Хантер как бы в ответ на мой вызов достал из-за спины некий предмет.

— Что это? — спросил Феликс, наклоняясь вперед.

— Шлем? — Я повертела его в руках. Гибкий, сделанный из дубленой кожи, с плотным переплетением проводов внутри. Он предназначен для защиты глаз — мне улыбнулись два моих зеркальных изображения, — а также закрывает виски и уши. Кожаный ремешок закрепляет его у основания черепа, под пучком волос, как у меня сейчас.

— Маска? — осведомился Майках.

— Нет, — решила я, хотя, вероятно, в комиксах Зейна он будет нарисован как маска. Я подняла глаза. — Это щит.

Хантер кивнул.

— Надень его.

Зафиксировав вначале над переносицей, я натянула на голову шлем и застегнула ремень. Покачала головой из стороны в сторону.

— Как он тебе? — поинтересовалась Ванесса.

— Словно сделан специально для меня, — откликнулась я, думая, что Уоррен его одобрил бы. Он не только защитит мои глаза во время подъема, но и скроет личность, пока я его ношу.

Заметив слева на площадке зеркало во весь рост, я встала перед ним и принялась разглядывать отражение. Оно улыбнулось мне. Впервые с того момента, как я приняла внешность Оливии, я узнала себя.

— Прекрасно подходит.

— Конечно, — с обычным высокомерием проронил Хантер. — Ты можешь пользоваться им, чтобы в будущем свободно входить в убежище и выходить из него, как все мы.

— Хорошо придумано, — похвалила Ванесса.

Я склонила голову, отдавая ему должное и потому, что была благодарна. Теперь я по крайней мере так смогу скрывать свою теневую сторону.

— Просто не понимаю! — воскликнул Феликс, снова обходя меня. — Ты словно окружена стеной. Я тебя вижу, но не услышал, как ты входила, и как ни стараюсь, не чувствую твой запах, хотя ты в двух футах от меня.

— Ведь это замечательно для выслеживания агентов Теней? — заметила Ванесса.

Феликс бросил на нее холодный взгляд.

Хантер подошел ближе. Он наклонился, как в комнате для тренировок, вторгся в мое пространство, занял собой всю комнату. Я расстегнула шлем и сняла его, а он почесал подбородок.

— Еще не понял?

Ванесса ахнула; глаза Хантера прояснились и удивленно расширились. Все зашевелились, словно ветер пробежал в древесной листве.

— Грета? — Лицо Хантер осталось непроницаемым. Я улыбнулась,

— Боже мой! — воскликнул Майках. — Ты снова обладаешь ауреолью. Шприцы?

— Ты использовала против нее ее собственное оружие, — задумчиво произнес Хантер. — Как с Батчем. И теперь можешь ходить по миру смертных призраком. Поэтому никто из нас не почувствовал тебя.

— Боже, — выдохнул Феликс за моей спиной. Он попятился.

— Ты убила Грету? — тихо спросила Ванесса. — Убила хладнокровно?

— Нет, я была очень рассержена, когда делала это. — Я протянула руку, отметая другие замечания. Главное то, что теперь я в течение двенадцати часов буду оставаться незамеченной.

— Всю ночь, — возбужденно сказал Грегор.

— Нет. Главное то, что она убила человека, в котором половина Света, чтобы получить власть! — Ванесса показала на меня, и я удивилась, заметив, что ее рука дрожит.

— Ты неверно формулируешь, Ванесса. Я отобрала силу у того, кто был наполовину Светом, и теперь использую эту силу для борьбы с Тенью. Видишь разницу?

Она открыла рот, собираясь возразить, и закрыла его. Немного погодя кивнула:

— Ты права. Это могучее оружие.

— Жаль, что я об этом не подумал, — заявил Феликс.

— Если вы кончили болтать, — проронил Хантер, возвращаясь на стартовую площадку, — может, отправимся в бой?

— Есть ли возможность сначала испытать это? — поинтересовалась я, держа перед собой шлем.

— Некогда, — отозвался Хантер, сгибая пальцы и поворачивая шею. В голосе его не было нерешительности, но я была ему благодарна: я заметила, что его движения выдают нервное напряжение. Даже сверхлюди — тоже люди. — Пятнадцать минут до разделения света. Феликс хлопнул в ладоши.

— Давайте надерем их сверхъестественные задницы!

— По моему сигналу, ковбой, — велел Хантер, получив в ответ гримасу. — Как только пройдешь через туннель, сразу отходи в сторону, потому что я буду за тобой. Ванесса, вставай

слева. Оливия, ты пойдешь последней.

— Но…

— Последней, — повторил он. — Они не могут тебя почувствовать и, может, не увидят. К тому же когда ты в последний раз ощущала в себе Уоррена?

Я задумалась. Давно.

— Не хочу, чтобы связь прервалась. Без тебя он может быть слишком слаб.

— Спасибо за заботу, — буркнула я, получив в ответ только поднятую бровь.

— Что бы ты ни делала — делай без колебаний. Эти ублюдки быстры.

— Не так быстры, как мы, — заметил Феликс, и они с Ванессой подняли руки и хлопнули ими. Феликс потер руки, и его мальчишеский энтузиазм стал смертельно опасным.

— Подождите. — Я вдруг занервничала. — А что если я случайно попаду в одного из вас? В смысле — если не смогу разобраться?

— Перепутать Свет с Тенью? — фыркнул Феликс. — Это невозможно!

Можешь ты смотреть на меня? Может ли кто-нибудь из вас по-настоящему видеть меня?

— Сейчас поздно об этом беспокоиться. — Хантер знаком приказал Феликсу встать на большую букву «Х». Подняв левую руку, тот положил правую на хромовый рычаг.

— Феликс, вперед.

С шелестом воздуха он исчез. Хантер занял его место и без колебаний, даже не оглянувшись, присел и скрылся в туннеле.

Ванесса раскрыла свой кондуит, пластинки смертоносного веера встали на место. Она снова закрыла его, крепко держа в правой руке. Слегка согнула спину. Отбросив назад рычаг, она что-то прошептала. Я не слышала ее слов, но прочла по губам: она, как заклинание, произнесла имя Страйкера.

И неожиданно я осталась одна.

Я попыталась думать о матери — что бы она почувствовала, если бы увидела меня сейчас? — но и она и все мои лучшие воспоминания прочно заперты, и открыть их сейчас значить показать всему миру своп Свет. Я коснулась груди, где еще совсем недавно билось второе сердце — сердце Уоррена, — но и тот как будто оставил меня. Или считает, что мы его бросили? Эта мысль придала мне решительности. Не представляю, с чем мне предстоит столкнуться, но по крайней мере знаю почему.

Наконец знаю.

Надев на глаза щит, я пропустила недавнюю смерть Греты

сквозь свою кровь; показали свои головы и другие смерти, причиной которых я стала; они в виде Батча поднялись над мутным болотом моих самых мрачных мыслей. Я позволила им всплыть, и у меня зудели руки, когда я вспоминала, как прокалывала язык, отрубала руки, колола шприцем. Я разрешила Тьме вихриться во мне, взбалтывая ненависть, которая, как слизь, осела на дне моей души. Ввела дополнительную порцию адреналина и, как и другие, остановилась на огромной букве «X», согнув в ожидании колени. Рванула рычаг, и мое тело устремилось в пространство.

Они уже сражались, когда я еще выбиралась из туннеля. Я слышала их крики, поднимаясь на поверхность, ветер гудел у меня в ушах, глаза и виски под шлемом оставались холодными и невредимыми. Если бы воздух стремительно не вырвался из моего тела, я бы благодарно вздохнула.

Мое появление было обозначено всего лишь свистом, да и тот заглушили звуки битвы. Я пригнулась на верху Туфельки и принялась осматриваться. Кладбище было в тени. И в Тенях.

Феликс был прав: невозможно не заметить различие между ними. Агенты Света походили на переросших светлячков, они мелькали в воздухе и были бы легкой целью, если бы не их проворство. За ними ослепительными полосами летели звезды, воздух за ними искрился. Тени — за ними, как за подбитыми бомбардировщиками, тянулся дымный след — имели возможность поразить противников, ударяя по воздуху перед ними. Но агенты Света это предвидели.

Феликс резко свернул — безумная падающая звезда, сплошные гибкие конечности и пламенеющая сердцевина, — а раздраженный воин Тени погнался за ним… и закричал, когда его огрели сзади. Ванесса отпрянула, за пей змеились розовые огоньки, как хлещущий кнут, и все застлал дым воина Тени.

Затем я увидела Хантера. Он висел в десяти футах над поверхностью и быстро падал на Тень, волосы безумно метались над его головой, а хлыст летел за ним. Теперь я поняла, почему именно Хантер вырабатывает тактику. Черные звезды, блестящее серебро в предрассветном освещении были маскировкой, и его хлыст ударил, дергаясь, как хвост кошки.

Но Тени тоже не были медлительны, и их было больше. Я с верха Туфельки своим кондуитом сбила двоих: одною пригвоздила к гигантской букве «N», другого застрелила и воздухе, и он упал за плоскими неоновыми очертаниями стакана мартини. Я считала произошедшее просто удачей: ни убитые, ни остальные еще меня не видели.

Неоновое кладбище быстро превращалось в пекло в отблесках

пламени. Я заторопилась к поверхности, укрываясь за проржавевшими останками игрового автомата и ожидая паузы в сражении. Проблема заключалась в том, что схватка происходила в густом облаке дыма. Я решила стрелять только наверняка, но когда дым рассеялся, у меня перехватило дыхание.

Все застыли. Уцелевшие воины, и Света и Тени, стояли неподвижно, грудь у каждого вздымалась, в спину каждому смотрело оружие. Это походило на игру и скраббл, где вместо слов — люди, связанные друг с другом кондуитами; эти жестокие связи были готовы к действию при малейшей провокации. Хлыст Хантера обвился вокруг шеи фигуристой женщины, одетой, как проститутка — дебютантка восемнадцатого века. Ему достаточно шевельнуть рукой, и шины разорвут женщине горло.

Но за Хантером — другая Тень, и этот воин навис над головой Хантера. Феликс прижимает к его горлу заостренный бумеранг, но женщина среднего роста с огромным мачете приставила к груди Феликса клинок, способный развалить его надвое.

Шею женщины овевает стальной веер Ванесса, но первая женщина — проститутка-дебютантка Хантера… повернулась и нацелила в левый глаз Ванессы гонкий стальной нож. Я единственный независимый актер, но я боюсь пошевелиться. И никто не двигается,

— Сдавайтесь, — произнес Хантер. В голосе его не было страха.

— Мой топор у твоего виска, и ты велишь мне сдаваться? — усмехнулся тот, что за ним, но смех стих, потому что Феликс приблизил бумеранг.

«Как змея, пожирающая свой хвост, — подумала я, глядя на это кольцо. — Зверь сам уничтожит себя».

— Вы окружены, — сказал Хантер. Мужчина рассмеялся.

— Это неправда, бараньеголовый. Тульпа говорит, что мы уже убили пять ваших звездных знаков. Здесь вас только трое, Весы захвачен, а Майках, вероятно, все еще помогает Грегору собрать с пола рассыпавшиеся кишки. И больше никого нет. — Женщины Тени засмеялись.

Хантер рассмеялся в ответ.

— Что, Тульпа никогда раньше вам не лгал? Мужчина примолк, под его кожей мелькнул огонь, на мгновение проступили кости, потом он снова стал самим собой.

— Тульпа говорит то, что нам нужно знать.

— Понятно. Вероятно, он решил, что вам не нужно знать, что мы еще до вашего появления разместили вокруг десять наших новобранцев.

Он хорош. Даже я не могла почувствовать ложь.

— Может, он и сам не знает, — заявил Феликс. Обычная дерзость в его голосе звучала напряженно. Кто бы его винил: ведь его сердцу ласкало мачете.

— Вы блефуете. Тульпа все знает.

— Значит, когда этот кактус за мной вспыхнет, он будет знать?

Это мой шанс. Я вложила стрелу в свой компактный лук и прицелилась.

— Мы всю ночь провели у ваших дверей. Если был бы хоть один новобранец, мы бы его нашли.

Я выстрелила поверх его головы, задев волосы; кактус взорвался. Но еще до того, как стрела попала в цель, я двинулась. Тени пригнулись.

— Новобранцы не могут почувствовать нас, Тени, — неуверенно произнесла великолепная проститутка.

— Им это и не нужно — вы как на ладони, — ответила Ванесса. — Вижу за твоим левым плечом золотую подкову. Она взорвется. Вот сейчас.

Я вогнала стрелу в цель, словно всю жизнь тренировалась.

— И на вашем месте я бы бросил кондуиты, — заметил Хантер, когда рассеялись пыль и дым.

— Нет. Вы ведь не бросаете…

— Тогда мы все умрем. — Хантер пожал плечами, словно это какая-то мелочь. — Отлично. Маши новобранцы горят желанием проявить себя.

— Новобранцы — не чета звездным знакам, и вы но знаете. Они попытаются освободить Уоррена и к утру вес будут мертвы.

— Если среди них нет звездных знаков.

Я вышла на площадку из-за Туфельки, не оттуда, откуда выстрелила в последний раз, а с противоположной стороны. Улыбнулась, видя, как вздрогнули Тени. Никто из них не почувствовал моего приближения.

— Поздоровайтесь с нашим новым Стрельцом.

— А потом бросьте ваши кондуиты, — добавила я с улыбкой.

— Тульпа ничего не говорил о новом агенте Света.

— Очевидно, это не входит в то, что необходимо знать, — бросила Ванесса.

— А следовало бы. А теперь: кондуиты — на землю.

Я нацелила стрелу прямо между глаз женщины. Ее глаза расширились, а мои сузились. Она как брюхо змеи. При самом худшем сценарии они не бросят свои кондуиты, и я разорву брюхо змеи.

— Если мы их бросим, вы нас убьете.

— Мы не можем вас убить, — заявила я, и они удивленно посмотрели на меня. — У Аякса наш предводитель. Наши пистолеты у ваших висков, образно говоря, но его — у писка Уоррена. А нам нужен Уоррен. Если умрут пять воинов Тени, это вызовет такой всплеск энергии, что Аякс непроизвольно нажмет на курок.

— Как с костяшками домино, — закивал мужчина. — Вы убиваете нас, и Аякс убивает вашего предводителя.

Я поменяла позу, нацелив стрелу меж глаз ему.

— Только не забудь, кто умрет первым.

— Она новенькая, но умеет подытоживать ситуацию. — Хантер улыбнулся, как гордый отец. — Но она и должна это уметь. Было предсказано, что появится Стрелец и отбросит свою Тень, или, если хотите, свой Свет на обе стороны Зодиака.

Действительно?

— Кайрос? Миф, — усмехнулась проститутка.

— Это значит только, что Тульпа сказал вам, что это миф, — поправила Ванесса.

— Легенда такова: женщина, в которой есть и солнце и луна, должна будет сделать выбор. Ее судьба, как точка опоры, не предопределена. Начинает она с равной принадлежности дню и ночи, — напомнил мужчина.

— А это значит, — добавила женщина по имени Даун, — что у нас столько же шансов заполучить Стрельца, как у вас.

— Так говорится в ваших книгах? — спросил Хантер. — Интересно. Потому что в наших рассказывается, как в одну из ночей сезона Юпитера восемь воинов Тени проникнут в Неоновое кладбище и будут сражаться здесь, пока солнце не взойдет над Черными горами. Некоторые из них умрут, но у остальных будет возможность сложить оружие и сохранить жизнь, впервые в истории будет заключено перемирие между сторонами. Если Тени не примут это предложение, они все умрут; умрут и воины Света. Но в любом случае уцелеет один звездный знак. И это будет означать восхождение Кайрос.

Хантер сделал мне знак, и я показала свой маленький лук — скорее потому, что он этого хотел, чем потому, что поверила в его слова.

Тени переглянулись. Потом мужчина произнес:

— Докажите это.

Я посмотрела на Хантера. Он пожал плечами.

— Зелл хочет, чтобы ты доказала.

Я сосредоточилась на агентах Тени и, не снимая щита, позволила костям выйти наружу из-под кожи, перестроившись на поверхности: в свете полной луны они сложились в

продолговатое, блестящее лицо моего отца. Оно возникло в обжигающем порыве воздуха, и я сладко улыбнулась.

— Дерьмо, — прошептала одна из Теней. Мужчина за Хантером опустил топор, потом швырнул его в груду металлолома. Ванесса в свою очередь сложила смертоносный веер. Даун дрожащей рукой убрала мачете от живота Феликса и отбросила в сторону. Феликс согнулся вдвое, держась руками за живот.

— Феликс! — Ванесса бросилась к нему.

— Упс! — ухмыльнулась Даун. Увидев гневный взгляд Ванессы, пожала плечами. — Эй, я сделала это еще до договора. Хотя удар неплохой, если можно хвалить себя.

— Отведи его к Майкаху, — приказал Хантер Ванессе. Она коротко кивнула, лицо ее побледнело.

— Догоню вас немного погодя.

— Ты не сможешь выйти одна, — возразил Хантер, кивком указав на трех Теней. — Здесь они не все.

— Тогда подождите меня.

— Нет времени.

Ванесса взглянула на светлеющее небо, потом снова на Хантера; лицо ее затуманилось.

— Постоянно не везет. — Зелл покачал головой. — Это тоже есть в вашем руководстве?

Феликс распрямился, успев ударить Зела в челюсть… и безжизненно упал.

Ванесса подняла его, Хантер знаком приказал мне следить за Тенями, а сам помог Ванессе перенести Феликса к основанию туфельки.

Зелл усмехнулся, вытирая кровь с губы, и повернулся ко мне.

— А зачем маска, сладкая?

— Это не маска. Щит, — поколебавшись, ответила я. — Без нее моя теневая сторона не позволяет мне входить в убежище.

— А что будет, если ты попробуешь? — с искренней заинтересованностью спросила проститутка-дебютантка.

— То же, что со всеми вами. Я поджарюсь изнутри, как в микроволновке.

Вес они содрогнулись.

Зелл, который, по-видимому, был своего рода предводителем, скрестил руки, разглядывая меня.

— Если двое вернутся в убежище, а вы с Хантером пойдете к Аяксу, кто будет караулить нас, как хороших кротких овечек? Невидимые новобранцы, о которых вы говорили?

Я покачала головой.

— Они не существуют.

— Я так и думала, — заявила Даун.

— Не волнуйтесь, — отозвался Хантер с верха Туфельки, — мы придумали кое-что гораздо более страшное.

И прежде чем Тени опомнились, он сказал:

— Они могут выходить, Рена.

Мы все гадали, кто же может появиться из туннеля. После паузы последовал гулкий раскат, так что Тени принялись осматриваться, готовые разбежаться. Зелл заметил, что я наблюдаю за ним, ответил сердитым взглядом и остался неподвижен.

Секунды две спустя из туннеля показались, как колонна муравьев, два десятка детей Зодиака. С радостными криками они разбежались по кладбищу, их лица буквально светились от радости. За ними возникла Рена.

— Ты знаешь, я это не одобряю, — обратилась она к Хантеру. — Им пора спать.

— Для них это хорошая практика, — ответил он, глядя на все новых детей, выходящих из Туфельки. — Они поели?

— Двойная шоколадная булочка на каждого и кофе. Будут здесь всю ночь.

— Дерьмо, — снова прошептала женщина рядом со мной, морщась от вспышек света.

Мимо меня пронесся маленький Марк, на его вымазанном шоколадом лице смешивались радость и решимость. Пробегая мимо Тени, он свирепо зарычал; искры осветили все Неоновое кладбище. Зелл завопил и закрыл глаза рукой.

Марк, разумеется, нашел это восхитительным. Он принялся обходить воинов Тени, смеясь над ними, и лицо его вспыхивало, как яркая лампа. Остальные дети подражали ему.

— Гениально. — Я прищурила глаза под маской. Сила детей в неспособности себя контролировать. Если Теням трудно выносить нас, то неразбавленная и необработанная сила детей для них вообще невыносима. «Эти маленькие сосуды Света, — думала я улыбаясь, — могут держать Тени в неподвижности сколько угодно». Я услышала крик боли, когда один из детей пнул жертву в живот. Когда плоть соприкоснулась с плотью, полетели искры.

— Липус! Немедленно прекрати! Что я вам говорила о пытках?

Хантер неожиданно оказался рядом со мной.

— Готова?

Я кивнула, пятясь от скорчившихся знаков Тени.

— Думаю, какое-то время нам можно об этих париях не беспокоиться.

— Не волнуйся. Там, куда мы идем, будут и другие.

— Зал Богов. — Я двинулась вслед за ним к рассвету и реальности. В «Валгаллу».

27

Пока мы обходили казино в поисках лучшего места для входа и последующей эвакуации Уоррена, «Полоса» постепенно оживала. На пустых улицах появились ранние утренние бегуны, они обгоняли немногих пешеходов, которые бродили в поисках солнечного света и завтрака. «Жизнь продолжается», — подумала я. И принялась разглядывай, здание, с его фальшивым фасадом и роскошными газонами, окружающими его, как рвом. «Это не просто казино, поняла я, — это настоящая мощная крепость. Но я собираюсь карабкаться на ее стены».

— У меня есть идея, — сказал Хантер и направился в казино. — Дай мне пять минут.

— Подожди! Ты не можешь идти одни

Тени, где бы они ни были, учуют его запах. А я была уверена, что они здесь.

Он раздраженно отбросил мою руку.

— Всего пять минут. Встретимся у главного входа.

Пять минут показались мне пятью часами. К тому времени, как я, обогнув здание, приближалась к нему со стороны улицы, Хантер уже был там в форме службы безопасности; он внимательно осматривал улицу. Он стоял ко мне спиной, поэтому я выдохнула, чтобы дать ему знать о себе. Он сразу повернулся и направился ко мне.

Даже в одежде смертного он был страшен. Черные волосы больше не развевались свободно, они были приглажены и собраны в хвост. У него свирепое лицо воина, и хотя я знала, что это притворство, по спине у меня пробежали мурашки. Хлыста не видно, но по бокам —. оружие смертных.

— Два пистолета? — спросила я, глядя на две кобуры по бокам и на дубинку за спиной.

— Тульпа параноик.

Не он один. Я оглянулась на пожилого посетителя вдвое меньше меня ростом. Мне не понравилось, что на улицах я чувствую себя совершенно открытой: я ощущала адреналин и нервное напряжение Хантера так ясно, словно мне под нос поднесли нюхательную соль.

— Пошли. — Он преградил мне дорогу,

— Что ты делаешь? — Я обогнула его. Но он опять встал передо мной.

— Веди себя так, словно мы спорим.

Я раздраженно посмотрела на него.

— Мы действительно спорим.

— Я имею в виду; веди себя необычно.

Я наклонила голову, глядя на него. Он процедил сквозь стиснутые зубы:

— Дай мне повод задержать тебя.

— Это глупо, — ответила я, но подняла руки. — У-ху-ху! Широкая ладонь ударила меня по щеке, так что застучали зубы.

— Эй! Ублюдок! — Я толкнула его, но Хантер изогнулся, давая мне небольшое пространство, и снова притянул меня к себе. Он проделал это трижды. Я наконец поняла, что он делает вид, будто я сопротивляюсь ему, и это сработало. Наше дефиле через входную дверь, которую предупредительно распахнул перед нами чернокожий служитель, вызвало лишь несколько настороженных или любопытных взглядов. Я заметила на потолке матовое полушарие: нас видели не только те, кто находится на первом этаже.

— Я сказал, сними маску! — неожиданно громко произнес Хантер. Конечно, он этого раньше не говорил, но на этот раз я его поняла.

— Иди отсюда. — Я прижала одну руку к голове, чтобы помешать ему содрать с меня маску, а другой отталкивала его. Он завел мне руки за спину и защелкнул на них наручники.

— Эй! — Паника в моем голосе была реальной. Мне не нравилось, что у меня не свободны руки и я не могу воспользоваться кондуитом, но во взгляде Хантера было предупреждение, и я перестала сопротивляться. Женщина в маске не может войти в казино, не привлекая внимания службы безопасности. Карнавальный костюм — одно дело, ведь это все-таки Лас-Вегас, но маска — совсем другое.

Я знала, что человек, подозреваемый в намерении ограбить казино, будет отправлен в комнату для задержанных, где его допросит либо сама служба безопасности, либо вместе с полицией. Место, куда вел меня Хантер, как раз то, куда мне нужно попасть.

И это заставило меня задуматься. Если наблюдение засекло, как я входила в маске, она должна была заметить и то, что Хантер явился в неурочное время, переоделся в форму и провел меня в глубину здания. Разве это не вызовет подозрения у тех, кто работает с Тульпой? И разве во время допроса не будет раскрыта подлинная личность Хантера?

«Вся его жизнь будет загублена, — подумала я, — а у Зодиака не будет никого в организации Тульпы. Опять».

Конечно, я понимала, что Хантер так поступает сознательно. Он рисковал всем, ради чего работал. Он отдавал свою личность. Свою жизнь. Свою работу, которая помогла ему проникнуть в

организацию Тульпы.

Сейчас он вел меня по главному казино, мимо игровых автоматов и каруселей, мимо туристов с покрасневшими глазами, которые всю ночь провели у столов, мимо ярких неоновых знаков, кричавших мне: «Уходи! Вернись! Впереди верная смерть!»

Мы добрались до большой двойной двери, и Хантер нажал кнопку доступа. Дверь открылась автоматически — огромная пасть, которая ведет во внутренности «Валгаллы», туда, где совершается подлинная работа, и естественная, и сверхъестественная.

— Держись рядом. Здесь легко заблудиться, — сказал Хантер, разжимая руку и шагая быстрей. — Здесь камер наблюдения нет: это плохо для морали, но все равно глаза повсюду.

Он повернул налево, потом направо, потом сделал еще несколько быстрых поворотов налево. В последних двух проходах мы никого не встретили, что для казино необычно. Хантер показал на длинный коридор.

— Грузовые доки там. Возможно, через них удастся уйти, хотя я считаю, что грузовой лифт лучше. Меньше движения… — Лицо его было напряжено, словно его растягивали изнутри какие-то струны.

— Я чувствую твой запах, — заметила я.

— Знаю, — ответил он. Голос тоже напряжен. Он не потел, но запах изливался через поры.

— Ты станешь целью.

— Поэтому я и показываю тебе, где грузовые доки. Теперь будь внимательна.

Мы вошли в кажущийся бесконечным коридор, стены которого от пола до высоты в четыре фута забраны стальными плитами — предосторожность от ударов тележек с грузом, которые здесь проходят ежедневно.

— Кабинет Тульпы за самым длинным коридором «Валгаллы». Видела когда-нибудь фильмы ужасов, в которых герой бежит по коридору, а тот все время удлиняется? — Я оглянулась. Мы прошли ярдов сто. По крайней мере столько же еще предстоит пройти. Хантер посмотрел на меня. — А теперь представь, что за тобой бегут десять воинов Тени.

— Лучше не буду. — Я стала озираться в поисках возможных выходов или оружия. Ничего не было. Только длинные блестящие стены и тревожная линия флуоресцентных ламп.

— Этот коридор называют Прогон, — сообщил он.

— Еще бы, — хмыкнула я. И заслужила смешок.

Коридор закончился тупиком — я понадеялась, что это не символ нашего будущего; мы повернули направо и сразу

остановились. Перед нами был вход в лифт, а над ним номера от одного до двадцати четырех. Хантер сиял с меня наручники и сунул их в задний карман брюк. Потом нажал кнопку. Послышался звонок, и лифт начал спускаться к нам.

Я неожиданно повернулась к нему.

— Хантер, я должна извиниться.

— За что?

Он едва слушал меня. Лифт находился на верхнем этаже. Мы — в самом низу.

— За все это.

Звонок. Двадцатый этаж.

— Я знаю, чем ты рискуешь сегодня. Знаю, что ты все потеряешь.

Я знала также, каково это — все потерять.

— Не будем об этом говорить. — Он посмотрел вверх, на загорающиеся номера над дверью, но его выдали стиснутые челюсти.

Звонок. Еще десять этажей.

— Ты готова?

— Да, — произнесла я осторожно. — Еще только одно.

— Что?

Я растирала запястья в том месте, где были наручники.

— Прости.

— Ты это уже говорила.

— Не за это.

Звонок. Осталось восемь.

— За это. — Я развернулась и ударила его локтем ниже виска. Он упал, как подрубленное дерево. Мне пришлось подхватить его голову, чтобы она не ударилась о бетонный пол, и я опустила ее, избежав запоздалой попытки схватить меня за горло.

— Неблагодарный ублюдок, — обронила я, когда его руки упали. Сильный неблагодарный ублюдок.

Я вытащила из его кармана наручники, застегнула на его руках и оставила ключи у себя. Мне не хотелось его заковывать, но так будет выглядеть убедительней. Сказав себе, что это ради его же безопасности, я забрала у него пистолеты — один сунула за голенище, другой — за пояс, отняла дубинку и главный признак агента — его кондуит.

— Убьешь меня, когда очнешься. Но по крайней мере ты очнешься.

И это подвело меня к последнему, что нужно сделать.

Наклонившись над Хантером, который и без сознания выглядел пугающе, я подумала, что, собственно, я о нем знаю. Да

ничего. Но было в нем то, как он наблюдал за людьми, спокойная уверенность за обычными манерами. Я восхищалась им. Он делал вещи своими руками — конечно, оружие, но я всегда была неравнодушна к артистичности. Он собрался сегодня все принести в жертву и никому не сказал ни слова, чтобы никто не понял его намерений, пока не будет поздно. До самого этого момента.

Звонок.

Собрав всю эту скромную информацию, я наклонилась и прижалась губами к его губам. Прикосновение плоти к плоти было интимным, но совсем не таким, как соприкосновение сознаний, душ. Я выдохнула, послала в него струю своей сущности.

Мама была права. Можно ощутить Свет в другом человеке, словно пузырьки на языке, и почувствовать душу в дыхании. Я увидела силу Хантера, сладкий аромат его физической сути и удивительную мягкость души. Продолжила смешивать наши дыхания, втягивала его в себя и знала, что на подсознательном уровне он делает то же самое со мной. Поступая так, он узнавал меня глубже, чем любой другой человек.

И я позволила это, ища связи, которая помогла бы мне передать ему не только свои знания, память и опыт, но и мою силу. Мой поцелуй превратился в молитву, а дыхание — в щит. Одной рукой я взяла его щеку — мое прикосновение теперь оружие, закрыла глаза и излилась в него.

И начался диафильм.

Некоторым воспоминаниям потребовались лишь мгновения, чтобы погрузиться в серую материю, но они останутся навечно. В тусклых ошеломляющих вспышках пришла ко мне смерть его родителей, увиденная глазами мальчика, беспомощно забившегося в угол. Вокруг него кружились Тени, а он был слишком мал и беспомощен, чтобы сделать что-нибудь. Мог только смотреть. Я слышала его клятву, погребенную под горячими слезами и изуродованными телами родителей; никогда больше не быть слабым.

Столь же печальная и еще совсем свежая картина смерти сестры — это мой полный боли вклад. Это воспоминание у меня ярче всех других: она, кружась, летит в ночь и в отчаянии зовет меня.

Другие картины мелькали такими яркими вспышками, что у меня закололо кожу. Хантср занимается любовью с миниатюрной темнокожей женщиной, одинокая слеза скатывается по его щеке.

Моя последняя ночь с Беном, гроза, разразившаяся над головой.

Рождение дочери, и сердце, полное такой любви, какой оно никогда не знало.

И рождение другого ребенка, нежеланного, безымянного и нетронутого, пока его не унесли, если бы я не знала, какие воспоминания пережила сама, а какие нет, я бы не отличила их друг от друга. Мы обменивались величайшими событиями жизни, обменивались знаниями, тайными желаниями, стремлениями и сожалениями, вместе с самой большой любовью и самым большим горем.

Затем неожиданный резкий поворот, погружение во тьму, словно меня посадили в американские горки и запустили. Дрожь пробежала по моему телу и перешла в него.

Я показала ему блеск шприца, показала, как смерть Греты придает силы моему телу. Я выдохнула это воспоминание, отдала ему ауреоль, и Хантер принял ее, его подсознание схватило дар с такой жадностью, какую он никогда не позволил бы себе наяву. Он втягивал в себя силу, и она пульсировала в наших членах, наши губы шевелились, языки переплелись, свинцовая нить воспоминаний связала наши тела, наши сердца и головы. Он затвердел подо мной. Я открыла глаза и увидела, что он смотрит на меня душой — смотрит с удивлением, с благодарностью и любовью, и мое тело ответило ему. И сердце тоже.

Теперь ты в безопасности. Я защитила тебя, как ты защитил меня.

Но Тени почувствуют твой запах.

Значит, придется их убить.

Бедра его шевельнулись подо мной, и я прижалась к ним в смешении силы, плоти и духа. Меня удивила вспыхнувшая между нами сексуальность: то, что начиналось как поцелуй, теперь пылало жарким огнем, но гораздо больше удивило то, что я почувствовала дальше.

Смелая, смелая Джоанна…

Пораженная, я отпрянула. Тяжело дыша, заметила, как задрожали его глаза, услышала, как он протестующее и в то же время удовлетворенно застонал. И затих.

Он знал мое имя. За мной, как предупреждение, прозвучал звонок. Пришел лифт. Я закрыла глаза и глубоко вдохнула, но не ощутила Хантера. Осталась только я. Одна.

«Он знал мое имя», — снова подумала я, когда дверь лифта открылась.

И это успокоило меня. Я встала, отдавая себе отчет, что могу умереть, но останется кто-то, кто помнит меня. Кто-то, кто знал меня настоящую. После смерти Оливии и потери Бена я не могла себе даже представить, что это возможно.

Последний раз прижавшись губами к губам Хантера, я оставила его лежать у стены, нисколько не чувствуя себя виноватой. Я достаточно дала ему.

Вошла в лифт, нажали кнопку и подняла голову, когда закрылась дверь. Кабина начала подниматься. К Уоррену. И к моему следующему, может, последнему, месту убийства.

28

Интересно, открылся бы передо мной этот лифт месяц назад? Несомненно, я действовала в альтернативной реальности. Электроны тыкались мне в кожу, как слепые пчелы, и металлический вкус заполнил мне рог. Здесь достаточно сверхъестественной энергии, чтобы работать, как атомная электростанция.

«Я иду, Уоррен», — думала я, касаясь груди. Ответа не было, и я начинала сомневаться, не напрасно ли все. И вдруг — неожиданно — времени для гаданий не стало.

Звонок лифта прозвучал, как колокол собора Нотр Дам. Свист раскрывшихся дверей был змеиным шипением. Мой кондуит был нацелен на мое собственное отражение в зеркале, и палец на курке дрожал. Створки начали сдвигаться, и я в самый последний момент выскочила в фойе. Двери закрылись, оставив меня в западне.

Сразу за большой мраморной лестницей, окруженной романскими колоннами и ведущей в помещение ниже, виднелась приемная Тульпы. Точно такая же лестница прямо напротив меня исчезала за дубовыми дверьми с резными мистическими символами, ни одного из которых я не поняла. Я сразу определила, что сюда и должна была попасть. Надо только пройти невинное на вид помещение внизу. Я заметила, что в этом помещении потолок зеркальный.

— Только в Вегасе, — прошептала я, делая шаг вперед.

Распахнулась невидимая дверь, и по мраморному полу застучали твердые подошвы. Я приготовилась, сжимая кондуит; из-за угла появились два человека и застыли, очевидно, удивившись, встретив меня. Все в них было одинаковое: костюмы, наушники, выражения лиц — все вплоть до пистолетов на правом боку.

Я облегченно перевела дыхание. Смертные. И убрала кондуит.

— Бей ее! — Второй достал дубинку.

— Не трогайте меня. — Я выпятила нижнюю губу.

— Бей ее! — повторил он, делая шаг вперед. Первый уставился на него как на сумасшедшего.

— Я не буду бить девушку.

Говоря это, он повернулся к партнеру, поэтому не видел, как моя рука ударила его по щеке. Удар открытой ладонью прозвенел в воздухе, голова стражника откинулась назад, но он быстро пришел в себя и с полным ненависти взглядом посмотрел на

меня.

— Сука! — Но по-прежнему не тронул меня.

— Я сука? — невинно спросила я.

— Проклятая сука, — рявкнул он. Я ласково улыбнулась.

— Тогда ты тот, кого только что опустила сука?

Даже у терпения джентльменов есть границы. Он бросился на меня, и я дубинкой Хантера саданула его по запястью, так что бесполезный пистолет с грохотом покатился по фойе. Второй уже целился мне точно в грудь. Сверхчеловек или нет, будет больно. Но руки его тряслись. Я нырнула под линию цели, прыгнула и распрямилась у него под руками. Вместе со мной поднялось и мое левое колено.

Два быстрых удара: в пах, отчего он согнулся, и в грудь, что отбросило его вниз по ступеням. Он конвульсивно дергал пальцем курок, пули рикошетом отлетали от мрамора, но я уже последовала за ним в нижнее помещение, перемахнув последние три ступени, чтобы колено пришлось ему в лицо. Позволила ему упасть и повернулась, держа пистолет в руке. Ствол был нацелен меж глаз первого, который побежал за мной по ступеням. Я достала кондуит и направила ему в грудь.

— Не надо было бить меня, — заявила я.

Рот его молча дернулся, сломанное запястье повисло.

— Отойди, Томас. Сделай это медленно, — послышался голос, от которого у меня сжалось внутри.

— Но, мистер Сэнд…

— Боже, неужели тебя действительно так зовут?

Я крутанулась на открытом пространстве, направляя пистолет на Томаса, а кондуит на Аякса.

Он стоял на верху противоположной лестницы, свернувшись, как внимательная гадюка, в прозрачных глазах светилось предвкушение. На нем все было черное, что еще удлиняло его фигуру, и я знала, что зазубренная кочерга у него за спиной. Я чувствовала ее запах.

— Отойди, Томас, — повторил Аякс, спускаясь по лестнице к нам, в нижнее помещение. — Если не хочешь умереть.

Я помахала пистолетом.

— Умереть ужасной смертью, могу я добавить. Томас отошел.

— Я гадал, сколько времени тебе понадобится, чтобы найти нас, Стрелец. — Аякс остановился у основании лестницы. — Полагаю, ты встретилась с моими коллегами на Неоновом кладбище. Как они тебе понравились?

— Особого впечатления не произвели.

— Но ты убила только двоих.

Я постаралась не показать, но меня поразило то, что он уже

знает о результатах битвы на кладбище.

— Это тебя тревожит? Я имею в виду их смерть? Он пожал плечами.

— Все умирают. И каждого слишком заботит собственная смерть, чтобы беспокоиться о смерти других. Если подумать, это незначительное обстоятельство. А теперь, если хочешь снова увидеть Уоррена, брось свое оружие. И не заставляй меня повторять.

Я не хотела этого делать, но хлыст Хантера давал мне возможность выбора. Я уронила свой лук к ногам, за ним последовал пистолет.

— Где он? — спросила я.

Томас поднял мой кондуит и стал его осматривать. Охранник на полу застонал и приподнялся.

Аякс покачал головой — взрослый, которого позабавили проделки малыша.

— Дай-ка мне пистолет в твоем левом сапоге, и тогда я скажу.

Он лгал, и мы оба это знали. К несчастью, я ничего не могла сделать. Его охранники снова приближались, поэтому я наклонилась и достала другой пистолет Хантера. Второй охранник собрался забрать его у меня. Я выстрелила ему в грудь.

Тело ударилось о пол. Даже Аякс удивился.

— Ну, ну. Агент Света, который любит убивать невинных. Как… вдохновляюще.

— Те, кто работает с Тульпой, не могут быть невинными. И я дважды выстрелила в Томаса. Он закричал, и мой кондуит упал на пол. Вот так. Такое соотношение сил мне нравится больше.

— Закончила? — Аякс стоял со скучающим видом, скрестив руки. — Больше тебе здесь убивать некого.

— Кроме тебя.

Я прицелилась ему в грудь. Это, конечно, не убьет его, но знак оставит.

Аякс просто поднял палец, как будто что-то вспомнил.

— Подожди, мы оба кое-что забыли. — Он указал через комнату. — Оглянись.

Я медленно повернулась, продолжая краем глаза следить за Аяксом, готовая к новой угрозе сзади. Но, увидев Уоррена, ахнула. Он был привязан к креслу на колесиках, голова повисла, волосы растрепаны, запекшаяся кровь покрывает треть головы. Но в это мгновение я забыла даже об Уоррене. Видела только того, кто стоял за ним.

— Ты, — выдохнула я то, что держала в себе десять лет.

Он был такой же, как раньше. Я не воображала его. Конечно,

от лунного света у него были провалы под глазами, и мягкий пустынный ветер поднимал волосы, но жестокие тонкие губы те же самые. Именно эти губы я искала на лице любого незнакомого мужчины все последние десять лет, проходя мили вдоль брошенных шприцев и фекалий, по переулкам, куда никогда не заглядывает свет, искала их — и теперь вот он передо мной. В проклятом костюме от Армани.

— Вижу, твой старый друг, — улыбаясь, сказал Аякс.

— Привет, Джоанна, — произнес голос из моих кошмаров.

— Здравствуй, подлец, — ответила я.

— Ну-ну. Не думаю, чтобы ты имеешь право обзывать других. — Он наклонился, поднял голову Уоррена и заглянул ему в лицо. — А твое мнение, Уоррен?

Под его хваткой шея Уоррена качалась из стороны в стороны, и от этого движения у меня перехватило дыхание. Он небрежно отпустил голову.

— Хоакин! — воскликнул Аякс. — Ты только посмотри на ее грудь.

Мне и без того было известно, что она пылает. Жар прокатился по телу, застучал в висках и жилах.

Однако Хоакин взглянул. И насмешливо улыбнулся.

— Роскошно.

Я опустила правую руку — отвлекающий маневр, который позволил поднести левую к карману, к котором лежал хлыст Хантера. Я была уверена, что они не смогли его учуять — ведь его хозяин обладал ауреолью, и оба считают, что я безоружна. Когда Аякс сделал шаг вперед, я поняла, что права, однако не попыталась достать хлыст. Тянула время. Подпуская тигра поближе. Глубоко вдохнула, но почувствовала в комнате только двоих. И двух мертвых охранников.

И боль Уоррена.

— Гадаешь, где все остальные? — осведомился Лии-, обходя меня, чтобы начать игру в кошки-мышки.

Я передвинулась, не выпуская его из виду.

— Мне приходило это в голову.

— Мы с Хоакином старательно продумали эту маленькую игру для тебя. Приятно, правда? — Он сделал еще шаг вперед. Хоакин натянул путы Уоррена, посадив его, как короля на троне. — Мы решили, что нам стоит получше узнать тебя, Джоанна. А Уоррен будет свидетелем.

— Иными словами, — Хоакин подмигнул мне, — ты нужна нам самим.

Он приветственно поднял руку Уоррена. Рука безжизненно упала. Похоже, Уоррен ничего не сможет увидеть.

Я медленно покачала головой, пораженная концентрацией зла в этой комнате. Конечно, я убила бы их обоих, если бы смогла, — я обнаружила, что вполне способна на убийство, — но какая-то часть меня спрашивала: ради чего? Всегда найдется достаточно больных ублюдков чтобы идти по стопам этих двоих и даже дальше. Словно посреди океана, где нет ни земли, ни кораблей, ни помощи. Все равно когда-нибудь придется остановиться и утонуть.

— Ты ведь не надеешься, что мы просто убьем тебя, не позабавившись предварительно? — Хоакин небрежно постукивал пальцами по склоненной голове Уоррена. — Ты первый, Аякс.

— О, я не могу.

— Нет, я настаиваю. — Хоакин отмахнулся от его возражений, как от мухи. — Я уже имел ее.

— Ты слишком добр.

Я стала такой же холодной и неподвижной, как мрамор в этой комнате. Во рту ощущение, будто я проглотила кварту песку.

— Я скорее умру, чем допущу вас в себя.

Хоакин пожал плечами.

— Как угодно. Самоубийство тоже принадлежность Тени. Верно, Уоррен?

Он достал из-за спины нож и положил его рукоять на открытую ладонь Уоррена. Сжав его расслабленные пальцы, провел ножом по горлу Уоррена, изображая самоубийство. Показалась кровь, Глаза Уоррена раскрылись и снова закрылись, он слабо застонал и снова застыл.

Я вздрогнула в ожидании ощущения такого же прикосновения ножа к горлу, но его не было. Связь была разорвана, вероятно, потому, что я зашла слишком далеко ради его спасения. «И вообще, — подумала я, — все это больше не имеет значения».

Но под спутанными волосами Уоррена открылся один глаз. И моргнул.

«Нет, — я резко вдохнула. — Он подмигнул».

Я оглянулась на Аякса, но он смотрел на меня почти с восторженным выражением. С таким же выражением Хоакин продолжал постукивать по голове Уоррена. Я видела, как раскрываются алые полосы только что залечившихся порезов, и мне приходилось стиснуть зубы, чтобы сдержать поднимающийся изнутри гнев.

— Меня все время занимает один вопрос. Я должен тебя спросить. — Хоакин перестал мучить Уоррена. — Ты часто думала обо мне? Я имею в виду — о той ночи? О том моменте, когда я проник в тебя?

Я умудрилась зло отшутиться.

— Каждый раз, как затачивала карандаш.

Аякс рассмеялся. Глаза Хоакина превратились в щелки.

— Ну а я о тебе думал. — Он облизал губы. — Вспоминал, как ты просила пожалеть тебя. Знаешь, как менялся вкус твоей кожи, когда я входил, входил и снова входил в тебя. Словно невинность… скисала и гибла.

Я стиснула зубы, но не дрогнула.

— Что ж, теперь я выросла. Ты не найдешь и следа невинности.

Он пожал плечами.

— Все в порядке. Сильные нравятся мне больше. Как твоя мать. Она была очень вкусна.

Несмотря ни на что, сердце у меня подпрыгнуло.

— Ты лжешь.

Аякс снова рассмеялся.

— Хоакин играет с тобой. Ведь твоя мать добровольно пришла в руки Тени. Она не была похожа на тебя. Не делала различий между добром и злом. Потому что она знала. Нет ни Света, ни Тени. Есть только серая радуга и выбор, к какому месту спектра ты себя прикрепляешь.

— Ты хочешь сказать, как твоя мать? — Я улыбнулась, видя, как он застыл. Обе пары глаз были упрем немы на меня. И поэтому только я заметила, как рука Уоррена крепче сжала нож, все еще лежавший у него не ладони

— Не касайся моей матери!

— Твоя мать, которая была так плоха, что стала хорошей, — продолжала я, наблюдая, как его и без того бледное лицо становится совсем белым.

— Считаешь, ты лучше меня? Морально превосходишь, потому что ты так называемый агент Света?

И я неожиданно поняла, что он в этом не сомневается.

— Полусвета, — поправила я, стараясь не обращать внимания на пилящие движения ножа за спиной Хоакина.

— Я тебе уже говорил. В этом мире — в любом мире — нет ни добра, ни зла. Ты предполагаешь, что в тебе меньше зла, чем во мне, но на самом деле ты только слабее. Все дело в степени, понимаешь? И в знании того, в каком месте ты сломаешься.

Я качнула головой.

— Я заявила, что не верю в это. Мрачная улыбка скользнула по его лицу.

— А я утверждал, что заставлю тебя поверить.

— Хочешь на самом деле знать, во что я верю? — спросила я, делая шаг вперед. И я не только выигрывала время, чтобы дать

Уоррену возможность закончить то, что он делает. Нет, я действительно хотела объяснить ему. Хотела, чтобы Аякс знал: между нами есть по меньшей мере одно существенное различие. — Тебя убивает желание увидеть, кем ты никогда не станешь. Чего старалась добиться твоя мать и не смогла. Ты уничтожаешь все, думая, что это сотрет ее предательство, заполнит тебя, сделает тебя цельным. Напротив, с каждой смертью ты все больше пустеешь. Тьма в Аяксе Сэнде отбрасывает все более длинную тень.

— Избавь меня от своей фальшивой праведности, — взревел он, брызжа слюной. — Ты не лучше меня! — Он показал на фойе. — Ты убила этих охранников, как бездомных собак. Не пытайся уверить меня, что тебе не доставляет наслаждение то, какую силу это тебе дало!

Я стиснула зубы.

— Эти охранники были новобранцами, а не невинными, и убийство перед их метаморфозой избавило меня от необходимости делать это позже.

— Откуда она это знает? — осведомился Хоакин, но Аякс не ответил. — Мы их замаскировали.

— Потому что от них несло. Как от вас. Особенно от тебя. — Я осмотрела Аякса и обнаружила, что его глаза совершенно пусты, как стеклянные. И он тяжело дышал. — Я сделала еще один шаг к нему. — Ты воняешь, — сказала я негромко, словно доверительно сообщая тайну. Глубоко вдохнула и поморщилась. — Когда я рядом с тобой, мне кажется, я по горло закопана в свалку. И твой проклятый одеколон нисколько не лучше.

Теперь Хоакин молчал, напрягаясь, чтобы услышать нас, следя за лицом Аякса. Уоррен, совершенно забытый, находился за его спиной. В воздухе, как приливное течение, бушевала сила; я чувствовала ее. Я отбирала ее у Аякса и улыбалась. Даже видя под его пиджаком очертания кондуита, и одном коротком ударе от моей груди, я была уверена, что он им не воспользуется, предпочтет действовать руками. Или воспользуется, только чтобы покончить со мной.

Я небрежно и вызывающе сунула руки в карманы и ощутила, как рукоять хлыста легла в ладонь. Я сжала се. А тем временем продолжала говорить.

— Я знаю, почему тебе нравится убивать звездные знаки. — Я перешла на шепот. — И знаю, почему ты убиваешь невинных. Из-за их Света. Ты хочешь его сам. Ты хочешь быть Светом.

— Заткнись!

— Ты думаешь, что их кровь очистит тебя, и тебе не придется

жить в зловонии и мерзости собственной разлагающейся плоти…

— Я сказал заткнись! — загремел Аякс. Поразительно, как человек может одновременно дрожать и оставаться совершенно неподвижным. Я видела, что он боится сорваться, боится, что его контроль разобьется на тысячи кусков… и он никогда не сможет снова собрать их.

— Но ты ничего не понимаешь. Разлагается не твое тело. Нет, нет. — Я наклонилась вперед, расширим тонкую щель, возникшую в его самообладании. Это твоя душа. Это она кишит червями. И ничто не может замаскировать это зловоние.

Он ударил меня так быстро, что я не уследила за движением. И так сильно, что я отлетела, ударившись в мраморный столб в шести футах от основания. Я не успела упасть, как он уже бросился на меня, и мне не хватило времени достать хлыст Хантера. Я вскочила на ноги в то мгновение, как послышался крик и что-то мелькнуло за спиной Аякса. От неожиданности он на мгновение остановился, и я прыгнула.

Я ударила его плечом в диафрагму; он ахнул, выдохнув и меня затопило зловоние гнили и разложения. Но Аякс бы закаленным бойцом. Ему не нужно было восстанавливать дыхание, чтобы действовать; безумие воинского танца было у него врожденным, и он прижал меня коленом, так что я не смогла отскочить. Он бил меня по груди, ребрам и животу. Пришла моя очередь хватать ртом воздух, а затем он выпустил меня… настолько, чтобы врезать коленом в лицо. Голова моя дернулась назад, рот мгновенно заполнился кровью, и я разглядела серебряную полоску над его головой: он достал из-за спины свой кондуит.

Я попыталась ускользнуть, но мелькнула его другая рука, приподняв меня за шею, и он сморщил лицо, посылая мне поцелуй, прежде чем снова швырнуть через комнату в другой мраморный столб.

Удар причинил не такую боль, как если бы я была смертной, и я попыталась определить, что сломано, прежде чем встать на четвереньки. Конечно, Аякс предвидел это и уже двигался ко мне с кочергой в руке, но он был слишком самоуверен и потому приближался так, словно прогуливался. Я оставалась на месте, покорно склонив голову и опустив руку в карман. Аякс рассмеялся, схватив кочергу обеими руками. Я продолжала ждать. Кочерга начала подниматься. И три секунды спустя хлыст развернулся, как длинный язык, и конец его с остриями обернулся вокруг шеи Аякса.

Боль, исказившая его лицо, сама по себе приносила удовлетворение. Но еще приятнее было его удивление. Я,

конечно, не искала такого мелкого удовольствия. Рот Аякса беззвучно дергался, свободную руку он поднес к горлу, где был пробит кадык. Он пытался облегчить свое положение.

Но кожа хлыста была плотно натянута, и чем больше он сопротивлялся, чем больше дергал, тем глубже входили шины, разрывая ему горло.

Он издал булькающий звук, и я дернула хлыст, заставляя шипы еще больше впиться. Через плечо я заметила, как Уоррен ударил Хоакина. Он еще был наполовину привязан к креслу, и я на мгновение подумала, где кондуит Хоакина… пока не поняла, что его оружие — его тело. Такова его работа. Использовать свое тело, чтобы отнимать невинность.

Я в ярости дернула хлыст. Аякс пошатнулся и упал.

— Как ты это делаешь? — задыхаясь, спросил он. — Ты похожа на него. Ты точно как он!

Я подняла голову и увидела свое отражение в зеркале потолка. Потом снова взглянула на Аякса, подарив ему улыбку скелета.

— Что ж, я ведь Стрелец.

— Нет, нет! Мой господин Стрелец Тени! — Он пытался найти опору и отползал, стараясь растянуть хлыст.

— Можешь называть меня госпожой, если хочешь, сказала я, подтягивая его назад. Положила руку ему на грудь, сделала еще один оборот хлыста, крепче взяла в руку и потянула. Он вцепился в свое горло. — А теперь смотри мне в глаза, Аякс. Потому что я хочу, чтобы ты знал, кто я на самом деле, когда я буду тебя убивать.

Наконец сквозь туман моей ярости проник голос я осознала, что он раздается уже какое-то время, — и миг пришлось несколько раз мигнуть, чтобы сосредоточиться.

— Оливия! Черт побери! Дай мне эти проклятые ключи! Хантер шел по комнате, держа Уоррена в кольце своих сильных рук и одновременно протягивая мне эти скованные руки. Глиф его ярко сверкал, но это была реакция на Аякса. Хоакина не было видно.

Глаза Аякса расширились, когда он услышал мое имя, понял, кто я под своей маской.

— Оливия?..

— Приятно познакомиться, но, к сожалению, это знакомство будет коротким.

Я дернула, послышался хруст. Шея Аякса сломалась, пока он еще произносил имя моей сестры. Он еще не умер. Я вырвала его кондуит и погрузила его ему в самое сердце. Мгновенно меня охватило зловоние разложения, как когда я убила Батча, но

теперь я видела в этом добрый знак, знак смерти. Запах Тени. Но еще сильней было ощущение силы, которая лилась на меня как проливной дождь, билась о меня, заполняла изнутри, пропитывала мои органы и заставляла кровь гудеть, превращая их в живые провода. В одном Аякс оказался прав. Это было невероятно хорошо.

Выхватив из кармана ключи, я бросила их Хантеру и свернула его хлыст. Потом бросила и хлыст к его ногам, схватила собственный кондуит и, не задерживаясь, побежала к полуоткрытой двери.

— Оливия! Подожди. Помоги мне вывести его отсюда.

— Но…

Но Хоакин. Месть так близка. Воздух все еще полон его запахом — запахом перегоревших сладостей; он такой липкий, что кажется, будто он тянется за Хоакином. Я все еще могу догнать его, как когда он догнал меня… но мне придется действовать.

Хантер видел мои колебания и покачал головой.

— Он слишком слаб.

Я раздраженно заворчала, переводя взгляд с двери на него, и наконец заявила:

— У меня есть идея.

Мы по очереди прижимались ко рту Уоррена, вдувая в него жизнь: ауреоль яркими вспышками выходила из наших тел; при этом один из нас следил за тем, как поднимается и опускается грудь Уоррена, как усиливается дыхание, а второй в это время насыщал его своей силой, отдавал его телу и мозгу часть себя. Казалось, это продолжалось целую вечность, но спустя несколько минут Уоррен открыл глаза, зрение его сфокусировалось, и он улыбнулся.

— Я говорил… хороший парень. Как я.

Я мягко прижала палец к его распухшим губам.

— Правильно, Уоррен. Как ты.

Поднявшись, я посмотрела в глаза Хантеру.

— Сейчас он достаточно силен. Уведи его отсюда.

И не стала дожидаться его возражений. Я не хотела выбирать между своей местью и спасением Уоррена. Мне нужно и то и другое. Нужно все.

29

Я выбежала в дверь, через которую ушел Хоакин, и двинулась по быстро исчезающему кровавому следу, но оказалась опять в Прогоне.

— Что?..

Дверь пропала. Я ударила рукой по сплошному стальному листу, гладкому в швах, непроходимой преграде к Хантеру с Уорреном.

В коридоре послышался смешок.

Я развернулась, держа наготове лук и стрелы, но никого не увидела. Только Прогон, гладкий и ровный, в молчаливом вызове простирающийся передо мной.

Звук приходил из-за стены, из-под пола, обволакивал мои ноги и спину. Что-то проникало мне в основание черепа, как будто многоножка пыталась погрузиться под кожу, забраться в мозг, но я тряхнула головой, и это ощущение отступило, хотя то, что его вызвало, оставалось. Я поняла, что этот стерильный коридор скрывает нечто такое, что в любое мгновение может дотянуться до меня, и это не Хоакин.

— Наконец-то. Еще один Стрелец.

В голосе проскальзывало любопытство, даже дружелюбие, каждое слово отдавалось гулким эхом, как звук виолончельной струны; этот звук был низким, музыкальным и полным жизни. Я подняла глаза вверх в поисках решеток, вентиляции, камер… чего-нибудь такого, через что за мной могут наблюдать… но ничего не было. Стены и потолок необычно гладкие, и вполне можно было решить, что это не коридор, а проход в живом организме, как кишка огромного зверя, и я поглощена, затеряна внутри этого зверя. Я быстро отодвинула эту мысль.

— А я-то думал, кто проделывает дыры в моем энергетическом поле. Уоррен больше на это не способен, он сыграл свою роль. Добро пожаловать.

Смешок доносился ниоткуда и отовсюду, и мне ну нужно было видеть лицо, чтобы узнать холодное высокомерие, окутывающее эти слова. Я на его поле, и хотя я не представляю, в какую игру мы играем — не знаю ее правил, — я не сомневалась, что он хочет привязать меня к себе.

— Ты Тульпа, — сказала я, начиная осторожно пятиться. Попыталась ощупью отыскать выход, но когда ладонь коснулась стены, в мою плоть впились иглы, и я отдернула руку. На руке выступило, множество капель крови, хотя они у меня на глазах высохли и исчезли. Поверхностные раны. Но не это меня

тревожило. Теперь я поняла, что мне предстоит миновать Прогон, и у меня было ощущение, что меня ждут более неприятные сюрпризы.

— Кого-нибудь ждешь? Может, союзника?

— Нет. — Я сделала шаг вперед, потом другой. — Просто ты не такой, каким я тебя представляла.

Ну, ладно, поддельная бравада не уведет меня далеко, но мои союзники уходят из «Валгаллы», и если Тульпа действительно со мной, остановить Хантера и Уоррена он не сможет. Насколько мне известно, он не может одновременно находиться в двух местах. Это хорошо. А что плохо? То, что Тульпа со мной.

— Значит, ты ошибалась. Понимаешь, тебе пришлось напрягать воображение. А что самого плохого ты можешь увидеть в лице врага? Что самое ужасное, чем я могу оказаться?

«Мной», — подумала я, прежде чем помешать оформлению этой мысли. Хуже всего, если я встречу того, кто чувствует и действует, как я. Потому что это будет означать, что он внутри меня, он дал мне при зачатии не только хромосомы… и что поэтому я такая же, как он.

— Элвиса, — отозвалась я, слегка ускоряя ход и стараясь держаться в середине коридора. Кажется ли мне или коридор действительно сужается? — Если я увижу еще одного двойника Элвиса, я закричу.

— Очень мило. Ты и так закричишь.

Стены снова задрожали, но на этот раз сильней, и пол начал колебаться под ногами. Я собралась, как будто оседлала волну; старалась сохранить равновесие, удерживая центр тяжести поближе к поверхности. «Он играет со мной», — заключила я, чувствуя, как дрожь постепенно затихает. Я вспомнила, как Луна охотится за насекомыми с таким же смертоносным терпением и поглощенностью.

— Мне не нужно тебе говорить, что этот город слишком мал для нас обоих.

— Тогда я пойду. — И я продолжила свой путь по длинному Прогону, шаг за шагом. Тульпа, где бы он ни был, казалось, склонен был отпустить меня. Пока.

— Хоакин давно сбежал, — произнес он немного погодя. — Ну и напугала ты его. Интересно, как ты это сделала?

— Открылась, — правдиво ответила я. Разговор это хорошо. Обычно во время разговоров не бывает кровопролития.

— А почему бы не сделать того же для меня? — негромко предложил он, и на подул ветерок, как будто меня обмахивали веером. Невидимые пальцы касались моей маски, и я схватилась рукой за голову.

— Сначала ты, — сказала я, хотя не была уверена, что хочу лицезреть это существо, эту сущность — определенно, не человека, — которое было моим отцом.

— Прости, но я вынужден отказать, — раздался вежливый голос. — Я не привык к тому, чтобы мне отдавали приказы. А ты действуй, откройся.

Это был приказ. Я не послушалась и пошла дальше.

— Послушай, я никогда раньше не видела Тульпу, — говорила я, двигаясь вперед. Я преодолела уже футов десять, но они казались дюймом в этом длинном коридоре. — А, поняла. Все дело в бачках.

Никакого ответа. Может, он убрался. Может, не вернется.

Я пошла быстрей, потому что неестественная тишина была почти так же ужасна, как неестественное присутствие, но еще через пять футов флуоресцентные огни на стенах мигнули и погасли.

А может, и нет.

Я продолжала брести вперед в темноте. Нужно было идти, хотя я чувствовала, что на каждом шагу могу натолкнуться на что-нибудь, на кого-нибудь. Я сознательно подавляла растущий страх, не давая ему никаких зацепок. Очевидно, именно это ему нужно.

— Глупый маленький агент Света. Ты находишься здесь и разговариваешь со мной только из моей милости.

Иди ты. Я по-прежнему не видела этого сукина сына, но мягкая сталь в его голосе заставила меня прикусить до крови губу. Я сделала следующий шаг, чувствуя, как ускоряется пульс. Надо думать о чем-то другом, и я представила Марка и ту ярость, с какой он летал по кладбищу, бесстрашно мелькая огоньком мимо Теней. Если сосредоточу мысли на этом и на конце коридора, смогу сдержать нарастающий в груди страх. А если сделаю это, кондуит перестанет дрожать у меня в руке.

И тут засветился мой глиф. О, боже. Приятно сознавать, что теперь я в настоящей опасности. Но по крайней мере теперь я распознаю смерть за несколько шагов.

— Только посмотрите. Маленький ночной огонек. — В голосе Тульпы слышался смех. Глиф горел все ярче. — И это напомнило мне… как тебе спалось в последнее время, маленький Стрелец? Видела хорошие сны? Приятные воспоминания?

Я конвульсивно стиснула зубы.

— Я все размышляла, насколько это было мое воображение и насколько ты. Думаешь, хитро было с помощью Греты открыть мое сознание перед твоей энергией?

Носок, пятка, носок, пятка.

— Это была одна из моих лучших идей, — заявил он, и я представила себе, как он потирает костяшки пальцев. — А что касается остального, я просто использовал то, что уже было. Твои страхи, твое тщеславие, твои неврозы. Все они позволили мне точно определить, на какие кнопки нажимать.

— Но Греты больше нет. И ты не можешь снова проникнуть в меня.

Он рассмеялся, и стена задрожала.

— Путь внутрь есть всегда.

Снова это покалывание в шее и проникновение, и неожиданно я поняла, что он прав. Существо, созданное из энергии, которое одновременно может быть везде и нигде, не остановится на легкой физической пытке. О черт!

— Я знаю о тебе все, — говорил он, но сейчас его голос исходил из меня, звук ударялся о мои барабанные перепонки изнутри. Мозг пульсировал, и мне показалось, что череп у меня лопается и появляется щель от носа до линии волос на лбу. Я прижала ладонь к голове и удивилась, обнаружив под рукой не трещину и кровь, а гладкую кожу… Я громко застонала в испуге — это означает, что что-то творится у меня внутри, — но продолжала, спотыкаясь, идти вперед.

— Я помню ночь, когда кончился твой первый жизненный цикл. А когда подошел к концу второй, я послал к тебе Батча…

— Значит, ты знал, в какой момент я его убила? — спросила я, чтобы он вновь не замолчал.

— Конечно. Я почувствовал перемещение силы.

На этот раз боль не ослабевала. Горячая белая линия разрезала мой череп и провела туннель по спине к ногам. Теперь я ощущала его внутри себя, его неустойчивая энергия извивалась, как черви, и размножалась, как огненные насекомые, и мне приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не остановиться и не начать чесаться. Теперь я прошла полкоридора. И заставляла себя идти дальше.

— Впечатляет, — произнес голос, исходящий из моего горла.

Он был прав. Нашел еще один путь внутрь. Я запаниковала и дернулась в сторону. Стена пронзила мне руку микроскопическими иглами, и воздух заполнился запахом моей крови.

— У-уп! Осторожней.

— Убирайся! — Мой голос из шепота превратился в крик, я потеряла представление, откуда иду и куда. — Убирайся! Убирайся!

— Гм-м-м, — призадумался Тульпа. Боль стихла. — Нет. Вывернув запястье — мое запястье — он сбил меня с ног, я

ударилась о пол, и бесчисленные иглы не только впились в мое тело, они отрастили шипы и вонзили их в меня. Я закричала и попыталась вскочить, но не смогла. Снова упала, решив не двигаться. Я была пригвождена к полу от шеи до икр, в темноте, прорезавшейся только сиянием моего глифа, в стерильном коридоре, который медленно заполнялся моей кровью.

— Я долго ждал тебя, Стрелец. И мое терпение вознаграждено. У меня был другой противник, как и у тебя. — В его голосе звучало сожаление. — Но я знал, всегда знал, что ты придешь. Я чувствовал тебя, как чувствуют приближение нового времени года. Чувствовал, как ты растешь в мире — в моем мире, — зреешь для этого момента.

К этому времени у меня восстановилось дыхание; я поняла, что, если оставаться неподвижной, иглы колют не так больно. Тульпа больше не вещал через меня. Голос его доносился словно из микрофонов: надо мной, подо мной, по сторонам и даже с моей макушки… как будто он стоял там. Я догадывалась, что он больше любит физические мучения, чем мне показалось вначале, но по крайней мере теперь я могла думать без него в голове. Могла снова дышать. Выхода из сложившейся ситуации я не видела, зато обнаружила ошибку в его словах. И сказала ему об этом.

— Ты не знал.

Черви снова задергались. Мягкое вещество в голове закружилось.

— Я знал, когда ты вошла в это здание. В эту жизнь. В этот проклятый мир!

— Нет. — Я рассмеялась, хотя шипы впились мне в шею. — Не знал.

Должно быть, он ощутил искренность моего отрицания, потому что пол задрожал и погасшие лампы задребезжали в своих гнездах. Я догадалась, что он не может одновременно находиться в двух местах. Он либо размещается во мне, либо манипулирует окружением, но делать сразу и то и другое не может. Даже воображаемые существа имеют ограничения. Полезная информация.

— Я точно знаю, где ты! Ты пахнешь сладкой пустынной мятой и соком кактуса, горящими розами и свежесмолотой гвоздикой.

Я поморщилась: каждый шип выпустил из меня еще немного крови.

— Это мои духи, — заявила я, стискивая зубы. — Их можно купить в «Мэйсиз».[57]

— И острый язычок. Только еще один человек обладает всем

этим.

Не спрашивайте, почему я это сделала. Может, потому, что сарказм, за который меня всегда бранил Ксавье, был моей единственной защитой. Казалось, он действует на это холодное, отлично себя контролирующее существо, которое ничего не боится. Поэтому я негромким голосом всадила в него свой шип. Решила, что все равно умирать.

— О, и ты и ее хорошо знал, верно?

Иглы неожиданно исчезли, их вырвали из моей плоти. Пол наклонился, я взвизгнула, и меня швырнуло на стену. На этот раз я смогла освободиться и быстро встала на четвереньки. Схватила кондуит, различимый в свете моего глифа, но сделала это слишком поспешно, споткнулась и снова удалилась о стену. С ватной головой я выпрямилась и пошла.

— Ты так хорошо ее знал, что она дважды проникла в твою организацию, а ты ничего не заподозрил.

Впереди и сзади по коридору начали взрываться лампы. Осколки стекла падали мне на голову. Я пригнулась и сосредоточилась на движении. Я свободна и, что бы ни произошло, должна идти вперед.

— Я спал с твоей матерью!

— Эх вы, мужчины, — произнесла я в наступившей тишине. — Не понимаю, почему вы всегда считаете, что это дает вам какие-то преимущества, какую-то власть. Давай будем честны, ладно? Только между тобой и мной. Моя мать? Да это она спала с тобой.

Вокруг меня завертелся вихрь, такой сильный, что высосал воздух у меня изо рта, горла, легких. Глаза даже под маской приклеились изнутри к векам, и я почувствовала, как сердце в груди скачет, как испуганный воробей. Потом вихрь начал стихать. Печень и легкие горели. Во рту как будто возник вакуум. Из горла вырывался странный звук, как от рвущейся бумаги. Подобно младенцу в чреве, я забыла, как дышать.

Центр вихря переместился, и меня понесло по Прогону. Я головой приложилась о стену и упала, на спине лопались пузыри. В каждом позвонке пылала боль, слышалось гудение. Это могли гудеть уцелевшие лампы, если бы загорелись, но я так не думала. Ветер пришел снова, на этот раз из моего черепа, но сейчас внутри меня никого не было. «Может быть, — тупо подумала я, — это звук, который производят мягкие ткани, разрываемые новыми трещинами». Кровь заполнила рот, я подавилась ею, язык вывалился, и меня вырвало.

Ветер неожиданно стих, словно повернули выключатель. Прогон в тусклом свете казался пещерой. Тишина оглушала.

Обычно проходит какой-то период, прежде чем начинают ощущаться раны. Адреналин и шок от того, что остался жив, временно притупляет чувства. Но не на этот раз. Руки и ноги у меня тряслись, внутренности словно вывернули наизнанку, и я была уверена, что у меня от удара о стену вывихнуто правое плечо. Я закашлялась, изо рта снова ударила кровь фонтаном, как у мраморной античной статуи на красочной торговой площади где-нибудь в Европе. Почему-то от этой мысли я захихикала. Кровь забулькала в носу, и я засмеялась еще сильней.

— Кто ты? — Слова звучали как-то неуверенно. Я с удивлением заметила, что у Тульпы дрожит голос. Подняв голову, я подумала об этом… и с новым приступом кашля поняла, что, по его мнению, я уже должна была умереть. Это был его прощальный выстрел, и дьявольски хороший выстрел… но только я выжила.

Я открыла рот, но не могла перестать смеяться. Смех и кровь влажными сгустками вылетали у меня изо рта, горячий металл на время лишил меня дара речи.

— А вот это… это тебе следовало знать, — наконец смогла я произнести, вытирая слезы с глаз, чувствуя повсюду липкую влагу. Я выплюнула большой сгусток на чистый пол и посмотрела на потолок. Вероятно, большая потеря крови сделала меня слегка тронутой, но я решила, что могу оставить за собой последнее слово. Какого дьявола? Если это событие должно быть записано в истории Света и Тени, я хотела уйти великолепным, пусть и кровавым способом. — В конце концов ведь это ты создал меня.

Мертвая тишина.

«Так оно и есть, — поняла я. — Он создал меня, и это снова спасло мне жизнь. Он был так настроен на уничтожение своей противоположности, своего врага, что не понял, что враг его собственной крови. Так что, возможно, я и не умру».

— Интересно, правда? — Я неуверенно подняла одну руку, второй держась за стену, чтобы оставаться в стоячем положении. Не обращала внимания на красные отпечатки, которые я оставляла на стене, украшая ее причудливым кровавым узором, потому что определенно чувствовала себя лучше. Более здоровой. Гораздо более сильной. — Интересно, что происходит, когда творение становится Творцом. Когда ты не просто Тульпа, а отец? А что дальше?

Было так тихо, что я могла бы подумать, будто он ушел. Почти.

— В чем дело, папочка? — прошептала я, зная, что он слышит меня так же отчетливо, как если бы я кричала на всю «Валгаллу». Я наклонилась, меня тошнило, но я стояла. — Язык прикусил?

— Кайрос! Первый знак Зодиака?.. Не может быть!

— Не может? Ты говоришь, что я пахну, как она, но на кого это еще похоже?

Но это правильно. Агент не может ощущать собственный запах. Оказывается, даже Тульпа не может.

Я снова двинулась к далекому выходу и, продолжая спотыкаться, ощущала, как растет его смятение.

— Ты послал Тень за собственной дочерью, — сказала я, помогая ему разобраться. — Приказал изнасиловать, избить и убить, когда мне было всего пятнадцать лет. Пятнадцать! И я бы умерла. Если бы не была твоей дочерью. — Я распрямилась. — Ты не испытывал те мгновения, до того как я превратилась в груду костей и крови на земле. — Голос мой стал сильней. Я поняла, что он не сможет убить меня, пока не решится убить часть самого себя… но эту маленькую тайну я не собиралась ему раскрывать. — Ты считаешь себя всеведущим. Сидишь, как бог, в своей башне, совершая свое правосудие и посылая разрушения, как тебе вздумается. Выслеживаешь агентов Света, стремясь уничтожить их и этот город. Но ты не всеведущ. Ты не всесилен, хотя и вездесущ.

К этому времени я была в десяти футах от двери и шла почти нормальным шагом. Моя рука уже легла за дверь, когда я услышала сзади голос.

— Подожди!

Сила ворвалась в меня вместе с этим словом; она массировала мои органы, и раны мои мгновенно исцелились. Плечо без труда встало на место, синяки исчезли. Теперь я понимала, как личность — или неличность — способна привыкнуть к такой силе.

— По крайней мере покажи мне свое лицо.

Я не сняла маску.

— Посмотри в зеркало.

Он попытался еще раз.

— Ты обратила внимание, как я легко могу тебя излечить?

Я улыбнулась.

— Я бы все равно выздоровела.

— Но я могу сделать больше. Присоединись ко мне, я дам тебе больше. Я колебалась.

— Больше чего? Силы, денег, статуса?

— Я могу дать все. Сделать все. Но взамен…

— Мою душу, верно? — с усмешкой спросила я. — Хочешь, чтобы я присоединилась к Тени, оставив Свет?

— Это было предсказано! — торжественно изрек он.

— Точно как в «Звездных войнах».

— Ну давай поговорим, — торопливо произнес он.

У него не только нет лица, нет и бесстрастной маски. Но ум есть.

— Давай договоримся. Скажи мне твое самое горячее желание, и я докажу, что могу все.

— Хорошо, — согласилась я, и в коридоре стало тихо. Тульпа словно затаил дыхание. — Я хочу, чтобы ко мне вернулись мать, сестра и моя невинность. Я хочу возвратить свою жизнь.

С тяжелым вздохом у моего лица засвистел ветер. Мы оба знали, что он не в состоянии это совершить.

— Я могу дать тебе новую жизнь, лучшую. Ты займешь высокое место в моей организации.

Я сдула липкий клок волос с лица и покачала головой.

— Нет, папа. Мне нравилась моя жизнь, и знаешь что я сделаю? Я верну ее себе сама.

Я дошла до двери. Надавила, и она легко открылась. Полуобернувшись, я посмотрела на Прогон, полосу окровавленного и изорванного линолеума, по которой прошла, каким-то образом оставшись живой.

— В следующий раз — а он точно будет, — я убью Хоакина.

— Можешь попытаться. — Голос его снова звучал низко и собранно, но дрожал от возбуждения — думаю, Тульпа много лет такого не испытывал, — и я подняла подбородок, радуясь, что к этому причастна.

— Но на этом я не остановлюсь. — Я помолчала в ожидании реакции, но ее не было. Тульпа теперь снисходительно относился ко мне, зная, что я его дочь, И Свет и Тень. Кайрос. — Я собираюсь тренироваться, сражаться, изучать нашу мифологию, пока не найду способ уничтожить весь Теневой Зодиак. Я собираюсь взять в свои руки город и собственную жизнь. А потом…

Легкое колебание, звуки дыхания.

— Что потом?

— Потом я приду за тобой. — Я распахнула дверь, и последовавший затем порыв, который ее захлопнул, не был смертельным, он должен был только шокировать. Но не сделал даже этого.

«Он бьет лишь для видимости», — подумала я с улыбкой. И это все, что мне сейчас необходимо знать.

— Пока, папуля, — сказала я и вышла из Прогона и «Валгаллы». В новый день. В утро. В Свет.

Хантер стоял на Бульваре, поджидая, пока я умоюсь в большом красивом фонтане у главного входа в отель. Ванесса, несмотря на запрет Хантера, направилась за нами, и он передал ей Уоррена. Теперь они, вероятно, где-нибудь в безопасном месте,

где до вечера, до времени перехода, их никто не обнаружит.

Я не чувствовала поблизости никого: ни из Света, ни из Тени, и после того как Хантер в очередной раз заверил меня, что камеры службы безопасности сюда не достигают, я сняла с головы щит и протянула ему. Провела пальцами по влажным волосам.

— Хоакин ушел, — произнес он. — Мне жаль.

Я подняла лицо к небу, глубоко вдохнула утренний воздух.

— Все в порядке. Я его найду. Я запомнила его запах.

— И наоборот, — напомнил он, когда мы двинулись прочь от отеля.

Я пожала плечами, ощущая в правом остаточную боль. — Конечно. В следующий раз я буду настороже.

— Да. — Это прозвучало почти нежно. — Я верю в это.

Я оглянулась на человека, который так верен долгу, что готов был ради него принести себя в жертву. Его внешность не изменилась, но теперь, когда мы разделили ауреоль и попробовали душу друг друга, я видела его в другом свете. Я поняла, что его целеустремленность — реакция на страх, как и его пугающее самообладание. И хотя я не могла представить, чего может бояться такой человек, как Хантер, я по крайней мере знала, какие чувства он испытывает под своим внешне рассчитанным фасадом. Может, со временем разберусь получше.

— Прости за то, что ударила, — сказала я немного погодя.

— Ты извинилась перед тем как ударить, не помнишь? — ответил он. И потер голову. Опухоль, однако, уже спала, так что я не чувствовала угрызений совести. — Ты, наверно, рассчитывала, что кто-нибудь из работников отеля найдет меня без памяти у лифта, прежде чем ты появишься, верно?

— Таков был план, — подтвердила я.

— Плохой план.

Откуда мне было знать, что он уже позаботился о кассетах с записями службы наблюдения?

— Ну, я не могла тебе позволить отдать жизнь ради меня. К тому же нам по-прежнему нужен кто-нибудь внутри. — Я помолчала. — Этого хотела бы моя мать.

Но мы оба знали, что я делала это не ради матери.

— Что ж. — Он переступил с ноги на ногу. Впервые за все время нашего знакомства он выглядел смущенным. Не вполне уверенным в своем великолепном обличий. — Спасибо.

Я осмотрела улицу, улыбаясь про себя, и негромко спросила:

— Как зовут твою дочь?

— Лола, — ответил он так же негромко.

У меня было ощущение, что он редко говорил о ней.

— А, так вот кто такая Лола. — По какой-то причине я

решила, что Лола, о которой он упомянул в зале для тренировок, — та, о которой никто не знал, — была его возлюбленной.

— А твою?.

Я взглянула на него. Утреннее солнце, светящее в спину, превратило его волосы в светлый ореол, и Хантер выглядел почти святым.

— У меня нет дочери.

— Есть.

Я покачала головой.

— Нет. Я…

Он прервал мои возражения одной короткой фразой:

— У нас наследственность передается по женской линии. Кровь отхлынула от ног, у меня вырвался вздох.

— О черт!

У меня родилась девочка. Сейчас она в своем первом жизненном цикле,

— Черт, — повторила я.

— Не волнуйся об этом. Мы выясним…

В панике я покачала головой, сильней и сильней.

— Никто не может узнать. Никто не знает! И ты тоже…

— Ш-ш-ш. — Хантер положил руку мне на плечо, и я замолчала. — Я сказал: мы выясним…

Я кивнула, глядя себе под ноги. Он прав. Есть еще время. Я решу, что делать, — Хантер мне поможет, — и найду возможность сохранить тайну. Я оглянулась на него, снова кивнула, и когда он улыбнулся мне в ответ, я как будто увидела его впервые. Из узла волос выбилась тонкая прядь, и я немного погодя протянула руку и поправила ее. Я не забыла мягкость его губ, как они поддавались моим губам; прониклась воспоминаниями — частью этого яростного, сложного человека. Воспоминаниями, которые теперь стали и моими.

— Еще раз спасибо. — Он накрыл мою руку своей.

— Не стоит.

— И больше так не делай.

— А нельзя ли вернуться к части «спасибо»?

Мы оба улыбнулись, смирившись с тем, что делает жизнь. Мы походили на кошек, купающихся в утреннем свете, наслаждаясь свежестью дня, проверяя состояние тела и конечностей; каждый из нас искренне удивлялся тому, что еще жив, и от этого кружилась голова.

В таком состоянии нас нашел Бен Трейна. Потягивающихся, улыбающихся, счастливых. Я мгновенно протрезвела, увидев его.

— Что ты здесь делаешь?

— А где твое «здравствуй»? — поинтересовался Бен. Выглядел он лучше, чем когда я встретила его в прошлый раз. По-прежнему очень худой, но теперь не в отчаянии, и глаза не дикие. Я попыталась прочесть его ауру, но слишком устала от того, что испытала в Прогоне, и видела только Бена.

— Здравствуй, — сказала я. — Что ты здесь делаешь?

Голос мой прозвучал слишком резко, вопрос неуместный, но Бен, на мой вкус, находился слишком близко к «Валгалле» и ее все еще свежим ужасам. И определенно слишком близко ко мне. Я попыталась подавить эмоции, изменить выражение лица, прежде чем что-нибудь просочится.

— Вы, должно быть, Бен? — Хантер бросил на меня проницательный взгляд.

— Верно, — промолвил он чуть погодя. — Трейна.

— Хантер. Лоренцо.

Они обменялись вежливым рукопожатием. Хантер глубоко вдохнул. Я предупреждающе кашлянула, что его только позабавило.

— Отвечая на твой вопрос, — произнес Бен, снопа поворачиваясь ко мне. — Я слышал сообщения о странных происшествиях здесь сегодня утром, какой-то взрыв и ни ч го-то подобное. И решил полюбопытствовать.

— Значит, снова в полиции?

Он отрицательно качнул головой — один резкий рывок.

— Один из парней мне позвонил. Он в курсе, что я уже несколько месяцев… интересуюсь этим местом.

Значит, он по-прежнему расследует мою смерть. Ищет ответа, хотя не может даже правильно задать вопросы. Я не знала, быть ли встревоженной или благодарной.

— Во всяком случае не хочу вас задерживать, ребята. Вы, очевидно, всю ночь не спали. Были на концерте или еще где-нибудь?

— Еще где-нибудь, — улыбнулся Хантер.

Бен с отсутствующим видом кивнул и наклонился, чтобы вежливо поцеловать меня в щеку.

— Оливия.

В воздухе затрещало, между нами проскочила искра. Я покачала головой.

— Фью! Слишком много статического электричества. Должно быть, действительно где-то здесь произошел взрыв.

— Да. — Бен схватился за лицо и попятился, нахмурившись. — Ну, пока.

Я прикусила губу, глядя ему вслед.

— Статическое электричество? — осведомился немного

погодя Хантер. Я улыбнулась, чего он и добивался. — Скорее химия, я бы сказал.

— Просто порожденная прикосновением ностальгия. — Я отвернулась. — Майках объяснил мне это. С запахом Бена связаны приятные воспоминания, и моя лимфатическая система реагирует на них. Вот и все.

— У-гм.

— Это так. — Я посмотрел ему в глаза. — Химию Бен Трейна ощущал только с моей сестрой. С Джоанной.

Хантер отвел взгляд, его лицо оставалось непроницаемым.

— Что ж. Она, должно быть, тоже была настоящей женщиной.

Я кивком приняла этот комплимент и его молчаливое согласие хранить мою тайну.

— Да, была.

Мы снова двинулись, и Хантер удивил меня, обняв за плечи и прижав к себе.

— Идем, Оливия Арчер. Похоже, мы проживем еще день, борясь с преступностью.

— У-у-уп!

Я склонила голову ему на плечо и позволила увести себя подальше от Зала Богов, пошла за ним в свежий воздух рассвета, а город сверкал вокруг той же надеждой, с какой он просыпается каждое утро. Мы прошли по «Полосе», миновали «Тропикану» и «Фламинго», «Спринг Маунтин» и «Сэндз», «Сахару» и «Чарльстон», направляясь туда, где лежат кости старого города. Я приветствовала льющийся с неба свет, купалась в прохладном воздухе и радовалась теплой руке Хантера и его успокаивающему присутствию. Я была счастлива оказаться здесь. Быть живой. Быть Оливией,

Счастлива, хотя все еще чувствовала, как горячий взгляд Бена прожигает мне спину.

30

— Ты на самом деле назвала Тульпу папулей? — спросил Хантер, держа последний выпуск комикса. Я покосилась на название. Оно изгибалось на обложке большими серебряными буквами. «Стрелец, агент Света».

Я купила его накануне для Уоррена: подумала, что будет читать, поправляясь. Теперь мои знания в области комиксов были гораздо глубже, чем в тот первый день. Карл буквально прилип ко мне, схватил меня за подбородок рукой с пушком, вертел из стороны в сторону, будто бы для того, чтобы рисунок вышел лучше. Мне наконец пришлось заявить, что я прострелю ему нос, если он не прекратит. Близнецы засыпали меня вопросами об убежище и моем щите, и даже Себастьян застенчиво попросил показать лук и стрелы. Зейн, однако, лишь кивнул и сообщил, что моя карточка скоро будет готова.

— Ты, должно быть, при своем нездоровом чувстве юмора наслаждаешься, — сказала я Уоррену, довольная тем, как он с улыбкой листал комикс. Он уже неделю лежал в больнице, и нормальный цвет лица только начал к нему возвращаться. Тем не менее Майках считал, что ему повезло. Аякс взрезал ему внутренности не кондуитом, а оружием смертных. «Кондуит, — сказал Майках, — убил бы Уоррена, на вкус Аякса, слишком быстро».

Но тут появилась я, Аякс умер, а Уоррен выздоравливает. Тем временем последние выпуски комиксов, как с нашей стороны, так и со стороны Тени, твердят о том, что враг отступил, зализывая раны; теперь, когда Грета больше не помечает нас, ему приходится разрабатывать новую стратегию.

И среди агентов Света есть новый Стрелец.

— Ленч, — объявила Чандра, входя в палату с нагруженным подносом. Она старательно не смотрела в мою сторону — как и всю последнюю неделю. Конечно, это Чандра, подстрекаемая Гретой, сунула той ночью газету мне под дверь и извинилась, как непослушный новобранец в ожидании наказания. Я охотно, хотя и сдержанно приняла ее извинения, но это настроило ее еще более враждебно.

Такое отношение дополнительно обострило мое быстрое и единодушное признание всем отрядом. Чандра больше не голосовала против и не говорила о моем сходстве с бродячими агентами, но продолжала вслух в присутствии остальных высказывать сомнения в подлинности моей личности. С тех пор как Грета объявила, что я не настоящая Оливия Арчер, все

посматривали на меня с любопытством. «Но это, — решила я, — гораздо лучше подозрительности».

— Замечательно. — Уоррен отложил комикс в сторону. — Надеюсь, лазанья, шоколадный торт и отличное пино.[58]

— Овсянка, вода и нарезанные свежие овощи.

— Черт побери!

Это вызвало у Чандры улыбку, но, быстро проведя рукой по лбу, она только довольно кивнула и вышла, не произнеся ни слова.

— Она по-прежнему не разговаривает со мной.

— Дай ей время. В глубине души она хороший человек. — Он занялся овсянкой, а я задумалась, какова эта глубина. — Тем временем первый знак Зодиака исполнен, и наследие Стрельца растет. Ты стала очень популярна в мире сверхъестественного. И как тебе это?

Я пожала плечами и вспомнила, как заверяла его, что не хочу быть частью этого мира. «Супергерой, — усмехнулась я. — Урод среди уродов».

— Легко идеализировать издали. Большинство тех, кто это читает, — я показала на комикс, — меня вообще не знают.

— Рена тебя знает. Она считает, что солнце встает и садится на твоих плечах.

У меня дернулась бровь.

— Заметил ли ты, что Река не может судить о таких пещах, как солнце.

— Она очень верно оценивает людей.

С этим приходилось согласиться. Рена поверила в меня, когда никто больше не верил. Без нее я не смогла бы доказать виновность Греты. И за это и я, и Уоррен перед ней в долгу.

Уоррен снова обратился к комиксу, а я некоторое время наблюдала за ним. Грета сказала мне, что в прошлом Уоррена что-то. превратило жестокость в добродетель, и теперь, зная, что это. было — человек, лежащий передо мной, убил собственного отца, — я гадала, что еще предстоит ему сделать, чтобы доказать, что он поступил тогда правильно. Однажды он уже пожертвовал всем, ради отряда. Отряд для него больше, чем любой отдельный боец. Мне нравился Уоррен… но в будущем не стоит об этом забывать.

— Объясни мне кое-что, Уоррен, — попросила я наконец.

— Если смогу.

— Ты. знал, что в убежище был предатель? После долгой паузы он покачал готовой.

— Нет. Не мог в это поверить. Не хотел поверить.

— Почему же тогда для тебя было так важно сохранить от

всех в тайне мою подлинную личность? — спросила я, качая головой. Это меня удивляло. И даже иногда заставляло предположить, не он ли истинный крот. — Почему не хотел открыть это, если доверял всем?

— Потому что твое появление было последним предсказанием Теклы перед смертью Страйкера. Она знала, что-то. — Уоррен снова опустил голову на подушку, лицо его исказилось от боли. Чувство вины заполняло его, окутывало волной цвета горчицы, густой, как смола, с запахом, острым, как слезоточивый газ. — Не знаю, предвидела ли она его смерть и собственное заключение, но она взяла с меня клятву никогда не раскрывать твою личность, когда ты будешь найдена. И я не хотел нарушать свое обещание.

«Это имеет смысл, — подумала я, медленно кивая. — Если бы Грета раскрыла мою подлинную личность, вскоре об этом узнал бы и Тульпа».

— Ну хорошо, но я все равно кое-чего не понимаю. — Я показала на свою грудь, где недавно билось второе сердце. — Почему я перестала ощущать тебя здесь? Может, метка, которую дал Майках, выветрилась?

Уоррен отрицательно покачал головой.

— Как только я узнал, что ты идешь ко мне, тебе больше не было необходимости ощущать мою боль. Это только ослабило бы твою способность действовать. А тебе для предстоящего дела нужна была вся сосредоточенность.

— И поэтому ты все взял на себя, — прошептала я.

— Я был уверен, что ты не заставишь меня долго ждать. — Он пожал плечами, но в этом движении был целый мир боли. И мне захотелось снова убить Аякса. Заметив это, Уоррен сменил тему.

— А что ты думаешь о Текле?

Я не могла сдержать улыбку. Он был осведомлен о моем мнении. Со времени своего возвращения я почти все время, когда не сплю, провожу с нею, внимая ее рассуждениям о «придурках», которые гадают по ладоням или чайным листьям, вместо того чтобы взглянуть в небо. Я пыталась вслушиваться в ее лекции о планетах и домах, элементах и полярностях, меридианах и углах, но это было нелегко. Она часто использовала иносказание, имела привычку посреди разговора начинать что-то бормотать про себя и — что было особенно трудно — в начале каждого часа оплакивала смерть Страйкера. Я также ловила ее на том, что в самые неподходящие моменты она разглядывает меня, тревожно смотрит мне в лицо, как будто читает там что-то интересное и, возможно, опасное. Тем не менее она была мне очень интересна.

— Она рассказывает мне о моей матери.

Лицо Уоррена стало серьезным, он горько улыбнулся.

— Тут о многом можно рассказать.

— Ты… — Я помолчала и начала снова: — Ты считаешь, я когда-нибудь найду ее?

— Со временем. Если это будет безопасно. И если Зои захочет быть найденной. — Я уловила колебания в его голосе и приподняла бровь. — А пока я считаю достаточным, что ты нашла себя.

Я кивнула.

По-прежнему есть то, чего я не знаю, места, куда я не могу проникнуть — например, в компьютер Оливии, ее подлинный мозг, — но есть передо мной другие двери, открытые.

— Спасибо, — сказала я Уоррену. — За это. И вообще — за все.

Ответить ему помешало появление Грегора. Тот показался в дверях и помахал мне своим амулетом — кроличьей лапкой.

— Всякий, кто хочет перейти со мной, должен поторопиться. Моя смена через час.

Грегор выздоравливал быстрее Уоррена и уже вернулся к своему такси, сражаясь в Городе Греха со злом с помощью своих сверхъестественных свойств.

— Мне пора, — произнесла я и поднялась.

Уоррен знаком отпустил меня, помахав в воздухе рукой, как ни в чем не бывало. Как будто на его глазах несколько мгновений назад не было слез.

— До свиданья. Оливия, будь осторожна.

— Я всегда осторожна. — Подавив неожиданный приступ кашля, я улыбнулась ему от двери. — Увидимся по ту сторону.

Лас-Вегас, мой Вегас, имеет два лица. Есть неистовое карнавальное лицо «Полосы», гибкое, кричащее и яркое, принимающее сорок миллионов туристов в год и старающееся осуществить мечты каждого из них… за определенную цену. Но есть лицо маленького города в пустыне, пыльное, в морщинах старости, безыскусное, без всяких претензий и без потребности в них… лицо города, в котором я выросла. Одно — сплошной блеск, второе — нагота, но я вижу оба лица, светлое и темное, как одну большую чистую грифельную доску, словно голубую полоску неба, изогнувшуюся над долиной. Вы сами можете написать свою судьбу на этой безжалостной доске, и мне это нравится в моем городе. Я понимаю также, почему сюда приезжают другие, чтобы развлечься среди блеска и позолоты, шума и огней, разговоров, криков, пения и смеха, дыма и выпивки… и забыть обо всем, кроме кричащих стен казино.

Будучи местной жительницей, я всегда отдыхала в своем

доме. Будучи одиночкой из-за обстоятельств и профессии, я делала это обычно в своей фотолаборатории. Но теперь мой дом больше не мой, а моя фотолаборатория, где я проводила часы за проявителями, закрепителями и ослабителями, как туристы за зелеными столами, превратилась в печальное воспоминание о человеке, которым я больше не могу быть. Поэтому, уйдя от Уоррена и из убежища, я решила заняться тем же, что люди в долине делают уже сто лет. Мне необходимо было создать себе новый дом. Ведь в конце концов в Вегасе все возможно, верно?

Но сначала нужно достойно попрощаться с Оливией.

— Ты уверена, что хочешь это сделать, дорогая? — Шер смотрела на меня поверх своих темных очков, и ее голубые глаза были полны заботой обо мне. Она снова вела, и поэтому я головой показала на дорогу, с трудом глотнув, хотя это не единственная причина моей напряженности.

— Я и так не приходила слишком долго.

Мы свернули на длинную подъездную дорогу к черному входу на кладбище и ехали молча, пока не оказались на стоянке. Я выглянула в окно на далеко протянувшиеся газоны; в глазах все начало расплываться, и теперь памятники на могилах не соревновались в убранстве, а цветы, принесенные живыми, не казались такими пестрыми на фоне зимнего не-ба. Я крепче сжала собственный букет и подумала, побывала ли здесь моя мать.

— Оливия?

Я вздрогнула. Шер назвала, меня по имени.

— Да. — Я помотала головой, чтобы она слегка прояснилась. — Иду.

«Я могу это сделать, — говорила я себе. — Я сделаю это. Выйду из машины вместе с лучшей подругой своей сестры, пройду по дорожке в обуви сестры и наклонюсь с цветами к могиле сестры. На которой написано мое имя».

— Кто это? — поинтересовалась Шер, когда я наконец смогла идти.

Я ладонью заслонила глаза от солнца, посмотрела, куда она показывает, и вздохнула. Даже на расстоянии я узнала его.

— Это Бен Трейна.

Он сидел, скрестив ноги, у основания могильного камня и мог бы сам сойти за статую, если бы ветер не выдавал его, ероша темные завитки, спускавшиеся на шею.

— Бедняга выглядит таким одиноким, — заметила Шер, и так оно и было. Но он при этом казался собранным и решительным.

— Ты говорила, что он выглядит умственно нестабильным.

Она прикусила губу, разглядывая его, потом слегка улыбнулась мне.

— Я преувеличила. Пойдем. Составим ему компанию. Он услышал нас, повернулся и тут же поднялся, увидев, кто идет. Я представила их друг другу, они с Шер пожали друг другу руки, и наступило долгое молчание. Мы стояли, глядя на могилу.

— Снова в полиции? — произнесла я, чтобы что-то сказать.

— Ты меня уже спрашивала. — Его это словно позабавило, а это шаг вперед от раздражения.

Я пожала плечами.

— Ты был хорошим полицейским.

— Ну, а теперь буду хорошим пи ай.[59] Мои брови взлетели.

— Правда?

Он кивнул.

— Решил работать самостоятельно. Буду брать только те случаи, которые мне интересны, и расследовать их до конца.

Я стиснула зубы, решив промолчать. Если заговорю, то, вероятно, начну спорить над могилой сестры. Но я была обеспокоена. Я знала, что он терпеть не мог ограничений в действиях полиции, хотя знала и то, что он ни разу не перешел черту морали, даже после моей смерти. Он но-прежнему ищет Аякса, хотя теперь это какая-то мрачная надежда, а не тот яростный гнев, который так пугал меня.

Но каким человеком он будет без полицейского значка? Кем станет без своей «второй пары глаз», помогающей определять зло, которое он видит? Как будет искать? Как сделает свой мир терпимым?

— О, частный детектив? — Шер разорвала цепочку моих мыслей. — Как Магнум,[60] правда? Мне нравился этот парень. Настоящий мужчина. Вы немного ниже его, милый, но, наверно, гут пет строгих правил насчет роста. А вам тоже придется писать в баночку в засаде? Интересно, смогла бы я это делать?

Она продолжала в том же духе, и я бы уже начала раздражаться, если бы к этому времени не узнала ее лучше. К тому же чувствовала, что она нервничает. Телефон прервал ее рассуждения на тему о том, как здорово было бы иметь сумочку со скрытой камерой и сможет ли Гуччи изготовить такую. Мы с Беном улыбнулись друг другу, когда она ответила на звонок. Несколько секунд слушала, потом кивнула мне.

— Мама приглашает тебя на ужин на следующей неделе. Или на ленч. Она познакомилась с замечательным мужчиной для тебя, так когда ты сможешь прийти?

«Более, — подумала я, — никогда».

— Ну… может, в четверг.

— Я договорюсь. — Шер отошла, устраивая мое свидание. Я вздохнула, но вспомнила об Аяксе и решила, что мое нежелание

слишком уж сильное. Хуже того, что было, Шер и ее мама сделать не могут.

— Хочешь посидеть? — предложил Бен, когда голос Шер стих вдали.

— Пожалуй.

Я осознала, что сжимаю букет, и заставила себя расслабиться. Ладони позеленели, стали липкими от сока свежесрезанных стеблей.

Я положила свой букет рядом с уже лежащими цветами; мои, купленные в магазине, казались почти искусственными рядом с большими ароматными соцветьями, которые — я была абсолютно уверена — Бен вырастил сам. Не знаю, сколько мы в тот день просидели перед могилой, перед камнем с моим именем, позволяя ветру гладить наши щеки, а холоду от земли проникать в тело.

— Как отец? — неожиданно спросил Бен. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, о ком он говорит. Я уже перестала думать о Ксавье как о своем отце.

— Хорошо, — промолвила я, про себя добавляя: «Невежественный, высокомерный, презрительный и не подозревающий о судьбе, которую я ему уготовила». — Все хорошо.

Мы снова помолчали.

— Я все вспоминаю, — наконец произнес Бен, — то время, когда Джоанна прогнала того мальчишку из школьного автобуса. Помнишь это?

Я кивнула. Как я могла забыть? Он таскал мою сестру за волосы и заставлял ее плакать. Называл Оливию дразнилкой и грязнулей. Ей тогда было только десять.

— Я так рассердился на Джо за это. Сказал ей, что я должен драться с парнями. Я должен защищать своих подруг. И обещал, что буду защищать вас обеих.

И мальчик, который взял на себя эту обязанность, сейчас стал мужчиной, несущим на своих плечах вину. Я опустила голову и посмотрела на его руку, лежавшую на земле рядом с моей. Я помнила, как эта рука ласкала мое тело, и мне отчаянно захотелось коснуться ее, даже если это раздавит то, что еще живо между нами. Если бы можно было восстановить эту связь. Я хотела дать ему спокойствие, мир и больше принять на себя. Вместо этого я принюхалась. Почувствовала в воздухе запах серы — слабый, но полный жара и злой воли — и оставила руку на месте. И тут заметила амулет, который принес с собой Бен.

— Джоанны, верно? — Я показала на серебряную цепочку, блестевшую в солнечном свете; она висела на могильном камне.

Он кивнул.

— Она… давно не попадалась мне на глаза.

Как он ее раздобыл? Последний раз я видела ее на этом самом кладбище на шее у Аякса, который подвергал пытке сидящего рядом со мной мужчину.

— Ну… какое-то время она была потеряна. О, давай. Мне нужно знать больше.

— И ты нашел ее?

— Ее прислали мне по почте. На прошлой неделе.

На прошлой неделе? Но Аякс не мог это сделать. Я убила его за несколько дней до этого.

— Странно. — Я надеялась, что мои сомнения кажутся беспочвенными. Очень странно.

Бен ничего не ответил, и я решила, что следует несколько укрепить легкомысленную репутацию Оливии.

— Послушай, — сказала я, как будто только что вспомнила. — Ты отыскал парня? Того, на тюремном снимке?

— Это был снимок камерой наблюдения, — со вздохом поправил он. — Нет. Я думаю… он исчез.

Что-то мелькнуло в его глазах. Не тот взгляд, который бросил на меня Аякс в ресторане… и не улыбающийся череп. И не блеск садистской радости, который был на лице Батча в момент смерти Оливии. Но я не могла себя обманывать. Взгляд убийцы, от которого у меня внутри все перевернулось. И как неуместен он на лице Бена Трейны.

И ты сама отчасти виновата в этом.

Да, виновата. И не знаю, как это исправить.

Наконец Бен встал.

— Ну, я уже довольно давно здесь. Пора уходить.

— Хорошо. — Я кивнула, боясь показать, как отчаянно мне хочется, чтобы он остался.

— Нет желания… поесть чего-нибудь или еще что?

Я заставила себя ожесточиться, почувствовав уязвимость в его голосе, и покачала головой.

— Не могу. Я пришла с Шер. — И, чтобы не было недоразумений, добавила: — А потом у меня свидание.

— Конечно. — В его голосе не было горечи.

— Может, как-нибудь в другой раз, — пообещала я, зная, что этого никогда не будет.

— Может быть, — легко согласился он, тоже зная это. Он ушел, и спустя несколько мгновений, когда я была уверена, что он меня не видит, я повернулась и посмотрела ему вслед. Моя вторая смерть изменила его. И хоть его внезапная свирепость и стремление отомстить были мне неприятны, я не собиралась от

него отказываться. «Потому что, — думала я, — Боже, как может любить этот мужчина!»

— В любви всегда есть безумие, — процитировала я, глядя, как он остановился и обменялся несколькими словами с Шер. Они жались друг к другу на зимнем ветру. Стояли так, словно худшее время года уже пережили и теперь просто ждут его окончания. Мои смертные. Я буду защищать их обоих до смерти.

Я обратилась к могиле.

Памятник из розового мрамора, по его поверхности пробегают черные жилы. Я бы такой для себя не выбрала, но Оливии он подходит прекрасно.

— Прости, что так долго не приходила. Я была… занята. Прошло три месяца со дня ее смерти. Три месяца, как я приняла ее личность. И у меня действительно впервые появилась возможность перевести дыхание. Интересно, чем бы сейчас занималась, если бы всего этого не произошло, Оливия была бы жива, а я оставалась Джоанной Арчер.

Вероятно, все еще бродила бы в тени. Фотографировала каждого мужчину, покосившегося в мою сторону.

Я вздохнула, не уверенная, что желала бы это вернуть. Конечно, я хотела бы, чтобы Оливия была жива, но жизнь в ее облике заставила меня сделать две вещи: отбросить фотоаппарат, который я всегда использовала как щит, и снять маску той женщины, какой я себя считала. И под этой маской я обнаружила то, что похоже на Оливию. Она — не моя противоположность во всем, что важно. Она не слаба и уязвима, как я когда-то считала. Признав это, я нашла себя в ней. Это по-прежнему я, но еще больше я.

И я сказала Оливии:

— Я похожа на тебя больше, чем могла когда-нибудь подумать.

Какой странный мир, в котором женщина должна потерять себя, чтобы найти. Но последние месяцы научили меня, что я не просто кульминация прошлого опыта; я гораздо больше, чем может свидетельствовать мое физическое тело и сила.

И кто же я теперь?

Казалось, все стремятся ответить на этот вопрос. Но, как я объяснила Грете, ответ зависит от того, кто смотрит. И если бы кто-нибудь взглянул на меня сейчас, то увидел бы красивую женщину, склонившуюся к могиле сестры; ее чувства характеризуются тем, как она нервно сжимала букет, как согнулись ее плечи под натиском ветра. Она выглядит как женщина, которой ничего не снится.

Но.

Если бы наблюдатель глотнул того же ветра, свежего от ее свежести, возможно, он — с помощью шестого чувства — уловил бы и другую эмоцию. Не соответствующую хрупкому телу. Такую же сильную, как первобытная ярость. Которая отвергает все Тени, заменяя их Светом.

— У меня есть сны, — рассказал бы им этот запах. — И это многоцветные сны. Но оттенок их всегда алый.

notes

Примечания

1

Стрип, полоса — район Лас-Вегаса, где расположены самые известные казино и отели. — Прим. перев.

2

Икабод Крейн — герой рассказа Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине». Отличался огромными ушами, носом и длинными руками. — Прим. перев.

3

Доктор Филлип МакГро, известный как доктор Фил, герой популярного телешоу, посвященного вопросам психологии и психоанализа. — Прим. перев.

4

Бифштекс из мяса коровы абердин-ангусской породы. — Прим. перев.

5

Джерри Спрингер — музыкант и телеведущий таблоидного шоу, посвященного различным скандалам. — Прим. перев.

6

Разновидность бейсбола. — Прим. перев.

7

Немецкие цирковые артисты, много лет работавшие в Лас-Вегасе с тиграми и львами. — Прим. перев.

8

Крав мага — система самозащиты без оружия, разработанная в Израиле. — Прим. перев.

9

В этом диалоге герои используют цитаты из различных источников. Слова «Знание — сила» принадлежат Роберту Грину, английскому писателю XVI века. — Прим. перев.

10

Сеть магазинов-кофеен, самая крупная в мире; помимо кофе, там можно купить булочки, круасаны и т. п. — Прим. перев.

11

Героиня комиксов, выходивших с 1941 г., а также многих игровых и мультипликационных фильмов. Вместе с Бэтменом и Суперменом входит в Американскую лигу справедливости — союз непобедимых героев. — Прим. перев.

12

Чемпионат по бодибилдингу. В 2006 году проходил в Лас-Вегасе. В 70-е годы чемпионом семь раз становился Арнольд Шварценеггер. — Пром. перев.

13

Слово «Арчер» по-английски означает «стрелок из лука», «стрелец» и Стрелец как знак Зодиака. Все эти значения постоянно обыгрываются в тексте. — Прим. перев.

14

«Нейман» — сеть магазинов, где продается дорогая женская одежда, косметика, предметы роскоши и т. п. — Прим. перев.

15

Героиня романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» и одноименного фильма. — Прим. перев.

16

Малибу Кен — кукла, приятель Барби, — Прим. перев.

17

В комиксах о Супермене криптонит — вещество погибшей планеты супермена Криптона. Обладает многими необыкновенными свойствами, в частности способностью вбирать энергию. — Прим. перев.

18

Дорогие сигары, которые производятся на Кубе и в Доминиканской республике. — Прим. перев.

19

Delizio (мт.) — наслаждение. — Прим. перев.

20

Изобретенное в Японии оружие для самозащиты. Представляет собой небольшую металлическую дубинку, к которой на кольце прикреплены ключи. — Прим. перев.

21

Шведские фирмы, специализирующиеся на производстве посуды и статуэток, — Прим. перев.

Разновидность пасьянса. — Прим. перев.

23

Яд, ботулин, в очень небольших дозах используемый как лекарственное и косметическое средство. — Прим. перев.

24

«Город грехов» — комикс, действие которого происходит в вымышленном городе. Начал выходить в 1991 г. и приобрел особую популярность после выхода в свет одноименного фильма режиссеров Роберта Родригеса и Фрэнка Миллера с Брюсом Уиллисом в главной роли. Иногда используется для обозначения Лас-Вегаса. — Прим. перев.

25

«Нирвана» — музыкальная группа, сложившаяся в Сиэтле и действовавшая в 1987–1994 гг. Главным вокалистом, гитаристом и автором песен этой группы был Курт Кобейн. — Прим. перев.

26

Паксил, или пароксетин, — антидепрессант, выпускающийся с 1992 года. — Прим. перев.

27

«Южный Парк» — комический мультипликационный телесериал, выходящий с 1997 года. Южный Парк — название города в штате Колорадо, где происходит действие. — Прим. перев.

28

Вымышленное существо, персонаж фильмов «Звездные войны». — Прим. персе.

29

Джим Джонс, Джеймс Уоррен Джонс, основатель секты «Человеческий храм», «Пиплз Темпл». Это название стало синонимом массового самоубийства. В 1978 году по приказу Джонса члены секты, свыше 900 человек, покончили с собой в г. Джонстаун, в Гвиане. — Прим. перев.

30

Известная марка косметики для мужчин. — Прим. перев.

31

Капитан Чудо, Captain Marvel, — герой популярных комиксов, инопланетянин, вставший на сторону Земли и защищающий ее от различных бедствий. — Прим. перев

32

Роберт «Ивел» Найвел прославился своими прыжками на мотоцикле через различные препятствия, пропасти и т. п. Все это обставлялось как шоу и происходило, в частности, и в Лас-Вегасе. Тельма и Луиза — героини одноименного фильма режиссера Ридли Скотта, действие которого происходит в дороге. — Прим. перев.

33

Карсон-Сити — город, административный центр штата Невада, того же, в котором находится Лас-Вегас. — Прим. перев.

34

Кристалл Сваровски — драгоценный хрусталь, производимый фирмой «Сваровски» в Швейцарии. — При. перев.

35

Спортивный автомобиль производства компании «Фольксваген». — Прим. перев.

36

Аквамен — герой серии комиксов, которая начала выходить в 1941 году. Обладает способностью дышать под водой, телепатией, огромный силой и другими сверхъестественными способностями. — Прим. перев.

37

Особая разновидность комиксов, связанных с мультфильмами японского производства. — Прим. перев

38

«Мюнстеры» — популярный ситком — комедия ситуаций, телевизионный сериал, в котором рассказывается о семействе уродов, героев фильмов ужасов, живущих среди нормальных людей и понятия не имеющих, что они отличаются от соседей. — Прим. перев.

39

Вуки — волосатые инопланетяне, народ из вселенной «Звездных войн». Самый известный представитель этого народа — Чубакка, один из главных персонажей фильмов Лукаса. — Прим. перев.

40

Известный французский дизайнер женской обуви, прославившийся кожаными сапогами красного цвета. — Прим. перев.

41

Mijos — игрушечные изображения мексиканцев; парни. — Прим. перев.

Puta (исп.) — проститутка. — Прим. перев.

43

Не-Мап, Он-мен, герой телевизионного мультсериала, «самое сильное существо во вселенной». — Прим. перев.

44

G-Man (Government Man) — сленговое обозначение агента ФБР. — Прим. перев.

Внуки английской королевы. — Прим. Перев.

Козумель — курортный город в Мексике. — Прим. перев.

Страйкер, от strike — бить, ударять (англ.). -Прим. перев.

48

«Пальмы» — большой отель с казино, открытый в 2001 году. Индастриал — одна из центральных улиц Лас-Вегаса, идущая параллельно «Полосе», улица Фламинго-роуд перпендикулярна ей. — Прим. перев.

49

Один из самых популярных ресторанов Лас-Вегаса. — Прим. перев.

50

Стен Лорел и Оливер Харди — знаменитый комический кинодуэт 20–40 годов XX века. — Прим. Перев.

51

Шринк — жаргонное обозначение психоаналитика. — Прим. перев.

52

«Мой маленький огонек» — негритянский спиричуэл, ставший в 50–60 годы гимном борцов за гражданские права чернокожих. — Прим. перев.

53

Союз баптистов Юга — вторая по величине — после католиков — религиозная конфессия в США; к ней принадлежал президент Картер. — Прим. перев.

54

Чарльз Мэнсон — гуру общины хиппи, в 1969 году убивший жену режиссера Поланского актрису Шерон Тейт и шестерых ее друзей. — Прим. перев.

Univercity of Las Vegas, Университет Лас-Вегаса. — Прим. перев.

Попугайчик по-английски lovebird, птица любви. — Прим. перев.

57

Сеть универсальных магазинов, одна из самых старых в США. Прим. перев.

Красное вино и сорт винограда. — Прим. перев.

59

P.I., private investigator, — частный детектив (англ.). — Прим. перев.

60

Magnum, P.I. «Магнум, частный детектив», — телесериал, шел с 1880 года. В главной роли Том Селлек. — Прим. перев.??